

Российская Академия Наук
Центр цивилизационных и региональных исследований

В.Р.Филиппов

**КРИТИКА
ЭТНИЧЕСКОГО
ФЕДЕРАЛИЗМА**

МОСКВА, 2003

Серия “Foederatio”

Редакционная коллегия серии:

Чл.-корр. РАН, д.и.н. А.М. Васильев (ответственный редактор),
д.и.н. И.В. Следзевский, д.и.н В.Р. Филиппов, д.и.н. В.Г. Шубин,
к.и.н. Н.А. Ксенофонтова

Ответственный редактор
д.и.н. И.В. Следзевский

Рецензенты:
к.и.н. Ю.Н. Винокуров
к.и.н. В.В. Степанов

Филиппов В.Р.

Критика этнического федерализма – М., ЦЦРИ РАН. 2003. – 379 с.

В работе рассматриваются историографические факты, в совокупности репрезентирующие постклассическую интердисциплину – этнофедералистику. Исследование позволяет выявить теоретико-методологическую детерминацию концептуальной оппозиции мнений по поводу характера федеративных отношений в России. Автор на основе анализа обширного историографического материала убеждает читателя в том, что в основе интерпретации федерализма, как способа решения "национального вопроса" в полиэтничном государстве лежит примордиалистское понимание природы онтологизированного этноса; напротив, основанием интерпретации федерализма как формы территориальной демократии служит конструктивистская трактовка этнических феноменов.

Книга адресована этнологам, политологам, социологам, юристам, специалистам сферы управления и политикам.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Блеск и нищета отечественной этнофедералистики.....3

Часть 1. Теоретико-методологические основания этнофедералистики

Глава 1. Онтологизированные этносы или интеллектуальные конструкты? Две концепции этноса/этничности.....	13
Глава 2. Коллективные права этносов или права индивидов на свободу этнической самоидентификации? Иллюзии этнической правосубъектности.....	50
Глава 3. Политическое самоопределение этносов или этнокультурное самоопределение индивидов? Формы этнического самоопределения.....	89
Глава 4. Экстерриториальная национально-культурная автономия как альтернатива государственно-территориальному самоопределению народов.....	136

Часть 2. Прикладные аспекты этнофедералистики: практика федеративного строительства.

Глава 1. Федерация этносов или территориальных сообществ? Поиски оптимальной модели государственного устройства России.....	178
Глава 2. Федерация симметричная или асимметричная? Дискуссия о диспропорции прав и полномочий субъектов Российской Федерации.....	228
Глава 3. Федерация конституционная или договорная? Полемика по поводу предпочтительной формы легитимизации федеративного устройства страны.....	265
Глава 4. Суверенитет федерации или суверенитеты субъектов? Взгляды отечественных исследователей на природу суверенитета в этнофедеративном государстве.....	314

Заключение. Этнизация политики или деполитизация этничности?
Две парадигмы отечественной этнофедералистики.....365

ВВЕДЕНИЕ

Блеск и нищета отечественной этнофедералистики

"В начале было Слово..."
Евангелие от Иоанна

Такой науки быть не должно! Но она есть...

Автор далек от мысли о том, что федералистика как особое направление исследовательской деятельности не имеет права на существование в России. Так же, как далек он от мысли о неприемлемости федерализма в России. Ни в коем случае! Но российский федерализм в силу исторических обстоятельств и драматических перипетий последнего десятилетия минувшего века оказался сконструированным на зыбком основании этничности и, в силу этого прискорбного факта, вполне ординарная и полезная интердисциплина "федералистика" в наших российских условиях приобрела приставку "этно-".

Политическая конъюнктура, обусловившая формирование этнизированной договорной федерации в России, спровоцировала небывалую интеллектуальную активность многочисленных ученых и публицистов, добровольно взявших на себя труд по поиску сколько-нибудь убедительных аргументов в пользу правомерности консервации той модели федеративных отношений, которая была сконструирована в советской России на концептуальном основании ленинско-сталинской доктрины "самоопределения наций". Кризис российской государственности, бунт этничности, этнический сепаратизм, – все это беспокоило российского обывателя и побуждало идеологов этнической государственности предлагать все новые и новые версии умиротворения республиканских этнополитических элит. Власть, испытывавшая острую нужду в идеологическом камуфляже той конъюнктурной до беспринципности региональной и этнической политики, которую принято было в годы правления Б. Ельцина называть "строительством подлинной федерации", поощряла и охотно финансировала такого рода научные изыскания.

Заметным вкладом в постсоветскую этнофедералистику стали и труды республиканских исследователей – представителей так называемой "национальной" интеллигенции, мобилизованных для концептуального обоснования правомерности особого этногосударственного статуса

"национальных" республик в составе Российской Федерации, идеологического обеспечения притязаний на власть бывшей республиканской партийно-хозяйственной номенклатуры, избравшей новую – этническую – модель легитимации власти. Ученые-гуманитарии, публицисты, активисты многочисленных националистических партий-эфемеридов посвятили себя политической эссеистике с целью придать этнократическим режимам бывших российских автономий видимость демократического самоопределения "титальных" народов.

Наконец, ряды апологетов этнического федерализма пополнили грантополучатели всякого рода западных гуманитарных научных фондов, щедро финансирувавших любую деструктивную по отношению к российской государственности интеллектуальную деятельность. Слишком очевидным было стремление этих фондов поддержать идеологию этнического сепаратизма, слишком явной была этническая и концептуальная избирательность экспертов этих фондов при решении вопросов о финансовой поддержке тех или иных научных проектов в сфере федералистики.

Известную интеллектуальную оппозицию этому многочисленному и очень плодовитому сообществу составили крайне немногочисленные, преимущественно московские, профессионалы-этологи. Они предложили взглянуть на феномен этнического федерализма не только с точки зрения того, интересы каких политических и этнополитических элит удовлетворяет уникальная отечественная модель федеративного устройства, но и с точки зрения того, в какой связи пребывают власть и этничность, каким образом сопрягаются государство и этническое самоопределение. Разумеется, представители этнологического сообщества тоже не были едины в своих оценках этнополитической ситуации постсоветской России, так же, как не были они едины в отношении к этническому принципу конструирования федеративных отношений в нашей стране. Однако их концептуальные позиции (отчетливо оформившиеся в примордиалистской и конструктивистской парадигмах этнологического знания¹) были более или менее аргументированы и обоснованы в контексте тех или иных представлений о природе и сущности этнических явлений и процессов. Наиболее плодотворными при анализе взаимодействия федерализма и этничности, на наш взгляд, оказались конструктивистские представления о природе этничности, признание приоритетными

индивидуальных форм этнокультурной самоидентификации в экстерриториальных этнокультурных ассоциациях.

Справедливости ради нужно отметить, что среди представителей смежных наук – политологов, социологов, юристов, экономистов, – немало добросовестных исследователей, трактующих те или иные проблемы российского федерализма в предметной области своих научных дисциплин. В силу этнической специфики российского федерализма, они в своих трудах бывают вынуждены касаться проблем влияния этнического фактора на формирование политических институтов, на бюджетный процесс, на региональную экономическую политику, на конституционное нормотворчество и т. д. К сожалению, ученые, работающие в сопредельных с этнологией предметных полях и так или иначе трактующие проблемы присутствия этничности в государственном устройстве России, чаще всего бывают не знакомы с теми теоретическими интерпретациями этничности и этнических феноменов, которые давно стали доминирующими в западной науке и получили широкое распространение в постсоветской этнологии. Прошедшие профессиональную подготовку тогда, когда в системе образования безусловно господствовала сталинская доктрина нации, эти исследователи, к сожалению, в подавляющем большинстве случаев работают в той научной парадигме, которая строится на признании коллективной правосубъектности и политического самоопределения онтологизированных этносов/наций.

Наконец, следует упомянуть и о российских политиках, которые в силу злободневности и остроты проблемы федеративных отношений в России часто считают своим долгом декларировать свое понимание (или непонимание) проблем модернизации государственного устройства страны и в этой связи – проблемы присутствия этничности в структуре федеративных связей. Публицистическое творчество известных столичных и региональных политиков, а также интеллектуальная продукция их экспертных сообществ составляет заметную часть в общем континууме трудов, посвященных тем или иным сюжетам этнофедеративных отношений.

Участие этнологов и иных профессиональных ученых (представителей перечисленных выше дисциплин), а также добросовестных политиков в дискуссии о будущем соотношении этничности и федерализма отчасти реабилитирует этнофедералистику как специфическое направление исследовательской деятельности и придает ей вполне определенный смысл. Парадоксальность ситуации состоит в том, что их усилия в сфере

этнофедералистики направлены, в конечном счете, на дискредитацию этнического федерализма и реализацию в политической практике принципа неэтнического федерализма как формы территориальной демократии. Но реализация этого принципа и будет одновременно означать конец этнофедералистики как науки. Она будет иметь лишь исторический смысл и оправдывать свое право на существование лишь в качестве "страшилки" для начинающих политиков.

* * *

Но это лишь грезы о будущем.

Пока же этнофедералистика имеет весьма актуальное звучание, и ее политическая востребованность будет лишь возрастать, по мере того как модернизация федеративного устройства будет приобретать черты деэтнизации этничности. Перед политической элитой, и, прежде всего, перед законодателями встанет проблема научной экспертизы проектов реформирования российской государственности, проблема выработки наименее конфликтогенного алгоритма эволюционного перехода к более демократичной территориальной (неэтнической) модели федерализма.

В силу этого обстоятельства нам представляется весьма уместной историографическая рефлексия по поводу научного дискурса проблемы деэтнизации политики в сфере федеративных отношений, а также обоснованная дифференциация этнофедералистики в качестве особого направления исследовательской деятельности, выяснение специфики ее предметной области.

Нам представляется, что предметное поле этнофедералистики очерчено взаимодействием этничности и федерализма, или, иначе говоря, влиянием этнического фактора (во всех его ипостасях) на структуру федеративных связей и, напротив, влиянием федеративных отношений на этнические процессы в этнофедеративном государстве.

Научное отражение названного взаимодействия крайне затруднено особой сложностью интересующих нас феноменов. Многие исследователи начинали свои исследования с констатации того, что "трудно найти какой-либо иной институт, насыщенный таким обилием подходов, противоречивых взглядов на саму политическую и юридическую природу... федерализма" (Д. Фельдман и др.)². Еще более непонятен, противоречив и мифологизирован феномен этноса/этничности. Ученые, рискнувшие заняться теоретическим осмыслением последнего, чаще всего говорят о его иррациональности и неуловимости,

прибегают в ходе размышлений об этничности к метафорам "тайны", или "загадки" (В. Малахов)³. Соответственно, ни собственно в федералистике, ни в этнологии нет даже намека на какую бы то ни было концептуальную солидарность по поводу тех феноменов, взаимодействие которых в совокупности и создает предметную область этнофедералистики.

Ситуация усугубляется синкретичностью как федералистики, так и этнологии. Федерализм как политический институт интерпретируется, как отмечают многие специалисты, "на стыке различных научных дисциплин: истории, философии, теории права, различных отраслей права, политологии, социологии, этнологии и др." (М. Золотарева)⁴. С уверенностью можно сказать, что и этничность, будучи сложным и многозначным явлением, пронизывающим многие сферы социального бытия, все более привлекает к себе внимание смежных с этнологией областей социального знания, что приводит к возникновению новых интердисциплин – таких как этнополитология, этносоциология, этнопсихология, этноконфликтология и проч. А это, в свою очередь, неизбежно размывает предметную область собственно этнологии.

В этой ситуации оказывается очень сложно определить континуум трудов, которые в совокупности и репрезентируют такое специфическое научное явление как этнофедералистика.

Очевидно одно: этнофедералистика являет собой яркий пример постклассической научной интердисциплины с крайне размытой предметной областью. Поиски аргументов в пользу сохранения или, напротив, ликвидации этнизированной модели федеративного устройства России привели к мобилизации теоретического потенциала таких научных дисциплин, как этнология, политология, политическая антропология, социология, юриспруденция, юридическая антропология, теория государства и права, экономическая география и региональная экономика.

Из множества трудов, написанных в предметных рамках названных дисциплин, к этнофедералистике следует отнести лишь те, в которых так или иначе интерпретируется обозначенное выше в качестве ее специфического предметного поля взаимодействие этничности и федерализма.

Многолетние штудии в этой области позволили нам определить библиографический универсум, включающий в себя не менее полутора сотен индивидуальных и коллективных монографий и отдельных изданий, шестьдесят тематических сборников и примерно столько же отдельных изданий по

материалам всевозможных конференций и круглых столов, около полусотни диссертационных исследований, сотни и сотни статей в различных периодических научных изданиях⁵. Совершенно очевидно, что имеющаяся в нашем распоряжении библиография не полна: к сожалению, в минувшее десятилетие комплектование даже крупнейших библиотек производилось фрагментарно, соответственно, и информация о научных изданиях была далеко не всеобъемлющей.

Наличие целого спектра самостоятельных научных дисциплин, мобилизованных для выяснения характера воздействия этнического фактора на процесс модернизации федеративного устройства нашей страны, делает привлекательной идею организации структуры историографического анализа проблемы по формальному признаку в соответствии с «ведомственной» дисциплинарной принадлежностью авторов, так или иначе трактующих этническую составляющую отечественной модели федерализма. Однако при ближайшем рассмотрении такая архитектура историографического исследования оказывается малопродуктивной, так как система аргументации в каждом собственно дисциплинарном исследовании чаще всего включает выводы, используемые в «смежных» дисциплинах.

Кроме того, обилие историографических фактов исключало хронологический и/или персональный подход к осмыслению названного континуума трудов по этнофедералистике и делало единственно возможным тематическое (проблемное) историографическое исследование.

Достаточно детальное знакомство с работами отечественных исследователей и публицистов, так или иначе трактующих влияние этнического фактора на федеративные отношения, убедило нас в том, что при всем многообразии трудов и представленных в них теорий, концепций, аргументов, все они могут быть упорядочены в рамках достаточно простой схемы. Всю их совокупность можно разделить на изложение теоретико-методологических оснований (концепций) этнофедералистики, во-первых, и обоснование правомерности объективации этих концепций в практике федеративного строительства, во-вторых.

Выяснение различных версий теоретико-методологического обоснования способов оптимизации или минимизации воздействия этнического фактора на федеративные отношения подразумевает, прежде всего, выявление концептуальных оппозиций во взглядах исследователей на природу феномена

"этнос/этничность". Парадигматика этнологического знания, представленная в виде фундаментальной оппозиции "примордиализм" – "конструктивизм", позволяет концептуализировать проблему этнической правосубъектности группы и/или индивида, что, в свою очередь, подразумевает и различные версии в понимании предпочтительных и возможных форм (группового и/или индивидуального) этнического самоопределения.

Концептуальная дихотомия в понимании природы и характера этнических феноменов обуславливает различия в подходах к решению прикладных аспектов федеративного строительства.

Прежде всего, историографическая рефлексия в сфере этнофедералистики подразумевает выявление позиций различных авторов в отношении тех моделей федеративной государственности, которые расцениваются ими как оптимальные, а также тех форм государственного устройства, которые рассматриваются как альтернативные по отношению к федеративной модели. Разумеется, к компетенции историографии этнофедералистики должны быть отнесены при этом только те исследования, в которых система аргументации строится с учетом этнического фактора.

Принципиальное значение для полноты историографического анализа имеет освещение дискуссии о диспропорциях прав и полномочий субъектов Российской Федерации, а также полемики по поводу предпочтительной формы легитимизации федеративного устройства страны, присутствие этнического фактора в обосновании правомерности конструирования симметричной или асимметричной, договорной или конституционной модели федеративного устройства. Особый интерес представляют взгляды исследователей на природу суверенитета в этнофедеративном государстве.

В конечном счете, вся бурная полемика российских ученых по поводу этнической составляющей российского федерализма укладывается в тот или иной ответ на простой вопрос: что предпочтительно для России – дальнейшая этнизация политики или деполитизация этничности? Этатизация этничности или деэтнизация государственности? Именно в этом контексте выполнен предлагаемый вниманию читателя историографический анализ. Структура работы выстраивается в соответствии с изложенными выше важнейшими составляющими проблемного поля постсоветской этнофедералистики.

Заканчивая презентацию этнофедералистики в качестве относительно самостоятельного направления исследовательской деятельности, нужно сказать

несколько слов об эмпирической базе соответствующих научных изысканий. К сожалению, следует признать, что, несмотря на значительное количество новейших научных трудов, посвященных, прямо или отчасти, интересующей нас проблематике, серьезных научных исследований, строящихся на солидном эмпирическом материале, совсем немного.

В этнофедералистике пока доминирует жанр политического эссе, в котором автор стремится скорее выкрикнуть ряд политических лозунгов, представляющихся ему единственно верными, нежели аргументировано представить свою позицию, основываясь на данных специальных исследований.

В этом смысле наиболее благополучно обстоит дело с работами специалистов в области государства и права, которые, как правило, строят свои исследования на анализе конституционных и законодательных актов федерального и субъектного уровня, а также на сравнении отечественных нормативных актов с актами международного права. В силу этого обстоятельства их труды в области этнофедералистики выглядят наиболее фундированными.

Нужно отметить, что к этой категории источников часто обращаются и политологи, акцентирующие при этом внимание не столько на содержательной стороне законодательства, сколько на исторической интерпретации политических катаклизмов, связанных с разработкой и принятием тех или иных законодательных и правовых норм. В политологических работах, кроме того, отчасти оказались востребованными официальные документы, декларации, программные положения всевозможных политических субъектов, вовлеченных в политическое противостояние по поводу реформирования основ российского федерализма.

И политологи, и специалисты в области региональной экономики активно используют статистическую информацию, характеризующую перипетии бюджетного процесса, специфические отношения, порожденные договорной практикой регулирования финансового взаимодействия между Центром и регионами, налоговую и трансфертную политику.

Этнологи чаще всего апеллируют к данным этносоциологических опросов и материалам неформализованного интервьюирования политических лидеров, значительно реже – к статистической информации, описывающей электоральное поведение тех или иных этнокультурных сообществ, этнодемографические и миграционные процессы. Как и политологи, этнологи в своих исследованиях привлекают статистические данные, характеризующие этносоциальную

структуру населения тех или иных субъектов Федерации, вовлеченность во власть представителей "титულных" и "нетитулных" этнических контрагентов. Впрочем, на наш взгляд, наиболее плодотворно участие в дискуссии этнологов проявляется пока в разработке теоретических концептов этнических феноменов.

В целом же, повторим, эмпирическая база исследований в области этнофедералистики представляется нам явно недостаточной. И дело здесь не в том, что недостаточна совокупность привлекаемых источников: скорее недостаточны масштабы и количество используемых эмпирических данных. Кроме того, серьезной проблемой является недоступность информации, которая описывает межличностные взаимодействия федеральных и региональных политических и экономических элит, взаимодействия которые главным образом и детерминируют развитие федеративных отношений в постсоветской России.

* * *

Да, постсоветская этнофедералистика еще не приобрела строгих и стройных очертаний академического знания. Слишком очевидна ее политическая злободневность, слишком явной бывает политическая или этническая ангажированность авторов, подвизающихся на ее поприще.

Да, она зачастую схоластична и оторвана от эмпирического знания.

Она бывает излишне эмоциональной и даже до неприличия грубой.

Она еще мало востребована в качестве экспертного знания серьезными практическими политиками и страдает по этому поводу отроческими комплексами неполноценности.

Но научный дискурс проблем модернизации отечественной модели федерализма постепенно становится элементом политической культуры россиян.

Даже факт обильной публикации трудов, не содержащих ничего, кроме безудержной апологетики этнократии, следует приветствовать: они стали поводом для размышления, они способствовали концептуализации конструктивистской критики этнического федерализма.

В. Тишков в одном из своих интервью заметил: "Федерализм – это, прежде всего, дебаты и переговоры, а уже потом текст и воплощенные на его основе действия"⁶. Полемика стала достоянием массового сознания. А значит, процесс дискредитации этнофедеративного устройства страны стал необратимым, а реформирование основ государственного устройства России - неизбежным.

¹ Парадигматике исследований в области теоретической этнологии посвящена первая глава этой книги.

² *Фельдман Д.И., Лихачев В.Н. Курдюков Г.И., Шайхутдинова Г.Р.* Республика Татарстан в системе международных отношений // Правовой статус Республики Татарстан. Казань, 1996. С. 154.

³ *Малахов В.* Скромное обаяние расизма. М., 2001. С. 106.

⁴ *Золотарева М.В.* Федерация в России: проблемы и перспективы. М., 1999. С. 11.

⁵ Библиографический указатель, являющийся, фактически, приложением к этой книге, опубликован отдельным изданием. См.: Постсоветская этнофедералистика. Библиографический указатель. - Сост. В.Р. Филиппов. М., 2002.

⁶ Интервью с профессором В. Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4 (16). С. 25.

ЧАСТЬ 1

Теоретико-методологические основания этнофедералистики

Глава 1

Онтологизированные этносы или ситуативная этничность? Две концепции этноса/этничности в современной этнологии

*"Ни один факт не имеет значения вне
контекста концептуальной схемы".
К. Клакхон*

Теоретические дебаты по поводу природы этнических феноменов, казалось бы, чрезвычайно далеки от проблем конструирования отечественной модели федерализма. И это было бы справедливо при рассмотрении конструкции федеративного устройства любой другой страны. Но, увы, не России! Вследствие того, что этничность пронизывает все тело российской государственности, именно этнологи должны вынести свой вердикт относительно целесообразности и разумности учета этнического фактора при формировании субъектов федеративного государства, при определении их границ, статусов, объемов прав и полномочий.

Как нам кажется, именно то или иное понимание этнического и определяет, в конечном счете, выбор той или иной схемы федеративного устройства в качестве желаемого и адекватного российской действительности. И в этом контексте мы видим цель своей работы, прежде всего, в том, чтобы обнаружить и сделать явной зависимость той или иной политической концептуализации предпочтительной формы государственного устройства страны от принадлежности ее апологетов к одной из двух противостоящих друг другу теоретических парадигм современной этнологии.

Здесь сразу следует отметить, что интересующая нас зависимость осознается и декларируется лишь немногочисленными добросовестными носителями профессионального этнологического знания. Представители же смежных дисциплин, трактующие те или иные проблемы отечественной федералистики, так же, как и многочисленные так называемые специалисты по национальному вопросу, нациеведы, – в большинстве своем просто не знают, что

их позиция имплицитно содержит в себе признание той или иной этнологической доктрины, как известный мольеровский герой не ведал, что говорит прозой.

Мы далеки от позитивистской претензии на отстраненную объективность нашего исследования, на пресловутый взгляд "с высоты птичьего полета". Напротив, мы стремились предпослать анализу историографических фактов декларацию собственного теоретического кредо. И в этом смысле эта глава (ни в коем случае не претендующая на оригинальность и новизну) представляет собой изложение теоретико-методологических оснований предпринятого историографического анализа постсоветской российской этнофедералистики.

Парадигматика современной этнологической науки

Итак, стало уже банальностью упоминание о том, что в нашей стране конец 80-х - начало 90-х годов стали временем деидеологизации гуманитарного научного знания, в том числе – этнологического, разумеется, и ознаменовали собой конец былого (вынужденного или добровольного) методологического единomyслия. Наше научное сообщество (я имею в виду представителей "цеха" этнологов) стремительно и явно раскололось тогда на два противостоящих друг другу лагеря, теоретические дебаты стали поводом для личных обид и обвинений, страницы академического журнала превратились в поле битвы.

Эту ситуацию С. Соколовский, пожалуй, первым представил как "эпизоды борьбы двух парадигм – позитивистской и постмодернистской, или, в другом ракурсе, объективистско-универсалистской и релятивистской". Предложенное Т. Куном понятие "*парадигма*"¹ показалось ему в данном случае "особенно уместным, поскольку позволяло увидеть *научное знание как результат борьбы научных сообществ за гегемонию в определенной области исследований*"².

Разумеется, развернувшиеся баталии отнюдь не были столкновением концепций, сформулированных отечественными учеными незамедлительно после того, как "марксистско-ленинская теория наций" перестала быть единственно возможным теоретическим базисом этнологических исследований. Вовсе нет, просто в условиях свободы концептуальной самоидентификации российские ученые позиционировали себя в тех теоретических полях, которые к этому времени отчетливо обозначились в западной этнологии. Случилось так, что два крупных ученых, два директора Института этнологии РАН (бывший и нынешний) как бы персонифицировали наметившиеся концептуальные разногласия. Первый

олицетворял собой еще совсем недавно почти безраздельно господствовавшую "советскую теорию этноса", второй стал темпераментным пропагандистом и популяризатором западной концепции "этничности". М. Крюков эту методологическую оппозицию представил следующим образом: "Считается, что в современной западной этнологии существует *два лагеря ученых, изучающих этничность: "модернисты" и "примордиалисты"*. Взгляды главы второй из этих школ – Э. Смита во многом близки к некоторым основным положениям теории Ю. Бромлея... Один из главных оппонентов Э. Смита – А. Купер, позицию которого я охарактеризовал бы как универсальный нигилизм. Купер опровергает все и вся, в том числе и реальность существования этносов, чем близок к В. Тишкову"³.

Уже тогда стало ясно, что речь идет не о научных "теориях среднего ранга", сформулированных этнологами, а, в конечном счете, о столкновении философских основ теоретической этнологии, что "различия в понимании этнического касаются... *"основного вопроса философии"* применительно к этнологии: что первично – этническая "материя" или этническое сознание?" (С. Чешко)⁴. И в этом контексте полемика в предметной области этнологии была интерпретирована философами как продолжение "старого спора средневековых номиналистов и реалистов", только номиналисты теперь, по мнению И. Кона, предстали в ипостаси "*социальных конструктивистов*" (все научные категории создаются обществом, культурой и не имеют смысла вне исторического контекста), а реалисты – в ипостаси *эссенциалистов* (категории отражают общую, объективную, неизменную сущность явлений)"⁵.

Один из наиболее авторитетных концептуалистов конструктивистской парадигмы, американский антрополог Дж. Комарофф описал эту теоретическую оппозицию как "классическую дихотомию противопоставления сущностного взгляда на лояльность ряду прагматических позиций"⁶. При этом ни примордиализм, ни конструктивизм не существуют в виде единых и цельных теоретических построений, однако есть некие общие методологические посылки, которые разделяют адепты каждой из этих исследовательских парадигм. Конструктивизм, по мнению Дж. Комароффа, - "это не теория, а некое описательное утверждение о том, что политическое и культурное самосознание является результатом человеческой деятельности"⁷. И в этом с ним практически солидарен его оппонент, философ-примордиалист С. Рыбаков, который также уверен в том, что, по сути дела, нет никакой единой конструктивистской теории,

... "и вообще слово *"теория"* здесь не подходит". Общим же для всех представителей данного направления он считает одно: "тезис о фактическом отсутствии *в природе этнического как такового* и вытекающее из этого сведение этничности к *рукотворному* артефакту, либо формируемому индивидами в процессе создания собственной когнитивной картины социального мира, либо принимаемому из рук элитарных конструкторов для последующего использования в качестве политического или экономического инструментария"⁸. Утверждение в принципе верное, но несколько неожиданное для концептуального оппонента конструктивизма. Ведь если признать, что основополагающим для конструктивизма (его критериальной особенностью) является тезис об отсутствии в природе этнического, то значит, справедливо будет признать и обратное: исходной идеей в теоретических конструкциях примордиализма следует считать присутствие в природе этнического как такового. Однако подобные сентенции и в лагере примордиалистов воспринимаются как маргинальные. Но об этом – ниже.

В целом же в наиболее обобщенном виде базовые постулаты примордиалистской доктрины этнолог-конструктивист В. Тишков характеризует следующим образом: согласно представлениям ученых, работающих в этой теоретической парадигме, "существуют и как бы совершают свой *независимый от субъективного восприятия* путь некие объективные общности с присущими им чертами в виде территории, языка, осознаваемого членства и даже общего психологического склада", а этничность трактуется как "*объективная данность*, своего рода изначальная (примордиальная) характеристика человечества"⁹.

По поводу того, можно ли считать "советскую теорию этноса" отечественной версией примордиализма, единой точки зрения не существует. Совокупность концептов, маркируемых как "советская теория этноса", В. Тишков трактует как "глубоко примордиалистские" (хотя и отмечает неприятие биологизаторских крайностей большинством отечественных исследователей). Б. Винер находит между теорией этноса и примордиализмом как черты сходства, так и существенные различия: "объединяет их представление об этнических общностях как о чрезвычайно устойчивых, могущих существовать на протяжении многих столетий социальных группах", а также то, что "эмоции, связанные с этнической принадлежностью, могут быть очень устойчивыми". Отличия же состоят в том, что "советские авторы имели более разработанную концепцию самосознания этнической общности" и "знали о возможности людей манипулировать своей этнической идентичностью в зависимости от ситуации"¹⁰.

(Заметим, что указанные Б. Винером черты сходства возражений не вызывают, но отмеченные различия совсем не бесспорны.) С. Рыбаков считает, что "теория этноса никак не есть собственно примордиализм", так как "аспект рассмотрения этничности здесь совершенно иной – не социобиологический, а культурно-исторический"¹¹. И все-таки он допускает условное сведение концепций, оппозиционных конструктивизму, в одно "направление", поскольку все они, якобы, предполагают самостоятельное существование этнической субстанции.

В формирующемся в ходе дискуссии терминологическом континууме явно обозначились две категории, которые, фактически, аккумулировали в себе все разнообразие концептуальных интерпретаций в сфере этнического. По словам С. Соколовского, речь шла "о двух проектах, связанных с изучением этнической реальности, ... *которые условно можно определить двумя ключевыми словами: "этничность" и "этнос"*"¹². Первое маркировало сущность этнического в пределах конструктивистской (релятивистской) парадигмы, второе было начертано на знаменах представителей примордиалистской (позитивистской) парадигмы.

Этнос как онтологизированная социальная (или биосоциальная) реальность

Примордиализм, в наиболее вульгарном виде трактующий "этнос как биосоциальное явление, соединяющее естественную природу с обществом", исходит из посылки, согласно которой "этнос несет в себе *биологическую энергию* и подчиняется иным законам, нежели социальные процессы", при этом "этнический признак – не благое пожелание и, тем более, не злокозненный умысел каких-то "сепаратистов", *он дается по рождению*" (Р. Хакимов)¹³. Такого рода интерпретации этноса получили широкое распространение среди представителей гуманитарной интеллигенции в российских "национальных" республиках в последнее десятилетие минувшего века в связи с предпринятой попыткой политической мобилизации этничности.

Концептуально трактовки такого рода восходят в отечественной этнологической традиции к трудам Л. Гумилева, который писал по этому поводу: "Этнос – коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения

этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Вынести за скобку мы можем только одно – признание каждой особи: «мы такие-то, а все прочие – другие». Поскольку это явление повсеместно, то, следовательно, оно *отражает некую физическую или биологическую реальность*, которая и является для нас искомой величиной»¹⁴.

Примечательно, что А. Элез, в своем остроумном философском эссе ниспровергающий все авторитеты отечественной этнографии/этнологии (в том числе и Л. Гумилева) и справедливо заключающий, что все "социологизаторские" попытки объяснить феномен этноса бесперспективны, приходит к заключению о том, что если этот феномен и будет понят, то лишь после того, как будут выявлены объективные биологические его признаки. Вот признание, которое позволяет "идентифицировать" творчество этого исследователя как самый последовательный биологический примордиализм: "На тот случай, если читатель не вполне понял, как *мы сами* совмещаем признание этноса (если он существует вообще) сущностно *биологической* группой с требованием признания *социальной* сущности человеческой психики и понимания специфики *социального отражения*, поясним: потому и совмещаем, что не совмещаем *этническое с психическим* и требуем абсолютно отделить (точнее, очистить) поиск критериев вычленения этноса от разговоров о психике и самосознании. Этнос – этносом, психика – психикой. Человек *полностью* сущностно социален в своей психике, но в своей этничности – если таковая вообще будет установлена наукой – может быть только сущностно биологичен; социологическая трактовка этноса исчерпала себя и не может считаться приемлемой. Биологическая же концепция этноса, если таковая будет разработана наукой, будет фиксировать *биологические* объективные признаки и не будет ни в коей мере связываться имманентным образом с вопросом о психике и самосознании"¹⁵. По мнению А. Элеза "этнос, если он существует, есть *по определению* группа людей с некоторым общим *биологическим* признаком... *только такой признак* (условно говоря, этнический признак) и может передаваться от поколения к поколению *генетически*"¹⁶. Слава Богу, до тех пор, пока не будет найден биологами "ген этничности", эта точка зрения может претендовать в лучшем случае на статус гипотезы. Причем подобные взгляды никак не могут быть названы новыми или оригинальными: попытки объяснить этничность в терминах социобиологии, представить ее как примордиальный инстинктивный импульс, "расширенную *форму родственного*

отбора" (П. Ван-ден-Берге)¹⁷ предпринимались ранее западными учеными, но не принесли им славы: слишком явные аналогии с расизмом самого дурного толка вызывают эти сентенции.

В. Малахов справедливо считает, что среди серьезных ученых (к числу которых мы не относим этнических антрепренеров, подвигающихся на ниве политики) примордиалистов такого рода "в настоящее время очень немного" и столь примитивный примордиализм "давно уже стал пугалом для критики"¹⁸. Новейшие теоретические конструкции примордиалистов, как правило, избавлены от социобиологического эпатажа и выглядят, даже в глазах концептуальных антагонистов, куда более респектабельно. Известный американский социальный антрополог и последовательный оппонент примордиализма – Р. Брубейкер, характеризуя объект своей критики, описывает его как "позицию сознания, приписывающую *реальное, устойчиво длящееся существование* нациям, как бы они при этом не воспринимались"¹⁹.

Примордиалистское понимание этнических феноменов (прежде всего, базового для этой научной традиции понятия "этнос" и часто содержательно отождествляемого с ним понятия "нация") имеет в России давнюю, почти вековую традицию.

Главным источником и составной частью советской теории этноса стало определение нации (трактуемой в этническом контексте), данное И. Сталиным еще в 1913 году: "нация есть исторически сложившаяся *устойчивая общность* людей, возникшая на базе общности *языка, территории, экономической жизни и психического склада*, проявляющегося в *общности культуры*"²⁰. Несколько позже В. Ленин, работая над национальной программой РСДРП, заявит: "Останавливаться на этом, *ввиду полной ясности* положения дел, едва ли есть надобность. В теоретической марксистской литературе это *положение дел и основы национальной программы социал-демократии уже были освещены за последнее время (в первую голову здесь выдвигается статья Сталина)*"²¹. Таким образом, есть все основания думать, что В. Ленин вполне солидаризировался со сталинской трактовкой нации и просто не считал нужным в дальнейшем предлагать свое определение этого социального феномена.

Здесь важно отметить следующее: ни взгляды И. Сталина, ни, тем более, одобрение оных В. Лениным не были интеллектуальным озарением. Но, как справедливо отмечает С. Рыбаков, именно с их нелегкой руки "среди советских теоретиков-марксистов... *прочно утвердилось германско-австрийское видение*

нации в духе К. Каутского и О. Бауэра, причем в виде эклектической суммы взглядов обоих авторов"²². Именно тогда отечественная наука восприняла "немецкую" традицию в понимании соотношения нации и этнического, традицию, отличную от "англосаксонской". В первом случае такое понимание было культурно-психологическим, во втором – этатистским. В ходе партийных дискуссий с австромарксистами язык, культура, национальный характер как основные признаки "нации" были дополнены российскими теоретиками марксизма "экономическим базисом". Но при этом "забыли про государство – альфу и омегу всей проблематики нации и национализма... В результате "нация" просто обязана была смешаться с "этносом", произошла неизбежная подмена понятий" (С. Рыбаков)²³.

Кроме того, важно учитывать и то, что намного позже И. Сталин, полемизируя с Н. Марром, в статье "Марксизм и вопросы языкознания" опишет эволюцию языков, их "развитие" от "родовых" к "племенным", "языкам народностей" и, наконец, к "национальным языкам". Причем, каждая стадия в развитии языков в его интерпретации жестко соответствовала той или иной общественно-экономической формации²⁴. Практически сразу после публикации упомянутой статьи И. Сталина С. Токарев и Н. Чебоксаров опубликовали статью "Методология этногенетических исследований на материалах этнографии в свете работ И.В. Сталина по вопросам языкознания"²⁵, в которой речь шла уже не о стадиях развития языков, а о стадильности в развитии этнических общностей (род, племя, народность, народ, нация) и о соответствии этих стадий стадиям развития общества.

Своеобразным предтечей того более или менее цельного концепта, который получил у нас название "теория этноса", теперь многие (и не без основания) считают С. Широкогорова. Именно он ввел в лексикон отечественной науки понятие "этнос". В изданном в 1923 году в Шанхае фундаментальном труде он определил его как группу людей, "говорящих на одном языке, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимыми и освященными традицией и отличаемых ею от таковых других групп"²⁶. Несмотря на то, что С. Широкогоров, как "буржуазный ученый" и эмигрант, был предан забвению, можно со значительной долей уверенности говорить о том, что его исследование произвело на советских этнографов сильное впечатление, а предложенная им дефиниция имплицитно присутствовала в более поздних и ставших классическими для этой научной парадигмы определениях этноса. (Подчеркнем: все это стало ясно спустя

несколько десятилетий после публикации работы С. Широкогорова. В 20-30-е годы прошлого столетия теоретическая этнология после "полосы бурных теоретических дискуссий о предмете и задачах этнографии" (С. Толстов)²⁷ пришла в умаление, а сам термин "этнос" был исключен из арсенала науки.) В этом смысле показателен ответ Г. Маркова на наш вопрос о существовании в отечественной этнологии самостоятельных и оригинальных этнологических теорий. Ответ был таков: «То, что в горах исписанной по этому поводу бумаги заслуживает хотя бы какого-то внимания, имеется в отсутствующих в библиотеках СНГ работах С. Широкогорова. Все остальное – игра слов и придумывание нелепых терминов. Все это ничего общего не имеет с фундаментальной наукой»²⁸.

Позже набор качественных характеристик этноса (нации), предложенный в работах И. Сталина и С. Широкогорова, был значительно расширен в трудах советских этнографов (П. Кушнер, С. Токарев, Н. Чебоксаров, В. Козлов)²⁹, которых, безусловно, в определенном смысле можно считать соавторами советской "теории этноса". (Хотя, конечно же, мнения специалистов о существовании единой советской теории этноса существенно расходятся. Некоторые российские ученые достаточно категорично отрицают существование таковой (С. Брук, И. Власова, Л. Дробижева, П. Пучков, В. Карлов, М. Крюков)³⁰ и уверены в том, что "никакой советской или антисоветской теории этноса не существует" (Г. Марков)³¹, другие напротив, считают что "под теорией этноса принято понимать вполне *конкретное теоретическое учение, довольно стройное и целостное*, которое было создано в послевоенные годы на материалистическом фундаменте отечественными этнографами под руководством Ю. Бромлея" (С. Рыбаков)³².

Действительно, в агрегированном состоянии и в соответствующей форме представления ("теоретическая монография") теория этноса уже в 70-е годы прошлого столетия была сформулирована Ю. Бромлеем, который предложил свое видение интересующего нас феномена. По его мнению, "Этнос может быть определен как *исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей*, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)"³³. Во многом эта дефиниция коррелирует с определением этноса,

предложенным Э. Смитом: "*общность людей, имеющая имя, разделяющая мифы о предках, имеющая совместную историю и культуру, ассоциированная со специфической территорией, и обладающая чувством солидарности*"³⁴. При явном сходстве двух приведенных трактовок этноса обращает на себя внимание то обстоятельство, что Э. Смит понимает этот феномен значительно "менее примордиально", нежели Ю. Бромлей. У него речь идет не о предках, а о соответствующих мифологических представлениях, не о территории, а о связанности представлений о культуре и территории, о чувстве солидарности. Считать все это объективными характеристиками устойчивой социальной общности было бы, по меньшей мере, странно. Куда более соответствует примордиалистской парадигме определение *нации*, предложенное Э. Смитом, но об этом – ниже.

Вернемся к теоретическим конструкциям Ю. Бромлея. На три десятилетия предложенное им понимание феномена "этнос", освященное высоким профессиональным статусом и авторитетом его автора, стало для отечественной этнографии почти непререкаемым. Все теоретические изыскания реализовывались тогда в рамках парадигмы, заданной тогдашним "генералом" этнографической науки. Как справедливо отметил А. Никишенков, "большинство отечественных концепций этноса базируется на системе понятий и "жанровых принципов", наиболее полно представленных в работах Ю. Бромлея"³⁵.

В предложенной Ю. Бромлеем дефиниции действительно были представлены все характеристики, которые могли быть использованы для описания ускользающей этнической реальности, но не было только одного – самой этнической субстанции. Как констатировал С. Чешко, "Все перечисленные атрибуты этноса представляют собой самостоятельные социальные явления. "Сложить" же их и получить в результате "этническое" явление не получается"³⁶.

Следует отметить, что в концептуальной конструкции Ю. Бромлея, так же как и в большинстве иных исследований советских этнографов, претендующих на теоретические интерпретации "этноса", акцент сделан на онтологии (сущностном содержании) этого эфемерного феномена. Только в работе В. Пименова, который также претендует на создание собственной теории, внимание акцентировано на гносеологии, иначе говоря, на предложенном автором методе эмпирического моделирования этноса (мы имеем в виду так называемый "компонентный анализ", предложенный этим исследователем). Этнос понимается при этом как "относительно автономная, исторически возникшая, динамически

самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся *сложная социальная система, компоненты которой – демографическая, пространственно-географическая, экономическая, социальная, языковая, культурная, бытовая и психологическая – связаны отношениями числа, порядка, направления, интенсивности, координации и субординации*"³⁷.

Нетрудно заметить, что в число "компонент" этноса, понимаемого как устойчивая социальная система, и в данном случае включены практически те же его атрибуты, которые фигурируют в определении Ю. Бромлей и которые, как выяснилось, представляют собой что угодно, но только не атрибуты собственно этнического феномена. Кроме того, попытка моделировать этнос, основываясь на *суждениях респондентов* по поводу эмпирических индикаторов, якобы репрезентирующих структуру этой социальной системы, не может быть признана состоятельной. Эмпирические данные, полученные посредством опроса, могут в лучшем случае интерпретироваться как определенным образом структурированная этническая идентичность индивидов, то есть их *представления* по поводу тех элементов, которые, по мнению В. Пименова, репрезентируют "этнос", но ни в коем случае не как системообразующие элементы структуры самого этого феномена. Кроме того, в предложенной трактовке этноса налицо еще одно вопиющее противоречие. Несколько ниже автор указывает, что "этнос представляет собою глубоко и во всех направлениях структурированную систему. При этом ни в коем случае нельзя забывать того, что этнос – *человеческая общность, людское множество, сложная совокупность людей, их связей и отношений*"³⁸. Но если этнос - социальная система, "людское множество", то его компонентами, субкомпонентами, элементами и прочими структурными единицами разного таксономического уровня могут быть только индивиды и группы индивидов, но никак не экономика, язык, территория...

Видимо, осознавая "неэтничность" предложенных ими характеристик/компонент этноса, и Ю. Бромлей, и В. Пименов неоднократно отмечали, что собственно "этническое" создает лишь их специфическая комбинация. ("Уже давно обращено внимание на то, что ни один из элементов этноса (например, язык, обычаи, религия и т. п.) не является непременным дифференцирующим этническим признаком", - Ю. Бромлей³⁹.)

Впрочем, и никакая комбинация известных социальных признаков не давала в итоге новое качественное состояние социального множества – этноса. И

это обстоятельство также было отрелефликовано как сторонниками, так и критиками "официальной" теории этноса.

С одной стороны, В. Козлов, которого, несомненно, нужно отнести к числу создателей "теории этноса", не без грусти признавал, что «некоторые из этих элементов... *не могут считаться основными признаками этнической общности* потому, что они дают слишком большое число исключений»⁴⁰. Еще более категоричен С. Токарев, которого многие не без основания считают основоположником отечественной теоретической этнологии. Предлагая свое "чисто формальное", "предварительное" определение понятия «этническая общность» ("этническая общность есть такая общность людей, которая основана на одном или нескольких из следующих видов социальных связей: общность происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии"), он, тем не менее, сразу опровергает сам себя: «Однако сразу видно, что это формальное определение само по себе дает немного: раз любой из перечисленных признаков может лечь в основу этнической общности и в то же время *ни один из них не является обязательным*, значит, данное определение... *не сможет помочь установить, имеем ли мы дело с этнической или с какой-то иной общностью*»⁴¹. С другой стороны, самый непримиримый оппонент официальной доктрины Л. Гумилев, полагал, что "у нас *нет ни одного реального признака* для определения любого этноса как такового... все перечисленные признаки определяют этнос "иногда", а *совокупность их вообще ничего не определяет*"⁴².

Заслуживает внимания попытка Е. Колпакова реабилитировать правомерность поисков "объективных этнических" признаков и смягчить антагонизм примордиалистского и конструктивистского подходов в понимании сути этнических феноменов. Этот ученый убежден в том, что общность территории, языка, культуры, религии, идеологии – все это существенно для *процесса складывания* некоторого конкретного этноса. В последствии же на этой объективной основе формируется "феномен этнического самосознания, которое *уже не отражает какое-либо существующее единство*, а само вместе с этнонимом становится *единственным объединяющим признаком*. Тогда появляется возможность осознания любых признаков как этнических... На этом основана иллюзия того, что этническое самосознание является объективным отражением объективно существующей общности по этим признакам. На самом же деле наоборот: они потому и становятся этническими признаками, что

осознаются людьми как таковые"⁴³. При этом неясно, почему неэтнические признаки детерминируют формирование этноса и почему члены этнической, якобы, общности начинают осознавать их как этнические?

Подобные поиски черной кошки в темной комнате приводят А. Элеза к почти апокалиптическому для этнологов и этнологии суждению: "Совершенно естественно, что уязвимость каждого признака в отдельности имплицитно подводила ученых к выводу о невозможности требовать от «этнической группы» жесткого набора признаков. Увы, *сделать следующий шаг и признать невозможность фиксации, вообще, какого бы то ни было из называемых «признаков», или какой бы то ни было «комбинации» их «этнологи»* уже не могли в связи с тем, что такое признание имело бы для их цеха *совершенно определенные последствия*"⁴⁴.

С. Рыбаков, убежденно декларирующий свою принадлежность к лагерю примордиалистов (он сам, правда, предпочитает отождествлять себя с "эссенциалистами"), констатировал, тем не менее, что отечественные этнологи-теоретики и, прежде всего, Ю. Бромлей, "вплотную подойдя к проблеме этнической субстанции... не только не сумели разрешить ее, но даже и сформулировать". А произошло это, по его мнению, вследствие того, "что они рассматривали *этнос как результирующую совокупности "этнических признаков"* и тем самым уходили в сторону от самой этнической субстанции к иным социальным феноменам – культуре, языку и т. п."⁴⁵.

Впрочем, унылые поиски объективных признаков онтологизированных "этносов", похоже, давно уже не удовлетворяли и самих основоположников "советской теории этноса". Ю. Бромлей, еще до выхода в свет первой теоретической монографии, в которой он предложил собственное определение этноса, в одной из статей позволил себе вполне конструктивистское замечание: «Вообще же практически этнос существует до тех пор, *пока его члены сохраняют представление о своей принадлежности к нему*»⁴⁶. Однако значительно позже он фактически опровергнет самого себя, заявив, что "было бы неверно возводить этническое самосознание в ранг решающего свойства этноса, его своеобразного демиурга", что "как и любая форма сознания, оно – *явление вторичное, производное от объективных факторов*"⁴⁷.

Отягощенность отечественной этнографии сталинским доктринальным наследием, крайняя идеологизация научных категоризаций, присутствие в советском обществоведении "марксистско-ленинской теории наций" как

неизменной и не подлежащей критике составляющей социологического знания привели к тому, что совокупность идей, условно обозначенных как "советская теория этноса", превратилась в своего рода догму, которая не только не могла служить теоретической базой изучения современных этносоциальных процессов, но и прямо препятствовала корректным интерпретациям новых этнических (этнополитических, этносоциальных) реалий.

Пожалуй, последней серьезной попыткой реабилитировать примордиалистский подход к этносу в российской науке стали работы С. Рыбакова. Философское осмысление "собственно этнического" приводит этого автора к заключению, что это "не конструкт, а некая сущность", и, следовательно, речь может идти о "реальном существовании *этнической субстанции, которая активна и порождает из себя этнически окрашенные социальные феномены*"⁴⁸. Он приходит к выводу о том, что этническое "как структура личности" может быть исследовано только при помощи инструментария философии. Поскольку речь в этом случае идет об антропологических структурах, постольку это обстоятельство С. Рыбаков считает достаточным для того, чтобы "*этническую проблематику... ввести в предметную область философской антропологии*"⁴⁹. Нам же представляется, что изучение этничности, исключенное из предметной области этнологии (социальной антропологии) и, тем самым, оторванное от "полевого" эмпирического знания, превратится в схоластические поиски "этнической субстанции". Это будет сродни поискам философского камня или алгоритма метаморфоз ртути и золота в средневековой алхимии.

Новый учебник, подготовленный сотрудниками кафедры этнологии для студентов Московского государственного университета, содержит беспечное утверждение, согласно которому "в российской науке *всегда преобладали теоретические взгляды на этнические общности как реально существующие объекты, которые закономерно возникают, функционируют, эволюционируют и взаимодействуют*" (Г. Марков, В. Пименов)⁵⁰. Это утверждение, безусловно, справедливо в исторической ретроспекции. В силу целого ряда исторических и, главным образом, идеологических причин иначе и не могло быть. Однако в последнее десятилетие примордиалистская доктрина этноса все более заметно теряет своих приверженцев в профессиональном "цехе" этнологов. Зато она оказалась востребована шумным сообществом "недостаточно профессиональных эпигонов-барабанщиков" (Г. Марков)⁵¹, в числе которых оказались и многочисленные советские обществоведы, воспитанные на "Кратком

курсе истории ВКПб", и общественные деятели, которые в конце 80-х, начале 90-х годов предприняли попытку хождения во власть посредством политизации этничности. Благодаря изысканиям этих интерпретаторов онтологизированный "этнос" окончательно покинул предметное поле науки и превратился в объект этнополитических спекуляций.

В частности, утверждается, что *"принадлежность к определенному этносу – третье имманентное качество человека – после принадлежности к полу и к определенному возрасту"*. По мнению автора этого заявления, ни пол, ни возраст, ни *национальную принадлежность не выбирают* – все остальное можно поменять⁵² (Э. Алаев). Полемика по поводу такого рода сентенций не входит в число наших задач. Приведу здесь лишь уместное в данном случае замечание В. Шнирельмана: *"Тоталитарное мышление и примат государственности определяли у нас и сам методологический подход... Даже такая подвижная... черта, как этническое самосознание, была путем отметки в паспорте превращена в объективную реальность"*⁵³.

Еще более категорично, чем Э. Алаев, судит об этносе (нации) и этническом самосознании Р. Абдулатипов: *"Человека без национальности нет. И если какой-то умник-ученый утверждает, что национальность не врожденное человеческое свойство, это вовсе не означает, что у этого умника нет национальности. Иное дело, что биологическая принадлежность к нации как бы обрамляется элементами национальной культуры, традиций, воспитания"*⁵⁴. (Напомню уместное здесь остроумное замечание И. Кона: *"Есть люди, которые верят, что этносы и их культуры создаются не общностью исторической судьбы и культурного наследия, а кровью. Если им удастся утвердить свое миропонимание, Пушкин из русского классика станет... русскоязычным поэтом эфиопского происхождения"*⁵⁵.)

Р. Абдулатипов, отнести которого к числу "умников-ученых" у нас нет никаких оснований, всерьез уверен в том, что *"абсолютно только существование нации, этноса, а все остальное относительно"*⁵⁶. По поводу подобной гипертрофированной этнической идентичности С. Чешко не без грусти заметил: *"Ситуация сложилась весьма своеобразная. Околонуучными популяризаторами "этнос" объявляется главной социальной ценностью, а этнологическая наука по мере углубления исследований... все более утрачивает ясность относительно существа того, что она этим термином обозначает"*⁵⁷.)

Цитирование "избранных мест" из сочинений такого рода можно было бы множить и множить. В последние годы такого рода концептуализаций "этноса" опубликовано изрядное количество. Но в этом нет нужды: и приведенных цитат, я думаю, достаточно для того, чтобы убедить читателя в своевременности смены научной парадигмы.

Иррациональность этничности

Процесс смены теоретической модели исследований, как уже было сказано выше, явственно наметился в отечественной этнологии в последнее десятилетие минувшего века. Процесс этот был инициирован отечественными этнологами на изломе истории, когда огромное государство содрогалось под ударами бунтующей этничности, а его лидер являл полную неспособность ни осознать, ни, тем более, изменить так явно проявившиеся грозные тенденции. Партийные олигархи, окруженные сонмом экспертов-доктринеров, вынуждены были признать собственную интеллектуальную импотенцию, равно как и бесплодие многие годы культивировавшейся псевдонаучной ортодоксии. Под натиском стремительно нарастающей напряженности в межэтнических отношениях они вынуждены были начать дискуссию по поводу Платформы КПСС "Национальная политика в современных условиях".

В ноябре 1989 года в ходе этой дискуссии В. Тишков выступил на заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР с программным докладом, текст которого был издан отдельной брошюрой под символическим названием "Да изменится молитва моя!..." и несколько позже опубликован на страницах академического журнала⁵⁸.

В этом докладе, пожалуй, впервые отчетливо прозвучала мысль о разрыве с интеллектуальной традицией, которую условно можно назвать "советской теорией этноса" и которая многие десятилетия служила идеологическим обеспечением практики национально-государственного строительства. В. Тишков констатировал, что в концептуальном поле "теории этноса" несостоятельной оказалась сама "трактовка этнического", в которой *"этническое представляется в форме объективно существующих социальных группировок людей с определенным набором материальных признаков, среди которых самосознание стоит на последнем месте"*. По мнению автора, советские ученые и политические лидеры, "опасаясь впасть в идеалистическую ересь... вместо того,

чтобы оценить реальную силу духовной субстанции, - мифотворческого фактора... сотворили *миф о безусловной объективной реальности этнических общностей* как неких архетипов"⁵⁹.

В 1992 году В. Тишков опубликовал в "цеховом" журнале статью "Советская этнография: преодоление кризиса" и пригласил коллег высказать свое мнение по поводу теоретико-методологического кризиса в этнологии, который в той или иной степени осознавался тогда почти всеми представителями профессии. Эта публикация послужила отправной точкой интереснейшей теоретической дискуссии, развернувшейся на страницах "Советской этнографии"/"Этнографического обозрения" в первой половине 90-х годов.

В своей статье В. Тишков декларировал свое понимание этноса следующим образом: "*Этносы... есть умственные конструкции, своего рода "идеальный тип", используемые для систематизации конкретного материала...* Они существуют исключительно в умах историков, социологов, этнографов... В действительности же... есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры"⁶⁰. Это определение шокировало многих и многократно цитировалось как единомышленниками, так и оппонентами провозглашенной таким образом "конструктивистской" парадигмы.

Этнологи (во всяком случае, значительная их часть) простились с таким привычным и операциональным пониманием объекта своей науки. Менялись представления о задачах науки, ее методах, целеполагании и политической объективации этнологического знания. Этнополитические реалии конца столетия убеждали в том, что "онтологизация этнических категорий, представление, что этносы и их свойства существуют объективно, независимо от нашего и какого угодно другого сознания, а мы только отражаем и описываем их, *не только философски наивно, но и идеологически опасно*"⁶¹ (И. Кон). Примечательно, что это замечание И. Кона встретило резкую критику со стороны одного из наиболее последовательных российских примордиалистов – Ю. Семенова. Он интерпретирует "онтологизацию понятий" как "взгляд, согласно которому содержание, по крайней мере, части понятий существует не только в сознании, но и вне его" и не усматривает в ней решительно ничего скверного, поскольку "в применении к науке это означает, что существует понятие "этнос", но существуют и реальные этносы"⁶².

Однако, это не вполне так: существование понятия вовсе не доказывает объективности бытия феномена, этнической субстанции. И сам Ю. Семенов – ученый, безусловно, добросовестный и честный – ниже признает, что "это отнюдь не означает, признания объективности содержания всех понятий без исключения"⁶³. Надо думать, фантом "этноса" и принадлежит к этим самым исключениям.

Наиболее последовательные конструктивисты отторгают категорию "этнос" как несущую в себе слишком тяжелый груз идеологизированных клише и застывших научных стереотипов. Они избегают употреблять этот термин даже в его новом содержательном наполнении. Логика конструктивистского анализа "*изгоняла этнос из вещного мира в призрачный мир субъективности*", в сферу аксиологии, где *этничность рассматривалась в качестве "коллективного приписывания себе определенных ценностных характеристик"* (С. Соколовский)⁶⁴.

С начала 90-х годов в терминологическом континууме российской этнологии все прочнее укореняется новое понятие "этничность". Как отмечает С. Рыбаков, понятие это не было традиционным и для западной социальной (культурной) антропологии – Н. Глейзер и Д. Мойнихан писали об "этничности" как о весьма новом понятии⁶⁵. В отечественной же этнологии оно распространилось в связи с распространением конструктивистских идей и методологической демонополизацией. "Этнос" вынужден был потесниться, уступая значительную долю теоретического пространства "этничности".

У многих этнологов (и не только этнологов), которые не могли или не хотели отказаться от привычных представлений об объекте своей науки, возникало ощущение того, что, теряя объект, сама наука готова раствориться в гуманитарном знании, утратить свою предметную специфику, потерять поле. Категория "этничность" оказалась непонятной, многозначной, трудноуловимой и плохо поддающейся эмпирической операционализации. Теоретические изыскания западных антропологов в этом смысле обнадеживали мало: как констатировал М. Бэнкс, "на протяжении многих лет "этничность" является ключевым понятием антропологии и социологии, тем не менее, по-прежнему представляется неясным его значение, применение и соотношение с другими понятиями"⁶⁶.

Причина этого, вероятно, коренится в том, что "этничность как *возврат к изначальному приоритету этнических ценностей* над общечеловеческими содержит несомненный элемент *иррациональности*" (С. Артановский)⁶⁷, или,

иными словами в том, что "этничность в конечном счете представляет собой продукт человеческого сознания... и имеет иррациональную природу... наука же, оперирующая сугубо рациональными методами познания, ограничена в возможностях исследования иррационального" (С. Чешко)⁶⁸.

В. Тишков, следуя традиции "чикагской школы" американской социальной антропологии (постулат о "свободном выборе каждым своей идентичности" - Р. Парк)⁶⁹ и используя удачную метафору Б. Андерсона, интерпретирует групповую этническую идентичность как "операцию социального конструирования "воображаемых общностей", основанных на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями"⁷⁰, а этничность – как "комплекс чувств, основанных на принадлежности к культурной общности"⁷¹. В другой работе этот ученый, фактически организовавший интервенцию нового понятия в отечественную этнологию, определяет этничность как "*сложный комплекс характеристик, чувств и индивидуальных стратегий*, не разобравшись в котором, академическое сообщество порождает не только общественную нетерпимость, плохое управление и трагические коллизии, но и *ложные формы солидарности и неоправданные антагонизмы в собственной среде*" (В. Тишков)⁷².

Примечательно, что многие авторы, предлагая свою дефиницию этничности, начинали с того, что констатировали трудноразрешимость, а то и вовсе принципиальную невыполнимость стоящей перед ними задачи. С. Чешко совершенно справедливо, на наш взгляд, констатировал, что "то явление, которое обозначается термином "этничность", *едва ли можно*, по крайней мере, на современном этапе развития науки, *выразить посредством какой-то точной дефиниции*"⁷³.

В том же духе высказывается и М. Ломова-Оппокова: "*Определение понятия этничность трудно сформулировать*. Это не что-то строго определенное и материализованное, явное и видимое, а скорее трудноуловимое, скрытое, являющееся вместе с тем, важнейшим определителем. Показателями этничности могут быть и этническое самосознание, присущее представителям определенной этнической группы, и самоназвание, традиционная культура, родной язык, а также защита национальных прав и исторического наследия. Каждый из этих показателей выражает этническое содержание, то есть *чувство идентичности, чувство группы, осознание групповой культурно-групповой идентичности*, не зависящей от социальных и классовых факторов"⁷⁴. Вообще

определение этнической идентичности в работах этнологов и социальных антропологов, работающих в конструктивистской парадигме, очень часто сопрягается с идентичностью культурной, этническое разнообразие трактуется как разнообразие культурное, этническое и культурное выступают, таким образом, практически в одном синонимическом ряду. Такого рода отождествление, может быть, и имеет *raison-d'être*, но в теоретических исследованиях этничность культуры должна быть специально доказана.

По большому счету, "этничность" в смысловом поле конструктивистской парадигмы чрезвычайно близка к тому, что примордиалисты давно определили как "этническое (национальное) самосознание", как субъективное отождествление себя с определенным "этносом" и фиксацию этой принадлежности в определенном этнониме. С. Рыбаков, например, определяет *этническое самосознание* как "индивидуальное этническое, или *этничность в широком смысле слова*"⁷⁵. Суть различий состоит только в том, что акт самоидентификации, в понимании примордиалистов, состоит в отождествлении индивидов с реально (помимо их сознания) существующей группой, общностью, нацией (В. Козлов вообще предлагает понимать под "этничностью" хорошо знакомый набор примордиалистских этнодифференцирующих признаков⁷⁶); в понимании же конструктивистов сама процедура самоидентификации и создает (конструирует) группу, и в этой трактовке "*этничность – групповая идентичность, производная от имманентного человечеству социального инстинкта коллективности* и "легитимизируемая" посредством представлений об общем происхождении и специфичности своей культуры" (С. Чешко)⁷⁷. Примерно так же интерпретирует этничность и В. Малахов, который замечает, что "если отбросить в сторону мистифицирующие намеки на загадочность и неуловимость этого феномена, *"этничность" есть ни что иное, как этническая идентичность*"⁷⁸.

Последняя констатация, впрочем, мало, что проясняет в природе интересующего нас феномена. Все дело в том, что попытки конструктивистов дать определение этничности через "этническую идентичность" сродни попыткам примордиалистов дать посредством "этнической идентичности" ("этнического самосознания" как важнейшего признака) определение этносу. Как справедливо отмечает А. Элез, "понять *этническое* (отличить его от иного) мы можем лишь *после* того, как нам предложат понятие *этноса*"⁷⁹. А именно этого вразумительно сделать не удастся пока ни тем, ни другим. В силу этого печального факта

этничность до сих пор остается групповой идентификацией с неким мифологизированным этносом, который, в свою очередь, сейчас уже воспринимается многими лишь как коллектив единомышленников. Не ясно только, по поводу чего же они мыслят едино. "Все существующие теории оказываются неспособными выявить этническую "самость". Перед исследователями – явление, которое, безусловно, существует, но неизменно ускользает сквозь пальцы, несмотря на любые методологические ухищрения. Оно может проявляться повсюду, влиять на любые сферы жизни и деятельности человека, и в то же время его нигде нет" (С. Чешко)⁸⁰.

Многие авторы, так или иначе трактующие этничность, фиксируют внимание на ее дифференцирующей функции. Ф. Барт, говоря о "ситуативной этничности", обращает внимание именно на культурные маркеры, которые отделяют одну культурную общность от другой⁸¹. И среди российских ученых, работающих в концептуальных пределах конструктивизма, широко распространена точка зрения, согласно которой "первым условием существования этничности является наличие дихотомического отношения "мы – они". Если такого отношения не существует – нет и этничности" (Н. Скворцов)⁸².

В классических работах социальных антропологов мы находим констатацию того факта, что этничность ситуативна и изменчива, что она "может быть *политической, экономической или культурной* в своем проявлении в различного рода конфликтах, или проявляться во всех этих ипостасях одновременно" (М. Нэш)⁸³. Стоит обратить внимание на утверждение, что описанные формы этничности проявляются именно в конфликтах. Вероятно, это именно так и есть, ибо "*Этничность по сути своей конфронтационна*. Она есть функция отношений с другими этническими группами, которые складываются по принципу оппозиции... Поэтому *рост этничности связан с ростом этнической нетерпимости*... Важнейшим фактором усиления этничности является также желание отделиться от других" (Г. Солдатова)⁸⁴.

В контексте нашей темы нас, прежде всего, интересует та ипостась этничности, в которой она выступает как фактор политической мобилизации, как средство достижения политических целей, как способ перераспределения ресурсов в пользу той или иной этнополитической элиты. В ряде случаев можно согласиться с тем, что "*этничность является политической* не только в том смысле, что *служит для мобилизации группы для достижения ее политических целей*, но также и потому, что она является определяющей установкой при

создании важного политического аппарата – государства" (С. Энло). По мнению этого ученого, "при планировании государственной политики и особенно обеспечении собственной безопасности *представители политико-административных кругов мыслят этнически*"⁸⁵. Вероятно, это не всегда так, и экстраполировать этот вывод на демократические государства с полиэтничным населением вряд ли правомерно, но в отношении авторитарных государств с этнократическими (или стремящимися к ним) формами политического режима это утверждение справедливо. И в этом смысле более корректно процесс политизации этничности описан Дж. Ротшильдом, который понимает мобилизацию этничности как процесс "*превращения этничности из психологического, культурного или социального фактора в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп*"⁸⁶. Именно в этом контексте мы будем рассматривать этничность в ходе нашего историографического анализа. Для нас важно то, что в своей политической ипостаси "*этничность поставила этническую группу на службу процессу политизации мира...*, и чем больше политический экстремизм преуспевает в своем стремлении использовать национальные чувства, тем вернее этничность превращается в воинствующий шовинизм" (С. Артановский)⁸⁷. Этничность в этом ее проявлении не вызывает никакого сочувствия и, напротив, должна интерпретироваться добросовестными учеными как вызов человечеству, как угроза стабильности и разумности мироустройства.

Говоря о проникновении понятия "этничность" в отечественную этнологию, следует отметить, что оно отнюдь не стало достоянием только сторонников конструктивистской методологии. Это понятие постепенно адаптировали и те российские ученые, которые сохранили верность примордиалистскому подходу к этническим феноменам. Примечательно, что в концептуальных рамках этой научной парадигмы "этничность" лишена флера таинственности и непостижимости. В этом смысле наиболее показательное категоричное суждение В. Козлова: "Аналогично "народности" "этничность" в своем первоначальном значении может пониматься *как совокупность признаков, или свойств, отличающих один реально существующий этнос от другого*. А что сверх того, то это, как говорится, "от лукавого"⁸⁸.

С этой точкой зрения солидаризируется и С. Рыбаков, который полагает, что "вне всякого сомнения" этничность может быть описана "*как совокупность этнодифференцирующих признаков*"⁸⁹. (Справедливости ради отметим, что

С. Рыбаков признает, что "дефиниция этничности как "совокупности признаков" будет отражать содержание данного феномена лишь частично"⁹⁰.) К сожалению, подобное упрощение не способствует пониманию природы этничности, поскольку апелляция к пресловутым (отнюдь не этническим!) признакам решительно не позволяет понять, что же они - эти признаки - дифференцируют. Понять, чем различаются между собой "этноты", можно только определив, что такое "этнос". Определение этноса через этничность, сиречь набор этнических признаков, – это методологический аналог сказки про белого бычка.

Если в понимании В. Козлова и С. Рыбакова этничность представляет собой характеристику "этноса", группы и отличает одну этническую общность от другой, то у М. Губогло этничность определяется *"количественно измеренными элементами (параметрами) этнической тождественности индивида со своим этносом* – или интенсивностью этнической идентификации", и под понятием этничность "понимается реализация *существующего набора объективных и субъективных признаков*, по которым каждая *личность* субъективно относит себя к определенной этнической общности и объективно себя в ней реализует"⁹¹. Со второй частью этого определения можно было бы согласиться, при условии исключения из него упоминания о хорошо известных нам "объективных признаках", но первая его часть является собой типичный пример примордиалистского мифотворчества. Понять тавтологичное высказывание об "этнической тождественности... с этносом" просто невозможно (с точки зрения формальной логики это не лучше, чем маслянистая тождественность с маслом; впрочем, с маслом дело обстоит лучше: в отличие от этноса, мы, по крайней мере, знаем, что это такое). Но еще более удивительно выглядит пассаж о том, что эта тождественность может быть измерена количественно!

Впрочем, такого рода этнометрические идеи формулировались и раньше – в те времена, когда в отечественной этнографии стали модными массовые этносоциологические исследования: выраженность этнического самосознания измерялась посредством вопроса о том, "что роднит" респондента с его "этносом": считалось, что чем больше назовет респондент заданных в подсказке "элементов" или "характеристик" ("признаков"), тем более выраженным самосознанием он обладает. Но тогда, по крайней мере, речь шла о ранжировании, упорядочении (т.е. использовании принятых в социологии ранговых шкал). Это тоже было в высшей степени наивно: колхозному механизатору предлагали оценить его тождественность с социальным феноменом, определить который не могли даже

профессионалы-этнологи, а статистическое множество таких ответов интерпретировали как основание говорить о доле соотношении "этнофоров" с более или менее выраженным "этническим самосознанием".

В новейшей литературе мысль о количественных параметрах этнической самоидентификации воспроизводит С. Рыбаков, который в одном из своих определений этничности настаивает на том, что это "есть некая фундаментальная характеристика, отражающая как количественные, так и качественные параметры самого процесса этнической идентификации индивида..."⁹².

Для того же, чтобы "количественно измерить параметры этнической тождественности" (как это предлагает М. Губогло), или выяснить "количественные параметры процесса этнической идентификации" (как это представляет себе С. Рыбаков) нужно изобрести "этнометр", снабженный метрической (количественной) шкалой, во-первых; узнать в каком месте у "этнофора" находится его этническое чувство (к чему, собственно, этот измерительный прибор прикладывать), во-вторых; и понять, что же он измеряет, в-третьих.

В. Тишков в одной из своих последних работ заметил, что "все подходы к пониманию этничности" не являются обязательно взаимоисключающими", хотя "интеграция наиболее значимых аспектов в цельную теорию этничности", по мнению этого исследователя "наиболее перспективна на основе конструктивистского синтеза"⁹³. Он предлагает отказаться от разработки проблематики этничности в контексте "традиционных культурных типов", а трактовать этничность как "культурную гибридность" или как "множественные лояльности". Он полагает, что такой подход позволит "рассматривать не человека в этничности... а этничность в человеке"⁹⁴.

Нация и нация...

Писать о различных трактовках термина "нация" не поднимается рука: этот сюжет в последние годы стал настолько тривиальным, что любой исследователь, имевший неосторожность обратится к этой теме, рискует выглядеть эпигоном и профанатором научного знания. И, вместе с тем, тривиальность эта сама по себе отрадна и даже внушает известный оптимизм. Благодаря интеллектуальным, административным и пропагандистским усилиям,

прежде всего, В. Тишкова и его немногочисленных единомышленников-этнологов, в массовом сознании и политической культуре россиян медленно и с трудом укореняется отличное от сталинского понимание феномена и термина "нация".

Сразу отметим, что речь идет отнюдь не только о терминологическом споре: категория "нация" как кристалл сконцентрировала и преломила в себе различные научные и политические проекты. "Первый основывается на *понятии нации как политической общности*, или согражданства, второй рассматривает *нацию как этнокультурную категорию*, как общность, имеющую глубокие исторические корни, социально-психологическую или даже генетическую природу" (В. Тишков)⁹⁵.

Насколько нам известно, в современной западной этнологии лишь Э. Смит предпринял попытку обосновать правомерность и необходимость сосуществования этих подходов. Он обращает внимание на тот факт, что пути формирования наций во многом зависят от этнокультурного наследия предшествовавших им этнических общностей и от этнической мозаичности населения тех территорий, на которых и происходит становление наций. Эта зависимость служит для него основанием выделять "территориальные" и "этнические" нации и как различные концепции наций, и как различные типы их объективации. Территориальная концепция нации, в его понимании, – это население, имеющее общее имя, владеющие исторической территорией, общими мифами и исторической памятью, обладающее общей экономикой, культурой и представляющее общие права и обязанности для своих членов"⁹⁶. Напротив, этническая концепция нации "стремится заменить обычаями и диалектами юридические коды и институты, которые образуют цемент территориальной нации... даже общая культура и "гражданская религия" территориальных наций имеют свой эквивалент в этническом пути и концепции: своего рода мессианский нативизм, вера в искупительные качества и уникальность этнической нации"⁹⁷. Важно отметить, что Э. Смит считает эти концепции лишь идеальными типами, моделями, в то время как на самом деле *"каждая нация содержит черты как этнической, так и территориальной"*⁹⁸.

В новейшей отечественной этнополитологии мы находим историографический факт, свидетельствующий о попытках преодоления обозначенного выше антагонизма содержательной интерпретации понятия "нация". Э. Кисриев предлагает "по-новому взглянуть на "конфликт" двух

основных, *казалось бы*, несовместимых подходов к истолкованию понятия "нации". Он уверен в том, что "их конфликтность лежит не в плоскости смысла, а в практике конкретного исторического процесса". Суть проблемы этот исследователь видит в том, что "политическое единство не будет устойчивым без определенной унификации всего этнического разнообразия в ней..., в то время, как этническое единство на определенном этапе развития своего бытия может приобрести самосознание и вовлечься в процесс своего национального (политического) самоопределения". Именно "такого рода конкретные ситуации", по мнению Э. Кисриева, и "порождают *"концептуальные" разногласия в определении нации*"⁹⁹. Однако нам представляется, что суть разногласий в трактовке нации проистекает не из отмеченных метаморфоз этнического и политического. Концептуальные антагонизмы порождены принципиально различным пониманием этнического как такового: трактовкой нации как стадии в развитии онтологизированного этнического сообщества в одном случае, и принципиально внеэтнического понимания нации как согражданства, в другом. Суть конфликта не в том, что один термин используют для маркировки различных социальных субстанций, а в том, что одна из этих субстанций – миф. Вне этого конфликта спор о содержательной насыщенности понятия "нация" представляется сугубо терминологическим и подразумевающим принципиальную достижимость консенсуса.

Выше уже было сказано, что в германоязычной науке о народах "нация, как социальный феномен часто отождествлялась с этнокультурной общностью. Нельзя сказать, что такой подход в западной науке преодолен полностью. И в современной западной парадигме примордиалистских интерпретаций нации она выступает *"как политически осознанная этническая общность, заявляющая право на государственность"* (П. Ван-ден-Берге)¹⁰⁰.

В работах же некоторых российских эпигонов примордиализма нация и вовсе способна расставаться с атрибутом государственного оформления и предстает как "социологический коллектив, основанный на *этническом* и культурном сходстве, который *может иметь или не иметь* свое государство" (А. Абашидзе)¹⁰¹.

Не без гордости Р. Абдулатипов констатирует, что "в российском обществе совершенно иные (нежели на Западе – В.Ф.) взгляды на развитие нации. *Нации здесь рассматриваются как этнокультурные образования, привязанные к определенной территории, со своими традициями, обычаями, нравственностью*

и т. д."¹⁰². Вероятно, не будучи вполне ознакомлен даже с трудами отечественных примордиалистов, он всерьез полагает, что "в современном русском *научном языке* термину "этнос" в известной мере соответствуют более распространенные слова "нация", "национальность"¹⁰³. Нелишне вспомнить, что даже апологеты сталинской доктрины и горячие сторонники Ю. Бромлея трактовали нацию только как высшую стадию развития этнической общности, связанную с определенной общественно-экономической формацией ("*высшим типом этноса*" – В. Торукало¹⁰⁴) и никогда не употребляли термин "нация" как синоним "этноса" вообще. Это обстоятельство, правда, ничуть не смущает Р. Абдулатипова, который развивает свою мысль следующим образом: "*Определение понятия "этнос"*, являющееся в настоящее время наиболее распространенным среди специалистов, было дано академиком Ю. Бромлеем... Где-то *данное определение* соприкасается с известным, более схематичным, определением Сталина"¹⁰⁵. Где "соприкасаются" эти определения понять сложно, поскольку И. Сталин, конечно же, никогда не употреблял понятие "этнос".

Творчески развивая учение "отца народов", Р. Абдулатипов обогащает перечень имманентных, как ему представляется, свойств интересующего нас феномена: "Нация – это культурно-историческая общность с самобытными проявлениями языка, традиций, характера, всего многообразия духовных черт. Жизнедеятельность нации... длительный период связана с определенной территорией. Нации – важнейшие субъекты политического, социально-экономического и *духовно-нравственного прогресса государства*"¹⁰⁶. Выше мы уже цитировали мнение этого автора о *нравственности* как свойстве нации. Трудно понять, что же имеется здесь ввиду. Что нравственность (как некая неизменная сущность) априори присуща любой нации, как, скажем, культура? Или что у каждой нации своя нравственность, и, соответственно, существует соблазн воспринимать другие нации как менее нравственные или вовсе безнравственные?

Категория "нация", нагруженная в примордиалистской трактовке этническим смыслом, становится камнем преткновения на пути взаимопонимания исследователей, так или иначе трактующих этот феномен. При отсутствии специальных объяснительных интродукций часто даже из контекста работы нельзя понять, что понимает тот или иной автор, употребляя злополучный термин. Это создает порой почти непреодолимые трудности для историографических интерпретаций и научной критики. Единственная

возможность сохранить коммуникативное пространство в науке, это достижение консенсуса, согласно которому термин "нация" употребляется строго в его гражданском, политическом значении, в том значении, в котором его употребляет сейчас большинство наших зарубежных коллег.

В Западной Европе первой и достаточно долго единственной концепцией нации была территориально-политическая концепция, сформулированная энциклопедистами, понимавшими нацию как "группу людей, живущих на одной территории и подчиняющуюся единым законам и одним и тем же правителям" (см. подробнее: В. Коротева)¹⁰⁷. Эта концепция была сформулирована в эпоху Просвещения – тогда, когда прочие способы легитимации власти были дискредитированы и в государственной идеологии утвердилось понимание нации как суверена. Именно тогда "нация была осознана как сообщество, поскольку идея общности национальных интересов, идея национального братства преобладала в этой концепции над любыми признаками неравенства и эксплуатации внутри этого сообщества" (см. подробнее: А. Миллер)¹⁰⁸. В эпоху формирования национальных государств нацию понимали как объединение граждан, как волю индивидов, реализуемую через общественный договор. "Отражением этого тезиса и являлось знаменитое определение нации как повседневного плебисцита, данное Э. Ренаном в его сорбоннской лекции 1882 года" (А. Миллер)¹⁰⁹.

Значительно позже, во второй половине минувшего века, в бурной полемике о природе нации и национализма в западной науке утверждается научная традиция, в основе которой заложено сформулированное Х. Коном понимание "национализма как первичного, формирующего фактора, а *нации* – как его производной, продукта национального сознания, национальной воли и национального духа"¹¹⁰. В работах его наиболее известных последователей многократно утверждается и обосновывается вывод о том, что "именно национализм порождает нации, а не наоборот" (Э. Гелнер)¹¹¹, что "*национализм не есть пробуждение наций к самоосознанию*: он изобретает их там, где их не существует" (Э. Гелнер)¹¹², что "нация, представляемая националистами как "народ", является продуктом национализма", что "*нация возникает с того момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть*" (Т. Эриксен)¹¹³.

В своем фундаментальном труде с афористичным названием "Воображаемые сообщества" Б. Андерсен характеризует нацию как

¹ . Дефиниция была столь емкой и точной, что стала своеобразным символом, рыцарским девизом научного сообщества конструктивистов. С. Баньковская остроумно подметила, что "формулу "воображаемые сообщества" освоили даже те, кто никогда не читал знаменитого сочинения... Кажется, она полностью раскрывает содержание, будучи полемически заострена против всех концепций нации и национализма, предполагающих некоторую *объективную, независимую от социальных конструкций составляющую этих феноменов*"¹¹⁵.

Разумеется, такое политическое сообщество представляет собой согражданство, индифферентное к этнокультурной идентичности своих членов. Нация при таком подходе выступает как "*многоэтничное по составу образование, основными признаками которого являются территория и гражданство*" (В. Тишков)¹¹⁶. Именно такое значение имеет интересующая нас категория в международном праве и именно с такой смысловой нагрузкой употребляется она в официальном языке международных правовых актов: "нация" трактуется "*как население, проживающее на территории государства...*" Понятие "национальная государственность" имеет в международно-правовой практике "общегражданский" смысл, а понятие "нация" и "государство" составляют единое целое" (И. Барциц)¹¹⁷.

Такое понимание нации пытался внедрить в массовое сознание россиянин Б. Ельцин, когда осознал, вероятно, всю губительность своих призывов к политической суверенизации на этнической основе. В одном из своих Посланий Федеральному Собранию он неожиданно заявил: "Множество национальных проблем порождено противоречивостью двух изначально заложенных в основу государственного устройства принципов..., противоречия между ними будут сглаживаться на основе нового, заложенного в Конституции понимания *нации как согражданства*"¹¹⁸. В минуты какого просветления экс-президент России осознал губительность сочетания антагонистичных принципов в государственном устройстве страны!? Кто внушил ему мысль о гражданской интерпретации нации!? К сожалению, не объяснили ему, что разумное понимание "нации" вовсе не станет решением проблемы конфликтогенности отечественной модели федеративного устройства. Но это – сюжет другой главы.

Примечательна позиция В. Тишкова в полемике о корректности и полезности употребления термина "нация" в научной и политической риторике.

Вероятно, дефиниция эта после многочисленных и малообоснованных упреков со стороны концептуальных оппонентов вызывает у главного пропагандиста конструктивистских идей в России острую идиосинкразию. Он констатирует тот вполне очевидный факт, что "трудности с определением понятия "нация" связаны не со сложностью определяемой материи, а с эпистемологически неверной посылкой придать значимость объективной категории по сути пустому, но ставшему эмоционально влиятельному слову, *за исключительное обладание которым состязаются две формы социальной группировки людей – государства и этнокультурные общества*"¹¹⁹. В. Тишков отказывает "нации" в праве быть научной категорией и убеждает своих читателей в том, что это не более чем "политический лозунг и средство политической мобилизации". С категоричностью отчаявшегося пишет он о том, что "состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и *должно быть исключено из языка науки*"¹²⁰. Вслед за Р. Брубекером¹²¹ В. Тишков приходит к выводу о том, что ввиду перегруженности смыслами и излишней политизированности термин "нация" должен быть изъят из политического употребления, поскольку сам маркируемый этим термином феномен "просто не существует", а потому следует "забыть о нациях"¹²².

Понятно, почему призыв этот так раздражил Р. Абдулатипова – забвение наций означало бы утрату предмета научных штудий многочисленных отечественных "нациеведов" и профессиональных борцов за "национальное возрождение". К сожалению, как отметил К. Вердери, "неоднозначность понятия "нация" затрудняет его научный анализ, но *облегчает его использование в политической практике*"¹²³, в том числе и не самыми добросовестными политиками. И в этом смысле призыв В. Тишкова понятен и вызывает сочувствие. Но факт политической эквилибристики этим термином вряд ли может служить достаточным основанием для того, чтобы исследователи могли "проигнорировать объективный факт существования самого феномена" (С. Рыбаков)¹²⁴ – нации как согражданства.

Известной антитезой позиции В. Тишкова можно считать и точку зрения Г. Сетона-Ватсона, который "пришел к заключению, что невозможно дать какого-либо научного определения нации, несмотря на тот факт, что этот *феномен существует длительное время и будет существовать в будущем*"¹²⁵. В отличие от В. Тишкова, он не сомневается в реальности самого феномена, но, при всем том, сознательно отказывается от всяких попыток соответствующей

категоризации. Целый ряд исследователей, посвятивших себя историографии нации и национализма, констатируют тот факт, что "многие ученые, рассматривая доктрину национализма, просто *отказываются от определения нации*. Они пользуются или интуитивно понимаемым смыслом, или вообще считают его изобретением националистов" (см.: В. Коротева)¹²⁶. Так Э. Хобсбаум свой труд, посвященный интересующим нас сюжетам, начинает с отказа от любых попыток дать априорное определение нации. Он убежден в том, что объективные критерии (язык, этнос, территория) обречены на провал в силу того, что лишь немногие несомненно национальные образования обладают вышеперечисленными признаками. Что же касается субъективных критериев, таких как чувство принадлежности к нации или желание войти в ее состав, - они не только не объясняют, что такое нация, но и ведут к опасному заблуждению, что желания составить единую нацию достаточно для того, чтобы она появилась на свет. В силу этих соображений "Э. Хобсбаум именуется "нацией" всякую большую группу людей, которые считают себя членами таковой" (см.: О. Хаванова)¹²⁷. Но в контексте нашей темы важно то, что "нация признается социальным образованием лишь постольку, поскольку она связана с определенным типом современного территориального государства, с "нацией – государством", и *рассуждать о нациях и национальностях вне этого контекста не имеет... никакого смысла*" (Э. Хобсбаум)¹²⁸.

Категория "этнос" в этом исследовании

Мы старались избежать употребления слова "этнос" в нашем исследовании: так же как слово "нация", термин этот перегружен смыслами и делает любой научный текст трудным для восприятия и интерпретации. Однако в силу известной инерции он попал на страницы книги, и поэтому мы считаем необходимым определить то значение, которое мы вкладываем в это понятие.

Этнос как категория пусть редко, но встречается в работах исследователей, декларирующих свою приверженность конструктивистской парадигме. У С. Соколовского это почти поэтическая метафора: "*Этнос не роза и не гвоздь, не тело в мире объективной реальности, а этничность - не душа этого тела*. И все же в некотором смысле этничность "одушевляет" различные культурные и социальные "тела", осуществляя посредством "перманентного метемпсихоза" свое вечное странствие в сложной топологии социокультурного

пространства"¹²⁹. Он если и употребляет этот термин, то пишет об этносе, как "*о постоянно вырабатываемом консенсусе между составляющими его членами, а также между окружающими этническими общностями...*"¹³⁰. Эту мысль можно считать конкретизацией идеи Ф. Барта, который полагал, что "этнические группы представляют собой категории аскрипции, а также идентификации себя самими действующими, следовательно, они есть характеристики взаимодействия людей"¹³¹.

Консенсус этот достигается по поводу тех ценностей, которые считаются значимыми в этом сообществе и необходимыми для возникновения чувства этнической солидарности. Именно это чувство и делает некое суммативное множество индивидов этносом. В этой интерпретации этнос "*представляет собой не более чем статистическую совокупность*", и совокупность эта "*не является организацией, институтом или контактной группой, то есть коллективом, в силу этого не обладает такими атрибутами субъекта, как способность делать выбор, свобода воли и ответственность*" (О. Брусина, А. Осипов)¹³². Последнее обстоятельство особенно важно при обсуждении проблемы этнической правосубъектности, а также форм этнического самоопределения.

Мы если и употребляем случайно термин "этнос", то понимаем под ним лишь ситуативное статистическое множество индивидов, субъективно маркирующих себя определенным этнонимом. При этом интерпретация ценностей, мобилизуемых для этнической самоидентификации, так же, как и мотивация такой самоидентификации, сугубо индивидуальны. (В этом смысле мы согласны с А. Элезом, который считает, что "*за ответом на вопрос о национальности статистически, как правило, стоит не какая-то выдуманная для обмана социологов, а реальная самоидентификация. Но эта самоидентификация осуществляется индивидом по каким-то определенным признакам. Наборы этих признаков от индивида к индивиду варьируют, как варьируют у самих этнологов от одного этноса к другому необходимые для их определения наборы признаков*"¹³³.)

Утверждение, согласно которому этносы существуют только в головах ученых, представляется нам известной метафорой: они существуют и в головах тех, кто идентифицирует себя как членов того или иного мифологизированного сообщества, маркированного этнонимом. Но для того, чтобы они вообразили себя этносом (или "нацией"), действительно, нужны усилия ученых и политиков.

Резюме

Выяснение парадигматики этнологического знания имеет в контексте нашего историографического исследования принципиальное значение. Для нас важно не просто констатировать, что *"все этнические теории и концепции могут быть разделены прежде всего по признаку отнесения к конструктивизму либо примордиализму"*, и что *"это членение является предельным и наиболее принципиальным"*, поскольку речь фактически идет о том, существует или нет *"этническая сущность"*, а стало быть предметная область у этнической теории" (С. Рыбаков)¹³⁴. Важно это не только потому, что названные парадигмы позволяют точно позиционировать и ученых, и формулируемые ими концепты в теоретико-методологических полях этнологического знания. Важно это прежде всего потому, что все этнополитические теории и конструкции практической политики, призванные, с точки зрения их авторов и адептов, смягчить этноконтактную ситуацию в стране и оптимизировать ее государственное устройство (имеющее, к сожалению, ярко выраженную этническую составляющую) имплицитно или явно содержат в себя солидаризацию с той или иной парадигмой интерпретации этнического.

При этом одна парадигма – примордиалистская – побуждает к политизации этничности и открывает этническим антрепренерам безграничные возможности для этнополитических спекуляций и мобилизации этничности в интересах этнополитических элит. Вторая парадигма – конструктивистская – дает возможность обосновать целесообразность и необходимость деполитизации этничности и деэтнизации политики.

В контексте нашей темы одна служит теоретическим оправданием сохранения в нашей стране такой модели федерализма, при которой часть субъектов конструируются по этническому принципу, провозглашаются от имени "титულных" этнических групп и фактически является институциональной формой дискриминации представителей "нетитулных" этнокультурных сообществ и административно-территориальных единиц в составе Российской Федерации. Вторая интерпретирует федерализм как форму территориальной демократии и позволяет обосновать проект унификации статусов, прав и полномочий всех субъектов федеративного государства, обеспечения прав и свобод граждан страны вне зависимости от их этнокультурной и языковой идентичности и региона проживания.

Две рассмотренные парадигмы научных исследований в области этнологии со всей очевидностью выходят за рамки академических штудий и служат концептуализации тех или иных политических интересов. Именно поэтому полемика так остра, а произведенная за десять-пятнадцать лет интеллектуальная продукция так обильна.

К сожалению, политическая мобилизация этничности последнего десятилетия привела к реанимации многих отживших теоретических догм из арсенала "советской теории этноса". Более того, в этнополитической конфронтации догмы эти трансформировались в идеологемы, а примордиализм, как специфическая научная традиция, престал быть достоянием только ученых и все более и более осваивается вульгаризаторами науки и политическими эпигонами научного знания. В ситуации острых межэтнических противостояний, когда политическая объективация конструктивистских идей могла бы стать теоретическим основанием позитивных стратегий, конструктивизм, увы, остается достоянием лишь академической науки.

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 11.

² Соколовский С.В. Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1993. № 2. С. 5.

³ См.: Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Камо грядеши? // ЭО. 1992. № 6. С. 10.

⁴ Чешико С.В. Человек и этничность // ЭО. 1994. № 6. С. 37.

⁵ Кон И.С. Несвоевременные размышления на актуальные темы // ЭО. № 1. 1993. С. 4.

⁶ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 39.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Рыбаков С.Е. Философия этноса. М., 2001. С. 18.

⁹ Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1-2. С.3.

¹⁰ Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // ЭО. 1998. № 4. С. 11-12.

¹¹ Рыбаков С.Е. Философия этноса. С. 20.

¹² Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания // ЭО. 1994. № 2. С. 4.

¹³ Хакимов Р.С. Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань, 1993. С. 19.

¹⁴ Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. С. 41.

¹⁵ Элез А.Й. Критика этнологии. М., 2001. С. 179.

¹⁶ Там же. С. 106.

¹⁷ См.: Van den Berghe P. The ethnic Phenomenon. N.Y., 1982.

¹⁸ Малахов В. Скромное обаяние расизма. М., 2001. С. 107.

¹⁹ Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1997. P. 15.

²⁰ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. С. 296.

²¹ Ленин В.И. О национальной программе РСДРП // Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 24. С. 223.

²² Рыбаков С.Е. Нация и национализм. М., 2001. С. 13.

²³ Там же; см. также: Рыбаков С.Е. Философия этноса. С. 28-29.

²⁴ См.: Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания // Соч. Т. 16. С. 104–138.

²⁵ См.: Токарев С., Чебоксаров Н. Методология этногенетических исследований на материалах этнографии в свете работ И.В. Сталина по вопросам языкознания // Советская этнография (далее – СЭ). 1951. № 9.

²⁶ Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия восточного факультета Дальневосточного университета. Вып. XVIII. Т. 1. Шанхай, 1923. С. 13.

²⁷ Толстов С.П. Советская школа в этнографии // СЭ. 1947. № 4. С. 12.

- ²⁸ См.: *Филиппов В.Р., Филиппова Е.И.* Указ. соч. С. 8.
- ²⁹ См.: *Кушнер П.И.* Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 8. М., 1949; *Он же.* Этнические территории и этнические границы // Труды института этнографии. Т. 15. М., 1951; *Токарев С.А.* Проблемы типологии этнических общностей. (К методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11; *Чебоксаров Н.Н.* Проблемы типологизации этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967. № 4; *Козлов В.И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969 и др.
- ³⁰ См.: *Филиппов В.Р., Филиппова Е.И.* Указ. соч. С. 10.
- ³¹ Там же.
- ³² *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. С. 22.
- ³³ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 58.
- ³⁴ *Smith A.* The ethnic origins of nations. Oxford, 1986. P 30.
- ³⁵ См.: *Филиппов В.Р., Филиппова Е.И.* Указ. соч. С. 9.
- ³⁶ *Чешко С.В.* Указ. соч. С. 38.
- ³⁷ *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1997. С. 13-14.
- ³⁸ Там же. С. 16.
- ³⁹ *Бромлей Ю.В.* К характеристике понятия «этнос» // Расы и народы: Ежегодник. № 1. М., 1971. С. 26-27.
- ⁴⁰ *Козлов В.И.* Указ. соч. С. 25.
- ⁴¹ *Токарев С.А.* Проблема типов этнических общностей... С. 44.
- ⁴² *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. Л., 1989. С. 48.
- ⁴³ *Колпаков Е.М.* Этнос и этничность. ЭО. 1995. № 5. С. 17.
- ⁴⁴ *Элез А.Й.* Указ. соч. С. 20.
- ⁴⁵ *Рыбаков С.Е.* Нация и национализм. С. 7.
- ⁴⁶ *Бромлей Ю.В.* К характеристике понятия «этнос» С. 25.
- ⁴⁷ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. С. 196.
- ⁴⁸ *Рыбаков С.Е.* Нация и национализм. С. 8.
- ⁴⁹ Там же. С. 9.
- ⁵⁰ Этнология. Учебник для высших учебных заведений / Под. ред. Г.Е. Маркова, В.В. Пименова. М., 1994. С. 6.
- ⁵¹ *Марков Г.Е.* О бедной науке замолвим слово... // ЭО. 1992. № 5. С. 4.
- ⁵² *Алаев Э.* Региональные этнические конфликты // Федерализм. 1996. № 1. С. 107.
- ⁵³ *Шнирельман В.А.* Наука в условиях тоталитаризма // ЭО. 1992. № 5. С. 15-16.
- ⁵⁴ *Абдулатипов Р.Г.* Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 32.
- ⁵⁵ *Кон И.С.* Несвоевременные размышления на актуальные темы // ЭО. № 1. 1993. С. 4.
- ⁵⁶ *Абдулатипов Р.Г.* Парадоксы суверенитета. С. 31.
- ⁵⁷ *Чешко С.В.* Указ. соч. С. 35.
- ⁵⁸ См.: *Тишков В.А.* О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // СЭ. 1989. № 5.
- ⁵⁹ *Тишков В.А.* Да изменится молитва моя!... М., 1989. С. 7.
- ⁶⁰ *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. № 1. С. 7-8.
- ⁶¹ *Кон И.С.* Указ. соч. С. 3.
- ⁶² *Семенов Ю.И.* Этнология и гносеология // ЭО. 1993. № 6. С. 4.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ *Maget M.* Problems d'etnographie Europeene // Etnologie generale. Paris, 1968. P. 1326.
- ⁶⁵ См.: *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. С. 79.
- ⁶⁶ Цит. по: *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. С. 81.
- ⁶⁷ *Артановский С.Н.* Этноцентризм и "возврат к этничности": концепции и действительность // ЭО. 1992. № 3. С. 22.
- ⁶⁸ *Чешко С.В.* Указ. соч. С. 35.
- ⁶⁹ Цит по: *Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. С. 64.
- ⁷⁰ *Тишков В.А.* О феномене этничности // ЭО. 1997. № 3. С. 13.
- ⁷¹ *Тишков В.А.* Нация: теория и политическая практика // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Материалы международного симпозиума 18-20 апреля 1994 года. Ч. 1. М., 1994. С. 65.
- ⁷² *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 89.
- ⁷³ *Чешко С.В.* Указ. соч. С. 40.
- ⁷⁴ *Ломова-Оптокова М.Ю.* Этничность, народ, каста // Народы Азии и Африки. 1990. № 6. С. 116.
- ⁷⁵ *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. С. 38-39.
- ⁷⁶ См.: *Козлов В.И.* Проблематика этничности // ЭО. 1995. № 4.

- ⁷⁷ Чешико С.В. Указ. соч. С. 41.
- ⁷⁸ Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М., 2001. С. 108.
- ⁷⁹ Элез А.Й. Указ. соч. С. 17.
- ⁸⁰ Чешико С.В. Указ. соч. С. 35.
- ⁸¹ Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference* / Ed de F. Barth Bergen, Oslo, London, 1969. P. 9-17.
- ⁸² Скворцов Н.Г. Указ. соч. С. 61.
- ⁸³ Nash M. The cauldron of ethnicity in the modern world. Chicago, 1989. P. 127.
- ⁸⁴ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 49.
- ⁸⁵ Enloe C. Police, military and ethnicity: foundation of state power. New Brunswick. 1980.
- ⁸⁶ Rothschild J. Ethnopolitics: A conceptual framework. N.Y., 1981. P. 2.
- ⁸⁷ Артановский С.Н. Указ. соч. С. 22.
- ⁸⁸ Козлов В.И. Проблематика этничности. С. 50.
- ⁸⁹ Рыбаков С.Е. Философия этноса. С. 82.
- ⁹⁰ Там же. С. 83.
- ⁹¹ Губогло М.Н. Интегрирующая функция языка // Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1994. С. 239.
- ⁹² Рыбаков С.Е. Философия этноса. С. 85.
- ⁹³ Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001. С. 233.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности... С. 79.
- ⁹⁶ Smith A. National Identity. L., 1991. P. 14.
- ⁹⁷ Ibid. The ethnic origins of nations. Oxford, 1986. P. 136.
- ⁹⁸ Ibid. P. 149.
- ⁹⁹ Кисриев Э.Ф. Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998. С. 9.
- ¹⁰⁰ Van den Berghe P. The ethnic phenomenon. N.Y., 1982. P. 6.
- ¹⁰¹ Абашидзе А.Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М., Изд. "Права человека". 1996. С. 9.
- ¹⁰² Абдулатипов Р.Г. Парадоксы суверенитета. С. 80.
- ¹⁰³ Абдулатипов Р.Г. О федеративной и национальной политике Российского государства. М., Славянский диалог. 1995. С. 6.
- ¹⁰⁴ См.: Торукало В.П. Нация: история и современность. М., 1996.
- ¹⁰⁵ Абдулатипов Р.Г. О федеративной и национальной политике... С. 6.
- ¹⁰⁶ Абдулатипов Р.Г. Парадоксы суверенитета. С. 31.
- ¹⁰⁷ См. об этом: Коротеева В.В. Энтони Смит: историческая генеалогия современных наций // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994. С. 32.
- ¹⁰⁸ Миллер А.И. Бенедикт Андерсон: национализм как культурная система // Там же. С. 60.
- ¹⁰⁹ Миллер А.И. Теория национализма Э. Геллнера и ее место в литературе вопроса // Там же. С. 13.
- ¹¹⁰ См.: Kohn H. The Idea of Nationalism. The Study in its Origins and Background. N.Y., 1945.
- ¹¹¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 127.
- ¹¹² Цит. по: Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 31 .
- ¹¹³ Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspective. London, 1993. P. 105.
- ¹¹⁴ Андерсен Б. Указ. соч. С. 30.
- ¹¹⁵ Баньковская С. Воображаемые сообщества как социологический феномен // Андерсен Б. Указ. соч. С. 5.
- ¹¹⁶ Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. М., 1993. С. 15.
- ¹¹⁷ Барциц И.Н. Категория суверенитет в правовой теории и практике Российской Федерации // Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., РАГС. 1995. С. 7.
- ¹¹⁸ Ельцин Б.Н. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию "Об укреплении Российского государства". М., 1994. С. 1994. С. 48-49.
- ¹¹⁹ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности... С. 85.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ См.: Brubaker R. Op. cit.
- ¹²² Тишков В.А. Забыть о нации. (Постнационалистическое понимание национализма) // ЭО. 1998. № 5. С. 24.
- ¹²³ Цит. по: Дробижнева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М., 1996. С. 21.
- ¹²⁴ Рыбаков С.Е. Нация и национализм. С. 14.
- ¹²⁵ Seton-Watson H. Nations and States. An Enquire into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder, Colorado. 1977. P. 5.
- ¹²⁶ Коротеева В.В. Указ. соч. С. 19.

¹²⁷ *Хаванова О.В.* Два века европейского национализма. Что дальше? // Национализм и формирование наций. С. 45.

¹²⁸ *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 19.

¹²⁹ *Соколовский С.В.* Парадигмы этнологического знания. С. 9.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ *Barth F.* Op. cit. P.10.

¹³² *Брусина О.И., Осипов А.Г.* Межнациональные отношения: взгляд на проблемы Узбекистана // ЭО. 1993. № 3. С. 15.

¹³³ *Элез А.Й.* Указ. соч. С. 183.

¹³⁴ *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. С. 22.

Глава 2

Коллективные права этноса или право индивида на свободу этнической самоидентификации? Иллюзии этнической правосубъектности

"Впрочем, индивидуальность стоит далеко выше национальности, и по отношению к каждому данному человеку первая заслуживает в тысячу раз более внимания, чем вторая".

А. Шопенгауэр

Человеку неискушенному вопрос о правосубъектности этнической общности может показаться сугубо риторической фигурой, умственной конструкцией. К сожалению, даже многие этнологи-профессионалы (не говоря уже о российских парламентариях, работающих в Комитете по делам национальностей Государственной Думы и чиновниках «по национальному ведомству») полагают, что вопрос этот скорее «упражнение для ума» из сферы юридической антропологии, нежели актуальная проблема практической политики. К сожалению, это далеко не так. Тот или иной ответ на вопрос о том, может ли этническая общность быть субъектом права, стал своеобразным "водоразделом" между демократической и этнократической парадигмами в этническом нормотворчестве.

Тот или иной ответ на этот методологически значимый вопрос предполагает конструирование принципиально различных моделей этнической политики.

Этнос как субъект права: апологетика вредного мифа

Миф о том, что "этнос" как некое объективно существующее социальное единство может быть субъектом и объектом права, мобилизован в постсоветские годы исключительно для того, чтобы концептуально обосновать правомерность сохранения в России уродливой "асимметричной" модели этнического федерализма, столь невыгодно отличающей нас от иных более или менее цивилизованных государств, реализующих федерализм как форму территориальной демократии. Этот вредный и опасный миф создан для того, чтобы легитимизировать в массовом сознании и легализовать в праве претензию

этнократов на власть и контроль над ресурсами в так называемых "национальных республиках".

Эту мысль вполне бесхитростно и прямо проиллюстрировал один из апологетов этнического федерализма О. Егоров: «Правомочность принципа коллективного права дает жизнь принципу «самоопределения народов»¹. Действительно, если признать постулат о правосубъектности этноса (также как и сам онтологизированный этнос) мифом, то неизбежно придется признать сознательной мистификацией "право" той или иной этнокультурной общности на "свою" территорию и "свою" государственность, также как и "право" этнических, точнее, этнополитических элит выступать от имени "своего" народа.

Последнее обстоятельство хорошо отрефлектировано идеологами и апологетами этнократических режимов. Именно поэтому интеллектуальная активность части московских ("школа Р. Абдулатипова") и большинства республиканских политологов, этнологов и "нациеведов" (словечко, придуманное для того, чтобы маркировать профессиональную мутацию специалистов в области истории КПСС и научного коммунизма) направлена на модернизацию ортодоксального сталинизма в том, что касается трактовки феномена "нации" как стадии в развитии этнической общности вообще, и ее коллективных "прав", в частности.

Вот наукообразный образец вербализации такой позиции. А. Жириков убеждает своих читателей в следующем: *"Представляется правомерным рассматривать этносы... в качестве субъектов политики и права, формирующих то или иное состояние общества и государственности"*². Или в другом месте: *"Воздействие этнических отношений на политическую стабильность связано с институализацией этноса как субъекта политики и права. Концепция государствообразующей роли этноса дает основание для нового подхода к анализу национально-государственного устройства России, к современным федеративным отношениям"*³.

В приведенных цитатах обескураживает, прежде всего, пассаж об "институализации этноса". Как известно, институализация представляет собой "превращение какого-либо политического явления или движения в организованное учреждение, формализованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, иерархией власти различных уровней и

другими признаками организации: дисциплиной, правилами поведения..."⁴. Заменяем в этом определении слова "какое либо политическое явление или движение" на слово "этнос" и получим такую несусветную чушь, от которой поморщится даже самый закоренелый примордиалист.

В интерпретации А. Жирикова субъектом институционализации выступает так называемое "пушистое" множество, то есть статистическое множество индивидов, не имеющее определенных границ, некое сообщество людей, которые в данное время, в данной ситуации относят себя к той или иной этнокультурной общности; на периферии этнической группы всегда "располагаются" индивиды с размытой или множественной этнической идентичностью, потомки межэтнических браков, индивиды, "торгующие" своей идентичностью в зависимости от этнополитической конъюнктуры и проч. (А. Кузьмин по этому поводу совершенно справедливо заметил: "Идея, будто этнос может иметь какие-либо права как этнос, с юридической точки зрения выглядит просто безумной, потому что невозможно определить субъект... Определить этнос, по головам пересчитать, нельзя. Это вещь, связанная с самоидентификацией. Есть огромное число людей, имеющих множественную самоидентификацию"⁵.)

Даже если допустить недопустимую мысль о том, что границы "этноса" могут быть точно очерчены и может быть изобретен механизм его легитимного представительства, то и в этом случае говорить о единых устремлениях, единой воле, единых интересах такого онтологизированного этноса было бы абсурдно. Очевидно, что любое человеческое множество характеризуется сложной социально-профессиональной, половозрастной, региональной и прочей дифференциацией. Интересы различных социальных групп, разумеется, неоднородны, а часто и антагонистичны. Поэтому "выступление "всего народа" против или за что-то есть наиболее распространенный миф" (В. Тишков)⁶.

Субъектом процесса институционализации у А. Жирикова выступает сообщество-эфемерид, без процедурно определенного членства, внятных критериев отнесения к этому сообществу и, тем более, без сколько-нибудь легитимного представительства. А что представляют из себя "новые подходы к федеративным отношениям" в контексте "институционализации этносов" теперь очевидно даже для обывателей, далеких от этнополитических раздумий.

А. Жирикова, вероятно, воодушевляют бойня в Чечне, суверенизаторские амбиции Татарии, косовские катаклизмы и проч.

Апологеты этнической правосубъектности, конечно же, слышали о модных ныне идеях гражданского общества и приоритета прав личности (индивида) по отношению к правам любых, в том числе и, прежде всего, - этнических групп. Желая сохранить демократическую физиономию, они, как правило, формулируют такого рода сентенции: «В силу того, что любое право по сути своей не что иное, как право выбора, коллективные права не входят в противоречие и не ущемляют индивидуальных прав. Примеров тому достаточно. Вот некоторые. Хартия ООН начинается словами: «Мы, народы объединенных наций... (не «мы, люди», а «мы, народы»)». Давно уже признаны права женщин, однако никто никогда не воспринимал уважение прав женщин... как ущемление индивидуальных прав человека» (О. Егоров)⁷.

В том же ряду стоит и такой интеллектуальный пассаж. «То, что существуют коллективные права... отрицать неправильно, скорее нужно говорить о приоритете или отношении коллективных прав и индивидуальных... Скажем, право на то, чтобы язык той или иной группы был государственным. Это, конечно, коллективное право, оно не противоречит никакому индивидуальному праву, и не обязательно между индивидуальным и коллективным правами есть противоречие всегда» (Г. Тархан-Моурави)⁸.

Прежде всего, право, по сути своей, конечно же, не есть право выбора, а напротив, есть социальный консенсус по поводу ограничения индивидуального или группового выбора, противоречащего интересам большинства членов социума. (В. Тишков это формулирует так: "В любой правовой системе заключено своего рода базовое противоречие между двумя началами: регулирование или контроль за отклонением от нормы и поддержание статус-кво"⁹. М. Супатаев определяет право как "инструмент охраны и защиты культуры"¹⁰ от дивергентных личностей, которые сочтут, что право есть право неограниченного выбора.)

Далее, утверждение, согласно которому коллективные права не входят в противоречие и не ущемляют индивидуальных прав, - есть сугубо схоластическая конструкция, свидетельствующая о том, что автор не обременяет себя эмпирическими наблюдениями. Простейший пример: как только в политической практике реализуется коллективное "право коренной нации на государственное

самоопределение", незамедлительно подвергаются социальной и правовой дискриминации индивиды, не отождествляющие себя с самоопределившейся этнокультурной общностью. Скажем, претендовать на пост президента Башкирии не может гражданин России, не владеющий языком "титulyной" национальности этого этногосударственного субъекта РФ. Этот факт институализированной дискриминации находится в вопиющем противоречии с фундаментальными правами человека, с конституционным равноправием граждан РФ вне зависимости от их этнической, конфессиональной принадлежности и знания или незнания того или иного языка.

Что касается "народов объединенных наций", то читать это следует как "граждан объединившихся государств". Это замечание стало уже тривиальным, на нем не имеет смысла останавливаться специально. А что до прав женщин, то надо думать, речь идет не о коллективных правах некоей онтологизированной половой совокупности, а об индивидуальных правах вполне конкретных представительниц прекрасного пола. (У Л. Максимовича эта мысль представлена следующим образом: "Признание равноправия граждан (!) независимо от их естественных и социальных различий - в частности от пола... - базовый принцип законодательства"¹¹. Именно граждан, точнее – гражданок, но никак не "совокупной" женщины.)

Априорное утверждение о том, что коллективные права этнической общности и права индивида взаимодополняют друг друга и не находятся в противоречии друг с другом мы находим в сочинениях почти всех сторонников консервации этногосударственного устройства России. Чаще всего это утверждение формулируется в виде общепризнанной аксиомы и не подтверждается какой бы то ни было аргументацией. Вот наиболее характерные примеры вербализации этого концепта. "Субъектами должны быть как индивиды, так и сама группа. В основу закона должно быть положено право личности в сочетании с коллективными правами меньшинств"(А. Абашидзе)¹². Или: "Говорить в законе нужно об обоих элементах социального бытия: как личности, так и этнической группе. Обе они - реальности с которыми нужно считаться и работать" (В. Пименов)¹³.

Особенно интересно мнение Г. Тархан-Моурави: «Я думаю, что одно из направлений, куда могло бы двигаться такое право, - это право формулировать

свое право на самоопределение... Первый шаг – иметь право формулировать какие-то свои права, коллективные или индивидуальные»¹⁴. Мысль о том, что право должно формулировать свое право, сама по себе заслуживает внимания. Что же касается смелого "первого шага", то ситуация, при которой всяк желающий будет формулировать "какие-то свои права" как раз и будет означать конец права как такового.

Столь же экстравагантна система аргументации О. Егорова. Он, в частности, пишет: «Что касается мифа, будто коллективные права якобы ослабляют права человека, то ни один правовой документ не является изолированным или одиночным явлением»¹⁵. Полемицировать с такой позицией не представляется возможным ввиду ее полной непонятности.

К сожалению, отрицание оппозиции индивидуальных и групповых прав в этническом контексте, попытки "примирить" право индивида на свободу этнокультурной идентичности и право этноса как неразделенного целого на свободу самоопределения свойственны и профессиональным этнологам и специалистам в области международного права. В частности, этнолог-романтик, самозабвенно и увлеченно противящейся дискриминации представителей малых народов Севера, Н. Новикова сокрушается о том, что "в политическом сознании и общественном мнении в России сложился странный конфликт, когда права коренных народов рассматриваются как противоречащие правам человека"¹⁶ и утверждает, что "некоторые права индивидов могут быть защищены только через коллектив"¹⁷.

Да, права представителей народов Севера на традиционное землепользование нуждаются в защите и оптимально могут быть реализованы в составе группы. Но не этнической группы! В традиционной для этих народов культуре жизнеобеспечения могут существовать и представители иных этнических общностей. Недопустимо предоставлять преференции и льготы по этническому принципу. Действительно, северные оленеводы могут быть объектом протекционистской политики со стороны государства, но как отдельные представители определенной социально-профессиональной, а не этнической группы. Инкорпорированные в состав этой общности индивиды с отличной от малых народов Севера этнической идентичностью, должны пользоваться государственной поддержкой наряду с последними.

Известный юрист, крупный специалист в области защиты прав национальных меньшинств С. Юрьев полагает, что "проблема противопоставления индивидуальных и групповых прав во многом искусственна, ибо по своей природе культурные и языковые права не могут не быть коллективными... Многие обязанности государств направлены на поддержку культуры, религии, языка, то есть таких форм проявления самобытности, которые реализуются исключительно в относительно устойчивой социальной группе¹⁸. Вряд ли можно согласиться с этим утверждением. Из того факта, что права на свободу культурной, конфессиональной, языковой идентичности реализуются, как правило, в составе группы, вовсе не следует, что это право коллективное. Именно индивид вправе выбирать, как и с кем реализовывать это право, ассоциироваться для этого с группой единомышленников, или делать это сугубо индивидуально. Например, индивид свободен в своем праве исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

И все-таки противоречие между правами индивида и правами этнической группы столь очевидно, что даже наиболее ортодоксальные сторонники доминирования коллективных прав вынуждены констатировать его практическую неразрешимость. В этом контексте весьма показательным признанием С. Червоной, - яркого представителя той интеллектуальной традиции, в соответствии с которой Россия - это "империя зла", "тюрьма народов" в которой кровожадное и агрессивное этническое большинство всячески подавляет устремления меньшинств к коллективному самоопределению и суверенитету.

Итак, она пишет: «Я не знаю, как развязать это противоречие на правовой основе, в чисто юридических терминах, но хорошо понимаю, что, обращаясь к этносоциальной сфере, к этническим процессам, к национальному самосознанию и национальным движениям, мы просто не можем не касаться коллективных интересов и коллективных прав, ибо сама этничность проявляется и функционирует в коллективной жизни, определяется понятием «мы». И дискриминация по этническому принципу предполагает, прежде всего, нарушение групповых, коллективных прав»¹⁹.

Трудно не согласиться с С. Червоной в том, что касается попыток "развязать" описанное выше противоречие. Каким образом можно это сделать "в юридических терминах" не знает не только профессиональный борец с

великодержавным шовинизмом, но и профессионалы в области этнополитологии и юридической антропологии. Вероятно потому, что сделать это юридически корректно попросту невозможно.

Что же касается утверждения о том, что дискриминация по этническому принципу предполагает, прежде всего, нарушение групповых, коллективных прав, то этот постулат вызывает серьезные сомнения. Напротив, представляется, что дискриминируют чаще всего не абстрактное статистическое множество, увольняют с работы, оскорбляют, избивают, насиуют вполне конкретных людей, индивидов. Даже если дискриминация связана с этнокультурной идентичностью дискриминируемых, то это вовсе не означает, что дискриминируют этнокультурную группу.

К величайшему сожалению, группоцентристский недуг поразил сознание тех, кто призван обеспечить формирование нормативно-правовой базы регулирования этнических процессов в России. Именно идея коллективной правосубъектности этнической группы стала "камнем преткновения" в работе Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ. За исключением Закона РФ "О национально-культурной автономии" все прочие уже принятые законы и проекты законов, находящиеся в "портфеле" указанного Комитета, строятся на концептуальном фундаменте группоцентризма. Именно в этом причина нерезультативности, а порой и явной конфликтогенности всего пакета "этнических" законов, предложенных российским Парламентом.

Наиболее опасен в этом контексте проект Закона "Об уполномоченном Федеральном Собрании РФ по правам граждан и народов на национально-культурное развитие". Абсурдна сама идея введения неконституционной должности подобного уполномоченного: совершенно непонятно кто и на каком основании может представлять интересы тех самых "народов" в диалоге с подобным чиновником. Примечательно, что авторы этого законопроекта пытаются представить свое "уродливое дитя" как интеллектуальную новацию в этническом нормотворчестве. Приведу их высказывания по этому поводу на заседании "круглого стола", состоявшегося в ГД РФ 11 апреля 2000 года. М. Губогло полагает, что "основным препятствием на пути этого закона будут наши комплексы, что вот, дескать, на Западе приоритетом являются права личности и поэтому мы не можем начинать интеллектуальный, правовой,

концептуальный прорыв в сторону групповых прав, в сторону национальных прав, в сторону совокупности этнического правового поля, в сторону создания законодательной базы для регулирования межнациональных отношений"²⁰. А. Абашидзе в свою очередь сетует на то, что приходится считаться с международным правом и включать в название законопроекта упоминание о правах граждан: "мы стараемся и одновременно не противоречить международно-правовым подходам, а международно-правовой подход заключается в том, что там почти все документы предполагают уважение права лиц, принадлежащих к чему-то, то есть там акцент, в первую очередь, делается на индивидуальный подход. В связи с этим название имело два понятия – "граждан и народов", хотя изначально хотели поставить только "народов"²¹. (Примечательно, что в одной из своих статей А. Абашидзе констатировал тот факт, что "индивидуалистский подход ООН к проблемам меньшинств был предопределен позицией западных стран, которые считали, что права "групп" являются идеологией марксизма, которая, по их мнению, ущемляет личные свободы индивидов"²². Констатация, в общем и целом справедливая, только в данном случае уместнее было бы говорить об идеологии сталинизма. Сам же автор цитируемых строк, вероятнее всего, сочинений И. Сталина не читал, и поэтому группоцентристский подход рецидивами сталинской доктрины нации не считает.) Очевидно, что, будучи принятым в качестве федерального закона, законопроект "Об уполномоченном..." спровоцировал бы бесчисленные спекуляции этнических антрепренеров, выдающих собственные интересы за интересы "своего" народа.

Группоцентристский изъян присущ и проекту Закона "Об основах государственной национальной политики Российской Федерации". Преамбула этого законопроекта провозглашает: "Настоящий Федеральный определяет правовые основы государственной национальной политики Российской Федерации в целях обеспечения прав народов России на национальное развитие"²³. Нет нужды специально объяснять, что в случае одобрения большинством депутатов ГД РФ, этот рамочный нормативный акт законодательно утвердит идею коллективной правосубъектности этнических групп в качестве базового концепта всего этнического правового поля. Этого допустить никак нельзя! Когда я говорю об этом председателю Комитета по делам национальностей В. Никитину (я имею честь состоять его помощником), он

обычно парирует это следующим образом: "Ведь существует же международное законодательство о правах национальных меньшинств!". Но хотя совокупность нормативных актов (как международных, так и национальных) условно называется законодательством о правах меньшинств, однако речь в конкретных нормативных актах идет не о коллективных правах малых этнических групп, а о правах граждан, к этим группам принадлежащих. Однако об этом ниже.

К курьезам группоцентризма следует отнести и проект Закона "О русском народе", не содержащим фактически ни одной собственно правовой нормы. Этот документ скорее представляет собой странную декларацию того, что русский народ самый хороший и самый главный в России. Понятно стремление авторов этого законопроекта защитить представителей этнического большинства от дискриминации в качестве "нетитульного" населения "национальных" республик. Однако благая цель не оправдывает непрофессионализм исполнения законопроекта. Следует не пытаться провозгласить русских "титульными" на всей территории страны, а, напротив, ликвидировать деление граждан России, проживающих на территории этногосударственных образований на "титульных" и "нетитульных". А это можно сделать, только унифицировав статус субъектов Российской Федерации.

В теоретических конструкциях сторонников группового этнического самоопределения все выглядит решительно наоборот. По мнению М. Губогло "*защита групповых прав*, достигаемая за счет обеспечения официального статуса языкам *титульных наций*, преподаванию языка своей национальности, доступ к радиовещанию и средствам массовой информации, признания особенностей в религиозной жизни, бесспорно, дают носителям защищаемых языков, религий и культур ощущение уверенности в том, что на их этническую идентичность не будет посягательств и что эта идентичность будет сохранена и защищена"²⁴. О том, что такого рода "защита групповых прав" пресловутых "титульных наций" означает в политической практике дискриминацию представителей нетитульных этнокультурных групп из тактических соображений умалчивается.

М. Губогло патетически предрекает: "Двуглавый российский орел не сможет лететь в будущее с одним крылом, как бы это крыло – права человека – ни превозносили сторонники западной демократии"²⁵. Есть основания думать, что двухголовый мутант не будет летать ни с одним, ни с двумя крыльями, как бы его

не превозносили сторонники восточной этнократии.

Право личности на свободу этнической самоидентификации

Если для апологетов этнического федерализма коллективные права этнических групп априорно значимее, нежели права индивида, то критики политизации этничности не только подвергают сомнению правосубъектность этносов, но и полагают, что реализация базовых гражданских прав просто снимает актуальность поисков механизма обеспечения прав какой бы то ни было группы. А. Даниэль аргументирует этот постулат следующим образом: необходимость прибегать к коллективным правам «для защиты некоторых бесспорных общественных и моральных ценностей» отсутствует, поскольку «существует фундаментальное и бесспорное право личности – право на защиту от дискриминации и весь пафос этого права состоит в том, что людей нельзя объединять и дискриминировать по коллективному признаку»²⁶.

Но признание принципа правосубъектности этнической группы не просто бессмысленно в условиях гражданского общества, оно прямо антагонистично правам человека. Ученые демократической ориентации настаивают на том, что «реализация этого принципа... принципиально несовместима с соблюдением индивидуальных прав»²⁷. Коллективное самоопределение этнической группы неизбежно связано с дискриминацией по этническому принципу, так как «иная форма реализации этого принципа просто невозможна» (Б. Цилевич)²⁸.

Совершенно очевидно, что политическое «самоопределение» этнической элиты, выступающей от имени некоторой этнокультурной общности, на той или иной территории неизбежно связано с узурпацией определенных преференций для членов «самоопределившейся группы». В противном случае самоопределение теряет всякое целеполагание. Любые льготы и привилегии приобретают смысл только тогда, когда есть те или иные (в данном случае – этнические) контрагенты, которые этих льгот и привилегий лишены. Таким образом, провозглашение коллективных прав представителей одной этнической общности неизбежно влечет за собой ущемление прав представителей иных этнокультурных сообществ. Нет необходимости специально объяснять, что подобная этноконтрактная ситуация конфликтогенна по своей сути. Вот как это с присущим

ему темпераментом комментирует А. Кузьмин. «Когда мне говорят: наш великий народ, будь то этнос или население этой территории, хочет, мол, этого и поэтому мы самоопределяемся, это бессубъектно, во-первых, и смертельно опасно, во-вторых. Потому что права личности обеспечены государством, при самоопределении "народа" это государство разрушается, начинаются этнические чистки и войны, дискриминация... Я не вижу оснований поощрять этот беспредел даже в риторике»²⁹. Или в другом месте: «В тот момент, когда какая-то статистическая общность получает право без ограничений, в том числе тех ограничений, которые приняты на себя государством в области правозащиты, самоопределяется, говорить о каком бы то ни было соблюдении прав вообще становится бессмысленно. Потому что просто нет субъекта, который должен это право соблюдать»³⁰.

На бессубъектности группового этнического права настаивает и один из наиболее компетентных, на мой взгляд, специалистов в области юридической антропологии – А. Осипов: «Статистическое или символическое множество (этническая группа или население территории) не может рассматриваться как субъект права – нет субъекта ответственности... Идея односторонних, ничем не ограниченных действий от имени подобного множества – это идея революции, а логика революции и логика права плохо сочетаются друг с другом»³¹.

На отсутствии субъекта ответственности в коллективном праве этнической группы стоит остановиться подробнее. Вполне очевидно, что право неотделимо от ответственности, соответственно, коллективное право есть обратная сторона коллективной ответственности. Что представляет собой коллективная ответственность в этническом контексте очень хорошо известно. Именно этот концепт, сконструированный И. Сталиным, стал основанием для тотальных депортаций этнических групп. Репрессированные народы – это и есть реализация принципа коллективной правосубъектности этносов в политической практике. Об этом, почему-то, апологеты "группоцентризма" предпочитают умалчивать.

Этническое сообщество нельзя ни наказать, ни облагодетельствовать прежде всего потому, что оно ситуативно, подвижно, не имеет четких социальных границ, определенного членства. Нет иного способа отнесения индивида к такому сообществу, кроме выяснения его собственной идентичности, а она может

меняться, или быть множественной, конъюнктурной. И совокупность индивидов, которые в данный момент декларируют определенную этнокультурную идентичность также не может быть субъектом права, так как суждения о способах и целях реализации такой идентичности в данном сообществе будут весьма и весьма различны. В силу этого, "этническая общность не может быть субъектом государственного права." (С. Романенко)³². Правом так или иначе реализовывать свою этнокультурную идентичность может располагать только отдельный индивид. Один из наиболее последовательных борцов с группоцентристской идеологией – С. Чешко декларирует это таким образом: "Безусловный императив современной эпохи – принцип первичности именно индивидуальных прав"³³. А. Осипов настаивает на том, что в демократическом обществе, обеспечивающем безусловную защиту прав человека, "вопрос о коллективном обеспечении индивидуальных прав не встает"³⁴.

Добросовестные, этнополитически неангажированные юристы, признают, что при конструировании нормативной базы, призванной регулировать этнические процессы и межэтнические взаимодействия, можно исходить только из признания безусловного права индивида на свободу определения собственной этнокультурной идентичности (или идентичностей) и выбор форм ее реализации. Иными словами, этнические права - это частный аспект прав человека вообще. Только в этом контексте можно говорить о праве как таковом, попытки правовой интерпретации онтологизированных этносов означают выход за рамки собственно правовых отношений. Соответственно, только в том же контексте должны рассматриваться все проблемы "этнического самоопределения", в том числе и проблема правомерности "политического самоопределения этносов". В ходе конструирования новых принципов устройства Российской Федерации «на первое место должна быть поставлена категория прав человека, которая, хотя и не является абсолютной..., однако признана современным правом и, главное, позволяет выстроить некую модель должных, то есть сугубо правовых подходов при разрешении сложных национально-государственных проблем современности» (С. Юрьев)³⁵.

Безусловно, самый авторитетный российский специалист в области политической антропологии - В. Тишков в этой связи пишет: "Субъект самоопределения – это, прежде всего личность, гражданин, а на коллективном

уровне - это не этнос, а демос, то есть территориальное сообщество... что не отменяет, а, наоборот, обогащает этнокультурный аспект самоопределения"³⁶. В рамках территориального (или государственного) сообщества индивид вправе свободно реализовывать свою этнокультурную идентичность или персонально, или совместно с иными членами определенного этнокультурного сообщества в любых формах, предусмотренных принципом национально-культурной автономии (иными словами, принципом экстерриториальной персональной автономии).

Коллективные "этнические" права как совокупность прав ассоциированных индивидов.

Фундаментальный принцип национально-культурной автономии подразумевает гармоничное сочетание индивидуальных и групповых прав в сфере этнического самоопределения. "Именно индивидуальные права и свободный выбор лучше всего обеспечивают и возможность коллективного самоопределения. Приоритет индивидуальных прав обусловлен не только тем, что в демократическом обществе человек как таковой – главная социальная ценность и носитель фундаментальных гражданских прав, но и тем, что только такой подход ведет к реализации к реализации прав групповых" (С. Чешко)³⁷.

Важно подчеркнуть, что отрицание коллективного права этнической общности отнюдь не означает отрицание коллективных прав группы носителей этнических свойств (этнофоров), добровольно ассоциированных в то или иное общественное объединение для совместной реализации права на свободу этнической самоидентификации. В равной степени индивид, имеющий множественную этнокультурную идентичность, свободен участвовать в двух или нескольких этнокультурных ассоциациях, объединяющих представителей различных этнических общностей. Наконец, индивид вправе никоим образом не проявлять своей этнической идентичности и не участвовать в деятельности каких бы то ни было этнокультурных общественных организаций.

В этом, и только в этом и состоит право на свободу этнического самоопределения. "Народ – это совокупность личностей. Самоопределяется личность. Если у нее есть препятствия для личностного самоопределения, она

имеет право, добровольно объединившись с другими личностями, не объявляя себя народом", заявить о своих этнокультурных правах (А. Кузьмин)³⁸.

Обращаю особое внимание читателя на существенный момент: не объявляя себя народом! Напротив, в интерпретации этнократов субъектом этнических прав выступает "не коллектив индивидов, образующийся в результате их сознательного или инстинктивного выбора, а некая недифференцированная и вечная общность, посредством которой индивид становится носителем определенных прав. Фактически подразумевается, что такая группа выступает как единое целое, обладает единой волей, едиными интересами. Более того, каждый член группы не только обладает правами, но и обязан иметь эти права, быть полностью лояльным к идее этого якобы существующего единства" (С. Чешко)³⁹. Такая трактовка этнической правосубъектности служит идеологическим обоснованием правомерности и законности этнократических режимов, этнического сепаратизма, этнических чисток и прочих мерзостей, легитимизируемых посредством этничности.

Следует подчеркнуть, что в вопросе об этнической правосубъектности принципиально невозможны никакие компромиссы, никакие допущения даже мысли о возможности коллективных прав неких сообществ, члены которых называют себя "этносом", "нацией", "народом". В полемике по этому поводу нельзя допускать двусмысленности, неточные формулировки, которые могут быть интерпретированы адептами группоцентризма как признание, пусть даже косвенное, правомерности их интерпретаций.

В. Тишков, например, пишет: "*Основанные на этничности коллективные права* – это обоюдоострое оружие... В недостаточно развитой гражданско-правовой культуре *групповые права* могут использоваться для необоснованных преференций, для узурпации власти меньшинством и даже для разрушения общего государства"⁴⁰. Некорректная формулировка в целом справедливой идеи (или избыточная толерантность позиции?) может приятно волновать воображение пропагандистов пресловутого "права наций на самоопределение". Автор приведенного высказывания не уточняет, к сожалению, кто является носителем тех самых "основанных на этничности коллективных прав"? Чьи "групповые права" могут использоваться в "недостаточно развитой" правовой культуре? Коллективов или институтов, выстраиваемых по этнокультурному принципу?

Или "этносов", "наций"? Вряд ли наиболее авторитетный российский концептуалист конструктивизма имел в виду последние. В другой работе В. Тишкова мы находим еще более категоричное утверждение: "*Безусловно, есть коллективные права, но они только достраивают механизм индивидуальных прав человека, которые важнее. Коллективные права важны, но вокруг них много манипуляций. В целом они выполняют только дополнительную функцию по отношению к личным правам и свободам*"⁴¹. И вновь тот же дефект формулировки!

В демократической парадигме право на свободу этнокультурной идентичности декларируется от имени индивида или группы индивидов и не имеет никакого отношения к праву абстрактного "этноса" на политическое самоопределение. В этом состоит фундаментальное различие в демократической и этнократической интерпретации коллективной правосубъектности в этническом контексте. «Права индивида, реализуемые в коллективе, в ассоциации, совместно с другими людьми, "специальные права" – особые права лиц, относящихся к определенным категориям (женщины, инвалиды, беженцы), и «право» группы как таковой... - это совершенно разные вещи, хоть и обозначаемые иногда одним понятием «коллективные права» (А. Осипов)⁴². Аналогично: «Коллективные права могут и должны интерпретироваться прежде всего как коллективная форма реализации индивидуальных прав» (С. Сироткин)⁴³.

В этом контексте имеет смысл коснуться проблемы "защиты прав национальных меньшинств". Это идиоматическое выражение стало "символом веры" этнополитиков, стремящихся интерпретировать международное законодательство в группоцентристской парадигме. Дескать, Россия, подписав важнейшие международные соглашения, приняла на себя обязательство защищать малочисленные народы и теперь должна обеспечивать им всевозможные льготы и преференции. Однако это - явная фальсификация. Интересующие нас международные правовые акты не могут служить аргументом в пользу группоцентристского подхода по той простой причине что речь в них идет именно об индивидуальных правах представителей малых этнокультурных групп. "*Отсутствие в международных актах характеристик тех или иных прав как принадлежащих именно меньшинству, а не индивиду*" подчеркивает С. Юрьев⁴⁴. Этот известный специалист в области защиты прав национальных меньшинств в

своем фундаментальном исследовании констатировал, что "основные международные акты в этой сфере посвящены *не столько меньшинствам, сколько лицам, принадлежащим к меньшинствам*"⁴⁵. Для того, чтобы приобрести правосубъектность представители малочисленных народов должны объединиться в то или иное общественное объединение, имеющее определенное членство и представительство. «Важнейшей формой институционализации меньшинства является самоорганизация индивидов в добровольные объединения (общественные организации, национально-культурные общества и т.п.), обладающие правоспособностью по законодательству соответствующих государств» (С. Юрьев)⁴⁶. Однако социальные структуры, ассоциированные по этническому принципу не приобретают каких бы то ни было особых, дополнительных прав по отношению к правам отдельных носителей этнических свойств, пожелавших объединиться в этих структурах. Все это дает основания сомневаться в правомерности трактовки прав национальных меньшинств, пусть даже институционализированных в виде устойчивого общественного объединения как прав коллективных, групповых. Б. Цилевич замечает по этому поводу: "По сути дела, чтобы учить детей украинскому языку, - да, я должен как член общества найти группу единомышленников; если нас достаточно много, то мы либо сами платим за это, либо требуем, чтобы государство удовлетворило эту нашу, как налогоплательщиков, культурную потребность"⁴⁷. При этом государство удовлетворяет этнокультурные потребности индивидов не как представителей той или иной этнической общности, а как граждан, налогоплательщиков данного государства, которое (в идеале) должно быть абсолютно индифферентно к этнической идентичности своих подданных. Этничность – частное дело индивида.

Субъект права на самоопределение

Определение субъекта права на самоопределение является частным вопросом рассмотренной выше проблемы этнической правосубъектности. Вместе с тем, ответ на вопрос о том, что или кто является субъектом права на самоопределение, имеет принципиальное значение. Тот или иной ответ на этот вопрос отчетливо позиционирует и ученых, и политиков, так или иначе

трактующих и конструирующих отечественную модель федеративного устройства страны.

Очевидно, что тяготение к тому или иному полюсу континуума мнений и по вопросу об этнической правосубъектности вообще, и по вопросу о субъекте права на самоопределение, в частности, детерминировано концептуальной принадлежностью к конструктивистской или премордиалистской трактовке этничности. Принципиальная разница в понимании права на самоопределение между теми, кто трактует этнос как устойчивую социальную общность, и теми, кто понимает этничность, как особый тип идентичности состоит в следующем.

Первые считают, что "право на самоопределение представляет собой возведенную в закон *волю народа*" (К Калинина)⁴⁸. По мнению вторых, напротив, «право на самоидентификацию предполагает, что гражданин вправе свободно, без какого-либо воздействия, лично выбирать, считаться принадлежащим к меньшинству или нет, причем такой выбор не влечет каких-либо неблагоприятных последствий, а реализация прав, связанных с данным выбором, не может ставить лицо в невыгодное положение» (С. Юрьев)⁴⁹. Таким образом, субъектом права на самоопределение в первом случае выступает абстрактный «народ» (этнос), во втором – индивид, реализующий свою этнокультурную идентичность.

К сожалению, при всей кажущейся простоте определения позиций в отношении субъекта права на самоопределение, проблема эта оказалась чрезвычайно запутанной.

Доктринальное наследство, полученное от "марксистско-ленинской теории наций", а точнее – от ее интерпретаторов, не оставляло никаких надежд на разумную операционализацию концепта и вычленение субъекта самоопределения. Один из патриархов советской школы международного права, в середине прошлого века вербализовавший позицию СССР в международных организациях вспоминает: «На заре антиколониальных революций мы предложили следующее определение: *«Субъектом права на самоопределение являются народы, нации и народности, а также народы, состоящие из наций, народностей или национальных групп, имеющие общую территорию, имеющих одну или несколько других общностей (историческую, культурную, языковую, религиозную и т.п.) и объединенные общностью цели, которую они хотят достичь*

посредством самоопределения. Эта *дефиниция была подтверждена практикой...*» (Г. Старушенко)⁵⁰. Приведенное определение субъекта этнического самоопределения способно повергнуть в отчаяние любого, кто попытается понять, в каком же соотношении находятся между собой "народы, нации и народности, а также народы, состоящие из наций, народностей или национальных групп", и что из чего состоит "народы" из "наций" или, наоборот "нации" из "народов"! Не станем специально останавливаться на том, каким образом эта "дефиниция" была подтверждена практикой.

В этом же ряду стоит и описание субъекта самоопределения, предложенное К. Калининой: "В науке международного права принцип самоопределения наций (народов) определяется как воля большинства народа, проживающего на данной территории, свободно определять свой политический статус и осуществлять экономическое, социальное и культурное развитие... *Важно при этом обратить внимание на толкование понятия "нация". В международной правовой практике подчеркивается, что нация является субъектом права на самоопределение при условии, что "субъект права на самоопределение" шире, чем понятие "нация"*⁵¹. Тут уже совершенно невозможно понять, что хотел сказать автор: нация шире субъекта, субъект шире, чем нация и при каком условии одно шире другого.

Но, пожалуй, самое экстравагантное определение субъекта самоопределения предложил А. Козлов, который следующим образом обнародовал свою позицию: "Прежде всего, спорным является понимание субъекта права на самоопределение. Так некоторые исследователи усиленно подчеркивают, что, говоря о праве на самоопределение, следует иметь в виду не нацию, а народ, поскольку ни одна *нация не существует в чистом виде*, а есть народы, составляющие единое территориальное целое. Однако здесь, на наш взгляд, произошла путаница. Право это, как и зафиксировано в международных конвенциях и декларациях, имеет нация. Именно *нация, давшая название народу и составляющая, как правило, его большую часть*, может самоопределяться. Этого права не может иметь какая-то *аморфная территория, не имеющая определенных территориальных характеристик и выраженного национального самосознания*"⁵². Трудно понять, что же такое "нация, давшая название народу и составляющая, как правило, его большую часть"! И что такое "народы,

составляющие единое территориальное целое"! Но понять, что такое "территория, не имеющая территориальных характеристик" и каким образом "аморфная территория" может иметь или не иметь "выраженное национальное самосознание" просто нельзя. При всем том, А. Козлов понимает, что с терминологией "произошла путаница", и, вероятно, всерьез полагает, что именно он, наконец-то все распутал!

Подобный терминологический хаос чрезвычайно затруднил научную интерпретацию принципа самоопределения, с одной стороны, и открыл безграничные возможности для политических спекуляций этнических антрепренеров, с другой стороны. Как справедливо отметил С. Чешко "В результате причудливого переплетения старых и новых понятий, сугубо конъюнктурных идеологических построений, а то и просто невежества термин "нация" у нас стал существовать как бы в двух измерениях в разных его значениях в зависимости от политических интересов"⁵³. В. Тишков настойчиво обращает внимание на то обстоятельство, что спор о содержательном насыщении термина "нация" выходит далеко за пределы сугубо терминологического спора, в зависимости от того или иного перевода английского слова *nation* зависят все концептуальные построения в связи с принципом самоопределения наций. "У нас иногда переводят, идя на сознательную или неосознанную фальсификацию, либо просто по инерции, английское слово *nation* народ или наоборот *people* как нация. Поэтому в русских текстах присутствует понятие "право наций на самоопределение", и это радикально отличается от того смысла, который является общепризнанным"⁵⁴.

Итак, примордиалистская по своей сути позиция формулируется таким образом: "По мере нарастания освободительной борьбы в колониальных империях... Устав ООН в 1945 году зафиксировал право народов на самоопределение как норму международного права... Впервые субъектом международного права стало не государство, а народ. И в современном международном праве субъектами этого права признаются все народы, независимо от того, имеют они свою государственность или нет" (К. Калинина)⁵⁵. Аналогично: «Принцип самоопределения... признает право на самоопределение за всеми без исключения народами» (Г. Старушенко)⁵⁶. Очевидно, что в этой парадигме субъектом самоопределения выступают "народы" в этническом

понимании этого слова.

Со всей определенностью эта позиция сформулирована Р. Хакимовым: "Ситуация в России такова, что *коренные народы (татары, башкиры, якуты и др.)* ясно провозгласили свои претензии на роль *государствообразующих этносов*. Более того, они укрепляют свои суверенные республики, иначе говоря, *самоопределяются (в рамках России), исходя из собственных интересов*"⁵⁷. Советник Президента Татарстана, автор доктрины "татарстанизма" (официальной доктрины Татарстана, согласно которой "татарстанская нация включает в себя представителей всех этнокультурных общностей, проживающих в Республике) на сей раз решил не лукавить, а прямо заявить о том, что татары как государствообразующий этнос самоопределяется в Татарстане исходя из собственных интересов. Впрочем, и это не совсем так: самоопределяется не абстрактный "татарский этнос" а вполне конкретная татарская этнополитическая элита, и не в интересах татар, а в интересах татарских этнократов.

Среди сторонников примордиалистского подхода разногласия обнаруживаются только в интерпретации форм этнического самоопределения.

Приведем наиболее одиозную по причине своей конфликтогенности позицию, присущую большинству апологетов уже сформировавшихся этногосударственных образований с этнократическими режимами правления. Так Ю. Барсегов утверждает, в частности, что «в то время как в качестве субъекта территориального спора могут выступать только государства, оспаривающие друг у друга осуществление суверенитета в определенных пространствах, *субъектами права на самоопределение являются народы, отстаивающие свое неотъемлемое право свободно определять свою судьбу, в том числе и политический и правовой статус своей территории*»⁵⁸. Таким образом, по мнению автора, всякий "народ" вправе самоопределяться в политической (государственной) форме вне зависимости от того, что по этому поводу думают представители иных этнических сообществ, проживающих на той же или сопредельной территории.

В этом контексте следует обратить внимание еще на один концепт, сформулированный С. Червоной. "Если мы ведем речь о национально-государственном строительстве, о праве народа на самоопределение, мы просто никуда не можем уйти от таких важнейших в данной сфере понятий, как "коренной" (в других терминологических версиях – "автохтонный",

"аборигенный") народ. Проблема самоопределения народов ни теоретически, ни практически не может быть решена, если не связана с правами коренных народов, чьи земли подверглись аннексии и колонизации. И статус коренного народа определяется не процентным соотношением большинства с меньшинством, ни обширностью занимаемой им территории... "Коренным" народом является тот народ, чей этногенез совершился на данной территории"⁵⁹. Итак, вне зависимости от численности, характера расселения, сложившихся государственных или административных границ любое статистическое множество людей, заявивших, что они здесь самые "автохтонные", вправе претендовать на "свою" государственность! Любопытно, как отнеслось бы научное, а тем более – политическое сообщество к чудаку, который не шутя начал бы отстаивать сегодня право гуронов на создание собственного государства в Квебеке? Или идею государства айнов на территории Японии? Как отнеслись бы американцы к перспективе создания суверенного государства типаи-ипаи в Калифорнии? Казалось бы, параноидальность подобных интеллектуальных конструкций вполне очевидна. Но в нашей стране, как это не прискорбно, С. Червоная фактически озвучивает конституционную концепцию государственного строительства. Именно эти абсурдные идеологемы заложены в основу национально-государственного строительства в Российской Федерации.

(А. Осипов совершенно справедливо полагает, что взгляды "такого рода - это часть националистического дискурса, то есть разговоры о том, как отделить «коренное» население от «некоренного», «народ» от «меньшинства», отказав «некоренным этносам» и «меньшинствам» в политическом самоопределении" и напоминает, что "образцы такого подхода хорошо известны, как и последствия его практического использования". В данном контексте, С. Червоную следует отнести к тем "умельцам, которые всерьез полагают, что можно в каждом случае найти четкие и объективные критерии вычленения местной «высшей расы», то есть отделения «полноправных» категорий от «неполноправных», мало того, убедить участников конфликтной ситуации в истинности такого подхода"⁶⁰.)

Заслуживает внимания и еще одно высказывание С. Червоной: "Ни одно "национальное государство", даже самое гомогенное, не существует и не развивается без своих внутренних "инонациональных" меньшинств, и чрезвычайно важно, чтобы *этим меньшинствам и их представителям* были

обеспечены все *соответствующие* демократические нормы и права"⁶¹. В соответствии с логикой этого высказывания следует признать самостоятельное существование собственно прав меньшинств и отдельно от них - прав их представителей. Каким образом можно нормативно операционализировать такого рода подход? Какие коллективные права может адресовать законодатель "национальному меньшинству" сверх тех прав, которыми могут располагать их отдельные представители?

Нужно иметь в виду, что реализация в политической практике этнополитических принципов, предлагаемых С. Червонной, неизбежно ведет к этнической дискриминации. Как отмечает В. Кучериненко, при таком подходе "в любом случае субъектами права остаются лишь представители титульного этноса, все остальные жители страны – лишь объекты, которым милостиво даруются права, в действительности принадлежащие им от рождения"⁶².

Более демократична, а потому менее конфликтогенна трактовка субъекта самоопределения, предложенная И. Блищенко: «Когда мы говорим о праве народов и наций на самоопределение, то должны иметь в виду, что речь идет о народах, проживающих на данной территории. Всех народов»⁶³. Однако, при всей кажущейся привлекательности такая позиция столь же методологически ущербна, как и откровенно этнократическая позиция. Субъектом самоопределения признаются онтологизированные народы-этноты, а не индивид, отождествляющий себя с тем или иным этнокультурным сообществом. Более того, автор исходит из сугубо умозрительной схемы, согласно которой на какой-то "территории" могут проживать "народы". На самом же деле, на любой территории проживают лишь отдельные представители этих "народов" (речь может идти только о степени компактности расселения той или иной этнической общности), народы же, а точнее – совокупности индивидов с той или иной этнокультурной идентичностью, проживают с различной степенью дисперсности на территории, которая практически не может быть очерчена ввиду ситуативности расселения этнофоров (носителей этнического самосознания). Да в этом и нет нужды: самоопределится даже на очерченной таким образом совокупность индивидов с определенной этнической идентичностью не может, так как на той же территории неизбежно будут проживать множество индивидов с иной этнокультурной идентичностью. Даже если бы И. Блищенко резюмировал

свой пассаж словами "весь народ", он все равно был бы далек от истины: даже территориальная общность не имеет безусловного права по своему усмотрению обособляться от устойчивого государственного образования без выяснения мнения по этому поводу всего населения страны. Безусловным правом самоопределения пользуется народ того или иного государства, народ, понимаемый не как этнокультурное сообщество, а как совокупность граждан государства. Это позиция сформулирована В. Шуверовой следующим образом: «Образование государства является результатом реализации права всего народа на самоопределение, а не отдельной нации»⁶⁴. Несмотря на то, что автор пользуется примордиалистской терминологией (в конструктивистской парадигме именно нация – согражданство -и имеет право на политическое самоопределение), по существу с этой точкой зрения можно согласиться. Хотя, не вполне понятно, что стоит за словами "всего народа"? Всего народа страны? Но, в таком случае, он уже политически самоопределился. Тогда какого народа?

Если "народ толкуется как множество, отличное от согражданства", то парадигма самоопределения "предлагает логику внеправовых и конфронтационных действий. Всем понятно, что главная интрига закручивается вокруг этнических движений и выдвигаемых ими требований об изменении статуса территорий, в крайнем варианте – о сепессии и образовании независимого государства. Что должно делать государство, присоединившиеся к пактам? По смыслу приведенных там формулировок, если понимать их буквально, - удовлетворять любые требования, исходящее от любой группировки, выступающей от имени народа и сумевшей собрать массовку. Абсурдность такого рецепта с практической точки зрения совершенно очевидна" (А. Осипов)⁶⁵.

Обратим внимание читателя на мысль о "любой группировке, выступающей от имени народа и сумевшей собрать массовку". Здесь затронут еще один важнейший, имеющий принципиальное значение аспект доктрины этнического самоопределения. Вопрос формулируется так: может ли этнос (даже если понимать его как устойчивое социальное образование с отчетливыми объективными критериями принадлежности к нему) обладать единым целеполаганием и стремиться к единообразно понимаемому самоопределению?

Примечателен один факт. Всякий, кто специально занимался проблемой самоопределения наверное обращал внимание на то, что в националистическом

дискурсе рефлексия по этому поводу практически отсутствует. Это и понятно: слишком очевидна нетождественность интересов этнических элит и тех, кто по выражению А. Осипова, составляет этническую "массовку", слишком трудно интерпретировать устремления этнократов как выражение витальных ценностей людей с той или иной этнокультурной идентичностью. Идеологи этнократии, вероятно, хорошо понимают это обстоятельство и предпочитают обходить опасную тему стороной.

Впрочем, С. Червонная утверждает, что противопоставление интересов этнических элит и этнических общностей, от имени которых эти элиты апеллируют к принципу самоопределения, необходимы великодержавным шовинистам для того, чтобы "закреть национальный вопрос". В соответствии с этим суждением, «за разговорами о так называемых этнических предпринимателях, об элите, узурпировавшей право говорить от имени народа и представлять национальные интересы, кроется осознанное или неосознанное стремление «снять» национальный вопрос, сделать вид, будто никаких общих народных интересов, стремлений и целей национально-освободительной борьбы не существует, будто идеалы национального движения – это миф, фантазия, искусственная конструкция, результат манипуляции массовым сознанием, которую совершает в своих корыстных целях ловкая группа этнических предпринимателей»⁶⁶.

У этого концепта, к счастью, много оппонентов. Мысль о том, что самоопределение этносов есть ни что иное, как самоопределение этнических элит красной нитью проходит через работы этнополитологов, работающих в конструктивистской парадигме. Мне остается только привести наиболее характерные суждения.

С. Чешко формулирует эту мысль таким образом: "Никогда сам этнос не выступает в качестве сознательного, активного и монолитного борца за что бы то ни было... Всегда такую роль играют политические группировки, претендующие на выражение интересов своего этноса. В действительности чаще всего они же и формулируют эти интересы и пытаются внедрить их в сознание соплеменников, хотя очевидно, что у этноса не может быть единых интересов"⁶⁷. Фундаментальные исследования С. Чешко позволяют интерпретировать "обстоятельства распада СССР и возникновения постсоветских государств" в

качестве "убедительного примера того, как под видом самоопределения народов самоопределялись этнические элиты"⁶⁸.

Акцент на том, что мобилизация концепции самоопределения нужна этнополитическим элитам для легитимизации насилия, делает А. Кузьмин: "Когда мы говорим о праве на самоопределение, забывая, что на самом деле это не право народов, а право элит, узурпировавших и монополизировавших легитимизацию символического насилия от имени этих народов, мы просто подменяем понятия... Все разговоры о самоопределении – суть разговоры о самоопределении элит и о мобилизации элитами самоопределенческой, этнической и т.д. терминологии. Ничего другого, к сожалению, во всем этом нет"⁶⁹. О том, что этническая мобилизация под лозунгами самоопределения народа нужна для оправдания деструктивной политики, пишет и С. Юрьев: «Выдвижение на первый план вопросов сецессии нередко не связано с воплощением «воли народа» и достижением целей правового государства и гражданского общества, а обусловлено своекорыстными устремлениями определенных политических сил»⁷⁰.

На социально-профессиональную принадлежность творцов самоопределенческих мифологем указывает С. Сироткин: «Что касается права на самоопределение наций и народов, сама терминология, само говорение это, к счастью, - это все-таки удел не массового сознания народа, а интеллигенции, для которой это способ самоидентификации... Узконациональный тип ориентации свойственен в первую очередь именно интеллигенции»⁷¹. А. Осипов, в свою очередь, задается вопросом о том, в какой степени оправдано присутствие в международном праве норм, легализующих суверенизатрские амбиции так называемых "национальных лидеров" и инсперированных этническими элитами политических структур. «В реальности от имени этих статистических или символических категорий (народ, нация – В.Ф.) выступают какие-то партии, движения или даже харизматические лидеры, и не вполне ясно, почему этим вполне конкретным политическим силам должен быть дан статус и должны быть предоставлены возможности, сопоставимые с возможностями государства»⁷².

Наконец, Б. Цилевич фиксирует внимание на несовместимости самоопределенческой парадигмы с принципами классической демократии: "Самоопределение народов будет совпадать с самоопределением элиты в случае

идеальной демократии. А поскольку на практике любая демократия не совсем демократична, то эти понятия не совпадают"⁷³.

Итак, исследователи, интерпретирующие этническое самоопределение в терминах конструктивистского понимания этничности достаточно аргументировано отрицают правомерность претензий сторонников этнической государственности на выражение интересов "народа". Но при этом и сами термины "народ" и "нация" в контексте доктрины самоопределения получает принципиально иное, нежели у примордиалистов толкование. По мнению этих исследователей "международная правовая практика решительно не воспринимает трактовку нации как этноса" (С. Чешко)⁷⁴. В равной степени отрицается и употребление в международно-правовых документах термина "народ" в этническом контексте: "о самоопределении этносов в политическом аспекте речь вообще не идет нигде в международном праве. Говорится *о народах вне этнической интерпретации этого термина*" (С. Сироткин)⁷⁵. Или: "*народ – это, прежде всего, территориальное сообщество. И субъектом самоопределения является демос, то есть территориальное сообщество, а не этнос или этническая общность. Комментарии ко всем международно-правовым документам это объясняют, если кому-то неясен текст самих документов. На этот счет были неоднократные заявления на самом высоком уровне*" (В. Тишков)⁷⁶.

Вообще, в дискуссии об этническом самоопределении апелляции к международному праву – общее место (подробнее об этом – в специальной главе). Здесь же стоит отметить, что одни специалисты в этой области считают возможным интерпретировать термины "нация" и "народ", содержащиеся в официальных международных актах в примордиалистском духе и сокрушаются о "нечеткости" содержащихся в них формулировок; другие – напротив, уверены в том, что нет никаких оснований трактовать нормы международного права в этническом контексте.

А. Абашидзе и Ф. Ананидзе, в частности, признают тот факт, что "согласно документам ООН субъектами права на самоопределение являются "народы" и "нации", однако настаивают на том, что "в рамках ООН отсутствует официальное определение понятий "народ" и "нация", также как "отсутствует также широко принятое социологическое и политическое определение понятия "народ"⁷⁷. В равной степени эти авторы признают тот факт, что "согласно

документам ООН субъектом права на самоопределение является индивид", но почему-то уверяют читателя в том, что "до сих пор в рамках ООН отсутствует четкая концепция оптимального соотношения и взаимосвязи между индивидуальными и коллективными правами"⁷⁸. Но если субъектом права признается индивид, то зачем бы понадобилось в резолюциях ООН специально разъяснять соотношение между индивидуальными и коллективными правами?

В этой связи этнически неангажированные правоведы чаще всего не признают за этнокультурным сообществам права на политическое (государственно-территориальное) самоопределение. М. Смыслов утверждает, что *международное право категорически отказывает меньшинствам в праве на самоопределение, что "субъект права на самоопределение – весь народ, все население страны, а не отдельные группы"*⁷⁹. Анализ международных правовых актов приводит С. Юрьева к выводу о том, что «в официальном толковании принципа равноправия и самоопределения используется словосочетание *«народ, принадлежащий к данной территории»*⁸⁰, а М. Золотареву к заключению о том, что в соответствии международным законодательством "право на определенную долю политического самоопределения *имеет весь народ, проживающий на определенной территории*" (М. Золотарева)⁸¹.

Подобная интерпретация интересующих нас терминов дает основание совершенно иначе трактовать смысл и целеполагание самой доктрины самоопределения. Примечательно, что такое понимание международно-правовых норм, институализирующих концепцию самоопределения народов, не просто примиряет ее с принципом нерушимости границ и территориальной целостности государств, но и позволяет говорить об их содержательной идентичности. "Что такое народ, нация? Что такое ООН? Это организация государств. То есть *народ, это общность граждан определенного государства*. И с этой точки зрения *право народа на самоопределение означает, что никто не вправе извне, силой, против воли общности граждан изменить его статус*. То есть это то же самое, что принцип невмешательства во внутренние дела, что принцип суверенитета, что принцип неизменности границ в Европе» (Б. Цилевич)⁸². Аналогичное мнение мы находим и в работах А. Осипова: «Если народ понимается как совокупность граждан независимой страны, то все становится на свои места: самоопределение выступает как синоним суверенитета государства... Однако при такой трактовке

понятие «самоопределения» лишается самостоятельного смысла. Конфликты же возникают из-за того, что в термин «народ» вкладывается совсем другое содержание»⁸³. В. Тишков обращает внимание на то обстоятельство, что интерпретация нации как государственно-политического сообщества делает дискуссию о праве наций на самоопределение бессмысленной: "Если брать доктринальную сторону процесса самоопределения... *такого выражения, как "право наций на самоопределение", не существует, потому что нация есть состоявшаяся политическая коалиция – государство и поэтому уже самоопределившаяся общность*"⁸⁴.

В качестве курьеза приведу еще одно суждение по этому поводу. К. Калинина, рассуждая о многозначности терминов "народ" и "нация" приходит к такому умозаключению: "В нашей научной литературе понятие "право наций на самоопределение" употребляется, исходя из исторических истоков этого понятия. Что касается термина "право наций на самоопределение", то он пока еще не получил единообразного толкования не только у нас, но и в мировой практике. Ведь его можно трактовать идентично правам нации как сообщества народов, то есть нации как государства. Вместе с тем, под термином "право народа" можно понимать и совершенно иные вещи. Так, *субъектом права на самоопределение некоторые считают племена и этнические группы, языковые и религиозные общества, то есть народ в этническом смысле слова*"⁸⁵. Действительно, можно понимать "иные вещи", а можно и вовсе ничего не понимать в предмете собственных научных изысканий. В частности, "племена, языковые и религиозные общества" считает "народом в этническом смысле слова" только (надеюсь, что только!) К. Калинина.

Примечателен один факт. Дискуссия о субъекте права на самоопределение вот уже десять лет идет вокруг двух отчетливо различных концептуальных оппозиций: во-первых, самоопределяющимися субъектами признаются либо этническая общность ("народ-этнос"), либо территориальная общность ("народ-демос"); во-вторых, субъектами самоопределения выступают либо совокупный "этнос", либо индивид, реализующий свою этнокультурную идентичность. Факт этот легко объясним – дебаты по интересующему нас поводу разворачиваются в концептуальном пространстве "чистой науки", а потому субъектами самоопределения признаются (справедливо или не справедливо –

другой вопрос!) рационально вычленимые социальные множества.

Но мало кто обращает внимание на тот факт, что иррациональная отечественная модель федерализма породила абсолютно иррациональный субъект самоопределения – "национальную республику". Последняя представляет собой произвольно очерченную территорию с весьма ситуативным административным статусом и полиэтничным населением. Кто или что самоопределяется в данном случае?

Один из немногих исследователей, обративших внимание на этот казус, В. Понамарев отмечает "В нормальном случае реализация права на самоопределение является следствием борьбы национальной или территориальной общности. Но совершенно абсурдна ситуация, когда к качеству субъектов права на самоопределения признаются не те общности, которые борются за реализацию этого права, а те территории, которые в силу исторических причин получили формальный статус национально-государственных, а позднее автоматически, в силу юридического статуса начинают рассматриваться как субъекты некоего особого процесса. При этом внутри них нет движения за реализацию права на самоопределение или это движение создается искусственно, в условиях распада государственности, в то время как в нормальных условиях оно там никогда не существовало"⁸⁶.

Действительно, какая общность самоопределяется в Татарстане? Татары? В лучшем случае это треть индивидов, отождествляющих себя с татарским этносом. И в лучшем случае – это половина населения Республики. Татарстанцы? Но это - социальная общность-эфемерид, наспех сконструированная идеологами этнократии, общность, в существование которой не верят в первую очередь творцы этой мифологемы. Утверждать, что русские, проживающие в этом регионе России, и дискриминируемые по принципу этнической принадлежности, предпочитают реализовывать свою этнокультурную идентичность в суверенном Татарстане и стремятся к политическому самоопределению Республики – это либо глупость, либо цинизм.

Впрочем, многие бывшие российские автономии, заявившие о своем суверенитете в этнополитическом ажиотаже начала 90-х годов прошлого столетия, легализовали этнократическое понимание принципа этнического самоопределения в чрезвычайно похожих друг на друга республиканских

декларациях и конституциях. В этих конституционных документах вполне однозначно заявлено, что новорожденные государства, представляют собой государства "титულных" наций, созданных на основе осуществления их права на самоопределение. Например, Декларация о государственном суверенитете Чувашской республики провозгласила, что "Чувашская Республика - есть суверенное государство... чувашской нации... на основе осуществления чувашской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение"⁸⁷. А соответствующая статья Конституции Башкирии, например, утверждает, что "Республика Башкортостан образована в результате реализации права башкирской нации на самоопределение"⁸⁸. Таким образом, апеллируя к праву народов на самоопределение, республиканские этнократы фактически конституировали этническое неравенство, создали конституционно-правовые предпосылки для институализированной этносоциальной дискриминации. Нельзя не согласиться с М. Губогло, который считает, что "одними из самых маловразумительных и крайне противоречивых, и, как следствие, спорных, являются заключенные в преамбулы или вынесенные в ключевые статьи республиканских конституций нормы, так или иначе ассоциированные с принципом национального самоопределения и конкретным воплощением его в нормах национального права"⁸⁹.

Попытки сконструировать коллективный субъект этнического самоопределения (будь то онтологизированный этнос, народ, население "национальной" республики или еще какой-то мифический этносоциальный организм) в политической теории крайне опасны, поскольку, будучи применены в политической практике, они неизбежно влекут за собой острые межэтнические противостояния. Эта точка зрения отчетливо сформулирована в конструктивистской парадигме изучения этнических феноменов.

«В любой ситуации, - пишет А. Осипов, - «народ» (население территории, сообщество, отличающееся по культурным параметрам, или группа членства, например, согражданство) будет представлять собой (в зависимости от точки зрения) статистическое или символическое множество. Но откуда следует, что статистическое или тем более символическое множество, не важно, население территории или этническую группу, следует рассматривать как коллективный индивид, то есть как социальное тело, которое может ставить рациональные цели,

делать выбор, иметь интересы и приобретать какие-то права?»⁹⁰.

Все это отнюдь не означает, что население той или иной территории не вправе заявить о своем праве на политическое самоопределение. Но таким правом может обладать не абстрактное "население" (скорее – политически организованная группа, выступающая от его имени), а совокупность индивидов, выразившее свое отношение к самоопределению путем реализации демократических процедур, причем в случае сепарации самоопределяющейся территории от уже сложившегося политического образования, должно выясняться мнение всех его граждан. (О процедурах реализации права на самоопределение см. специальный параграф.) Иное дело – этническое (этнокультурное) самоопределение. Таковое возможно только на индивидуальной основе; коллективное же самоопределение возможно лишь в форме совместной реализации права индивида на свободу этнической самоидентификации в составе ассоциации добровольно объединившихся индивидов. В этом состоит суть концепта индивидуального самоопределения. А. Кузьмин сформулировал это следующим образом: "Народ – это совокупность личностей. *Самоопределяется личность*. Если у нее есть препятствия для личностного самоопределения, она имеет право добровольно объединившись с другими личностями, не объявляя себя народом, сказать, что... это правительство гнусное... Но когда мне говорят: наш великий народ, будь то этнос или население этой территории, хочет мол этого и поэтому мы самоопределяемся, это бессубъектно, во-первых, и смертельно опасно, во-вторых. Потому что права личности обеспечены государством, при самоопределении "народа" это государство разрушается, начинаются этнические чистки и войны, дискриминация..."⁹¹.

Наконец, отметим, что в ряде случаев предпринимаются попытки декларативно примирить идею суверенного права индивида на свободу этнокультурной самоидентификации и концепт коллективного прав этноса на политическое самоопределение. Вот образцы такого рода деклараций.

Свой бесхитростный проект разрешения досадного противоречия предлагает Р. Абдулатипов: "В реализации прав личности, индивидуальных прав человека надо утвердить, в том числе, и ее коллективные, этнические, групповые права"⁹². Боюсь, что коллективные, групповые права есть только у коллектива, группы. Коллективные права личности возникают только ввиду ее раздвоения. Но

такого рода параноидальные явления относятся скорее к ведению психиатрии, нежели к ведению этнополитологии.

Г. Старушенко уверен в том, что *«самоопределение личности не подменяет самоопределение народа, нации, а придает ему такие государственно-политические формы, наполняет их таким содержанием, которое соответствует реальным потребностям личности и возможностям общества»* (Г. Старушенко)⁹³. Каким образом самоопределение личности (индивида) придает самоопределению народа (нации) какие бы то ни было государственно-правовые формы? Автор, вероятно, либо не понял, что хотел выразить, либо выразил не то, что хотел. И откуда такая убежденность в том, что самоопределение народа (нации) можно наполнить таким универсальным содержанием, которое соответствовало бы потребностям всех "личностей" без изъятия? Как и всякая потуга примерить непримиримое, приведенное априорное суждение выглядит мало убедительным.

Вызывает недоумение и схоластическая конструкция, согласно которой "необходимость группового права, или хотя бы "минимум прав этнических групп" вытекает из того элементарного обстоятельства, что в противном случае равные права индивидуумов, относящих себя к указанным группам, остаются чисто формальными" (М. Губогло)⁹⁴. Если права индивидов, составляющих группы равны, то равны и права групп; если же права групп не равны, то не могут быть равны и права индивидов, эти группы составляющих. Вся риторика относительно групповых прав имеет смысл только в контексте неравноправия (политического, социального, экономического) этнокультурных групп и направлена на консервацию этногосударственного устройства российской федерации. Обеспечение реального равноправия индивидов и их ассоциаций (групп) в нормальном демократическом государстве делает бессмысленным лозунг коллективного этнического самоопределения. "Политическим субъектом мирового государственно-демократического строительства является не власть федерации и ее субъектов, а конкретная личность, стремящаяся к свободе, к самоуправлению и саморазвитию. Именно самоуправление и свободное развитие личности составляют глубинную сущность современного мирового процесса государственно-правового строительства" (А. Аринин)⁹⁵.

Примечательно, что и среди примордиалистов пусть редко, но все-таки

встречаются исследователи, фиксирующие непримиримый антагонизм между принципами этнокультурного самоопределения индивидов и коллективного самоопределения этносов. Р. Кузеев констатирует: "Негативную роль в искусственном подталкивании к межэтническим конфликтам играет определенная нечеткость нашей теории и, соответственно, в историографии о соотношении лозунгов о равенстве прав человека и равенстве прав народов. Действительно, оба эти принципа сами по себе безупречны, однако, в реальной жизни они переплетаются в сложных противоречиях, так как *неотъемлемые индивидуальные личностные права приходят порой в смертельное противоречие с коллективными, часто с патриархальными или религиозно-догматическими интересами народов*" (Р. Кузеев)⁹⁶. Если бы не пассаж о "безупречности принципа прав народов" и упоминание об "интересах народов", можно было целиком солидаризироваться с известным башкирским этнологом.

В связи с очевидной конфликтогенностью доктрины этнического самоопределения особую актуальность приобретает вопрос о предпочтительных формах ее реализации. Существуют ли такие формы и методы реализации права на этническое самоопределение, которые не вступают в опасное противоречие с аналогичными правами этнических контрагентов? От ответа на этот вопрос зависит перспектива использования интересующего нас концепта в практической политике. Обретет ли он со временем операциональное нормативно-правовое наполнение или, напротив, все более будет превращаться в лозунг этнических комбатантов?

Очевидно, что в рассматриваемых интеллектуальных традициях (парадигмах этнологического знания) определение субъекта этнического самоопределения принципиально различно. Примордиалисты считают, что право на самоопределение представляет собой возведенную в закон волю народа, по мнению конструктивистов право на самоидентификацию предполагает, что гражданин вправе свободно, без какого-либо воздействия, лично выбирать, считаться принадлежащим к какому либо этнокультурному сообществу или нет. Таким образом, субъектом права на самоопределение в первом случае выступает абстрактный «народ» (этнос), во втором – индивид, реализующий свою этнокультурную идентичность.

Резюме

Коллективная правосубъектность онтологизированных этносов – это миф, сконструированный теми, кто желает получать те или иные дивиденды, выступая в роли выразителя интересов "своего народа". Законодательное поле, выстраиваемое на этом концепте, конфликтогенно по своей сути. Подобное нормотворчество – явный признак этнической модели легитимизации власти, иными словами – этнократического режим правления.

Очевидно, что субъектом этнического права могут выступать как индивид, реализующий свое право на свободу этнической самоидентификации, так и группа лиц, ассоциированная по этническому принципу. При этом права ассоциации исчерпываются индивидуальными правами ее учредителей. Никаких дополнительных прав по отношению к правам личности группа, консолидированная по признаку этнической принадлежности, не имеет.

Изъятие группоцентристских идеологем из политической риторики и, главное, из нормотворческой практики, - *conditio sine qua non* модернизации российской государственности и формирования адекватной российским реалиям этнокультурной политики. Если общественное сознание и далее будет "воспитываться в духе концепта групповых прав, и если будут создаваться прецеденты, благоприятные для националистов, то возможны одновременно всплеск этнических движений, и утрата способности и политической воли им противостоять" (А. Осипов)⁹⁷. Внедрение в политическую культуру и массовое сознание россиян принципа приоритета прав индивида по отношению к правам любых групп – неременное условие преодоления кризиса отечественного федерализма.

¹ Егоров О. Коллективные права и самоопределение//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 72.

² Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 13.

³ Там же. С. 9.

⁴ Институционализация//Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 122.

⁵ Кузьмин А. Самоопределение элит//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 171-172.

⁶ Тишков В.А. Политическая антропология. Нью-Йорк, 2000. С. 78.

⁷ Егоров О. Коллективные права и самоопределение//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 72.

-
- ⁸ Тархан-Моурави Г. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 99.
- ⁹ Тишков В.А. Антропология права – начало и эволюция дисциплины//Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 9.
- ¹⁰ Супатаев М.А. О понимании права//Юридическая антропология. С. 50.
- ¹¹ Максимович Л.Б. Российское законодательство и гендерные различия//Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. М., Стратегия. 1999. С. 92.
- ¹² Абашидзе А.Х. Ответы на вопросы первого этапа экспертного опроса. Приложение 1//Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Закон и этничность. К вопросу о подготовке проекта Закона г. Москвы по проблемам этнических процессов в столичном мегаполисе. М., Олимп. 1998. С. 87.
- ¹³ Пименов В.В. Ответы на вопросы первого этапа экспертного опроса. Приложение 1//Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Закон и этничность. К вопросу о подготовке проекта Закона г. Москвы по проблемам этнических процессов в столичном мегаполисе. М., Олимп. 1998. С. 88.
- ¹⁴ Тархан-Моурави Г. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 98-99.
- ¹⁵ Егоров О. Коллективные права и самоопределение//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 72.
- ¹⁶ Новикова Н.И. Права человека и права коренных народов Севера России: гармония или антогонизм?//Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. М., Стратегия. 1999. С. 54.
- ¹⁷ Новикова Н.И. Права человека и права коренных народов Севера России: гармония или антогонизм?//Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. М., Стратегия. 1999. С. 54.
- ¹⁸ Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., Эдиториал УРСС. 2000. С. 242-243.
- ¹⁹ Червоная С. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 97.
- ²⁰ Губогло М.Н. Выступление//Таблица высказанных замечаний и предложений к проекту федерального Закона "Об уполномоченном Федеральном Собрания по правам граждан и народов на национально-культурное развитие" на заседании "круглого стола" 11 апреля 2000 года. Архив автора.
- ²¹ Там же.
- ²² Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов. Международно-правовой анализ. М., Изд. РУДН. 1997. С. 124.
- ²³ Проект Закона "Об основах государственной национальной политики Российской Федерации". Архив автора.
- ²⁴ Губогло М.Н. Федерализм власти и власть федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 131.
- ²⁵ Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., ЦИМО. 2000. С. 20.
- ²⁶ Даниэль А. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 127.
- ²⁷ Цилевич Б. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 114.
- ²⁸ Цилевич Б. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 89.
- ²⁹ Кузьмин А. Самоопределение элит//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 172.

- ³⁰ Кузьмин А. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 84.
- ³¹ Осипов А. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 90.
- ³² Романенко С. Национальное самоопределение и "Славянская идея"//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 142.
- ³³ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения//Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 7.
- ³⁴ Сироткин С. Имеет ли «право на самоопределение» отношение к праву?//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 69.
- ³⁵ Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., Эдиториал УРСС. 2000. С. 140.
- ³⁶ Тишков В.А. Вступительное слово//Обычное право и правовой плюрализм. М., ИЭ РАН. 1999. С. 8.
- ³⁷ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения//Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 6.
- ³⁸ Кузьмин А. Самоопределение элит//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 172.
- ³⁹ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения//Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 7.
- ⁴⁰ Тишков В.А. Этничность, право и закон//Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. М., Стратегия. 1999. С. 189.
- ⁴¹ Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001. С. 54.
- ⁴² Осипов А. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 99.
- ⁴³ Сироткин С. Имеет ли «право на самоопределение» отношение к праву?//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 68.
- ⁴⁴ Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., Эдиториал УРСС. 2000. С. 242-243.
- ⁴⁵ Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., Эдиториал УРСС. 2000. С. 242.
- ⁴⁶ Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., Эдиториал УРСС. 2000. С. 246.
- ⁴⁷ Цилевич Б. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 176.
- ⁴⁸ Калинина К.В. Указ. соч. С. 7.
- ⁴⁹ Юрьев С.С. Указ. соч. С. 267.
- ⁵⁰ Старушенко Г. Указ. соч. С. 59.
- ⁵¹ Калинина К.В. Указ. соч. С. 7.
- ⁵² Козлов А.Е. Указ. соч. С. 69.
- ⁵³ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 10.
- ⁵⁴ Тишков В.А. Этнология и политика. С. 49.
- ⁵⁵ Калинина К.В. Указ. соч. С. 7.
- ⁵⁶ Старушенко Г. Указ. соч. С. 54.
- ⁵⁷ Хахимов Р.С. Об основах асимметричности Российской Федерации//Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., ИС РАН. С. 42.
- ⁵⁸ Барсегов Ю.Г. Право на самоопределение – основа демократического решения межнациональных проблем. С. 48.
- ⁵⁹ Червонная С. Указ. соч. С. 123.
- ⁶⁰ Осипов А.Г. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки? С. 75.
- ⁶¹ Червонная С. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 179.

-
- ⁶² Кучериненко В. О парадигме национального самоопределения. С. 174.
- ⁶³ Блищенко И. Указ. соч. С. 41.
- ⁶⁴ Шуверова В.Д. Указ. соч. С. 39.
- ⁶⁵ Осипов А.Г. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки? С. 74.
- ⁶⁶ Червонная С. Указ. соч. С. 97.
- ⁶⁷ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 14.
- ⁶⁸ Там же. С. 9. См. также: Чешко С.В. Идеология распада. М., ИЭА РАН. 1993. Его же. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., ИЭА РАН. 1996.
- ⁶⁹ Кузьмин А. Самоопределение элит//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 170-171.
- ⁷⁰ Юрьев С.С. Указ. соч. С. 141.
- ⁷¹ Сироткин С. Указ. соч. С. 69.
- ⁷² Осипов А.Г. Вступительное слово//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 40.
- ⁷³ Цилевич Б. Указ. соч. С. 101.
- ⁷⁴ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 11.
- ⁷⁵ Сироткин С. Указ. соч. С. 66.
- ⁷⁶ Тишков В.А. Этнология и политика. С. 50.
- ⁷⁷ Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов. Международно-правовой анализ. М., Изд. РУДН. 1997. С. 121.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Смыслов М.Д. Международно-правовая защита меньшинств//Московский журнал международного права. 1993. № 1. С. 100.
- ⁸⁰ Юрьев С.С. Указ. соч. С. 139.
- ⁸¹ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., 1999. С. 31.
- ⁸² Цилевич Б. Указ. соч. С. 88.
- ⁸³ Осипов А.Г. Вступительное слово//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 39.
- ⁸⁴ Тишков В.А. Этнология и политика. С. 49.
- ⁸⁵ Калинина К.В. Указ. соч. С. 4.
- ⁸⁶ Пономарев В. Право на самоопределение и деколонизация советской империи//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 115.
- ⁸⁷ Декларация о государственном суверенитете Чувашской ССР//Филиппов В.Р. Чувашия девяностых: этнополитический очерк. М., ЦЦРИ РАН. 2001. Приложение 1. С. 206.
- ⁸⁸ Конституции республик в составе Российской Федерации. М., 1995. С. 44.
- ⁸⁹ Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., ЦИМО. 2000. С. 156.
- ⁹⁰ Осипов А.Г. Вступительное слово//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 39-40.
- ⁹¹ Кузьмин А. Указ. соч. С. 172.
- ⁹² Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 78.
- ⁹³ Старушенко Г. Указ. соч. С. 57.
- ⁹⁴ Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? С. 323.
- ⁹⁵ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 87.
- ⁹⁶ Кузеев Р.Г. Национализм и демократия в многонациональных государствах//Этнопанорама. 2000. № 1. С. 8.
- ⁹⁷ Осипов А. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки? С. 82.

Глава 3

Политическое самоопределение этносов или этнокультурное самоопределение индивидов? Тупики коллективного самоопределения

«Популярность принципа национального самоопределения объясняется только тем, что он обращается к племенным инстинктам и является самым дешевым и надежным способом, с помощью которого может продвигаться политик, которому нечего больше предложить».

К. Поппер.

Концептуальная оппозиция, вынесенная в заглавие этой главы, имплицитно содержит в себе две модели решения пресловутого "национального вопроса", две модели этнической политики. Их вообще только две. Все прочие – это не более чем ситуативные паллиативы, появление и забвение которых обусловлено императивами этнополитической конъюнктуры. Все прочие – это не более чем метаморфозы теоретико-методологических позиций исследователей, стремящихся примерить непримиримое.

Первая модель производна от этнократического концепта доминирования прав онтологизированного этноса по отношению к правам личности, вторая – от демократического концепта приоритета прав индивида по отношению к правам любых социальных групп.

Противоречивость содержательных интерпретаций

К заключению о том, что «категория права на самоопределение относится к числу *самых сложных проблем международного права и политической практики*» (С. Чешко)¹ приходят практически все исследователи, так или иначе трактующие интересующий нас принцип. Положение серьезно осложняется тем, что данный концепт имеет междисциплинарное звучание и получает содержательную интерпретацию в самых разных научных дисциплинах. Без труда можно выделить, по крайней мере, международно-правовой, собственно юридический, этнический, политический, исторический дискурсы права на

самоопределение. Важно то, что в пределах каждого из них отчетливо просматриваются оппозиции мнений, которые в совокупности конкретизируют и наполняют содержанием оппозицию точек зрения на перспективу этнополитического развития страны.

Содержательное наполнение права на самоопределение в постсоветской историографии удивляет своим разнообразием: и исследователи, и политики вкладывают в этот концепт совершенно различные, часто взаимоисключающие смыслы. Иначе и быть не может - конкретные этнополитические ситуации уникальны и динамичны, а целеполагание этнополитических контрагентов, апеллирующих к праву на самоопределение в этих ситуациях, зачастую антагонистично.

Как заметил Г. Старушенко «выдвинутый политиками и разработанный юристами принцип самоопределения ввиду *крайней сложности* регулируемых им проблем порождает *большое число спорных, а то и ошибочных толкований и действий*»². Аналогично оценивает состояние теоретической и операциональной разработанности рассматриваемого принципа и С. Чешко, который обращает внимание на то обстоятельство, что за годы "перестройки" и в постсоветский период термин "самоопределение" превратился в нашей стране в одну из важнейших идеологем и политико-правовых категорий, однако от этого "*яснее он не стал...*", а оживленные дискуссии лишь "*обнаружили удручающую неспособность, а зачастую и нежелание договориться хотя бы по основным концептуальным аспектам проблемы*»³.

Еще более удручает тот факт, что, несмотря на востребованность данного термина в законотворческой практике, ни в международном праве, ни в отечественном нормотворчестве не было сколько-нибудь результативных попыток описать интересующий нас принцип в строгих дефинициях. Действительно, в виду очевидной слабости российского законодательства, призванного регулировать в нашей стране этнические процессы и взаимодействия, принцип самоопределения в нашей стране фактически не получил правового содержания, существующая нормативная база не позволяет говорить даже о первом приближении к определению операционального смысла права на самоопределение в контексте этнополитических реалий Российской Федерации.

Вероятно в силу этого обстоятельства, практически все участники полемики, в поисках аргументов в пользу той или иной точки зрения, как к Символу Веры, обращаются к международным правовым актам. Но и они, по мнению многих исследователей, в силу неоднозначности используемых дефиниций и множественности возможных содержательных интерпретаций, чаще формируют поле для полемики, нежели позволяют прийти к консенсусу. В международных документах, в частности, "в двух основных пактах о правах человека, право народов на самоопределение сформулировано очень лаконично, так, что оно *допускает двойственное или множественное толкование*" (В. Кучериненко)⁴.

Даже те юристы, которые апеллируют к международному праву с целью легитимизации суверенизаторских амбиций республиканских этнократов, вынуждены признавать, что "формулировки международных пактов о праве на самоопределение *являются компромиссными, а потому во многом неясными и спорными*" (А. Козлов)⁵.

Более того, многие исследователи сходятся в том, что принцип самоопределения в силу его конфликтогенности и спекулятивности в настоящее время постепенно вытесняется из политического употребления, во всяком случае, в наиболее авторитетных международных организациях. Последние же, в силу сложившейся традиции не имеют пока возможности вовсе отказаться от этого концептуального архаизма, однако воздерживаются от каких бы то ни было дальнейших конкретизаций принципа этнического самоопределения. Как отмечает С. Чешко, "учитывая чрезвычайную запутанность вопроса и противоречивость международно-правовых документов, ООН старается просто *не высказывать своего официального мнения по поводу содержания права народов на самоопределение*"⁶.

Таким образом, ученым и практическим политикам дана свобода интерпретаций содержательной насыщенности интересующего нас феномена. Но, как мы уже не раз отмечали, при всем многообразии оценок и суждений, концептуальные подходы в оценке принципа этнического самоопределения вполне определенно укладываются в границы двух известных теоретических парадигм. Бинарные оппозиции мнений «примордиалистов» и «конструктивистов» оформились достаточно отчетливо по целому ряду спорных

аспектов интересующей нас проблемы.

Некоторые выводы из историографии генезиса и политической операционализации принципа самоопределения

За последние годы появилось немало трудов, в которых скрупулезно исследован исторический генезис принципа самоопределения народов⁷. Специалисты в области международного права, историки, политологи детально рассмотрели эволюцию этого принципа в международно-правовых актах и политических декларациях, что избавляет нас от необходимости сколько-нибудь подробно останавливаться на содержании тех и других.

В контексте нашей темы интерес представляет не собственно генезис права наций на самоопределение, а скорее содержательные оценки той роли, которую сыграл принцип самоопределения народов на разных этапах новой и новейшей истории, каково было целеполагание тех или иных политических акторов, апеллировавших к рассматриваемому принципу (или праву).

Прежде всего, следует отметить, что большинство добросовестных исследователей, рассматривавших принцип самоопределения в исторической ретроспекции (вне зависимости от дисциплинарной специфики анализа), единодушно пришли к выводу о высокой степени ситуативности политической и правовой интерпретации этого теоретического конструкта.

По мнению А. Осипова "идея «самоопределение народа» есть *условность*, есть результат неписаной конвенции, заключенной внутри широкого, но, в конечном счете, ограниченного круга теоретиков и идеологов. И «самоопределение», и другие понятия этого рода – «интересы народа», «право народа», «волеизъявление народа» и т.п. – возникли в культурно-историческом контексте и в разных обстоятельствах получали и продолжают получать *разные толкования*»⁸.

При этом ситуативные толкования принципа самоопределения очень часто служили для политической и правовой реабилитации репрессий и этнической дискриминации, "почти всегда это *был политический принцип*, всегда он был, в какой-то мере, средством навязывания воли победителя побежденным" (В. Гишков)⁹.

Примечательно, что даже Р. Абдулатипов, в целом очень позитивно оценивающий роль интересующего нас принципа, тем не менее, вынужден признать тот факт, что "он *никогда и нигде не реализовывался как чисто правовой принцип*, а всегда был ориентирован на *политическую целесообразность*"¹⁰.

Изучив "историю возникновения и развития парадигмы самоопределения", С. Чешко констатировал, "что она связана не с какими то якобы изначальными и вечными ценностями человеческого рода, а с конкретными обстоятельствами политической истории"¹¹. Исключительная политизация доктрины самоопределения, ее эксплуатация "во всевозможных политических комбинациях" по его мнению, практически исключает "взвешенный подход к ее категоризации"¹².

В свою очередь С. Юрьев приходит к выводу о том, что «каждый субъект, отстаивавший право самоопределения, *трактовал его по-своему*, в зависимости от *конкретных политических интересов*. Вследствие этого, «принцип самоопределения» уже с момента рождения *не имел правового содержания*, то есть не был основан ни на справедливости, ни на «общем благе»¹³. Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что юрист С. Юрьев в принципе отказывает "праву на самоопределение" в правовом содержании! (О том, что собой представляет, по мнению специалистов, феномен "самоопределения", будет сказано ниже.)

Политическая ситуативность лозунга самоопределения учеными, работающими в демократической парадигме, расценивается как серьезный дефект, лишаящий этот принцип инструментального значения.

Апологеты политического обособления этнокультурных общностей также признают высокую степень политической конъюнктурности рассматриваемого концепта, однако, в отличие от ученых, склонных к либеральной трактовке интересующего нас принципа, апологеты этнократии призывают рассматривать "право наций на самоопределение... в *конкретном историческом и политическом контексте*"¹⁴. Автор этих строк - С. Червонная - понимает под благоприятным для самоопределения меньшинств историческим контекстом любую этноконфликтную ситуацию, угрожающую целостности России. В этой парадигме содержательная аморфность принципа самоопределения приобретает инструментальное значение: поливариантность его трактовок открывает

безграничные возможности спекулятивного использования соответствующих лозунгов для политической мобилизации этничности

Ситуативность принципа самоопределения народов обусловлена, прежде всего, тем, что мобилизующие его политические (или "национальные") лидеры склонны использовать чувство этнической солидарности своих "соплеменников" для решения собственных, весьма прагматичных задач, актуальных для той или иной этнополитической конъюнктуры.

Впрочем, ситуативность интерпретаций интересующего нас принципа признается далеко не всеми его апологетами. Среди ученых, отстаивающих приоритетность права на самоопределение и, чаще всего, стремящихся обосновать правомерность претензий какой-либо этнической общности на политическое обособление, популярно мнение, согласно которому рассматриваемый принцип – первейшая, природная, извечная ценность рода человеческого. Ю. Барсегов, посвятивший свое перо борьбе за независимость Карабаха, не шутя уверен в том, что «право наций на самоопределение – одно из *высших достижений цивилизации*, результат его длительного восхождения от первобытных, диких, кровавых конфликтов за землю, когда преобладали животные инстинкты и страсть к территориальной экспансии, к порабощению, к изгнанию или истреблению других, более слабых народов, к цивилизованным формам международных отношений»¹⁵. То обстоятельство, что реализация на практике права на самоопределение представителями одной этнической общности сопряжено, как правило, с изгнанием или истреблением представителей иной этнокультурной общности во внимание не принимается. Так же, как и то, что при этом пробуждаются далеко не самые лучшие инстинкты, присущие роду человеческому.

Исследователи, под тем или иным углом зрения рассматривавшие генезис принципа самоопределения и специфические условия его актуализации в различные периоды новой и новейшей истории, практически едины во мнении о том, что данный принцип стал серьезной детерминантой исторического процесса в России трижды: во время октябрьского переворота в начале минувшего века, в эпоху распада колониальных империй в середине столетия и во время развала Советского Союза в его конце.

Причины, побудившие В. Ленина обратиться к идее самоопределения в

его самой радикальной ("право на независимость в политическом смысле") версии известны и многократно описаны. Они объясняются, прежде сего, стремлением "*привлечь на свою сторону всех потенциальных союзников в борьбе против царизма, а затем против белого движения*" (С. Чешко)¹⁶. Известно также, что для вождя российских социал-демократов самоопределение и федеративная государственность далеко не всегда были концептуальным принципом. Как заметил С. Юрьев «право на самоопределение» в его ленинско-сталинском варианте, всегда трактовалось, *исходя из революционной целесообразности, и вне этого не имело сколько-нибудь самостоятельного значения...* Иначе говоря, для большевистской партии это был прежде всего *политический лозунг*»¹⁷.

В середине прошлого века, в годы холодной войны принцип самоопределения народов стал эффективным оружием в идеологическом противостоянии общественно-политических систем. С. Сироткин справедливо отметил, что за этим принципом стоит расколотасть мира, его биполярность, что "*лозунг самоопределения в том виде, в котором он существует в международном праве, - это лозунг, который являлся одним из средств, способов и результатов идеологической борьбы двух систем...* за пределами этого он не воспринимается»¹⁸. Содержательное наполнение этого принципа, так же как и акцентация международного права на принципе самоопределения или, напротив, на принципе территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела суверенных государств зависели исключительно от конкретных политических и идеологических интересов двух военно-политических блоков. Собственно говоря, идея самоопределения потому и попала в международные документы высокого ранга, что "*рассматривалась противоборствующими блоками как эффективное средство внешнеполитических спекуляций*" (А. Осипов)¹⁹. Во второй половине прошлого столетия оценка роли принципа самоопределения в политико-правовой практике эволюционировала от признания его демократического потенциала в период деколонизации стран Азии и Африки до констатации конфликтогенной и разрушительной роли этого принципа в период распада СССР и стран социалистического содружества. В. Шуверова констатировала, в частности, что «*провозглашение права народов на самоопределение, затем закрепленного в документах ООН, до определенного периода служило делу прогресса, так как позволяло колониальным странам*

добиваться независимости. Вместе с тем, на определенном этапе оно *стало деструктивным принципом*, разрушающим не только колониальные империи, но и многонациональные федерации, а на настоящем этапе – и многонациональные государства»²⁰.

Наконец, в конце минувшего столетия мощный деструктивный потенциал принципа этнополитического самоопределения был полностью реализован в процессе распада СССР и всего "социалистического лагеря". Как метко заметил С. Юшенков, «принцип «право наций на самоопределение» был тем *вирусом*, который и разрушил, в конце концов, державу»²¹.

К сожалению, в силу этнической специфики российского федерализма, борьба за социально-политическую модернизацию страны приобрела, едва ли не на большей части территории страны, ярко выраженный этнический оттенок. (Точнее было бы сказать, что социально-политическому противостоянию был намеренно придан этноконфликтный оттенок, однако это совершенно отдельный сюжет.) С. Валентей так охарактеризовал эту ситуацию: "Начало реформ и послужило детонатором начала борьбы народов за свободы. Борьба эта имела ту особенность, что по большей части велась за получение больших прав не по сословным, классовым или групповым признакам, а *преимущественно по принципу этнокультурному*. Выразилось это в том, что в своем большинстве населявшие страну народы..., прежде всего, стремились получить право *самостоятельно решать, как обустроить свою жизнь на своей территории*. И только сквозь призму названной самостоятельности они оценивали остальные составляющие намечаемых либо осуществляемых преобразований"²².

Если в конце эпохи колониализма принцип национального самоопределения нес в себе известный позитивный потенциал, то в конце советской эпохи "национальные движения... возродили лозунг самоопределения, трактуя его вполне *в ленинском духе*" (С. Чешко)²³. Если в начале века этот лозунг, подчиненный идее «революционной целесообразности», обслуживал интересы партии, претендующей на выражение интересов эксплуатируемых классов, то в конце столетия он был мобилизован для обслуживания интересов этнополитических элит, выступающих от имени «эксплуатируемых народов».

Тот факт, что в "перестроечные" годы было "*немало спекуляций* при использовании лозунга права на самоопределение *в сепаратистских целях*", что

под этим лозунгом "начались распад СССР и трансформация национально-государственной структуры России в сторону суверенизации автономий"²⁴ (К. Калинина) признавали практически все писавшие об этих драматических событиях. Тяжкое наследие советской модели этнического федерализма оказалось непреодолимым барьером на пути всех попыток модернизировать СССР. Республиканские партийно-хозяйственные элиты рвались к власти и ресурсам, избрав простейшую (и гнуснейшую!) этническую модель легитимизации своих претензий на власть. Пресловутый лозунг "национального самоопределения" оказался при этом как нельзя более кстати - *"вместо улучшения правления в многоэтничных сообществах и внутреннего самоопределения для культурно отличительных групп населения гораздо легче было мобилизовать этнических соплеменников вокруг советского понимания права наций на самоопределение"* (В. Тишков)²⁵.

Неоднократно подчеркивалась и спекулятивность лозунга самоопределения, использование его этнополитическими элитами для достижения тактических успехов в борьбе за власть и привилегии. Г. Каменская подчеркивает, что в конечном счете, сами этнократы, эксплуатировавшие самоопределенческую фразеологию, не были заинтересованы в практической его реализации, что *"обращение лидеров российских республик к идеям национального самоопределения служит, скорее, средством получения максимально выигрышной позиции в торге с федеральным Центром, консолидации своей власти внутри республик, чем заявкой на долгосрочную практическую цель выхода из состава Федерации"*²⁶.

Примечательно, что этот факт признают и апологеты этнической суверенизации, но оценка последствий процесса дезинтеграции в их сочинениях выглядит совершенно иначе. Мобилизация интересующего нас лозунга этнократическими элитами расценивается подобными авторами как основанная на принципах международного права борьба истинных демократов за освобождение от колониальной зависимости. Приблизительно так это выглядит у Л. Карапетяна: *"В политико-правовом обосновании неизбежности распада тоталитарно-унитарной системы лидерами ряда республик и национальных движений центральная роль была отведена принципу права наций на самоопределение"*²⁷. Впрочем, надо отдать должное этому автору: при заметной двойственности его

оценок и интерпретаций, он все-таки приходит к выводу о том, что «идея достижения полного суверенитета и национальной независимости...нередко используется в целях овладения властью», а «целенаправленная спекуляция этой идеей приносит не столь позитивные, сколь значительные негативные последствия»²⁸.

Здесь стоит вспомнить о том, с какой поспешностью и с каким энтузиазмом страны западной демократии, вопреки международному праву, стабильности международных отношений и просто здравому смыслу признавали советские республики, «самоопределившиеся» после распада СССР в качестве суверенных государств. Напомню, что международные соглашения требуют в такой ситуации обязательной защиты меньшинств от всех форм этнической дискриминации. Нет нужды напоминать о тотальной этнической, языковой, конфессиональной дискриминации представителей «нетитульных» этнических групп в этих новых государствах, нет нужды напоминать об этнических чистках, наконец, о многочисленных кровавых конфликтах. Но все это не принималось во внимание радателями прав человека тогда, когда речь шла о представившейся возможности в корне изменить баланс сил в международных отношениях. Наконец, стоит вспомнить с каким упорством западные СМИ и многочисленные подрывные организации (сомнительные фонды, благотворительные и правозащитные организации, всевозможные секты и проч.) ныне пропагандируют лозунг «самоопределения» в российских «национальных» республиках, как исподволь подкупаются лидеры всевозможных националистических партий-эффемиридов, стремящихся к политическому обособлению этногосударственных субъектов Российской Федерации. Дипломат и видный историк дипломатии Ю. Решетов свидетельствует о том, что в современном мире «претензии на самостоятельное государственное существование», сформулированные представителями этнополитических элит, «по той или иной причине поддерживаются уже существующими государствами, следствием чего является *поспешное признание новых государств*, что включает в себя и признание во многих случаях произвольных границ»²⁹.

Многие российские исследователи с грустью констатируют тот факт, что в международных отношениях последних лет, тенденциозно истолкованному принципу самоопределения народов отведена отнюдь не самая благовидная роль.

При этом, как справедливо отмечает В. Тишков, принцип самоопределения, вопреки принятой в западной интеллектуальной традиции внеэтнической его интерпретации, апплекируется к российским этнополитическим реалиям в его ленинско-сталинской трактовке, "они (западные "специалисты по России" – В.Ф.) играют в тот же самый язык и как бы соблюдают политическую корректность, особенно в отношении *периферийного нерусского национализма*"³⁰.

По понятным причинам, комплиментарный взгляд на этнический национализм со стороны западных политиков и некоторых представителей западного академического сообщества проявляется преимущественно при анализе ситуации в постсоветской России, тогда, когда западные эксперты выступают в роли апологетов процесса суверенизации российских "национальных" республик. Такого рода апологетика "*распространяется преимущественно на внешний мир и носит более осмотнительный характер применительно к действительности своих собственных отечеств*. Мало кто из американских коллег готов отстаивать право на самоопределение для гавайской или навахской нации, но почти все приемлют аналогичные политические проекты внутри России" (В. Тишков)³¹.

Это обстоятельство неоднократно отмечали добросовестные отечественные исследователи. С. Чешко справедливо указывает на то, что актуализация принципа самоопределения в этнополитической практике «обычно порождает острые конфликты внутри государств», а в международных отношениях он часто «используется в целях давления на соперников или даже *разрушения недружественных государств*, примерами чего могут служить судьба СФРЮ, недавняя агрессия НАТО против Югославии, позиция Запада в отношении чеченского конфликта»³².

Примечательно, что в последние годы принцип самоопределения народов все чаще проявлял себя в международно-правовой практике синхронно с так называемым принципом гуманитарной интервенции. Последний принцип служит как бы "внешней санкцией" этнического сепаратизма в суверенных полиэтничных государствах. Оказывая "гуманитарную помощь населению в этноконфликтных" зонах, страны западной демократии, как это не прискорбно, оказывают моральную поддержку этническим комбатантам, воюющим под знаменами этнического сепаратизма. Тем самым, мировое сообщество под лозунгами гуманизма фактически "*стимулирует радикальные группы* внутри религиозных и

этнических меньшинств *на обострение конфликтов* вплоть до применения вооруженной силы в надежде на победу с помощью миротворческих формирований" (А. Кокошин)³³.

Несложно пролонгировать определившиеся тенденции в ближайшее будущее. В условиях дисбаланса стратегических сил, столь явно проявившегося после распада СССР и деградации российской государственности, лозунг самоопределения народов, вероятно, будет эксплуатироваться как эффективное средство устранения конкурентов в процессе начавшегося в постсоветский период передела сфер геополитических интересов. А. Осипов прогнозирует ситуацию, при которой «конкуренция между государствами и борьба за сферы влияния» сделает этнические движения *«инструментом достижения внешними силами собственных интересов»* ибо «поддержка сепаратизма или даже угроза такой поддержки – это сильное *средство международного шантажа и давления»*³⁴. (Тот вполне очевидный факт, что практическая реализация лозунга права на политическое самоопределение этнических групп чаще всего сопряжена с кровавыми конфликтами, этническими чистками и т.п. отмечают многие исследователи³⁵.)

Что же касается актуализации принципа самоопределения в «постперестроечной» России, то многие исследователи констатировали тот факт, что неверно интерпретируемая "парадигма самоопределения служит главной идеологической основой *отторжения проектов реформирования российского федерализма*, которые предусматривают ликвидацию привилегированного положения "национальных" республик по сравнению с краями и областями, объединение субъектов федерации и т.п." (С Чешко)³⁶.

В. Кучериненко не без оснований сожалеет о том, что «к концу XX века сложилась некая парадигма, в соответствии с которой... *каждый этнос подталкивается к обособлению и созданию этнического государства»* и рисует апокалиптическую картину, на которой к середине грядущего века «территория Земли, нарезана на мелкие кусочки всеми, кто того пожелает»; но «мирное их сосуществование» скептически настроенному автору «представляется с большим трудом», поскольку *«самоопределение, реализованное подобным образом, в действительности не уменьшает, а увеличивает число этнических меньшинств, еще более недовольных своей жизнью и соседями»*³⁷.

В этом контексте грустным, но справедливым представляется приговор, вынесенный принципу самоопределения Г. Старушенко: «Принцип самоопределения подчас не только нарушается, но и сознательно *используется для оправдания грубых нарушений прав человека, терроризма, этнических чисток, геноцида и сепаратизма*»³⁸. Он напоминает о том, что «самоопределение народа, нации не самоцель, а лишь средство согласования интересов народов и защиты прав человека, личности. *Не человек для нации, а нация для человека* – такой подход диктует нам международное право, подлинно гуманистическое мышление»³⁹.

Известный юрист заблуждается, относительно правомерности самой постановки вопроса об этническом самоопределении "народов" как коллективных субъектов права, но прав в том, что касается безусловной доминанты прав человека, индивида, по отношению к правам любой группы, в том числе, и, прежде всего, группы, ассоциированной по принципу приверженности той или иной этнокультурной традиции.

О соотношении международно-правовых принципов самоопределения и территориальной целостности

Одним из наиболее дискуссионных вопросов проблемы использования принципа самоопределения народов в международной правовой практике стал вопрос о соотношении интересующего нас принципа с принципом территориальной целостности суверенных государств. Суть этого вопроса "на который ни в международном, ни в конституционном праве государства *нет ответа*" состоит в следующем: "можно ли реализовать законно право на самоопределение нации, если с реализацией этого права будет неизбежным нарушение территориальной целостности государства, от которого хочет отделиться самоопределяющаяся нация, народ?" (Е. Козлов)⁴⁰. Участники дискуссии в зависимости от своей приверженности к той или иной теоретической модели конструирования этнополитических взаимодействий по-своему пытаются либо преодолеть эту противоречивость, либо, напротив, признают ее непреодолимой и провозглашают приоритет одного из антагонистичных принципов международного права.

Ученые, лоббирующие интересы этнополитических элит, стремящихся к сепаратизму, признают «право народов на самоопределение» безусловной доминантой международно-правового регулирования политического процесса (о том, право это или нет и о том, как следует интерпретировать слово «народ» речь пойдет ниже). В соответствии с этой точкой зрения «государство не может противопоставлять свое право на территориальную целостность праву населения этой территории на самоопределение... принцип территориальной целостности государства... не может быть противопоставлен народу или народам, населяющим территорию государства – их неотъемлемому праву на самоопределение» (Ю. Барсегов)⁴¹. Отметим, что в этом пассаже есть заметное противоречие: в одном случае говорится о праве «населения» (которое всегда этнически гетерогенно) данной территории на политическое самоопределение, а затем происходит подмена оснований – говорится о противопоставлении принципа территориальной целостности интересам «народов» (упоминание народов во множественном числе не оставляет сомнения в том, что это слово автор употребляет как синоним слова «этнос»). При этом аксиомой считается, что «народ (понимаемый, разумеется, как этническая общность – В.Ф.), как субъект права на самоопределение, решая вопрос о своем статусе, тем самым определяет и судьбу населяемой им территории, а, следовательно, и государственную границу»⁴².

То, что на любой территории проживают представители различных этнических общностей, и у них могут быть различные представления о судьбе этой территории, во внимание не принимается.

Соответственно, действия государства, выражающего интересы всех своих граждан вне зависимости от их этнокультурной идентичности, отстаивающего свой суверенитет и территориальную целостность в противостоянии с этническими сепаратистами, квалифицируются как насилие и нарушение норм международного права. Л. Карапетян убеждает своего читателя в том, что «к актам неприкрытого вооруженного насилия прибегают те суверенные государства, которые возводят в абсолют принцип территориальной целостности и игнорируют права на самоопределение народов, не считают с правами человека и национальных меньшинств. В итоге фактически перечеркиваются принятые международные пакты и соглашения»⁴³. На это можно возразить, что те

политики, которые возводят в абсолют принцип самоопределения народов, менее всего считаются с правами представителей тех этнических групп и национальных меньшинств, которые проживают на территории совместно с «самоопределяющимся» этническим сообществом. Примеров тому из этнополитической практики постсоветских этнократических государств не счесть. Что же касается упреков Л. Карапетяна в адрес государств, прибегающих к вооруженному насилию для борьбы с этническим сепаратизмом, то государство остается государством, пока сохраняет за собой монополию на вооруженное насилие против тех, кто стремится к разрушению его конституционной политической системы и территориальной целостности.

В этой связи небезынтересна точка зрения Р. Мюллерсона, который считает, что международное право заботится о территориальной целостности лишь тех государств, которые в своих действиях соблюдают принцип самоопределения народов и имеют правительства, представляющие весь народ без какой-либо дискриминации⁴⁴. При всей внешней привлекательности такой позиции, она вызывает целый ряд вопросов. Что значит "соблюдают принцип самоопределения народов"? Какие формы, и какие методы самоопределения при этом считаются разумными, а какие избыточными? Могут ли вообще коллективно самоопределяться народы-этноты? И как следует трактовать "правительства, представляющие весь народ без какой-либо дискриминации"? Идет ли здесь речь о представительстве в органах власти всего народа (политической нации) посредством демократических процедур вне этнического контекста, или речь идет о обязательном участии представителей этнических меньшинств во власти? В зависимости от ответов на эти вопросы позицию Р. Мюллерсона можно признать более или менее ошибочной. Правильной ее признать нельзя по двум причинам: во-первых, коллективное самоопределение "этноты" это миф, во-вторых, мировое сообщество не должно поощрять этнический сепаратизм ни в каких случаях. Даже в случае явной дискриминации правящей элитой представителей этнических меньшинств, речь должна идти о международных санкциях, побуждающих этнократов к соблюдению прав человека, а не о поощрении деятельности этнических сепаратистов.

Среди сторонников этнической государственности весьма популярен тезис о том, что критерием справедливости или несправедливости решения

вопроса о допустимости и необходимости сецессии части территории государства с полиэтничным населением могут служить обстоятельства исторического вхождения самоопределяющейся территории (и, соответственно – этнической группы, ее населяющей) в состав данного государственного образования. По мнению Л. Карапетяна «определение соотношения между правом наций на самоопределение и недопустимостью нарушения территориальной целостности... обуславливает необходимость конкретного подхода к решению возникающих проблем в каждом конкретном случае. Ведь нахождение народов в едином федеративном государстве имеет разную историю... В одних случаях это произошло добровольно... в другом – в результате завоевания... в третьем – носит отпечаток волюнтаризма в национальной политике»⁴⁵. В трудах Ю. Барсегова эта мысль находит логическое продолжение: «в основе экспансионистской интерпретации принципа территориальной целостности государства и абсолютизации государственных границ лежит отождествление аннексированных чуженациональных областей с территорией аннексирующего государства, а его государственного суверенитета с всевластием державного (титульного) народа этого государства»⁴⁶. Но вопрос о том, какие территории следует считать аннексированными и какие этносы державными в подавляющем большинстве случаев вызывает большие сомнения. Для специалистов-этнологов совершенно очевидно, что любая территория может рассматриваться как место этногенеза целого ряда этнических групп. Так же как очевиден и тот факт, что этническая история практически всех этнических сообществ связана на том или ином этапе с вооруженным аннексированием или мирным освоением тех или иных территорий, населенных представителями других этносов. Проблема миграций протоэтнических групп была и остается поводом для научных дебатов: бесспорно доказать кто на данной территории самый «тутошний», самый автохтонный очень сложно. Да в этом и нет никакой необходимости: права граждан одного государства в той или иной части его территории абсолютной не должны зависеть от того, где и когда родилась их пра-прабабушка. В. Малахов в этой связи справедливо отмечает, что "восстановление "исторической справедливости", то есть своего рода компенсация членам групп за причиненные им страдания, на деле оборачивается привилегиями для потомков членов этих групп (часто не в первом поколении), которых эти страдания не коснулись...

Следствие такой политики – распадение общества на конкурирующие между собой этнические сегменты. Она не облегчает социальной интеграции индивидов, а способствует их этнической стигматизации"⁴⁷. Если же проблемы этногенеза (имеющие сугубо познавательный интерес) вместо этнологов начнут решать этнические антрепренеры, то это закончится, безусловно, войной всех против всех.

Апологеты этнической суверенизации весьма избирательно подходят к решению вопроса о том, в каком случае речь идет о противоправном нарушении целостного государства, а в каком случае о легитимной сепарации территории с компактным проживанием иноэтничного населения (по сравнению с этническим большинством населения страны). Как правило, сторонниками приоритета принципа этнического самоопределения, выступают идеологи этнократических режимов, оформившихся на территориях бывших союзных и российских "национальных" республик. В националистических доктринах политиков и политологов этого рода аксиомой признается то, что «применительно к народам бывшего СССР, противопоставление принципа территориальной целостности государств праву народов на самоопределение означало бы ни что иное, как увековечение результатов произвола и насилия, чинившихся в коммунистической империи» (Ю. Барсегов)⁴⁸.

Конечно же, привести аргументы в пользу того, что претензии на суверенизацию территорий и создание этнических государств со стороны басков, курдов или корсиканцев менее обоснованы, чем аналогичные претензии армян, азербайджанцев или татар весьма затруднительно. Просто единственно правильным провозглашается тот принцип, который в сложившейся политической конъюнктуре удобен и полезен тем или иным этнополитическим элитам. Ну, а бросить камень в "империю зла" ныне просто хороший тон.

Л. Карапетян выясняет политико-правовые доминанты в своеобразной манере наивного априоризма: "Государства, которые не хотят считаться с международными принципами... провозглашают приоритетность принципов нерушимости территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела суверенного государства. Противники же такого подхода к проблеме приоритетности названных принципов на первый план выдвигают право народов на самоопределение... Для объективного решения этого противоречия нужно

исходить из общепризнанного и неоспоримого принципа приоритетности прав человека... А при таком подходе следует прежде всего ответить на неизбежный вопрос: приоритетность какого из этих принципов может гарантировать возможность максимальной реализации и защиты прав человека? Очевидно, что ответ однозначен: право народов на самоопределение, разумеется, в одной из обозначенных в международных документах форм и методов его реализации»⁴⁹. Это "очевидно, что ответ однозначен" просто обескураживает и убивает всякий полемический задор.

Наконец, примером очень вольной интерпретации принципа территориальной целостности может служить экстраполяция оного не только на государство как политического суверена, но и на онтологизированные народы-этноты. Л. Карапетян всерьез полагает, что «принцип территориальной целостности и нерушимости границ относится не только к существующим суверенным государствам, но и к народам, которые стремятся к самоопределению, независимости в границах своего компактного проживания»⁵⁰. Как мы уже отмечали, подобные иллюзорные конструкции строятся на сугубо умозрительном предположении об «этнической чистоте» населения той или иной территории, из архаичной убежденности в том, что ту или иную территорию можно жестко «привязать» к определенному (и при этом только одному!) этносу. На практике все выглядит совершенно иначе, что не мешает политикам, вооруженным соответствующими идеологическими доктринами, добиваться искомой «этнической гомогенности» населения желаемой территории. Какими способами эта чистота достигается, хорошо известно.

Полемизируя с такого рода представлениями о соотношении права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности государств, сторонники незыблемости послевоенных границ, напротив, настаивают на том, что в соответствии с нормами международного права принцип самоопределения, не должен трактоваться как «санкционирующий или поощряющий расчленение, частичное или полное нарушение территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения» (Г. Старушенко)⁵¹. В этом контексте принцип равноправия трактуется как равенство фундаментальных прав граждан государства вне зависимости от этнической, расовой или

конфессиональной принадлежности, а самоопределение понимается как право индивида на свободу этнокультурной самоидентификации.

Осознание того факта, что этнический сепаратизм в конце прошлого столетия превратился в мощную детерминанту международной напряженности, приводит многих исследователей к мысли о необходимости элиминировать негативное воздействие принципа самоопределения народов на стабильность в полиэтничных государственных образованиях. И в этой связи сторонники политико-правового доминирования принципа территориальной целостности обращают внимание на то, что "в последние годы государства – участники СБСЕ, учитывая роль этнических конфликтов, дестабилизирующих международную обстановку, все последовательнее в принимаемых документах делают акцент не столько на осуществлении права на самоопределение, сколько на соблюдении территориальной целостности государств" (Ю. Решетов)⁵².

В постсоветской российской этнофедералистике представлены также многочисленные историографические факты, в которых изложены маргинальные концептуальные позиции, претендующие на то или иное обоснование компромисса между принципом этнического самоопределения и принципом территориальной целостности. В частности, в континууме мнений, относительно соотношения интересующих нас принципов, присутствуют такие, согласно которым никакой противоречивости, никакого антагонизма между ними нет. Так К. Калинина декларирует: "Анализ основных причин конституционно-правовых коллизий ... показывает, что канем преткновения является *кажущаяся несовместимость* между провозглашенным в международно-правовых пактах правом народов на самоопределение и недопустимостью расчленения территориальной целостности... государств"⁵³. Однако упомянутый анализ в работе отсутствует, также как и какая бы то ни была аргументация в пользу иллюзорности несовместимости названных принципов.

По меньшей мере странной и неубедительной представляется и позиция И. Блищенко, который, констатировав факт появления "в правовой литературе нескольких статей, где говорилось о том, что принцип самоопределения противоречит принципу территориальной целостности" декларирует собственную позицию следующим образом: "ничего подобного... понятие самоопределения означает, что каждый народ мирным путем может изменить, в том числе, и

территориальную целостность любого государства»⁵⁴. Есть основания думать, что в ситуации, когда *каждый народ* начнет по своему усмотрению менять территориальную целостность *любого* государства, никакого *мирного пути* ожидать не приходится.

Близкий по смыслу, но в значительной степени более аргументированный, а потому – более понятный концепт принадлежит С. Юшенкову. Согласно представлениям этого известного российского политика «в международном праве есть два взаимоисключающих принципа: право наций на самоопределение вплоть до отделения и нерушимость границ. Впрочем, это взаимоисключение носит скорее внешний характер, если иметь в виду то обстоятельство, что *принцип нерушимости границ относится к недопустимости изменения границ суверенных государств силовым способом извне*. И если внутри государства, *составляющие его части договорились мирным путем* образовать новые самостоятельные субъекты международных правовых отношений, то вряд ли подобную ситуацию можно считать противоречащей принципу нерушимости границ»⁵⁵. С этим утверждением, пожалуй, можно согласиться, при условии, что в переговорах о разделении государства участвуют легитимные представители именно всех его частей (то есть территорий), репрезентирующие мнение демократического большинства граждан соответствующей страны. Но подобная конструкция представляется сугубо умозрительной и далекой от исторических реалий.

Поиски компромиссного разрешения противоречия между интересующими нас принципами международного права приводят Ю. Барсегова к такому нетривиальному суждению: "Действие принципа территориальной целостности государства направлено, прежде всего, в сферу межгосударственных отношений... Запрет на нарушение территориальной целостности международное право адресует только государствам, ибо само нарушение возможно только со стороны государства. Эта норма права имеет целью защиту одного государства от внешнего посягательства со стороны другого государства"⁵⁶ Таким образом, Ю. Барсегов пытается "развести" предметы ведения принципов самоопределения и территориальной целостности. Но мысль о том, что нарушение территориальной целостности государства возможно только со стороны другого государства в контексте нашей темы выглядит абсолютно неубедительной. Речь как раз идет о

прецедентах незаконной сепаратистской части государства силами "внутренних" этнических сепаратистов, выступающих под лозунгами этнического самоопределения.

Далее идеолог карабахской независимости пишет: "В отличие от принципа территориальной целостности, регулирующего отношения между государствами, право народов на самоопределение регулирует отношения между народом, как первичным носителем территориальных прав, и государством, которому он делегирует осуществление своих прав и которое по презумпции действует от имени и в интересах управляемых народов. Поэтому определение нормативного содержания принципа территориальной целостности государства возможно только в контексте принципа самоопределения народов, который служит высшим правовым основанием владения и распоряжения государством территорией, как в международном, так и в государственном праве»⁵⁷.

Следует обратить внимание на то, что государство, по мнению Ю. Барсегова, действует от имени и в интересах своих народов-этносов. Можно было бы подумать, что всех народов, или, точнее – представителей всех этнокультурных общностей, иначе говоря, народа-нации. И нормативное содержание принципа территориальной целостности, в таком случае, определяют не отдельные народы-этноты по своему усмотрению (а точнее – этнические антрепренеры, выступающие от имени народов), а совокупный народ страны - политическая нация - посредством демократических процедур и в интересах всех граждан страны. Подчеркнем: речь идет о сохранении территориальной целостности государства, и не о чем другом.

Но у Ю. Барсегова это выглядит совершенно иначе: «Ни в коей мере не отрицая сам принцип территориальной целостности государства... международное право утвердило в качестве основания для владения и распоряжения территорией государством соответствие его территориальной власти и его границ... *желаниям и симпатиям народа*»⁵⁸. По мнению этого нетривиально мыслящего исследователя вопрос о *территориальной власти и границах* следует решать, руководствуясь не совокупностью международных договоров и системой коллективной безопасности, а исключительно *желаниями и симпатиями* народа! К сожалению, автор не принимает во внимание тот факт, что желания и симпатии соседних народов могут быть весьма и весьма отличны от

устремлений самоопределяющейся таким образом этнической общности. Ну, а куда народы в целом свои желания и симпатии вербализовать не в состоянии, то таковые формулируются "национальными лидерами", "вождями нации", "отцами народов", фюрерами, на худой конец. Что из этого получается, известно.

Нам представляются совершенно пустыми всякие попытки "примирить" принцип территориальной целостности государств и принцип этнического самоопределения в том случае, если последний трактуется как территориально-политическое обособление этнических сообществ, а не как экстерриториальное этнокультурное самоопределение индивидов. И в этом смысле суждение А. Галкина о том, что "не будучи юридически конкретизированными, эти правила не только не сопрягаются друг с другом, но и открывают неограниченный простор для самых различных трактовок"⁵⁹, представляется абсолютно справедливым.

Природа этнического самоопределения – обязательная норма международного права или моральный принцип?

При определении природы феномена этнического самоопределения российские исследователи обнаруживают поразительное разнообразие мнений. Континуум суждений по этому поводу выстраивается следующим образом: *обязательная норма – право – принцип – лозунг – нравственная максима – идея – благое пожелание*. При этом содержательное наполнение каждого из этих определений может быть диаметрально противоположно по смыслу. Разумеется, каждая из этих дефиниций маркирует принадлежность ее сторонников к той или иной теоретической парадигме, той или иной этнополитической доктрине.

Для тех, кто мобилизует принцип этнического самоопределения с целью легитимизации этнократических режимов, "принцип самоопределения народов – *общепризнанная основополагающая норма международного и государственного права, обязательная для всех без исключения государств*" (Ю. Барсегов)⁶⁰. Риторика такого рода воспроизводит патетические лозунги середины прошлого столетия, когда самоопределение народов служило основой лозунгового универсума антиколониального движения. Актуализация этого принципа в иную эпоху (эпоху глобализации) и применительно к иным

этнополитическим реалиям (речь идет не о "народах" колониальных стран, а о полиэтничном населении суверенных государств) представляется сугубо спекулятивной акцией.

Следует отметить, что многие исследователи не считают нужным придерживаться единообразного употребления дефиниций, определяющих их отношение к сущности феномена этнического самоопределения. Тот же Ю. Барсегов в другом месте пишет: «*Право* на самоопределение народов относится к числу основных прав и свобод человека»⁶¹. К. Калинина употребляет дефиниции "право" и "принцип" в едином синонимическом ряду: "Говоря о *принципе самоопределения*, важно иметь в виду, что это *право* относится к числу неотъемлемых. Никто не вправе лишать какой бы то ни было народ этого *права*. Оно всегда присуще народу независимо от его политического статуса"⁶². В. Ступишин и А. Козлов убеждены в том, что "*право* наций на самоопределение правильно характеризуется как *принцип естественного права*, покоящегося на вековых общечеловеческих *нравственных нормах*"⁶³.

Полемизируя с приведенной выше точкой зрения, С. Чешко интерпретирует самоопределение как принцип и утверждает, что "во-первых, нет доказательств того, что этот *принцип* можно отнести к числу *базовых прав человека* и, главное, что он обеспечивает его интересы; во-вторых, отсутствуют недвусмысленные международные правовые нормы, пригодные для толкования и реализации этого права; в-третьих, нет четких критериев определения предполагаемых субъектов права на этническое самоопределение; в-четвертых, нет бесспорных... процедур осуществления этого права, в-пятых, нет способов совместить этническое самоопределение с другими правовыми нормами, призванными обеспечить поддержание политического миропорядка и интересы других этносов"⁶⁴. В другом месте эта мысль конкретизируется следующим образом: "Есть большой соблазн связать *идею* самоопределения с присущим людям "естественными", "фундаментальными" правами. Собственно эта мысль высказывается и напрямую – например, когда утверждается имманентная приоритетность суверенитета этнических общностей. Такой посыл составляет психологическую основу как убеждения в том, что принцип политического самоопределения должен главенствовать между государством и подвластными

ему группами населения..., так и идеологии этносепаратизма"⁶⁵. И далее: "Понятие права исключает естественность, так как право – это изобретение человеческого общества, а не генетическая заданность, не закон природы и не высшее предопределение"⁶⁶. Созвучна этой точке зрения и позиция В. Гефтера, полагающего, что "право наций на самоопределение" – это «не право, а принцип, а сам этот термин совершенно неюридический, внеправовой»⁶⁷.

Чаще всего в отечественной историографии этническое самоопределение фигурирует как принцип. Однако понимание этого принципа совершенно различно в пределах разных научных традиций.

Весьма многочисленны исследователи, которые квалифицируют его как "один из императивных принципов современного международного права" и провозглашают "важнейшей составляющей национальной политики и развивающегося федерализма в России" (К. Калинина)⁶⁸. Характерной особенностью этой позиции является многократно повторяющееся схоластическое заклинание, согласно которому интересующий нас принцип "предполагает безусловное уважение прав и свобод человека, равноправие народов и субъектов Российской Федерации"⁶⁹. На протяжении 90-х годов целая когорта "нациеведов" от кремлевского официоза, с одной стороны, и апологетов республиканских этнократов, с другой, зомбировала общественное мнение россиян такого рода идеологемами. Они конструируются с очевидным намерением закамуфлировать парадоксальную ситуацию, при которой менее десяти процентов граждан страны отнесены к разряду "титulyных" и пользуются, связи с этим, явными социальными преференциями, а неравенство статусов и правового положения субъектов Федерации позволяет одним паразитировать за счет других.

Методологически отличное от приведенного понимание этнического самоопределения как принципа этнической политики мы встречаем у Ю. Решетова, полагает, что «право народов на самоопределение должно осуществляться в строгом соответствии с требованиями *других принципов международного права*, таких как суверенное равенство государств, неприменение силы или угрозы применения силы, нерушимость границ, территориальная целостность государств, мирное разрешение споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека и основных

свобод»⁷⁰. Если не принимать во внимание группоцентризм (априорное признание правосубъектности этнических сообществ) приведенного высказывания, с ним вполне можно согласиться. Действительно, использование в правоприменительной практике принципа самоопределения в комплексе с перечисленными нормами международного права не оставляет возможности трактовать его как побуждающего к этническому сепаратизму и политизации этничности. В этом контексте уместнее говорить о правах личности на свободу этнокультурной идентификации, нежели об особой доктрине самоопределения "этносов".

Именно такой подход побуждает исследователей, работающих в конструктивистской парадигме, к отрицанию правовой доктрины самоопределения народов как таковой. С. Сироткин в этой связи приводит такой аргумент: «Право – это... результат договора, *результат попыток решения общих повторяющихся положений*», а именно *"этого то и нет в вопросах самоопределения, нет и не может быть..."*⁷¹. Отказывает доктрине коллективного этнического самоопределения в правовом содержании и С. Чешко: *"Такой концепции (коллективного самоопределения – В.Ф.) не существует. Есть комплекс, или, точнее сказать, некий конгломерат лозунгов и эмоций, касающихся идеи самоопределения"*⁷². С этим утверждением трудно не согласиться постольку, поскольку базовая для сторонников политического самоопределения этносов идея коллективной правосубъектности этнических сообществ не выдерживает никакой критики и давно отвергнута мировым научным сообществом. (Об этом в специальной главе исследования.)

Практически все специалисты в области юридической антропологии, признающие приоритет прав личности по отношению к правам каких бы то ни было социальных групп, солидарны во мнении о том, что групповое этническое самоопределение не более чем ситуативный политический лозунг. Причем лозунг этот, по мнению С. Сироткина, *"до такой степени внутренне противоречив и размыт*, что никаких четких формальных критериев быть не может... Где вообще тот минимальный уровень, с которого мы можем ставить вопрос о праве на самоопределение? Совершенно очевидно, что *юридически эта конструкция не может быть сколько-нибудь удовлетворительно интерпретирована*. Право вообще имеет четкий признак, право должно быть формально определено, иначе

это не право, а политический документ. *Если не подлежит формализации сам предмет, сам субъект, то ставить вопрос о твердой норме... мы просто не можем»*⁷³.

Принцип самоопределения, интерпретируемый в качестве политического лозунга, оказался востребован в практике правозащитного движения. Однако в этой ипостаси он выступает как принцип защиты представителей меньшинств от этнической дискриминации, как механизм обеспечения прав человека на свободу этнической идентификации и удовлетворения этнокультурных запросов. Один из наиболее компетентных активистов правозащитного движения А. Осипов формулирует это следующим образом: *«Для правозащитников... разные политические лозунги, к каковым может быть отнесен и лозунг самоопределения, выступают в качестве инструментальной ценности. То есть их можно оценивать с точки зрения того, помогают они или нет в реализации иных, приоритетных ценностей... это, естественно, права и свободы человека и гражданина, законность, правопорядок, мир и международная безопасность»*⁷⁴.

В другой ипостаси – в виде доктрины этнополитического обособления – рассматриваемый принцип в сообществе правозащитников не воспринимается и инструментального значения не имеет. Напротив, концептуальные основы правозащитного движения строятся на признании конфликтогенного потенциала коллективной этнической правосубъектности и ее несовместимости с фундаментальными правами человека. В этом контексте, по мнению Б. Цилевича, "принцип права на самоопределение для нации" признается тождественным "принципу нравственной свободы для индивидов" и рассматривается в качестве *"некоторой нравственной максимы, против которой язык не повернется возражать"*, но при этом констатируется, что *"реализация этого принципа ... принципиально несовместима с соблюдением индивидуальных прав"*⁷⁵. В историческом контексте, по мнению этого исследователя, эволюция принципа этнического самоопределения выглядит следующим образом: *«Право на самоопределение было принципом, то есть некой нравственной максимой, до начала институционализированного процесса деколонизации. Когда начался процесс деколонизации под эгидой ООН, этот принцип получил конкретное юридическое наполнение и стал инструментальным. Но на сегодняшний день процесс деколонизации завершен, и... этот принцип опять стал чисто*

нравственной максимой»⁷⁶.

Исходя из этого, применительно к практике регулирования международных отношений, принцип коллективного самоопределения трактуется как "некое благое пожелание", которое "нельзя прописать в праве... потому что не определены ни существо самоопределения, ни субъект права, ни процедуры". В том же случае, "если самоопределение введут в право", то, по выражению Я. Рачинского, ... "ни одна страна не останется без собственной гражданской войны»⁷⁷.

А. Осипов настаивает на том, что право народов на самоопределение, будучи провозглашено в известных международных документах в виде "*идеи*", не включается в Уставе ООН в число рабочих принципов этой организации, а упоминается как некое общее пожелание"⁷⁸. Более того, по мнению этого авторитетного специалиста в области юридической антропологии, идея «права народов на самоопределение» в ее «каноническом» изложении противоречит целям Устава»⁷⁹.

Методы реализации принципа самоопределения

Как мы видели, среди российских ученых нет единства мнений, относительно возможных форм реализации принципа самоопределения; ничуть не больше единодушия проявляют они и в вопросе о возможных методах (способах) внедрения этого принципа в политическую практику. Поскольку международные акты, декларирующие принцип самоопределения весьма скупы, как в его содержательной интерпретации, так и в изложении способов его практической реализации, то многие исследователи приходят к выводу о том, что "нужна конкретизация «права народов на самоопределение», то есть выработка критериев, механизма и процедур, делающих идею самоопределения практически применимой и не подрывающей существующую систему международных отношений" (А. Осипов)⁸⁰.

Разнообразие точек зрения по этому поводу не столь велико, как это наблюдается при определении форм этнического самоопределения. Это и понятно: практически реализовать избранную форму этнического самоопределения можно либо посредством известных демократических процедур,

либо путем принуждения, даже насилия. Вопрос, в конечном счете, заключается только в том, можно ли считать такое насилие легитимным и санкционированным международным правом.

Ответ на этот вопрос, как правило, зависит от того, как интерпретируется в каждом конкретном случае предпочтительная форма реализации принципа самоопределения.

В том случае, если в качестве конечной цели провозглашается сецессия государства и обретение "собственной" этнической государственности, то правомерными признаются все способы достижения такой цели. При таком подходе в действие вступает логика революции, логика бунта; лозунгом этнической мобилизации становится лозунг "цель оправдывает средства". Как правило, даже самые агрессивные методы достижения столь желанного политического самоопределения этносов оправдываются ссылками на международное право, при этом, разумеется, никогда не конкретизируется, какие именно международно-правовые акты санкционируют насильственные действия во имя такого самоопределения. А. Козлов, в частности, декларирует такой постулат: "Международное право допускает даже вооруженную борьбу в целях реализации этого права, однако лишь в том случае, если нация подвергается массовой, систематической и резкой дискриминации"⁸¹. Такого рода декларации чрезвычайно опасны, поскольку от имени науки санкционируют вооруженный сепаратизм любой группы этнических антрепренеров, пожелавших заявить, что "их" народ подвергается дискриминации. Хорошо известно, что практически во всех "национальных" республиках постсоветской России возникли этнополитические структуры-эфемериды, лидеры которых от имени этноса ("народа", "нации") провозгласили, что Россия – это империя зла, последняя колониальная держава, что в отношении "их" народа проводится политика этноцида и проч. Очевидно, что признание правомерности претензий такого рода этнических активистов на суверенизацию республик означало бы конец российской государственности. В этой ситуации, в соответствии с логикой А. Козлова, этнические сепаратисты вправе начать вооруженную борьбу. Прецеденты такого рода политической активности слишком хорошо известны. Б. Цилевич в этой связи справедливо отмечает: "Если право на самоопределение провозглашается в виде фундаментального принципа, то это неизбежно

провоцирует насильственные методы достижения этой цели, поскольку других просто не существует»⁸².

Впрочем, в рамках того же группоцентристского подхода декларируются и куда более сдержанные формы этнического самоопределения и, соответственно, менее агрессивные методы реализации этого принципа. Ю. Барсегов полагает, что самоопределение этноса, как единого социального целого "состоит в свободе волеизъявления затрагиваемого народа: только ему как субъекту права на самоопределение принадлежит право выбора"⁸³. Значит, остается только определить, каким образом реализуется волеизъявление народа как коллективного целого. Чаще всего сторонники коллективной правосубъектности этноса сходятся во мнении, что "право на самоопределение подразумевает выражение воли народа на достижение цели, к которой он стремится... Адекватным методом проявления такой воли признается референдум, всенародное голосование" (К. Калинина)⁸⁴.

Да, действительно, референдум может быть эффективным методом решения вопроса о самоопределении, к этому мнению склоняются и ученые, рассматривающие принцип самоопределения в конструктивистской парадигме. Но в содержательной интерпретации референдума в этой парадигматике речь идет не о самоопределении этноса, а о самоопределении населения территории, стремящейся к той или иной степени автономии или даже к самостоятельному политическому существованию. В. Тишков справедливо считает, что "субъект самоопределения... на коллективном уровне - *это не этнос, а демос*, то есть территориальное сообщество"⁸⁵. Более того, о легитимности сессии, как нам представляется, правомерно говорить только в том случае, если в референдуме участвует не только население самоопределяющейся территории, но и все население того государственного образования, из под юрисдикции которого выходит данная территория.

Апологеты коллективного этнического самоопределения часто декларируют свою приверженность демократическим процедурам политической реализации этого принципа, в частности свое намерение руководствоваться при соблюдении таких процедур нормами международного права. Более того, в ряде публикаций высказывается мнение, согласно которому международное сообщество в лице своих наднациональных органов вправе и даже должно участвовать в акциях этнического самоопределения. По мнению Э. Тадевосяна

«самоопределение народов должно происходить демократическим путем и на основе норм международного права, а в строго определенных случаях – с помощью международных органов и организаций. *Включение мирового сообщества в решение этих вопросов не должно рассматриваться как вмешательство во внутренние дела государств*»⁸⁶.

Такая позиция вызывает серьезные возражения у противников доктрины коллективного самоопределения этносов. В. Шуверова, полемизируя с Э. Тадевосяном утверждает, что допущение международных органов и организаций к решению вопроса о территориальном самоопределении этнических сообществ *"способствует введению двойных стандартов с точки зрения норм международного права... о чем свидетельствует... пример Боснии и Чечни"*⁸⁷.

Развивая эту мысль, А. Осипов отмечает, что нормы международного права, согласно которым *"самоопределение должно быть результатом демократического волеизъявления, достигаться мирным путем, должно предполагать соблюдение прав человека и национальных меньшинств"* и только в этом случае должны санкционироваться международным сообществом, будучи реализованы в политической практике, приводят к грубым вмешательствам во внутренние дела суверенных государств. По мнению этого исследователя, признание Европейским Союзом и США государств, образовавшихся в результате распада СССР и СФРЮ, продемонстрировало *"вещь и без того достаточно очевидную, а именно: этнические движения и новые режимы, чтобы добиться международного признания, готовы подписать под любыми декларациями, но сие никак не означает, что эти декларации будут выполнены. Нетрудно выдержать "демократический" характер волеизъявления и обеспечить его всеобщность, поскольку избирателями легко манипулировать. Такие инструменты, как "права человека", и "права меньшинств" остаются недостаточно продуманными даже на понятийном уровне. Они не позволяют охватить множество ситуаций, связанных с целенаправленным давлением на меньшинства и с ограничением их социальных возможностей, например, языковую политику, подбор кадров, пропагандистские кампании и проч. Зарубежным покровителям этнических движений нетрудно поэтому закрыть глаза на дискриминационную практику и "мягкие этнические чистки", особенно если их затруднительно*

интерпретировать в категориях "нарушения прав человека" и доказать реальность подобных нарушений"⁸⁸.

Признание группового этнического самоопределения в качестве нормы международного права, по мнению А. Осипова означает, «что, бросив под соответствующим идеологическим прикрытием вызов государству и навязав свой сценарий территориального и политического переустройства, подрывные организации в принципе могут рассчитывать на признание законности своих действий и на внешнюю поддержку", что в свою очередь открывает безграничные возможности *"манипулирования этническими движениями как средством достижения внешнеполитических целей"*⁸⁹.

Очевидно, что признание правомерности вмешательства во внутренние дела государств под предлогом защиты прав этнических меньшинств на политическое самоопределение может привести к самым негативным последствиям и представляет сегодня серьезную угрозу всей системе международной безопасности.

В конструктивистской парадигме единственно разумным и возможным методом реализации права на самоопределение принято считать консолидацию индивидов - носителей определенной этнокультурной идентичности – в рамках экстерриториальных общественных объединений, ассоциированных по этническому принципу и действующих в рамках института национально-культурной автономии.

Условия, при которых требования самоопределения могут считаться правомерными

Этот раздел в конструктивистской парадигме не имел бы никакого смысла, если бы не возникала необходимость вести дискуссию со сторонниками примордиалистского понимания принципа этнического самоопределения. Дело в том, что интерпретация этнического самоопределения как права индивида на свободу выбора форм реализации своей культурной идентичности просто "снимает" вопрос о том при наступлении каких условий человек вправе самоопределяться таким образом. Ответ на него крайне прост: при любых

условиях, если формы и методы самоопределения индивида не противоречат интересам других людей и действующему законодательству.

Совершенно иначе дело обстоит с определением условий, санкционирующих этническое самоопределение этноса в концептуальном поле примордиализма. Отметим, что интересующий нас вопрос возникает у сторонников этой научной традиции тогда, когда речь заходит о групповом этническом самоопределении в наиболее радикальной его форме, то есть о самоопределении в виде "собственного" государственного образования. При таком подходе проблема может быть сформулирована следующим образом: в каких случаях мировое сообщество вправе или даже должно поддержать этносепаратистское движение в суверенном государстве. Как правило, в этом случае те или иные авторы апеллируют к известным актам, декларирующим самоопределение в качестве принципа международного права.

Вот характерная для этой парадигмы точка зрения: «Доктринальное толкование совокупности действующих норм приводит к выводу, что международное право, *не отрицая возможности самоопределения путем отделения*, обуславливает возможность отделения наличием некоего «неправового» правящего режима, который не представляет всего проживающего на данной территории народа (*без различия национальности, расы, языка, и т. д.*), а также допускает массовые и грубые нарушения основных прав и свобод человека. Тем самым снимается вопрос о том, имеет ли *национальное меньшинство* право на отделение, ибо таковое распространяется на любую *этническую общность*, чьи интересы не представляет существующая власть и чьи основные права и свободы эта власть грубо попирает» (С. Юрьев)⁹⁰.

В приведенной цитате содержится множество противоречий и концептуальных тупиков. Прежде всего, мысль о том, что международное право не отрицает возможность самоопределения путем отделения. Мы уже писали о том, что, по мнению многих специалистов, международные акты, провозглашающие принцип самоопределения наций, скупы и часто противоречивы. Однако в Декларации о принципах международного права в разделе о самоопределении говорится со всей определенностью, что оно не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые привели бы к расчленению либо к частичному или полному

разрушению территориальной целостности или политического единства суверенных государств. Что же касается *"неправового правящего режима"*, который не представляет интересы некоей этнической общности, чьи основные права и свободы он попирает, то здесь остается напомнить, что у этнической общности нет (и не может быть) единых прав и обязанностей. Так же, как совершенно неясно, кто и на каком основании вправе объявлять тот или иной режим неправовым. Во всяком случае, не этнические активисты, стремящиеся к сецессии. Но самое противоречивое в приведенной цитате то, что в ее начале речь идет о *населении* некоторой территории (автор подчеркивает – "без различия национальности, расы, языка, и т. д."), а в конце – "о любой этнической общности", любом национальном меньшинстве". Таким образом, С. Юрьев трактует самоопределение как право на отделение и государственное обособление всего населения той или иной части территории существующего государства и считает, что такой подход "снимает" вопрос о праве на сецессию этнической общности. На практике дело обстоит совершенно иначе. На самоопределение, как правило, претендует не население территории (в российской политической практике – республики), а часть "титულიной" этнической общности, на этой территории проживающая (часть, так как значительная доля представителей "титульного" этноса обычно проживает за пределами республики, а та, что живет в пределах республики, далеко не едина в выборе форм самоопределения). И основанием для таких претензий является не безразличие *"неправового"* режима к нуждам *населения территории*, а обвинения в этнической дискриминации. Не говоря уже о том, что политическое самоопределение *меньшинства*, в свою очередь, породит новые меньшинства, которые также заявят о своем намерении самоопределиваться. Это то, о чем несколько сумбурно, но содержательно совершенно справедливо пишет А. Кузьмин: "Соответственно, возникают меньшинства, которые у вас заведомо, радикально ущемлены, просто потому, что вы, самоопределяясь, ну, например, бедного колонизатора немножко решили "прижать"... Но весь вопрос в том, что уже он оказался тем самым несчастным национальным меньшинством, которому пора самоопределиваться вплоть до отделения. *И логика эта раскручивается по спирали*"⁹¹.

В среде апологетов идеологии этногосударственного самоопределения за аксиому принято суждение, согласно которому оправданием этнического

сепаратизма служит "исторический аргумент". Суть его состоит в следующем: "Право народов (и отдельных этнических групп, и многонационального населения отдельных территорий) на "самоопределение вплоть до отделения" оказывается в определенной корреляции с историческим фактором, под которым мы подразумеваем и объективный ход и результат давней и совсем недавней истории (как, когда и при каких обстоятельствах данная территория, данный народ оказался в составе соответствующего государства), и народную историческую память, формирующую современное этническое и гражданское самосознание населения. Если в этом историческом процессе и в народной памяти элементы насилия... обретают жесткие, реальные контуры сравнительно недавних, не забытых, не прощенных событий, то и право угнетенных наций на самоопределение вписывается в контекст национально-освободительной борьбы и антиколониальных движений, которые естественно могут претендовать на общегуманитарное сочувствие, на поддержку их мировым сообществом и соответствующими нормами международного права" (С. Червонная)⁹².

Этот интеллектуальный конструкт при всей демократической тональности формулировок представляется нам крайне конфликтогенным, прямо направленным на провоцирование этнического сепаратизма и межэтнической конфронтации. Нет нужды специально доказывать, что попытки выяснения того, *"как, когда и при каких обстоятельствах данная территория, данный народ оказался в составе соответствующего государства"* приведут к войне всех против всех в подавляющем большинстве этноконтактных регионов. Более того, поддержка международным сообществом подобных инициатив приведет к разрушению большинства современных суверенных государств, в конечном счете – к разрушению самого международного сообщества. И рассуждения о *"народной исторической памяти"*, которая якобы формирует современное этническое и гражданское самосознание, нужно исключительно для того, чтобы закомуфлировать политические амбиции этнических антрепренеров, которые и конструируют то самое конфликтное этническое сознание в поисках массовой поддержки своих властных амбиций. Соответствующее мифотворчество так называемой *"национальной интеллигенции"* призвано внедрить в массовое сознание членов этнокультурного сообщества мысль о то, что *"наш"* народ поработили, угнетают, и единственный путь к процветанию – это вооруженная

борьба. Дальнейшая логика подобного рода политической активности хорошо описана А. Осиповым: *"Для этнического движения нет лучшего способа добиться своих целей, чем развязать гражданскую войну. Неизбежно пострадает мирное население, а после пролитой крови сепаратистам нетрудно убеждать международную общественность, что применение силы со стороны государства является неадекватным, влечет за собой нарушения прав человека и многочисленные жертвы, а потому лишает правящий режим легитимности и подтверждает справедливость требований сепаратистов"*⁹³.

В ряде случаев, коллективное политическое самоопределение признается российскими исследователями правомерным при условии, что самоопределение "титულიной" группы не влечет за собой дискриминации "нетитульного" населения. Э. Алаев со всей категоричностью утверждает, например: *"Самоопределение – неотъемлемое право каждого народа, это неоспоримо. В том числе и территориальное самоопределение"*. Но признание этого права международным сообществом в каждом конкретном случае должно зависеть, по мнению этого ученого, от того имеются ли "в преамбуле декларации о суверенитете гарантии прав человека для всех народов на данной территории". За суверенитет, дескать, "надо платить, и *гарантии нетитульным этносам – это справедливая плата*"⁹⁴. А что если "нетитульные" граждане не захотят принимать эту справедливую плату и пожелают, в соответствии с логикой Э. Алаева, в свою очередь самоопределиться? Почему "титульным" недостаточно гарантии прав человека на данной территории, а нужно непременно быть "титульными"? Вероятно потому, что это предполагает какие-то преференции и, соответственно, ущемляет в правах "нетитульных". М. Губогло задается риторическим вопросом: *"Означает ли, что все народы, расселенные в различных регионах России, без какой-либо формы национально-государственной правосубъектности имеют право на законное ее приобретение?"*. И отвечает на него вполне справедливо: *"Если нет, то норму о "равноправии и самоопределении народов" следует признать несостоятельной и фальшивой"* (М. Губогло)⁹⁵. Таким образом, вопрос стоит так: либо лозунг самоопределения не операционален и лишен всякого смысла, либо воспользоваться правом на самоопределение вправе всякая этническая общность. Последнее в условиях дисперсного проживания подавляющего большинства этнокультурных групп и стремительно нарастающей

миксации населения принципиально нереализуемо. Остается одно – забыть о групповом самоопределении.

Самоопределенческая идеология была актуализирована в 90-е годы минувшего столетия исключительно для обоснования правомерности претензий "национальных республик" в составе Российской Федерации на суверенное развитие. В соответствии с таким целеполаганием был сформулирован деструктивный концепт, согласно которому рухнувший СССР и его исторический приемник Российская Федерация представляют собой ни что иное, как последнее колониальное государство. В самых патетических тонах рисовались ужасные картины угнетения представителей нерусских этносов в этой реликтовой колониальной державе: "Обречены на рабство и ассимиляцию – такова реальная угроза, реальный итог развития нерусских народов в составе многонациональной Российской империи. Только в этом контексте, на этом историческом фоне мы можем понять, насколько необходимым для спасения и выживания этих народов было обретенное ими "право на самоопределение", насколько желанным и долгожданным был этот луч надежды..." (С. Червонная)⁹⁶. Или в другом месте тот же автор пишет: «В экстремальной ситуации оказались... практически все народы бывшей царской империи. Их положение за семьдесят лет коммунистической диктатуры вряд ли изменилось к лучшему... Поэтому стремление этих народов к самоопределению имеет серьезную историческую основу и вызвано именно той «экстремальной ситуацией», которая в нашей стране является не редким исключением, а нормой, predeterminedенной всем ходом исторического развития прежней многонациональной Российской империи и десятилетиями истории Советского Союза и коммунистического режима... *Стремление к самоопределению народов, при лидирующей роли определенного этноса, стремящегося создать заново или восстановить свою государственность, разрушенную в итоге его насильственного присоединения к империи, исторически объяснимо*»⁹⁷.

Неискушенный читатель может подумать невзначай, что под лидирующим этносом подразумевается русский этнос (культурное и демографическое доминирование представителей этой этнокультурной общности в России оспаривать трудно). Ни в коем случае! С. Червонная интерпретирует русских исключительно как этнос-поработитель. Лидирующий этнос в

представлении этого автора это тот, этнополитическая элита которого максимально преуспела в сепаратистском шантаже федерального центра. Любопытно и ее замечание относительно "экстремальной ситуации", в которой вдруг оказались все народы России. Мы не станем полемизировать о том, в интересах каких этнических групп реализовывалась этническая политика большевиков, была ли она столь деструктивна по отношению представителям нерусских меньшинств, какие льготы и привилегии имели в России русские и т.д. Этим сюжетам в последние годы посвящено достаточно солидных исследований⁹⁸. Согласимся только с мнением А. Осипова, который заметил, что "при добросовестном подходе очень непросто аргументировано отделить различия, вызванные *объективными естественными причинами*, от последствий *целенаправленной дискриминации*, но, наоборот, при желании любые различия можно преподать как результат "колониальной политики"⁹⁹.

Наряду с известными московскими учеными, поощряемыми различными зарубежными гуманитарными фондами, идею о колониальном характере российской государственности чрезвычайно эмоционально озвучивают и идеологи всевозможных провинциальных националистических партий-эфемеридов. Вот, к примеру, весьма характерная цитата из Заявления партии Чувашского национального возрождения: "Мы считаем, что...принцип единой и неделимой России - это и есть *форма имперского прошлого как тюрьмы народов*"¹⁰⁰. Соответственно, по мнению Н. Егорова "Чувашия, Татарстан, Чечня, Осетия - *это не составная часть России...* они были, а некоторые и остаются *колониями...*"¹⁰¹. У главного идеолога чувашских национал-патриотов А. Хузангая российская государственность вызывает идиосинкразию и предается анафеме: "На имени "Россия" тоже лежит бремя прошлого, могущее выступать иногда с точки зрения народов и в виде *проклятия*"¹⁰².

Примеров такого сорта этнополитического творчества можно было бы привести великое множество. В начале 90-х годов прошлого века подобные идеи были весьма распространены среди республиканских интеллектуалов, призванных разрабатывать идеологическое обеспечение оформлявшихся тогда в бывших российских автономиях этнократических режимов.

В контексте интересующей нас проблемы существенно то, что колониальная тематика используется подобными авторами для мобилизации

международного сообщества на поддержку этнического сепаратизма в этногосударственных субъектах Российской Федерации, для обоснования постулата, согласно которому ситуация в нашей стране подпадает под юрисдикцию международного антиколониального законодательства. В. Пономарев, в частности, вполне отчетливо вербализует эту сентенцию: "Я считаю, что Советский Союз *являлся колониальной империей*, которая мало отличалась от классических колониальных империй... и, следовательно, применительно не ко всем, но ко многим регионам бывшего СССР борьбу национальных движений за самоопределение можно рассматривать в рамках *антиколониальной борьбы*"¹⁰³.

Представители конструктивистской интеллектуальной традиции вполне отчетливо отрефлектировали логику аргументов своих оппонентов, так же как и угрозы, связанные с внедрением группоцентристских концептов этнического самоопределения в массовое сознание.

С. Чешко обращает внимание на то, что "соискатели этнического самоопределения и сегодня зачастую обосновывают свои требования тем, что они находятся на положении "внутренних колоний"", и настаивает на том, что "подобные рассуждения представляют собой не более чем *идеологическое обеспечение сепаратизма* и не имеют *ничего общего с известными актами ООН о деколонизации*"¹⁰⁴.

В свою очередь, А. Осипов отмечает, что "формулировка о *"народах, находящихся в колониальной зависимости"*, повторена в Венской декларации и Программе действий - документе, принятом в 1993 году, когда деколонизация была практически завершена, и в мире почти не осталось "классических" колоний. Возникает естественное подозрение, что не так уж далеко лежит *легализация расширительного толкования понятия "колониальная ситуация" и "иностранная зависимость"*, основанного на очень зыбких и субъективных критериях... При желании *очень многие территории и очень многие этнические группы можно рассматривать как "насильственно присоединенные" и "насильственно удерживаемые"* в границах того или иного государства"¹⁰⁵.

Угрозы, порождаемые неправомерной экстраполяцией понятий "колониальная зависимость", "колониальное угнетение" и проч. на политические реалии XXI века делают весьма актуальным вопрос о перспективах использования

принципа этнического самоопределения в международных отношениях и политической практике суверенных государств.

Принцип самоопределения в политической практике

Концептуальные оппозиции, рассмотренные в предыдущих параграфах этой главы, должны убедить читателя в том, что доктрина этнического самоопределения крайне эклектична и внутренне противоречива. Эволюция основных концептов, ее составляющих, свидетельствует не только о теоретико-методологическом размежевании ученых, так или иначе трактующих интересующий нас феномен, но и о том, что операциональное использование принципа этнического самоопределения со временем становится все более затруднительным. Ученые, не склонные абсолютизировать значение этого принципа как твердой нормы международного права (такая абсолютизация свидетельствует об известной этнополитической ангажированности), как правило сходятся во мнении, согласно которому "фундаментальная причина того, что попытки формализации принципа самоопределения не дали до сих пор достаточно ощутимых результатов, заключается в *сложности* проблемы с точки зрения, как внутренней противоречивости этого принципа, так и *его практической реализации*" (С. Чешко)¹⁰⁶.

Также как и при рассмотрении прочих аспектов доктрины самоопределения, при оценке отечественными исследователями перспективы использования этого принципа в политической практике обнаруживаются два концептуальных подхода.

Представители старшего поколения отечественных юристов-международников (те, кто от имени советской страны формулировал принцип самоопределения в международных правовых документах эпохи деколонизации) продолжают романтизировать заблуждения своей юности и всерьез полагают, что «научное толкование этого принципа *дает возможность успешно решать выдвигаемые жизнью проблемы* в интересах не одной нации, одного класса, а всех народов, классов, государств, в интересах человека» (Г. Старушенко)¹⁰⁷. Солидарны с ними и те ученые и политики, которые в силу разных причин утверждают в своем творчестве идею правомерности притязаний

этнополитических элит на власть и суверенное распоряжение ресурсами в этногосударственных образованиях в составе Российской Федерации. С. Червонная, в частности, полагает, что "проблема самоопределения народов ни теоретически, ни *практически не может быть решена, если она не увязана с правами коренных народов*"¹⁰⁸. В этой связи А. Осипов остроумно заметил, что «для представителей этнических движений идея «права народов на самоопределение», как и вообще идея, утверждающая бытие этнических коллективов в качестве самостоятельных политических субъектов, самоценна, она, если угодно, выступает для них как экзистенциальная ценность, как ценность сама по себе, независимо от того, к чему приведет ее практическое использование»¹⁰⁹.

Те же, кто стремится к сохранению территориальной целостности России и противостоит политизации этничности, напротив, исходят из того, что «*идея самоопределения* в большинстве случаев подразумевает односторонние действия от имени части общества, например, одной этнической группы, и, следовательно, *приглашает людей к конфликту*» (А. Осипов)¹¹⁰. Ученые, работающие в конструктивистской парадигме, отказывают самоопределенческой идеологии в праве на развитие и использование в политической практике "потому, что *реализовать ее практически невозможно* без ущерба для кого-то другого (для иных этнических групп, государств), а зачастую и для части собственного этноса" (С. Чешко)¹¹¹. Более того, проявление "гиперэтнизма" в виде требования политического самоопределения этнолингвистических общностей рассматривается как глобальная проблема, создающая угрозу мировому сообществу, поскольку "в случае реализации всех заявленных стремлений к самоопределению в виде обретения самостоятельного государственности возникает множество нежизнеспособных государств. Они будут постоянно претендовать на поддержку извне, источники которой ввиду распада многих потенциальных государств-спонсоров, станут весьма скудными. Конфликты, как между собой, так и с третьими странами будут непрерывно сотрясать систему международных отношений" (А. Галкин)¹¹².

Премордиалисты призывают своих коллег объединиться в поисках ответа на сакраментальный вопрос о том, "как соотнести принцип государственной

целостности с устремлением входящих в нее народов на самоопределение?" (А. Жириков)¹¹³.

Конструктивисты же, напротив, полагают, что "наиболее разумной для ответственных политиков и общественных деятелей представляется *стратегия игнорирования деклараций о самоопределении*". В соответствии с этой точкой зрения "следует исходить из того, что *идея «права народов на самоопределение» не является правовой*", что известные международные правовые акты "не налагают на государства никаких конкретных обязательств, и соответственно действовать", по мере возможности *не допуская того, "чтобы эта идея получила какую-то конкретизацию на уровне международных организаций и новые толкования"* (А. Осипов)¹¹⁴.

Для добросовестных ученых политическая бесперспективность пресловутого принципа вполне очевидна. Г. Королева-Конопляная напоминает, что "что примерно 500 этнических групп сегодня претендует на самостоятельное развитие, независимое в политическом смысле (мировое сообщество составляет примерно 200 государств и около 3000 этносов). Возможность реализации этих устремлений создаст такие проблемы и конфликтные ситуации, которые мировому сообществу будет не просто решить"¹¹⁵.

Следует полагать, что исход дискуссии о перспективах практического использования концепта этнического самоопределения, также как и фактическая мобилизация этого концепта в политической практике во многом будет зависеть от соотношения политических и экономических потенциалов федеральных властных структур и региональных (республиканских) этнополитических элит. Именно это соотношение будет определять и запрос на этнополитическую экспертизу возможностей практического использования доктрины этнического самоопределения, и, соответственно, востребованными окажутся либо примордиалистские конструкты этногосударственного самоопределения мифологизированных этносов, либо конструктивистские концепты экстерриториальной этнокультурной самоидентификации индивидов.

Резюме

При всем многообразии оценок и суждений, концептуальные подходы к

содержательной интерпретации принципа этнического самоопределения вполне определенно укладываются в границы двух известных теоретических парадигм. Бинарные оппозиции мнений «премордиалистов» и «конструктивистов» оформились достаточно отчетливо по целому ряду спорных аспектов интересующей нас проблемы.

Рассмотрение генезиса принципа этнического самоопределения одних убеждает в том, что данный принцип, выражая естественное право этнического коллектива на самостоятельное политическое существование, изначально служил и служит ныне делу свободы и демократии. Других, напротив, приводит к заключению о том, что его провозглашение в свое время служило делу прогресса и позволило колониальным странам добиться независимости, однако, на определенном этапе исторического развития, неадекватно интерпретируемый принцип "самоопределения наций" стал деструктивным, угрожающим целостности стран с полиэтничным составом населения.

Изучение соотношения принципа этнического самоопределения с другими нормами международного права, прежде всего, с принципами территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела суверенных государств одних приводит к заключению о том, что международное право трактует принцип этнического самоопределения как приоритетный и все прочие принципы действуют лишь в той части, в какой не противоречат праву этнических групп на свободу самоопределения в любой желаемой форме, другим дает основания утверждать, что в соответствии с нормами международного права принцип самоопределения, не должен трактоваться как санкционирующий или поощряющий расчленение, частичное или полное нарушение территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств.

Для тех, кто мобилизует принцип этнического самоопределения с целью легитимизации политических режимов, построенных на доминировании одной из ряда этнических общностей на территории определенного государственного образования, принцип самоопределения народов – общепризнанная основополагающая норма международного и государственного права, обязательная для всех без исключения государств. Напротив, практически все специалисты в области юридической антропологии, признающие приоритет прав личности по отношению к правам каких бы то ни было социальных групп,

солидарны во мнении о том, что групповое этническое самоопределение не более чем ситуативный политический лозунг, не имеющий никакого отношения к праву как таковому.

Ответ на вопрос о предпочтительных методах реализации принципа этнического самоопределения зависит от того, как интерпретируется в каждом конкретном случае искомая цель реализации принципа самоопределения. В том случае, если в качестве конечной цели провозглашается сецессия государства и обретение "собственной" этнической государственности, то правомерными признаются все способы достижения такой цели. При таком подходе лозунгом этнической мобилизации становится лозунг "цель оправдывает средства". В случае, если целью самоопределения выступает реализация права индивида на свободу этнокультурной самоидентификации, единственно разумным и возможным методом реализации права на самоопределение можно считать консолидацию индивидов - носителей определенной этнокультурной идентичности – в рамках экстерриториальных общественных объединений, ассоциированных по этническому принципу и действующих в рамках института национально-культурной автономии.

Вопрос об условиях, в которых правомерна реализация права на самоопределение, в конструктивистской парадигме не имеет особого смысла: интерпретация этнического самоопределения как права индивида на свободу выбора форм реализации своей культурной идентичности просто "снимает" вопрос о том при наступлении каких условий человек вправе самоопределяться таким образом. Ответ на этот вопрос крайне прост: при любых условиях, если формы и методы самоопределения индивида не противоречат интересам других людей и действующему законодательству. Совершенно иначе дело обстоит с определением условий, санкционирующих этническое самоопределение этноса в концептуальном поле примордиализма. Отметим, что вопрос об условиях политической реализации принципа самоопределения возникает у сторонников этой научной традиции тогда, когда речь заходит о групповом этническом самоопределении в наиболее радикальной его форме, то есть о самоопределении в виде "собственного" государственного образования. Аргументами в таком случае служат разного рода мифологемы о "порабощении", "неоколониализме",

"дискриминации" и проч., конструируемые для оправдания правомерности притязаний этнократических элит на власть и ресурсы.

Перспектива использования принципа этнического самоопределения в политической практике концептуальным антагонистам также представляется совершенно различной. Примордиалисты полагают, что дальнейшая история будет демонстрировать все новые и новые примеры политического самоопределения этносов, апеллирующих к тенденциозно интерпретируемому международному праву. Конструктивисты, напротив, склонны думать, что в ближайшей исторической перспективе пресловутый лозунг этнического самоопределения будет явочным порядком изъят из практики международных отношений как создающий угрозу системе международной безопасности.

Напомню, что между обозначенными крайними точками континуума мнений по поводу наиболее важных аспектов проблемы этнического самоопределения "играет" пестрый калейдоскоп суждений, претендующих на плодотворный компромисс, но являющих собой лишь неубедительные теоретико-методологические флуктуации. Любой такой компромисс при ближайшем рассмотрении оказывается концептуальным мутантом, призванным закамуфлировать ту или иную позицию автора в угоду той или иной политической конъюнктуры.

¹ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения//Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 3.

² Старушенко Г. Самоопределение как правовая основа предотвращения конфликтов и защиты прав человека//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Г. М., Звенья. 1997. С. 54.

³ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 4.

⁴ Кучериненко В. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 48.

⁵ Козлов А.Е. Право на самоопределение как принцип международного права и конституционное право человека//Права человека и межнациональные отношения. М., 1994. С. 69.

⁶ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 4; Абашидзе А.Х. Национальные меньшинства и право на самоопределение (международно-правовые проблемы)//Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 151.

⁷ См., например: Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., 2000; Калинина К.В. Право народов на самоопределение – принцип национальной политики//Вопросы национальных и федеративных отношений. Вып. 3. М., Изд-во РАГС. 1999; Барсегов Ю.Г. Самоопределение и территориальная целостность. М., Международный гуманитарный фонд армяноведения. 1993; Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение//Московский журнал международного права. 1994. № 1; Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения.

⁸ Осипов А.Г. Вступительное слово//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 40-41.

⁹ Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001. С. 50.

¹⁰ Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 10.

-
- ¹¹ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 7.
- ¹² Чешко С.В. Там же. С. 4.
- ¹³ Юрьев С.С. Указ. соч. С. 133-134.
- ¹⁴ Червонная С. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 104.
- ¹⁵ Барсегов Ю.Г. Право на самоопределение – основа демократического решения межнациональных проблем. Ереван, 1989. С. 12.
- ¹⁶ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 8.
- ¹⁷ Юрьев С.С. Указ. соч. С. 134.
- ¹⁸ Сироткин С. Имеет ли «право на самоопределение» отношение к праву?//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 66.
- ¹⁹ Осипов А. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки?//Там же. С. 81.
- ²⁰ Шуверова В.Д. Государственный суверенитет и право народов на самоопределение. М., Издательство РАГС. 1997. С. 18-19.
- ²¹ Юшенков С. Указ. соч. С. 46.
- ²² Валентей С.Д. Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998. С. 10.
- ²³ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 3.
- ²⁴ Калинина К.В. Указ. соч. С. 3.
- ²⁵ Тишков В.А. Этнология и политика. С. 50-51.
- ²⁶ Каменская Г.В. Федерализм: мифология и политическая практика. М., ИМЭМО. 1998. С. 6.
- ²⁷ Карапетян Л.М. Грани суверенитета и самоопределения народов//Государство и право. 1993. № 1. С. 13.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение. С. 5.
- ³⁰ Тишков В.А. Этнология и политика. С. 51.
- ³¹ Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России//Национальная политика в России: история и современность. М., 1997. С. 637.
- ³² Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 15.
- ³³ Кокошин А. Новый международный контекст. Интересы национальной безопасности России в условиях глобализации//Независимая газета. 2000. 26 мая.
- ³⁴ Осипов А. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки? С. 80.
- ³⁵ См., например: Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 3.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Кучериненко В. О парадигме национального самоопределения//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 173-174.
- ³⁸ Старушенко Г. Указ. соч. С. 54.
- ³⁹ Там же. С. 56.
- ⁴⁰ Козлов А.Е. Указ. соч. С. 69.
- ⁴¹ Барсегов Ю.Г. Самоопределение и территориальная целостность. С. 22.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Карапетян Л.М. Указ. соч. С. 19.
- ⁴⁴ Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 46.
- ⁴⁵ Карапетян Л.М. Указ. соч. С. 22.
- ⁴⁶ Барсегов Ю.Г. Самоопределение и территориальная целостность. С. 12.
- ⁴⁷ Малахов В. Вызов национальному государству//Скромное обаяние расизма и другие статьи. М., Дом интеллектуальной книги. 2001. С. 47.
- ⁴⁸ Барсегов Ю.Г. Самоопределение и территориальная целостность. С. 11.
- ⁴⁹ Карапетян Л.М. Указ. соч. С. 19.
- ⁵⁰ Там же. С. 22.
- ⁵¹ Старушенко Г. Указ. соч. С. 55-56.
- ⁵² Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение. С. 12.
- ⁵³ Калинина К.В. Указ. соч. С. 9.
- ⁵⁴ Блищенко И. Содержание права народов на самоопределение//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 42-43.
- ⁵⁵ Юшенков С. Указ. соч. С. 46.
- ⁵⁶ Барсегов Ю.Г. Самоопределение и территориальная целостность. С. 20.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 20-21.

- ⁵⁹ Галкин А.А. Гиперэтнизм как глобальная проблема//Федерализм: поиски ответов на новые вызовы. М., Горбачев-Фонд. 1993. С. 10.
- ⁶⁰ Барсегов Ю.Г. Право на самоопределение – основа демократического решения межнациональных проблем. С. 13.
- ⁶¹ Там же. С. 30.
- ⁶² Калинина К.В. Указ соч. С. 7.
- ⁶³ Козлов А.Е. Указ. соч. С. 66; Ступишин В. Право нации на самоопределение и территориальная целостность государств//Независимая газета. 1992. 5 августа.
- ⁶⁴ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 15.
- ⁶⁵ Там же. С. 5.
- ⁶⁶ Там же. С. 9.
- ⁶⁷ Гефтер В. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение С. 65.
- ⁶⁸ Калинина К.В. Указ соч. С. 3.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение. С. 15.
- ⁷¹ Сироткин С. Указ. соч. С. 66.
- ⁷² Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 9.
- ⁷³ Сироткин С. Указ. соч. С. 66.
- ⁷⁴ Осипов А. Вступительное слово//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 38.
- ⁷⁵ Цилевич Б. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 114.
- ⁷⁶ Там же. С. 88.
- ⁷⁷ Рачинский Я. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 94.
- ⁷⁸ Осипов А. Вступительное слово//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 38.
- ⁷⁹ Осипов А. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки?//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 75.
- ⁸⁰ Осипов А.Г. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки? С. 74.
- ⁸¹ Козлов А.Е. Указ. соч. С. 69.
- ⁸² Цилевич Б. Указ. соч. С. 49.
- ⁸³ Барсегов Ю.Г. Самоопределение и территориальная целостность. С. 8.
- ⁸⁴ Калинина К.В. Указ. соч. С. 8.
- ⁸⁵ Тишков В.А. Вступительное слово//Обычное право и правовой плюрализм. М., ИЭ РАН. 1999. С. 8.
- ⁸⁶ Тадевосян Э.В. Российский федерализм и современный национально-государственный «нигилизм»//Государство и право. 1996. № 9. С. 11.
- ⁸⁷ Шуверова В.Д. Указ. соч. С. 15.
- ⁸⁸ Осипов А.Г. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки? С. 75-76.
- ⁸⁹ Там же. С. 82.
- ⁹⁰ Юрьев С.С. Указ. соч. С. 141.
- ⁹¹ Кузьмин А. Указ. соч. С. 170.
- ⁹² Червонная С. Там же. С. 105.
- ⁹³ Осипов А.Г. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки? С. 79.
- ⁹⁴ Алаев Э. Региональные этнические конфликты//Федерализм. 1996. № 1. С. 107.
- ⁹⁵ Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., ЦИМО. 2000. С. 181.
- ⁹⁶ Червонная С. Указ. соч. С. 110.
- ⁹⁷ Там же. С. 93.
- ⁹⁸ См., например: Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998; Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
- ⁹⁹ Осипов А.Г. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки? С. 79.
- ¹⁰⁰ Заявление Партии Чувашского национального возрождения (ЧАП)//Советская Чувашия. 1992. 20 марта.
- ¹⁰¹ Егоров Н. Возродить дух народа//Цивильский вестник. 1993. 22 мая.
- ¹⁰² Хузангай А.П. Тяжба о России//Советская Чувашия. 1991. 13 ноября.
- ¹⁰³ Пономарев В. Указ. соч. С. 114.

-
- ¹⁰⁴ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 14.
- ¹⁰⁵ Осипов А.Г. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки? С. 76-77.
- ¹⁰⁶ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 5.
- ¹⁰⁷ Старушенко Г. Указ. соч. С. 55.
- ¹⁰⁸ Червонная С. Указ. соч. С. 123.
- ¹⁰⁹ Осипов А.Г. Вступительное слово//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 38.
- ¹¹⁰ Там же. С. 40.
- ¹¹¹ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения. С. 15.
- ¹¹² Галкин А.А. Указ. соч. С. 10.
- ¹¹³ Жириков А.А. Этнические факторы политической стабильности. М., 1995. С. 27.
- ¹¹⁴ Осипов А.Г. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки? С. 84.
- ¹¹⁵ Королева-Конопляная Г. Проблемы определения статуса субъектов федерации в условиях конфликта. Международный опыт и Россия//Федерализм. 1999. № 2. С. 210.

Глава 4
Экстерриториальная национально-культурная автономия
или государственно-территориальное самоопределение?
Формы реализации права на самоопределение

"Нет другой перспективы в условиях постиндустриального интегрирующего мира, чем национально-культурная автономия".

Г. Попов

Логически эта глава представляет собой продолжение предыдущей. Определение оптимальных форм практической реализации "права наций на самоопределение" есть результирующая часть научного и политического дискурсов рассматриваемого концепта. Однако сложность проблемы, противоречивость сформулированных позиций, трудности объективации лозунгов "национального самоопределения" в практической политике – все это побуждает посветить отдельную главу дискуссии о перспективах его реализации в специфической этнополитической ситуации, сложившейся в Российской Федерации в постсоветский период.

Нет нужды специально писать о том, что выбор той или иной формы этнического самоопределения в качестве оптимального и адекватного условиям России отчетливо позиционирует российских ученых, вовлеченных в дискуссию о преодолении кризиса в федеративных отношениях. Глубокий теоретико-методологический раскол научного сообщества, обусловленный принадлежностью к примордиалистской или конструктивистской парадигмам этнологического знания, отчетливо проявил себя в попытках концептуализации форм практической реализации доктрины "права наций на самоопределение". М. Губогло справедливо отметил, что "лучше всего причины раскола прослеживаются на реализации двух принципов национальной политики – государственного устройства и национально-культурной автономии. Обращение к национально-культурной автономии однозначно связано с последовательным осуществлением принципа административно-территориального деления России, что подразумевает отказ от национально-государственных образований, как форм самоопределения национальностей"¹.

Политизированная этничность

То или иное решение вопроса о предпочтительных формах реализации права на этническое самоопределение зависит, прежде всего, от того, каким образом интерпретируется субъект этнического самоопределения.

Как правило, те исследователи, которые склоняются к мысли о коллективной правосубъектности онтологизированных этнических сообществ, либо настаивают на политическом самоопределении народов-этносов, либо, в лучшем случае, готовы рассматривать различные формы практической реализации принципа этнического самоопределения, но непременно включая в этот континуум право на образование "собственного" государства.

В этом контексте наиболее радикально сформулировал свое отношение к проблеме И. Блищенко: "Когда мы говорим о праве наций на самоопределение, то следует иметь в виду, что это право осуществляется в разных формах. *В форме федеративного устройства, конфедеративного устройства или в форме политической независимости*"². У меня нет уверенности в том, что известный юрист употребляет здесь термин "нация" в этническом смысле слова, но есть основания думать, что это действительно так. Иначе, почему минимальным уровнем самоопределения следует считать федерацию? Почему нация-согражданство не может самоопределяться, например, в форме монархии или унитарного государства? Но даже если интерпретировать нацию как стадию развития этноса, то почему континуум форм самоопределения столь жестко ограничен тремя политическими формами? Мало того, что И. Блищенко столь безапелляционно интерпретирует право на этническое самоопределение как право групповое, он забывает о хорошо известных формах этнокультурного самоопределения, реализуемых в индивидами в составе групп, ассоциированных по этническому принципу.

Столь категоричное ограничение способов реализации права на самоопределение исключительно политическими формами явление в российской историографии почти уникальное. Чаше всего, апологеты политизации этничности не отрицают различных форм этнического самоопределения, однако настаивают на том, что образование суверенного государства от имени самоопределяющегося народа-этноса – есть высшее достижение этнического самоопределения и полагают, что признание

законности и правомерности политических притязаний этнических элит – есть непереносимое условие, позволяющее говорить об истинной свободе выбора народа-этноса.

Именно так это выглядит у Ю. Барсегова: «Не будучи в состоянии отрицать существование права народов на самоопределение как нормы международного права, сторонники экспансионизма пытаются выхолостить из него главное – *политическое самоопределение*, то есть право на отделение для образования самостоятельного национального государства»³. Или, в другом контексте, «свобода отделения – высшее выражение демократизма между народами. В ней находит проявление и воплощение принцип суверенного равенства народов. Самоопределение не обязательно должно воплощаться в политическом отделении, но *без признания свободы отделения нет права на самоопределение*»⁴.

Примечательно, что принцип суверенного равенства народов в данной исследовательской парадигме воспринимается не как отрицание прав всех без исключения этнокультурных сообществ узурпировать государственность от имени "титальной нации", а как универсальное право каждого онтологизированного народа-этноса на собственную "титальную" государственность. При этом, я ни разу не встретил у авторов, отстаивающих такую позицию, объяснения того, как следует решать вопрос с аналогичным правом представителей иных этносов, проживающих на той же территории. В лучшем случае содержится апелляция к историческому или этногенетическому аргументам.

Терминологический хаос зачастую просто лишает возможности выявления смыслов теоретико-методологических концептов, предлагаемых теми или иными исследователями. Чрезвычайно трудно воспринимать и комментировать пассажи, типа следующего: «Принцип самоопределения... признает право не только на *национальное освобождение*, но и на самостоятельное определение направления и форм своего социального развития» (Г. Старушенко)⁵. Что стоит за идеологическим клише "национальное освобождение"? Какое социальное множество правомочно выбирать формы своего социального развития? Такого рода лозунги "работали" в период, когда "освободившиеся народы (?) Африки вставляли на некапиталистический путь развития". Партийные идеологи не склонны были

размышлять о том, какие же, собственно, "народы" самоопределялись после ухода европейцев из полиэтничных африканских стран, а какие оказывались в ситуации жесткой этнической дискриминации. И какие элиты, от имени каких народов и под каким политическим давлением выбирали тот или иной путь "социального развития".

Тот же Г. Старушенко, диверсифицируя формы этнического самоопределения, пишет: «Из принципа самоопределения следует право народа любого государства определять *свой политический режим*, руководить экономической жизнью своей страны, распоряжаться своими естественными ресурсами, право на развитие, право решать все внутренние вопросы (языка, религии и т. п.). *Народ сохраняет за собой указанные права и в случае принадлежности к многонациональному государству*»⁶. Казалось бы, "народ любого государства" можно трактовать лишь как гражданское сообщество. И уже почти соглашаешься с автором. Но нет! Пассаж о принадлежности народа к "многонациональному" государству лишает надежды на торжество здравого смысла. Это даже не многонациональный народ государства, не народ многонационального государства, а народ, принадлежащий к многонациональному государству. Значит – народ-этнос. Значит, по логике автора, различные народы, принадлежащие к единому государству, сохраняют право определять свой политический режим, распоряжаться своими естественными ресурсами. Но каким образом в рамках единого государства (или, иначе, в рамках определенной политической организации общества) разные народы могут выбирать "свои" политические режимы? И что делать, если их выбор (если даже на минуту допустить мысль о том, что народ-этнос может сделать выбор) будет различным? И какие естественные ресурсы такого рода народ вправе провозгласить "своими"? И может ли вообще народ-этнос быть коллективным собственником каких бы то ни было ресурсов?

В аналогичный примордиалистский капкан (а точнее, в ловушку ленинско-сталинского доктринерства) попадает и К. Калинина: "Самоопределение народа – это право не только на национальное государство, но и на сохранение (или создание) *многонационального государства*"⁷. В соответствии с этой логикой, национальное государство – это этническое государство, а право на самоопределение - право на создание "своего" государства. Нации (народы) употребляются в этническом контексте и при

перечислении форм этнического самоопределения: "Конкретно-исторический подход к решению вопроса о *нациях (народах) как носителях (субъектах) суверенитета* позволил выработать основные международно-правовые способы осуществления их права на самоопределение: создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса" (К. Калинина)⁸.

До абсурда этот группоцентристский концепт доводит С. Червоная. В ее понимании "естественные" позывы к этнической государственности заложены в народах самой природой: "В стремлении народов к своей *национальной государственности как оптимальной политической форме*, максимально благоприятной для развития их этнической культуры и идентичности, заложена... логика *естественноисторического процесса*. Это нечто, *данное самой природой*, вытекающее из такого же *естественного стремления народов* к самоопределению"⁹. Следуя этой логике, ученым этнологам следует заняться поисками гена этнического самоопределения в структуре ДНК. Совершенно очевидны и политические рекомендации, проистекающие из такого рода логических конструктов: "Используя известное словесное клише, можно сказать: прежде чем объединяться, надо *окончательно и решительно размежеваться*" (С. Червоная)¹⁰.

И все-таки, столь неординарные суждения встречаются в отечественной этнополитологии не часто. Значительно чаще ученые, трактующие принцип этнического самоопределения в примордиалистской (группоцентристской) парадигме, склонны, наряду с политическими формами реализации данного принципа, предлагать и иные способы осуществления права на свободу этнической идентичности. Даже те, кто склонен оправдывать претензии этнократов на политическую самоорганизацию этносов, чаще всего признают, что «нельзя понимать "самоопределение народов" как принцип, *выражающийся единственно в праве выхода или отделения народа или территории* от какого-нибудь государства» (О. Егоров)¹¹.

Чаще всего, политическая форма самоопределения в ее наиболее радикальной версии – в форме образования этнического государства – не признается оптимальной. Г. Атаманчук, например, выражает вполне понятное сожаление о том, что в период пресловутого парада суверенитетов «принцип

самоопределения народов (в общем демократичный по своей сути) был радикализован в том направлении, что отделение одной нации от других и *создание ею самостоятельной государственности* стало считаться чуть ли не *лучшим способом решения национальных проблем*¹². Более того, по мнению этого исследователя «сужение принципа самоопределения народов *только до образования национального государства* завело многие процессы в тупик. Нарушилась сущность государственности, которая преодолевает родоплеменные отношения и основывается на принципе гражданства, юридической связи людей, объединенных совместной жизнью на совместной территории»¹³.

Размышляя о динамике содержательного наполнения принципа самоопределения в постсоветский период, Г. Старушенко констатирует, что в современных условиях «принцип самоопределения исходит не из *обязательности* отделения и образования однопациональных государств, а из *желательности* сохранения крупных государств и добровольного объединения разных народов и наций в такие государства на началах федерализма, автономии, демократизации политического режима...»¹⁴. Соответственно, право народов на самоопределение, по мнению этого исследователя «может реализовываться и в границах государства, в состав которого входит народ, и в *таких формах, как национально-культурная автономия, территориальная автономия, федерация, общая демократизация государства* и др. Именно разнообразие выбора и дает возможность самоопределяться с учетом интересов всех заинтересованных народов»¹⁵. И здесь Г. Старушенко, на наш взгляд, вновь допускает ошибку, трактуя федерализм не как форму территориальной демократии, а как способ решения пресловутого "национального вопроса". Согласиться в приведенном высказывании можно лишь с тем, что реализовать принцип этнического самоопределения можно только путем демократизации политического режима.

Примечательно, что, отдавая, вероятно, дань времени, Г. Старушенко настаивает на том, что «*критерий при выборе той или иной политической формы самоопределения – интересы личности, права человека, а потом уже народа, нации. Если та или иная форма самоопределения грубо попирает права человека, она должна быть заменена на приемлемую, или же самоопределение не должно состояться в этой форме*»¹⁶. Да, действительно, этническое

самоопределение – это право личности (и только личности!) на свободу выбора культурной идентичности и форм ее реализации. Но совершенно напрасно к правам индивида присовокупляется и право народа, нации, пусть даже во вторую очередь. Парадокс состоит в том, что как только в политической практике реализуется концепт коллективного этнического самоопределения, немедленно нарушаются права индивидов, принадлежащих к этническим, языковым, конфессиональным меньшинствам, проживающих на территории этнизированного государства. Также как и права индивидов, принадлежащих к самоопределившемуся в политической форме этносу, но не согласных с избранной формой самоопределения. Индивидуальные права попросту несовместимы с коллективными правами этнических сообществ!

Все это в равной степени можно адресовать и Ю. Решетову, который предлагает практически тот же вполне тривиальный набор оптимальных, с его точки зрения, форм этнического самоопределения. «Каковы же допускаемые международным правом способы осуществления подлинного права народов на самоопределение... *Меньшинство, народ могут по собственному желанию постепенно утратить свои национальные и этнические черты, ассимилироваться с другой этнической общностью...* Достаточно распространенными в мире являются самые разнообразные формы *национально-культурной автономии...* Несмотря на критику в адрес существующей у нас *национально-территориальной государственности* или автономии, ее возможности далеко не исчерпаны... Велики возможности федерализма... Вряд ли можно согласиться с тем, что федерализм не имеет связи с национальным вопросом»¹⁷.

Решительно непонятно, почему известный юрист полагает, что все эти формы этнического самоопределения санкционированы международным правом. Какие нормы международного права предписывают подобную реализацию рассматриваемого принципа? Особенно забавен в предложенном континууме тезис о том, что народ может по собственному желанию постепенно утратить свои национальные и этнические черты, ассимилироваться с другой этнической общностью. Так и представляешь себе "Народ", который говорит сокровенно: "Эх, надоело мне быть народом, уж очень хочется мне утратить свои этнические черты, охота мне быть ассимилированным какой-нибудь этнической общностью посимпатичней!" Это вовсе не гротеск! Ведь

автор вполне серьезно пишет о "желании" некоего гипотетического "народа" ассимилироваться! Этот интеллектуальный - курьез известное следствие той ситуации, когда о сложных этнических процессах с необыкновенной легкостью судят люди далекие от этнологии.

В этом контексте можно упомянуть еще два суждения, вызывающих серьезные возражения. «Если вопрос о *самоопределении в форме сецессии ставится в ситуации, угрожающей существованию этноса, культуры, нации*, это, я полагаю, *законная постановка вопроса...* Если вопрос стоит о возможности физического выживания этноса, народа, культуры, и если в иных формах невозможна самореализация, невозможно самоопределение, значит даже крайние формы, связанные с выходом из состава государства, - оправданы и законны» (С. Сироткин)¹⁸.

В данном случае правомерен вопрос: кто принимает решение о сецессии? Кто служит экспертом, определяющим, что в данном случае речь идет о целенаправленном этноциде а не о процессе естественной культурной ассимиляции? Опыт постсоветской России свидетельствует о том, что практически все этнические антрепренеры, конструировавшие националистические доктрины во всех пределах нашего Отечества, обвиняли Россию, русских, коммунистов, демократов (кого угодно!) в "целенаправленной русификации", "насильственной ассимиляции", "физическом уничтожении" тех этносов, от имени которых они выступали. В большинстве случаев, речь шла об этнических общностях, получивших в прошлом веке уникальные возможности для развития своей культурной традиции, создавшие письменность и профессиональную культуру, на поддержание и развитие которой многие годы из федерального бюджета шли колоссальные дотации.

Неясно, что представляет из себя "физическое выживание культуры", о невозможности какой самореализации пишет С. Сироткин. Чьей самореализации? Этнического коллектива? Но в составе такового всегда есть индивиды, вполне реализовавшие себя в любом плане, в том числе и этнокультурном. А есть индивиды, не желающие реализовывать свою идентичность в традиционной форме, а также индивиды, имеющие множественную этническую идентичность. Не говоря уже о том, что на территории, объявленной "своей" самоопределяющимся этносом, неизбежно будут проживать индивиды с иной этнокультурной идентичностью. Речь в

подобной ситуации чаще всего идет о неудавшейся профессиональной самореализации представителей интеллигенции, называющих себя "национальной". Именно для них борьба за самоопределение вплоть до отделения есть даже не цель, а форма политического существования.

Точка зрения С. Сироткина близка по сути к позиции Л. Карапетяна, сформулированной следующим образом: «Если государство не соблюдает принцип равноправия народов и препятствует (вплоть до военного подавления) их самоопределению даже в границах этого государства, то *стремление компактно проживающих народов на самоопределение не может быть истолковано как покушение на принцип территориальной целостности суверенного государства*»¹⁹. Логика здесь такова: государство не вправе применять насилие в случае, если та или иная группа лиц, заявит о своем намерении самоопределиться в политической форме, даже если такое самоопределение угрожает законным демократическим институтам и связано с этнической дискриминацией представителей иных этнокультурных сообществ. Последствия использования такого концепта в политической практике хорошо видны на примере чеченского конфликта.

В другом месте мы находим у Л. Карапетяна такой пассаж: «Едва ли обоснованы утверждения, будто изменение содержания самоопределения в современной обстановке сводится лишь к экономическому аспекту – к *«праву каждого народа распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами»*. Следует вести речь не об изменении «содержания понятия», а разных формах реализации права народов на самоопределение *не только в экономическом, но и в политическом аспекте*, хотя самоопределение не предполагает *обязательного* отделения, но *предусматривает возможность создания в той или иной форме национально-государственного, национально-территориального образования, культурной автономии*»²⁰. По поводу политических форм этнического самоопределения автор не сообщает нам ничего нового, но мысль о праве каждого народа распоряжаться "своими" богатствами и ресурсами заслуживает внимание. Интересно, каким образом некое символическое множество под названием "народ" может распоряжаться теми или иными природными ресурсами? Став коллективным юридическим лицом с долевой формой собственности? Кого будут в этом случае считать "своим" и на каком основании? А главное, на каком основании это

символическое множество объявит те или иные ресурсы "своими"? Мифологичность подобных утверждений вполне очевидна. К сожалению, на практике подобные лозунги служат формой легитимизации присвоения ресурсов теми или иными этнополитическими кланами. Нефтью Татарии владеет не абстрактный "народ Татарстана", и даже не татары, а вполне конкретные представители этнополитической элиты (не будем здесь останавливаться на том, каким образом формировалась эта элита и кто был рекрутирован в татарстанский истеблишмент в постсоветский период). А начиналось все с разговоров о "суверенном праве татарского народа".

К сожалению, в начале 90-х годов "бунтующая этничность" поставила вопрос именно о политическом, государственно-территориальном самоопределении этнических групп, пребывавших в составе России. Интеллектуальные усилия были направлены по преимуществу на обоснование целесообразности и легитимности огосударствления этничности. Мало того, что эти усилия оказались непродуктивными: их явным результатом стало конструирование мифологем, согласно которым тот или иной "народ" был самым "коренным" на той или иной территории, имел древнюю государственность, а посему обладает исключительным правом на государственное самоопределение, является носителем суверенитета и проч. Но, как констатировал Г. Атаманчук "самое печальное состояло в другом: были фактически прекращены поиски иных форм самоопределения народов, в частности, связанных с реализацией национально-культурного принципа организации общественной жизни"²¹.

Впрочем, это утверждение предстает излишне категоричным. Уже в начале 90-х годов были актуализированы иные политические концепты, призванные составить конкуренцию доктрине этногосударственного самоопределения.

Территориальная автономия этнокультурных групп

Очевидная конфликтогенность государственной версии самоопределения приводит многих ученых и политиков к мысли о том, что оптимальными следует считать формы этнического самоопределения, не связанные с огосударствлением этничности, не провоцирующие этнический

сепаратизм и не влекущие за собой тотальные нарушения индивидуальных прав человека. Ю. Решетов справедливо замечает, что «отделение, разъединение – это и признак неудовлетворенности и *нарушения прав человека*, и одновременно *начало новых конфликтов* и нового нарушения прав человека»²². В. Шуверова, в свою очередь, фиксирует внимание на потенциальной деструктивности политической суверенизации этнических сообществ и настаивает на том, что «право народов на самоопределение не тождественно праву на государственный суверенитет, так как *подобные идеи способны разрушить практически все государства* Европы и других континентов, ибо история создания всех государств однотипна и представляет собой историю объединения нескольких народов в едином государственном образовании»²³.

Столь явные дефекты политической ипостаси этнического самоопределения побуждают некоторых ученых обращаться к такой форме практической реализации рассматриваемого принципа, как территориальная автономия. По мнению И. Блищенко территориальная автономия – это одна из предпочтительных форм самоопределения, "так как *политическая независимость далеко не всегда решает вопросы развития, и, следовательно, самоопределения как такового*"²⁴.

Многим отечественным исследователям территориальная автономия компактно проживающей культурно отличительной группы представляется ему разумной, поскольку такая форма этнического самоопределения в меньшей степени, чем этническая государственность в рамках этнофедеративного государства, связана с этническим сепаратизмом элит и угрозой сепессии. Вместе с тем, концепция этнотерриториальной автономии, как правило, несет на себе груз традиционных примордиалистских заблуждений. Это – группоцентризм, идея коллективной этнической правосубъектности, во-первых, и идея, согласно которой этническая группа вправе претендовать на "свою" территорию.

Тот же Л. Карапетян, полемизируя с А. Прозаускасом, пишет: «Трудно согласится с мнением А. Прозаускаса, что в международных соглашениях территориальная автономия не отнесена к числу неотъемлемых прав. *Можно ли практически реализовать культурную автономию и равноправие меньшинств без признания за ними права на территорию, на которой их предки жили веками?*»²⁵. Прежде всего, отметим, А. Прозаускас пишет о том, что

территориальное самоопределение этносов не декларировано в международном праве, а опровергающий его Л. Карапетян, не замечая подмены логических оснований, задается риторическим вопросом о том, можно или нельзя реализовать культурную автономию без территориальной. Кроме того, если нельзя говорить о равноправии меньшинств без признания за ними права на территорию, то, вероятно, и о правах этнического большинства нельзя говорить вне территориального контекста. Чаще всего, и их предки жили на той же территории веками. Более того, это значит, что следует легитимизировать право большинства на всю прочую территории страны, а проживающих на ней представителей меньшинств объявить бесправными. Напомню, к примеру, что в Татарстане проживает всего лишь треть татарского этноса. В соответствии с этой логикой мудрствующие политики предлагают создать в Российской Федерации Русскую Республику, что неминуемо привело бы к распаду страны и возникновению острейших межэтнических противостояний во всех этноконтактных зонах.

К сожалению, вирус группоцентризма проник и в работы С. Юрьева, который также считает, что "территориальная автономия, самостоятельность в определенных сферах государственной жизни... в любом случае *представляют собой оптимальный вариант сочетания различных интересов*, в том числе в этнонациональных отношениях»²⁶. Да, действительно национально-территориальная автономия в меньшей степени связана с этнической дискриминацией представителей "нетитульных" этнических групп, нежели этнократическое государство. Но при известной "приглушенности" конфликтогенные факторы и в случае реализации этой формы этнического самоопределения остаются принципиально теми же, что и в случае учреждения этнического суверенитета. По мнению С. Юрьева "*Национально-территориальная автономия, политическое представительство и другие формы политического участия, позволяющие реально влиять на организацию и функционирование государственной власти, приводят к исчезновению «национальных меньшинств» как юридической категории: оставаясь этническими, языковыми и иными меньшинствами в «арифметическом» смысле, меньшинства оказываются включенными в правовой порядок государства, становятся «государствообразующими», а, следовательно, полноправным народом»*²⁷.

Но совершенно непонятно, какую роль должна играть национально-территориальная автономия в процессе политического участия, в обеспечении представительства меньшинств во власти. Вероятно, территориальная автономия призвана обеспечить доминирование "титულიной" этнической общности посредством явных или латентных преференций в электоральном процессе или при реализации кадровой политики. Очевидно, что такого рода преференции могут осуществляться только в ущерб представителям иных этнических общностей и неизбежно связаны с институциональной или неинституциональной дискриминацией по этническому принципу. Конструирование этнократических режимов на территории бывших российских автономий – лучшее доказательство конфликтогенности такой практики. В демократическом государстве представители меньшинств оказываются включенными в правовой порядок государства (посредством нормальных демократических процедур) в качестве полноправных граждан страны. Этничность – частное дело каждого, идентичность индивида с тем или иным этнокультурным сообществом не должна быть связана с какими бы то ни было политическими преференциями. Вне зависимости от того, составляют ли такие сообщества большинство или меньшинство в том или ином государстве. В политическом процессе индивид участвует в соответствии со своей социальной и гражданской идентичностью, этническая же идентичность должна реализовываться вне политики, вне государственного протекционизма.

В этом контексте следует отметить также, что "национально-территориальное самоопределение" даже с точки зрения интересов "титульных" этнических групп далеко не всем российским исследователям представляется оптимальным. Нельзя не согласиться с В. Лысенко, который настаивает на том, что "сама система национально-территориальных единиц соответствует скорее задаче административного управления, чем созданию условий для саморазвития этносов"²⁸. Если исключить из целей этнического самоопределения стремление к политическому, социальному и экономическому доминированию, то есть стремление к институционально оформленной дискриминации "других", то следует признать, что цели этнокультурной самоидентификации индивидов куда более результативно достигаются в консолидации членов группы в рамках экстерриториальных ассоциаций.

Совершенно неожиданно в лагере сторонников территориального самоопределения этнического сообщества оказался В. Тишков. Впрочем, его суждение об этом производит странное впечатление: у читателя возникает ощущение, будто автор пытается убедить себя в том, к чему и сам относится, по меньшей мере, не без известного сомнения: "Территориальная форма самоопределения – *дорогое удовольствие*. Но с дотациями центра у нас она существует, и, видимо, должна существовать, потому что территориальная автономия выполняет важные функции: обеспечивает групповую целостность, обеспечивает ресурсы для поддержки культуры и развития, *предохраняет от дискриминации* хотя бы на уровне *основного проживания культурно отличительного населения*. Это не гарантирует от дискриминации татар и чувашей в Москве, но в Татарстане или в Чувашии дает определенные гарантии и даже преимущества. Поэтому территориальная автономия – *достойная форма самоопределения, ее нужно сохранять и развивать...*"²⁹. Итак, территориальное самоопределение – это "дорогое удовольствие", а за удовольствие, тем более дорогое, надо платить. И платит за удовольствие, испытываемое не более, чем десятью процентами населения страны, не абстрактный безликий "Центр", а подавляющее большинство (более, чем девяносто процентов населения России) представителей больших и малых этнокультурных сообществ, которые этого удовольствия лишены и которые объявлены "нетитульными" на большей части территории страны. И дело даже не в том, справедливо это или нет, демократично это или нет, дело в том, что это опасно, это чревато серьезными межэтническими противостояниями. Да, очевидно, что это не гарантирует от дискриминации татар или чувашей в Москве, но столь же очевидно, что это гарантирует дискриминацию всех нетатар в Татарстане и всех нечувашей в Чувашии. Ведь татарам и чувашам в "своих" республиках дарованы известные "*преимущества*", а преимущества одних бывают только за счет дискриминации других. Так почему же территориальную автономию нужно считать "достойной формой самоопределения"!? И, наконец, Татарстан или Чувашия – это примеры не территориальной автономии, а попытки этногосударственного самоопределения. Одно дело - самоуправление представителей той или иной этнокультурной общности, компактно проживающей на определенной территории (в этой ситуации органы местного самоуправления приобретают

известный этнический колорит без нарушения демократических процедур), без претензии на государственный суверенитет и доминирование "титульной" группы только на основании ее государствообразующей роли. Другое дело, провозглашение государственного суверенитета от имени "титульного" этноса, приобретение необходимых атрибутов государственности, служащей обеспечению доминирования "титульной" группы даже в случае, если она составляет меньшинство на данной территории.

Ученые, работающие в конструктивистской парадигме, чаще всего называют оптимальной формой реализации принципа этнического самоопределения практическое воплощение экстерриториальной национально-культурной автономии. По свидетельству С. Чешко "для современной этнологической мысли все больше становится характерной тенденция рассматривать в качестве приоритетных, с точки зрения удовлетворения этнокультурных запросов и одновременно понижения политизации этничности, экстерриториальные формы в виде национально-культурной автономии (НКА) и других форм самоорганизации граждан"³⁰.

Только НКА позволяет каждому отдельному индивиду реализовать свое право на свободу этнокультурного самоопределения, не ущемляя при этом аналогичного права других граждан полиэтничного государства. Сущность политической объективации конструктивистской парадигмы "заключается в сохранении и развитии национальных культур, языков, традиций в полиэтничных, полинациональных государствах, сообществах, союзах государств. *К этому и должно сводиться произвольно трактуемое ныне понятие самоопределение народов*" (В. Кучериненко)³¹. В этом и состоит сущность доктрины национально-культурной автономии.

Экстерриториальная национально-культурная автономия

Классическая концепция национально-культурной автономии олицетворяет собой и блестящее озарение, и печальное заблуждение европейской этнополитической мысли конца прошлого - начала нынешнего столетия.

С одной стороны, это гениальное осознание того факта, что этническая, («национальная») государственность есть всегда дискриминация

«нетитульных» народов, этнических меньшинств, «негосударствообразующих» этносов, а также той части «титульного» этноса, которая оказалась на территории «чужого» национально-государственного образования. О. Бауэр сформулировал это вполне отчетливо: *«Осуществление территориального принципа... означает, что каждая нация (необходимо сразу подчеркнуть, что термин «нация» употребляется основоположниками теории НКА в этническом контексте, а не как государственно-политическое согражданство) поглощает вкрапленные в ее тело меньшинства других наций, но зато жертвует своими собственными меньшинствами, рассеянными в чужих национальных областях»*³².

В рамках рассматриваемой концепции стремление к «закреплению» определенной территории за той или иной нацией есть критериальный признак любой националистической доктрины. Как пишет В. Медем, *«есть один постулат, на котором сходятся, за немногими исключениями, националисты всех наций, это—право нации на свою землю; быть хозяином у себя дома—вот идеал»*³³. Естественным следствием концептуального «отрыва» национального (этнического) от территории явилось «разведение» национального и государственного начал; признание того, что *«многонациональное государство... не может быть сочтено относящимся к одной из национальностей, хотя бы и численно господствующей»* (М. Лазерсон)³⁴. Институт национально-культурной автономии призван усилить центростремительные тенденции в полиэтничном государстве, в то время как автономия территориальная (национальная государственность), напротив, усиливает тенденции центробежные. Этот политический постулат был отчетливо отражен российскими последователями рассматриваемой концепции еще в начале нынешнего столетия. В частности, Б. Плетнев полагал, что *«персональная автономия не ослабляет, а усиливает государство; при территориальной автономии национальность, получившая свободу самоопределения в пределах замкнутой области, легко может поддаться соблазну сепаратизма»*³⁵.

Кроме того, создатели этнополитической доктрины НКА едва ли не первыми провозгласили, что «ни язык, ни какой-нибудь другой объективный признак—ни раса, ни территория, ни государственная власть и т.п.—не может служить определяющим, конституирующим элементом понятия нация...

определение принадлежности того или иного индивидуума к нации не может быть производимо на основе этих объективных признаков... вопрос о принадлежности к данной нации *иначе не может решаться, как объявлением индивидуума в присутствии компетентной власти о своем национальном происхождении*³⁶. К. Реннер (Р. Шпрингер) определяет национальность как «чисто внутреннюю квалификацию лица»³⁷ и, соответственно, нацию как «собрание одинаково мыслящих... людей, то есть как личный (персональный) союз»³⁸. В операциональном политическом контексте эта методологическая посылка означает, по мнению О. Бауэра, признание того, что «каждому совершеннолетнему гражданину должно быть предоставлено право самому определить, к какой национальности он хочет принадлежать»³⁹.

С другой стороны, это заблуждение эпохи: онтологизация понятия «нация», трактовка его не только как этнического феномена, но и как некоего устойчивого социального организма, обладающего единой волей и едиными устремлениями. Р. Шпрингер рассматривает нацию «как замкнутую цельную группу, имеющую свои особые интересы»⁴⁰. И более того, нация в его понимании «есть коллективное целое, в котором общий интерес господствует над частным»⁴¹. Несколько позже эта мысль была повторена и даже усилена М. Ратнером: «Все члены нации имеют определенные, общие им всем интересы»⁴².

Очевидно, что даже интерпретация нации как персонального союза с фиксированным в кадастрах членством не дает оснований полагать, что все индивиды, входящие в этот союз, обладают едиными устремлениями и волей вне зависимости от своей социально-статусной, конфессиональной, возрастной и прочей принадлежности; что все они имеют единообразное суждение по поводу перспектив сохранения и развития своей этнокультурной самобытности.

Эта методологическая ошибка лежит в основе представления о правосубъектности этноса в целом, мысли о том, что нация должна предстать перед государством в качестве субъекта национальных прав, обладать статусом коллективного юридического лица, способного и правомочного самостоятельно удовлетворять культурные запросы своих сочленов. «Национальное целое должно стать юридическим лицом, частно и публично правовым, дееспособным»⁴³. Самоидентификация индивида, таким образом, является основанием для отнесения его к определенному национальному кадастру и

включению в состав соответствующей НКА. Последняя приобретает легитимное право принуждения по отношению к своим членам: «Если вступление в данный национальный союз и выступление из него предоставлено свободному усмотрению граждан, то, с другой стороны, *для лиц, вступивших в определенный национальный союз, деятельность последнего приобретает принудительный характер*»⁴⁴.

Эта посылка приводит авторов в методологический тупик: О. Бауэр признает, что «относительно тех граждан, которые не будут в состоянии или не пожелают заявить, к какой национальности они хотят принадлежать, *должен быть установлен определенный способ выяснения их национальной принадлежности*»⁴⁵. Что это за способ и кто должен им воспользоваться, автор не уточняет, но очевидно, что в этом случае он лежит «вне» сознания личности, этническая идентификация становится при этом некой обязательной полицейской процедурой. Какая уж тут «внутренняя квалификация»!

Дискредитация концепции НКА

Пожалуй, самыми яростными оппонентами О. Бауэра и К. Реннера стали российские социал-демократы. Чрезвычайное внимание проявил к этой доктрине В. Ленин.

В 1912 году на «январской» конференции возник вопрос о национальных принципах строения РСДРП. Еврейские социал-демократы («Бунд») предложили переструктурировать партию по национальным отрядам и, несколько позже, на «августовской» конференции приняли резолюцию «о национально-культурной автономии», включив ее в программу партии. В российской социал-демократии явно назрел раскол. В. Ленин отреагировал на это болезненно: согласно его оценке, конференция «*приспособила социализм к национализму*» своей пресловутой резолюцией о «национально культурной автономии»⁴⁶.

Очевидно, что национальный принцип строения партии, будучи претворен в жизнь, лишил бы В. Ленина возможности претендовать на лидерство в единой политической организации пролетариата, не говоря уже о том, что он положил бы конец теоретическому и организационному единству РСДРП. Именно поэтому В. Ленин в своей записке к бюро ЦК РСДРП в России

с присущим ему темпераментом квалифицировал «культурно-национальную автономию» не иначе как «мерзость»⁴⁷.

Еще одним существенным аргументом против концепции НКА В. Ленин считал то обстоятельство, что этот «лозунг... создает фальшивый призрак и иллюзии «национального» единства пролетариата и буржуазии», в то время как социал-демократы стоят «не за «национальную культуру», а за интернациональную культуру, в которую от национальной культуры входит только часть: лишь последовательно-демократическое и социалистическое содержание»⁴⁸. Вследствие этого в ряде работ В. Ленин оценивает попытки создания «национальных» школ, то есть «изъятие школьного дела из ведения государства и передачу в руки отдельных национальностей», как одно из наиболее вредных проявлений «так называемой культурно-национальной автономии», как «*утонченный национализм*»⁴⁹.

Еще в 1913 году лидер российской социал-демократии противопоставил лозунгу национально-культурной автономии, «защищаемому в России всеми буржуазными партиями еврейского национализма», лозунг «*широкого самоуправления и автономии областей, которые должны быть разграничены, между прочим, и по национальному признаку*»⁵⁰.

Это чудовищное заблуждение начала столетия, грозящее в конце его расколом России, впоследствии было сформулировано с исчерпывающей ясностью в ленинском «Проекте закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств», первый пункт которого гласил: «Границы административных делений России... преобразуются на основании учета современных хозяйственных условий и *национального состава местного населения*»⁵¹.

Спор между экстерриториальным принципом национально-культурной (экстерриториальной, персональной!) автономии и территориальным принципом национальной государственности был окончательно и бесповоротно решен в пользу последнего. После того, как В. Ленин вынес вердикт: «марксисты решительно осуждают так называемую национально-культурную автономию»⁵², разумная и перспективная этнополитическая доктрина была дискредитирована и канула для России в семидесятилетнее небытие.

Реабилитация теории НКА

Пробуждение интереса к этой апокрифической в советский период этнополитической концепции вновь пришлось на смутные времена социальных катаклизмов, когда взбесившаяся этничность в очередной раз потребовала человеческих жертвоприношений.

Пожалуй, первым обратился к идее НКА на заре перестройки Г. Попов. Он считал, что в условиях все более очевидного провала национальной политики КПСС и нарастания межэтнической конфронтации «весьма полезной... была бы культурно-национальная автономия», существующая *«целиком на хозяйственных началах—на членские взносы вступивших в землячество граждан и на другие пожертвования»*⁵³. Такая трактовка концепции НКА в сочетании с предложенной впервые тем же Г. Поповым идеей «губернизации» может считаться наиболее радикальной версией этнической политики в постсоветской России.

Несмотря на всю очевидность (во всяком случае, для большинства теоретиков этнополитологии и добросовестных политиков) перманентной конфликтности и недемократичности принципа национально-государственного строительства, большинство специалистов в сложившейся этнополитической ситуации сочли возможным высказаться куда более осторожно, предложив как бы компромиссную версию объективации концепции НКА в этнополитической практике.

В. Тишков, будучи главой Госкомнаца, активно способствовал политической реабилитации «крамольной» до последнего времени доктрины. В 1992 году, при разработке первой концепции национальной политики России, он предложил национально-культурную автономию в качестве не менее важной, нежели федерализм в форме этнотерриториальных автономий, *«стратегии национальной политики»*. Наряду с этим он рекомендовал рассматривать местное самоуправление «как не менее эффективный, чем федеральная власть, механизм ограничения снизу нарождающегося всевластия региональных этнических элит»⁵⁴.

Позже, в 1994 году, в свою очередь, находясь на посту Министра по делам национальностей, С. Шахрай, излагая свое видение национальной политики, фактически повторил эти концептуальные положения: регулирование

национальных отношений базируется на двух важнейших принципах: местном самоуправлении и национально-культурной автономии. В этом контексте он высказался в пользу «огосударствления» НКА, которая на уровне местного самоуправления позволила бы «выработать конкретные организационные формы» и «реализовать большинство из существующих *национальных, экономических, политических прав народов и национальностей России*»⁵⁵.

В одной из своих публикаций С. Шахрай еще более отчетливо сформулировал свое отношение к концепции НКА, заявив, что «проблемы национального возрождения вообще нужно решать на *почве экстерриториальности*» и что «*наилучшим решением* здесь выглядит реализация идеи национально-культурной автономии»⁵⁶.

Группа ученых исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Ю. Кукушкина, предложившая собственное видение концепции национальной политики, также пришла к выводу о том, что «*постнациональное развитие требует переноса тяжести с национально-территориального на национально-культурный принцип организации национальной автономии*»; вместе с тем, они сочли, что в РФ «идея национального развития может быть реализована в двух формах: *в форме территориальной автономии*, если национальная группа проживает компактно, и *в форме национально-культурной автономии*, если национальная группа проживает дисперсно»⁵⁷.

Примечательно, что эта позиция вызвала протест со стороны Р. Абдулатипова, который вдруг в пылу полемики признал, что сохранение верности этногосударственным принципам федеративного строительства есть ни что иное, как императив этнополитической конъюнктуры. Упрекая своих оппонентов в непонимании реалий этнополитической ситуации, Р. Абдулатипов фактически признал их концептуальную правоту: «Некоторые теоретики считают, что *необходимо переместить центр тяжести с национально-территориального на национально-культурный принцип организации национальной жизни*. В принципе, может быть, это и правильно. Теоретически. Но как перейти к такой практике?»⁵⁸.

Вообще, скепсис по поводу экстерриториальной этнокультурной альтернативы этническому федерализму, - явление в отечественной историографии весьма распространенное. Чаще всего неверие в

принципиальную реализуемость проекта НКА обусловлено переоценкой политического "веса" этнократических элит ряда бывших советских автономий. В высшей степени характерной для этой позиции, наиболее отчетливо проявившейся в начале 90-х годов прошлого столетия, можно считать точку зрения С. Рыбакова: "НКА в нашей стране все-таки создаются, но преимущественно... непосредственно в регионах. При этом они рассматриваются, как правило, исключительно лишь в качестве этапа на пути к достижению территориальной автономии... А уж *политические лидеры, этнонаций, которые давно заполучили власть в "своих" республиках, менять "собственные" территории на какие-то там НКА не намерены и подавно.* Получается, что идея "виртуальной" автономии, может быть, и хороша была для времен О. Бауэра и Австро-Венгерской империи, но сегодня, когда элиты постсоветских этнонаций уже прочно сопряжены с госструктурами, она выглядит просто утопичной" (С. Рыбаков)⁵⁹.

К числу сторонников компромиссного подхода со всей очевидностью следует отнести и В. Тишкова, который, собственно говоря и сформулировал его в наиболее лаконичной форме: "*не вместо этнотерриториального самоопределения, а вместе с ним национально-культурная автономия является одной из важнейших форм самоопределения в многоэтничных или сложных по культурному составу государствах. Эти две формы сосуществовали и должны сосуществовать в России. Демонтировать некоторые вещи невозможно*"⁶⁰. Конец приведенной цитаты со всей очевидностью свидетельствует о том, что автор ничуть не сомневается в нелепости принципа этнотерриториального самоопределения и признает за ним право на существование, лишь исходя из убежденности в нереализуемости демонтажа ленинско-сталинских оснований российской государственности.

Популярность такой трактовки перспективы институализации доктрины НКА в России легко объяснима с учетом того шока который испытали российские политики и экспертное сообщество после распада СССР и в разгар пресловутого "парада суверенитетов" в Российской Федерации.

Однако позиция, сформулированная учеными МГУ им. М.В. Ломоносова, в середине 90-х годов уже в большей степени соответствовала умонастроением политической элиты России. Близкий по духу и букве концептуальный подход прозвучал в выступлении В. Печенева,

который, будучи заместителем начальника Управления по работе с территориями Администрации Президента, вероятно, отражал видение проблемы членами президентской команды (по крайней мере, в то время—в 1994 году). Вектор национальной политики в РФ виделся ему «в постепенной, поэтапной трансформации федерации, фактически основанной на национально-территориальном принципе, в такую федерацию, где большую роль будет играть принцип национально-культурной автономии»⁶¹.

И в российском Парламенте концепция национально-культурной автономии находило все больше приверженцев. Как констатировал С. Юшенков, «право наций на самоопределение в рамках культурно-национальной автономии сегодня никем не подвергается сомнению», в то время как «право наций на самоопределение вплоть до отделения подвергается очень серьезной критике»⁶².

Для «компромиссного подхода» весьма характерно представление, согласно которому «на данном этапе национально-государственного строения РФ не может идти речь о переносе центра тяжести с национально-территориального на национально-культурный принцип организации существующих автономных образований... ибо с психологической и политической точек зрения данная задача труднодостижима»⁶³. Таким образом, сохранение национально-государственных образований в составе РФ оправдывается не с точки зрения правомерности, а с точки зрения актуальной политической целесообразности.

Третий концептуальный подход, который условно можно назвать консервативным, трактует национально-культурную автономию как частный аспект этнической политики, отнюдь не подрывающей незыблемость национально-государственных устоев.

В ином контексте апеллировал к идее НКА М. Губогло, призвавший к предоставлению «всем без исключения национальностям (в меру их потребностей) тех или иных форм автономии: национально-государственной, национально-территориальной или национально-культурной». Последняя, по мысли автора, должна функционировать не только на «принципах хозрасчета и самоокупаемости...» но и, «при необходимости, на государственной дотации»⁶⁴. Примечательно высказывание М. Губогло о том, что «борьба национальностей за ту или иную автономию в конечном счете есть борьба за власть», и в связи с

этим «будет сохранять свою актуальность желание лидеров... национальных движений *вывести национально-культурные автономии из обочины политической жизни*»⁶⁵. Вероятно, в случае реализации такого подхода институционально оформившиеся национально-культурные автономии станут эффективным инструментом политизации этничности и, соответственно, механизмом удовлетворения властных амбиций этнократически ориентированных «национальных элит».

Оценивая проект «губернизации» России как «самоубийственный», М. Губогло полагает, что «при переходе от национально-государственного к административно-территориальному построению российской государственности статус национально-государственных образований понижается до уровня национально-культурной автономии»⁶⁶. Не вполне ясно, как можно понизить статус национально-государственных образований до статуса национально-культурной автономии, если это качественно различные феномены: первый действительно представляет собой форму государственного устройства, тогда как второй является концептом этнической политики, принципом самоорганизации индивидов для реализации их этнокультурной самоидентификации.

В заданной еще в 1989 году М. Губогло парадигме вскоре высказались идеологи суверенизации «национальных» республик сперва в составе СССР, затем в составе РФ. Эстонский ученый А. Аарелайд выступил с позиций огосударствления института национально-культурной автономии, призвав к государственному финансированию деятельности этнокультурных ассоциаций, и «прежде всего... начального обучения на родном языке»⁶⁷.

Во взглядах этнолога из Татарии Д. Исхакова третья версия проекта реализации теории НКА получила, как мне кажется, наиболее законченное выражение. Он приходит к заключению, что «культурно-национальная автономия *не является альтернативой национально-государственным образованиям*», а, напротив, «она является *дополнением и развитием принципа территориальности*». Взгляды основоположников теории национально-культурной автономии Д. Исхаков оценивает как «консервативно-охранительные» и предлагает свою «революционно-демократическую» версию этнополитической доктрины. Целесообразным ему представляется «законодательным путем оформить ответственность национального центра (т.е.

«национальной» республики—В.Ф.) за культурное воспроизводство национальных групп..., *подкрепив данную ответственность бюджетными перераспределениями в пользу тех национально-государственных образований, которые несут дополнительные расходы для обеспечения культурно-национальных групп, живущих в других регионах*». Наконец, в соответствии с этой точкой зрения, для института НКА представляется необходимым *«обеспечить представительство как локального, так и общенационального уровня в органах власти»*⁶⁸ всех уровней с правом законодательной инициативы.

Такая трактовка принципов НКА фактически означала целенаправленную дискредитацию самой идеи экстерриториальной неполитической формы этнокультурного самоопределения. Идеологи республиканских этнократических режимов увидели в актуализации доктрины НКА прямую угрозу принципу этнонациональной государственности. Как свидетельствует В. Тишков, его попытки реабилитации самого термина «национально-культурная автономия» даже в 1992 году вызвали неприязнь у многих ученых и политиков; с особой *«инстинктивной подозрительностью»* отнеслись к нему республиканские лидеры и эксперты, *подозревая в этом возможный подкоп под систему национально-государственных образований»*⁶⁹.

Именно поэтому республиканские властные элиты фактически проигнорировали попытки федерального Центра легализовать концепцию НКА посредством специального федерального закона и никоим образом не конституировали этот институт в республиканских правовых нормах. Из чего М. Губогло сделал справедливый вывод "о *минимальных возможностях и перспективах реализации идеи национально-культурной автономии в суверенных республиках Российской Федерации*". Отсутствие в принятых республиканских конституциях нормы о национально-культурной автономии он правомерно интерпретировал как "потенциальную готовность республик всеми силами противодействовать предлагаемому из федерального Центра новому закону"⁷⁰.

Один из экспертов-концептуалистов Совета Федерации того времени - А. Жириков – подтверждает эту мысль, однако формулирует ее значительно более острожно: "Имеется *некоторая настороженность* национальных лидеров, которые усматривают в понятии и принятии обновленных принципов

национально-культурной автономии *опасность потери авторитета* и власти в своем регионе⁷¹. Интересно, каким образом доктрина НКА в случае ее практической реализации могла угрожать *авторитету* формальных "национальных" лидеров? Власти – иное дело.

Вместе с тем, идея НКА казалась этнополитическим элитам "национальных" республик весьма привлекательной с точки зрения обеспечения влияния на многочисленные диаспоры «титulyных» народов. Именно это обстоятельство побудило их произвести известную ревизию классической версии НКА, в ходе которой было сделано все, чтобы завуалировать ее альтернативность национально-территориальному принципу государственного строительства. Выступая под флагом «демократических преобразований» советского государства и браня на чем свет стоит «национальную политику КПСС», идеологи огосударствления этничности фактически оказались на позициях ортодоксального ленинизма.

Методологический хаос, возникший вокруг классической версии концепции НКА, привел к тому, что в официальных документах стали появляться совершенно бессмысленные фразы типа: «*перспективы национально-государственного строительства для национальных меньшинств должны быть более тесно увязаны с процессом создания национально-культурных автономий*»⁷². К этому умозаключению, в частности, пришел коллектив авторов «Государственной программы национального возрождения и межнационального сотрудничества народов России», руководимый Р. Абдулатиповым.

Вероятно, такого рода идеи оказали сильное влияние на Б. Ельцина, который в своем ежегодном Послании Федеральному собранию в 1994 году призвал к разработке закона о НКА в пакете с законами о статусе национальных советов, районов, округов, поселений, что означало бы завершение нелепой иерархичности национально-государственных образований в составе РФ и, соответственно, иерархичности «титulyных» и «нетитulyных» этнических общностей. Важно отметить также, что Президент рассматривал НКА как «самоорганизацию этнических общностей, не имеющих своих национально-территориальных образований на территории РФ или проживающих за пределами таких образований»⁷³.

Подчеркнем: самоорганизацию неких абстракций в виде этнических

общностей, а не граждан, реализующих свою этническую самоидентификацию! К сожалению, именно такой подход и был реализован при разработке важнейшего документа, призванного регламентировать национальную политику в Российской Федерации. В 1996 году Б. Ельцин подписал Указ «О концепции государственной национальной политики Российской Федерации». Специальный раздел утвержденной этим Указом Концепции⁷⁴ был посвящен национально-культурному самоопределению (национально-культурной автономии) народов России. Этот эклектичный и внутренне противоречивый документ был порожден политической конъюнктурой, необходимостью каким-то образом согласовать фундаментальные права и свободы граждан страны с этнократическими амбициями региональных этнических элит.

С одной стороны, в документе говорилось о том, что национальная политика должна выражать интересы граждан и обеспечить права и свободы, связанные с их национальной принадлежностью, с другой—предписывала реализацию этих прав на основе многовариантных форм национально-культурного самоопределения народов. Последнее свидетельствовало о том, что восторжествовала группоцентристская концепция субъектности этнического права.

Одной из таких форм самоопределения должна стать национально-культурная автономия, адресованная, *«в частности, малочисленным, разрозненно расселенным народам, национальным меньшинствам...»*, а отнюдь не всем гражданам страны, вне зависимости от их этнической принадлежности.

Особо подчеркивалось, что НКА «не ущемляет прав субъектов РФ, закрепленных за ними в Конституции», что и было очередным нормативным утверждением порочного статус-кво, в соответствии с которым народы страны ранжируются на самые титульные, не очень титульные, совсем нетитульные; на государствообразующие и «государствонеобразующие»; на коренные и некоренные и проч.

Такая трактовка института НКА утвердилась в качестве официальной позиции и законодательной, и исполнительной власти России. Председатель Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ В. Зорин, оценивая институализацию национально-культурной автономии в нашей стране, пришел к заключению о том, что *«институт национально-культурной автономии следует рассматривать... как важный аспект упрочения*

федеративных отношений..., до тех пор, пока мы не достроим «вертикальный» территориальный каркас РФ «горизонтальными» экстерриториальными общественными структурами национально-культурных автономий, прежде всего—многочисленных диаспор «титульных» народов, вряд ли можно говорить о нашем федеративном устройстве как об устоявшемся и нормально функционирующем»⁷⁵. Таким образом, институт НКА был адресован представителям этнических меньшинств как компенсация за отсутствие каких бы то ни было других возможностей реализовать свою этнокультурную идентичность. По мнению А. Галкина "различные формы либо смешанной культурно-территориальной, либо чисто культурной автономии" возможны "в тех случаях, когда, *этническая группа не может быть идентифицирована с определенной территорией ввиду ее крайней малочисленности или рассеянного расселения*"⁷⁶.

В так называемой "Государственной программе национального возрождения и межнационального сотрудничества народов России" разработанной коллективом авторов (в него вошли Л. Болтенкова, Б. Бреев, М. Губогло, Л. Дробижева, П. Зайдфудим и др.) под руководством Р. Абдулатипова, говорилось о том, что "*перспективы национально-государственного строительства для национальных меньшинств должны быть более тесно увязаны с процессом создания национально-культурных автономий*"⁷⁷.

К сожалению, именно такой методологический подход был реализован, в конечном счете, в Законе «О национально-культурной автономии», на котором мы остановимся подробнее.

Легитимизация доктрины НКА

К концу 1994 года сотрудниками Министерства по делам национальностей и федеративных отношений РФ (в состав рабочей группы входили А. Колмаков, В. Шамшуров, З. Цыренова, а также Л. Дробижева, представлявшая ИЭА РАН) был подготовлен проект Закона «О национально культурной автономии». Законопроект был направлен в Комитет по делам национальностей Государственной Думы, которая, в свою очередь, передала его для подготовки окончательной редакции группе независимых экспертов (в нее

вошли Г. Атаманчук, М. Губогло, Х. Ибрагимбейли, Р.Канапьянова).

В ходе работы с законопроектом эксперты ГД РФ обнаружили столь значительные концептуальные расхождения с его авторами в оценке института НКА, что в конечном итоге предложили свою версию соответствующего законопроекта, назвав последний: Закон «О национально-культурном объединении граждан».

Суть различий в методологических подходах авторов двух версий законопроекта вполне отчетливо просматривается уже при сопоставлении их названий.

В проекте закона, предложенном МН и ФО РФ, субъектом права выступали этнические сообщества в различных ипостасях (народ, национальная группа, этническая группа, национальное меньшинство). Доктринальной основой закона стало утверждение согласно которому "национально-культурная автономия - наиболее приемлемая и действенная форма реализации прав и интересов *народностей (как на групповом, так и на индивидуальном уровнях)*, проживающих на территории различных субъектов в одном государстве" (А. Жириков)⁷⁸.

В документе, разработанном экспертами ГД РФ, напротив, была сделана попытка уйти от группового, корпоративного понимания субъекта этнополитического нормотворчества и признать таковым гражданина, свободного в своей этнической самоидентификации, независимо от его принадлежности к большинству или меньшинству, титульной или нетитульной национальности⁷⁹. (Заметим в скобках, что это не было признанием несостоятельности корпоративного права этнических сообществ как такового: позже М. Губогло неоднократно высказывался в том смысле, что «признание гражданина как субъекта права... было необходимым актом и мостом, соединяющим персональные (индивидуальные) и групповые (коллективные) национальные права».)

В результате бесконечных согласований и компромиссов лишь в мае 1996 года Государственная Дума приняла Закон «О национально-культурной автономии», далекий, как показала этнополитическая практика, от желаемого совершенства.

К сожалению, законодатель рассматривает НКА не как универсальный принцип этнической политики (несовместимый с этно-территориальным

принципом государственного строительства), а как инструмент правового регулирования отношений в сфере этнокультурного развития и как особый этносоциальный институт. НКА предлагается как суррогат национальной государственности тем этносам, которые таковой конституционно лишены, и диаспорам «государствообразующих» народов. Утверждение, что «право на НКА не является правом на национально-территориальное самоопределение» (ст. 4 гл. 1.) методологически безусловно корректно, но применительно к этнополитическим реалиям нашей страны оно фактически призвано охранять закрытый «элитарный клуб» представителей «титულных» этносов, предлагая всем прочим (то есть подавляющему большинству населения России) довольствоваться культурной автономией.

В ст. 1 гл. 1. Закона сказано, что «НКА—это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан РФ, относящих себя к определенным этническим общностям...». Крайне неудачным представляется термин «определенным» в данном контексте: какие этнические общности следует считать определенными? И кем определенными? Терминологическая расплывчатость дает основания весьма произвольно трактовать понятие субъекта рассматриваемого Закона.

В частности, Б. Крылов (соавтор и главный редактор пространного комментария к Закону), рассматривая понятие НКА, полагает, что «конкретно национально-культурная автономия означает, что каждый народ, как большой, так и малочисленный... вправе самостоятельно определять пути своего развития», или что «*право на национально-культурную автономию, принадлежит всем народам...*»⁸⁰. Таким образом, Б. Крылов, с одной стороны, совершенно справедливо, на наш взгляд, полагает, что ограничений в правосубъектности по этническому принципу Закон не содержит. (Здесь уместно привести ст. 4 гл.1, в которой вполне определенно сказано, что «*национальная принадлежность (граждан—В.Ф.) не может служить основанием для ограничения их участия или неучастия в деятельности национально культурной автономии*».) Но, с другой стороны, комментатор понимает под субъектом этого законодательного акта «народ», в то время как законодатель вполне отчетливо декларирует, что НКА—это форма самоопределения граждан; ни о каких народах речь в Законе не идет.

И. Блищенко и А. Абашидзе, напротив, признавая правосубъектность граждан в рассматриваемом Законе, высказывают предположение о том, что институт НКА адресован не всем гражданам РФ, а только тем, кто идентифицирует себя с национальными меньшинствами. Основанием для этого служит апелляция к «Концепции государственной национальной политики РФ», в которой говорится о том, что НКА—одна из форм самоопределения граждан, «принадлежащих к различным национальным общностям, в частности, *малочисленным, разрозненно расселенным народам, национальным меньшинствам...*». Но, во-первых, конкретизация, заключенная в уточняющем слове «в частности», не имеет смысла «только», а употребляется в значении «наряду» (то есть это выражение следует понимать как «принадлежащих к различным этническим общностям, в том числе и к национальным меньшинствам»); во-вторых, переадресовка к Концепции для выяснения субъекта Закона неправомерна, так как Концепция не представляет собой законодательного акта в строгом смысле слова. Впрочем, в заключении своей работы авторы приходят к выводу о том, что «Закон четко и в исчерпывающем виде не перечисляет субъектов прав, изложенных в данном Законе» и не позволяет «выделить конкретных субъектов правоотношения»⁸¹.

К сожалению, ст. 1 гл.1 Закона трактует национально-культурную автономию не как этнополитический принцип этнокультурной самоорганизации и самоуправления граждан, относящих себя к той или иной этнической общности, а как социальный институт, как общественное объединение по этническому принципу. Логично было бы предположить, что Закон призван предоставить право самоуправления уже существующим и будущим национально-культурным объединениям индивидов, а не призывать к созданию новых интегративных социальных структур по этническому принципу вне зависимости от того, желают уже существующие общественные организации объединяться в НКА или нет. Вопреки этой логике, в ст. 5 гл. 2 Законодатель представляет сложную иерархическую систему НКА «местного, регионального и федерального» уровней. Однако остается неясным, должна ли НКА как социальный институт объединять все общественные организации представителей данного этноса, созданные по этническому принципу на данной территории? Более того, неясным остается и ответ на вопрос о том, сколько вообще НКА может быть учреждено (и, соответственно, легализовано) на

данной территории? Наконец, остается только догадываться о том, как соотносятся права формальных руководителей НКА различных таксономических уровней. Будут ли обязательны к исполнению решения, принимаемые руководящими органами федеральной НКА, для региональной и местной НКА?

Поскольку деятельность НКА связана с госбюджетным финансированием, можно предположить, что на всех уровнях, и, прежде всего, на местном, будут регистрироваться (в Законе ограничения не предусмотрены) все новые и новые НКА граждан одной этнической принадлежности. Если принять во внимание сложные межличностные отношения лидеров национально-культурных обществ, можно предположить, что формирующиеся НКА будут находиться в состоянии перманентной борьбы друг с другом (подчеркиваю—речь идет не о межэтнических трениях между НКА, представляющими разные этносы, а именно о внутриэтнических, а возможно—и субэтнических противоречиях в организационных пределах каждой конкретной НКА). Органы государственной власти, столкнувшись с жесткой конкуренцией лидеров институализированных автономий, окажутся в самом затруднительном положении. Очевидно, что все это ни в коей мере не будет способствовать внутриэтническому и межэтническому умиротворению и согласию. Закон оставляет открытым «поле конфликта».

Примечательно, что становление института НКА в Москве в условиях правовой неопределенности, порожденной несовершенством Закона, побудило московские власти совместно с рабочей группой Московского межнационального совещания разработать и принять к исполнению «Организационно-методические рекомендации по созданию и регистрации национально культурных автономий в Москве». В п. 1.3. этого подзаконного акта, в частности, сказано, что «при создании местных НКА учреждающие их национальные объединения не ликвидируются, а их деятельность, не связанная с деятельностью автономий, так же, как и деятельность национальных объединений, не вошедших в состав автономии, находятся в юрисдикции федерального Закона «Об общественных объединениях»⁸². В этом случае континуум прав у организаций, учреждающих НКА, значительно шире, нежели у последней. Дело в том, что в ст. 3 Закона «О национально-культурной автономии», трактующей правовой статус этой социальной структуры, сказано,

что он определяется «настоящим Федеральным законом, принимаемыми в соответствии с ним другими федеральными законами, законами... субъектов РФ и нормами международного права...», но ничего не сказано об уже действующем федеральном законодательстве.

Таким образом, формально НКА не подпадают под юрисдикцию действующего Закона «Об общественных объединениях» и не пользуются широким спектром прав, предоставленных общественным организациям. Однако по сути своей создаваемый институт НКА как раз и является разновидностью общественной организации (точнее – совокупности таковых). Как справедливо отмечает С. Юрьев «в строгом смысле слова, *ничего более «автономного», нежели иная общественная организация этнических меньшинств, национально-культурная автономия не представляет*»⁸³. При этом один из наиболее компетентных специалистов в области этнического права полагает, что главным отличием НКА от других общественных организаций "является их специальная правоспособность, предопределяемая целями ее функционирования", а также особый порядок создания НКА: "национально-культурную автономию вправе учреждать не граждане, а только юридические лица – национальные общественные объединения, что, как представляется, противоречит природе общественных организаций" (С. Юрьев)⁸⁴.

Все это делает сложную иерархическую структуру НКА весьма аморфной и рыхлой; степень автономии организаций, ее учреждающих, по отношению к институционально оформленной автономии чрезвычайно велика, а число автономий на данной территории законодательно не ограничено. В этой ситуации можно предположить, что обсуждаемый Закон незначительно повлияет на ход этнокультурных процессов в стране, основная деятельность такого рода будет разворачиваться в пределах уже имеющихся общественных организаций и объединений. И ничего дурного, на наш взгляд, в этом нет: национально-культурная автономия будет действовать скорее как этнополитический концепт, а не как социальный институт (структура). Впрочем, некоторые уже действующие «национальные объединения» просто перерегистрируются в НКА, дабы получить доступ к бюджетному финансированию.

Бюджетное финансирование создаваемого социального института -

особый повод для раздумий. Согласно ст. 16 гл. 5 Закона «финансирование деятельности, связанной с реализацией прав национально-культурной автономии, осуществляется (в том числе—В.Ф.) за счет средств... федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов». Для обеспечения нужд НКА «федеральные органы законодательной и исполнительной власти», в соответствии со ст. 19 гл. 5, «предусматривают в федеральном бюджете, а также в бюджетах субъектов РФ ассигнования для оказания поддержки национально-культурным автономиям, ...предоставляют национально-культурным автономиям льготы по налогам, сборам и кредитам...»

Вместе с тем, и это очень важно, законодатель, согласно ст. 20 гл. 5, возлагает на государство обязательства оказывать финансовую поддержку НКА «при условии, что эти средства имеют целевой характер и могут использоваться только на конкретные мероприятия...» Таким образом, бюджетное финансирование деятельности НКА как таковой в соответствии с данной статьей Закон не предусматривает, финансируются конкретные программы, причем только те, которые власти соответствующего уровня сочтут полезными. К сожалению, законодатель не определяет принципов распределения бюджетных средств ни между различными НКА, ни между организациями, составляющими НКА. Подобный нормативный вакуум может стать (и в условиях тотальной российской коррупции наверняка станет) новым механизмом мздоимства чиновников, призванных решать, кому дать деньги, на что и сколько. Но, тем не менее, эта статья Закона могла бы существенно облегчить финансовые взаимоотношения государства с НКА, если бы не одно обескураживающее обстоятельство: ее действие почему-то распространяется только на «финансовую поддержку, предусмотренную ст. 19 гл. 5». Таким образом, ограничение целевого выделения средств не распространяется на финансирование иных аспектов деятельности НКА, предусмотренных другими статьями Закона. В частности, в ст. 9 гл. 3 сказано, что «органы государственной власти РФ... оказывают финансовую (за счет средств соответствующих бюджетов и внебюджетных средств), организационную и иную поддержку национально-культурным автономиям в разработке и реализации государственных программ в области сохранения и развития национальных (родных) языков».

А в ст. 12 гл. 3 говорится о том, что «органы исполнительной власти...

осуществляют финансирование мероприятий, направленных на обеспечение права на получение образования на национальном (родном) языке в государственных, муниципальных образовательных учреждениях, за счет соответствующих бюджетов и внебюджетных ассигнований в пределах средств, выделяемых на образование». Очевидно, что реорганизация системы образования в соответствии с настоящим положением потребует перераспределения бюджетных средств в пользу учебных заведений, в которых преподавание будет вестись «на национальном (родном) языке» за счет тех, в которых преподавание осуществляется на государственном языке. Реализация данной статьи рассматриваемого Закона предполагает нарушение конституционного принципа равенства прав граждан страны вне зависимости от их этнической принадлежности: обучение детей граждан, принадлежащих к этническим меньшинствам, будет обходиться налогоплательщикам намного дороже, нежели обучение детей граждан, составляющих этническое большинство. Сам по себе этот факт может быть серьезным поводом для недовольства русскоязычной части населения страны; кроме того, ясно, чем закончится такой эксперимент с нашей нищей, агонизирующей системой общего среднего образования.

Более того, ст. 10 гл. 3 дарует гражданам РФ, «относящим себя к определенным этническим общностям, право на получение основного общего образования на национальном (родном) языке и на выбор языка воспитания и обучения». Подобные демагогические декларации имеют открыто конфликтогенный характер, потому что принципиально не могут быть реализованы в этнополитической практике. (Можно себе представить выражение лица государственного чиновника где-нибудь в городе Тарусе, у которого гражданин РФ, относящий себя к вполне определенной этнической общности ингерманландцев, потребует обучать своего ребенка на родном финском языке!)

Очевидно, следует согласиться с выводом И. Блищенко и А. Абашидзе о том, что «финансово-экономическая основа национально-культурной автономии, определяемая Законом, во многом имеет декларативный, нечеткий, отсылочный и, отчасти, неоправданный характер...»⁸⁵. Однако вызывает сомнение тот вывод, который делается из этой справедливой посылки: «без «позитивных» обязательств государства не может идти речь о подлинном

обеспечении этих прав»⁸⁶. Этничность—частное дело каждого, самореализация индивида в этническом плане вовсе не обязательно должна быть оплачена государством или, иными словами, налогоплательщиками, большая часть которых весьма далека от понимания культуры в узком этнонациональном контексте. Специфические же этнокультурные запросы граждан страны должны оплачиваться из внебюджетных источников и прежде всего—за счет взносов членов ассоциаций, консолидированных по этническому признаку, т.е. за счет средств национально-культурных автономий. Государство вправе поддерживать те или иные общественно значимые инициативы НКА, но отнюдь не обязано это делать.

Вызывает недоумение широкое, но неадекватное научному толкованию использование термина «родной язык» в Законе. Например, ст. 8 гл. 3 гласит, что «РФ обеспечивает социальную, экономическую и правовую защиту национальных (родных) языков на территории РФ». Специалистами давно признано и доказано, что понятие «родной язык» вовсе не означает язык той этнической общности, с которой идентифицирует себя его носитель, а тем более той общности, к которой «приписан» человек в соответствии с «пятым пунктом» официальных документов. Москвич, например, может считать родным языком русский (и не знать никакого другого языка), но при этом иметь удмуртское самосознание. Какие языки следует считать «родными... на территории РФ»? Еще менее понятно, что такое «национальный язык». Если под этим термином понимается язык, на котором говорит какая бы то ни было национальная (этническая) общность, то какой язык следует считать ненациональным? Тем более странным выглядит пункт ст. 9 гл. 3 о том, что органы исполнительной власти содействуют НКА в «издании книг, выпуске периодической печати... как на русском, так и на национальных (родных) языках». Тем самым русский язык исключается не только из числа национальных (что само по себе странно), но и родных, в то время как он признается таковым более чем четвертью населения РФ. В этом случае, какие же языки, в соответствии с рассматриваемым Законом, «защищает РФ на своей территории»?

К сожалению, Закон «О национально-культурной автономии» приведет к дальнейшей политизации этничности в Российской Федерации. Этому будет способствовать, в частности, ст. 7 гл. 2, которая предоставляет

Консультативному Совету по делам национально-культурных автономий право «представлять и защищать в органах государственной власти РФ культурные и социальные интересы этнических общностей». Таким образом, в сферу компетенции НКА включаются социальные (отличные от культурных) интересы этнических групп. Законодатель фактически ликвидирует разницу между НКА и политической партией, оформленной по этническому принципу: известно, что защита социальных прав граждан, иными словами, защита интересов тех или иных социально-статусных групп, классов есть категориальное свойство, имманентная характеристика политической партии. В этой связи странной представляется позиция С. Юрьева, который сокрушается по поводу того, что «национально-культурная автономия как форма самоорганизации этнических групп... как и другие виды общественных объединений *не может заменить полноценного политического участия меньшинства в жизни государства*»⁸⁷. Но НКА и не должна обеспечивать политическое участие членов этнокультурных сообществ в политическом противостоянии! К сожалению, рассматриваемый закон фактически допускает такую возможность, что может послужить катализатором процесса формирования этнополитических партий. А это, в свою очередь, пролог острых межэтнических противостояний.

Наверное, несправедливо было бы акцентировать внимание только на частных недостатках и противоречиях Закона «О национально-культурной автономии». Что можно и должно отнести к его сильным сторонам?

Прежде всего, заслуга законодателя состоит в том, что в рассматриваемом нормативном акте очевидно доминирует персональное, личное право индивида по отношению к групповому, корпоративному праву онтологизированных этносов. Это будет сковывать возможности «этнических лидеров» в их претензиях выступать от имени «моего народа».

Субъектом права должен выступать индивид, свободный не только в выборе своей этнической идентичности, но и в выборе той ассоциации, в которой он намерен реализовать свое право на этнокультурную деятельность (если, конечно, вообще захочет это сделать). И в этом контексте несомненным достижением законодателя следует считать гарантию права на сохранение уже созданных по этническому принципу общественных ассоциаций, в соответствии с провозглашенным ст. 2 гл. 1 принципом «многообразия форм

внутренней организации национально-культурной автономии».

Не менее важно и то, что, в соответствии с ст. 2 гл.1, НКА «основывается на принципе... свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к определенной этнической общности». В сочетании с отменой пресловутого «пятого пункта» в официальных документах этот демократический принцип, безусловно, окажет благотворное влияние на развитие этнополитической ситуации в нашей стране если не в ближайшем будущем, то в недалекой исторической перспективе.

В целом же, оценивая ту этнополитическую и этноправовую реальность, которая была сконструирована рассматриваемым законом, мы не склонны строить иллюзий относительно перспективы оптимизации межэтнических взаимодействий в России посредством *легализованной таким образом (!) доктрины НКА*. Мы категорически не согласны с суждением, согласно которому "принятый Закон "О национально-культурной автономии", расширяющий возможности национального самоопределения и национальной самозащиты, как элемент гражданского общества, *может выступать гарантом национального развития и межнационального сотрудничества, равноправия и паритета, согласия и взаимодействия*"⁸⁸. Такая позиция представляется нам сознательной мистификацией, так как любому добросовестному исследователю должно быть очевидно, что интересующий нас закон не ликвидировал необъяснимого с точки зрения здравого смысла деления граждан России на "титულных" и "нетитулных", имеющих право на государственное самоопределение и не имеющих такового. Соответственно не ликвидировал он и главный конфликтогенный фактор в межэтнических отношениях.

Резюме

То или иное решение вопроса о предпочтительных формах реализации права на этническое самоопределение зависит, прежде всего, от того, каким образом интерпретируется субъект самоопределения. Как правило, те исследователи, которые склоняются к мысли о коллективной правосубъектности онтологизированных этнических сообществ, либо настаивают на политическом самоопределении народов-этносов, либо, в

лучшем случае, готовы рассматривать различные формы практической реализации принципа этнического самоопределения, но непременно включая в этот континуум право на образование "собственного" государства. Ученые, декларирующие право индивида на свободу этнокультурного самоопределения, чаще всего называют оптимальной формой реализации принципа этнического самоопределения посредством экстерриториальной национально-культурной автономии.

НКА, будучи универсальным принципом этнической политики, наиболее адекватно выражает интересы, как представителей этнических меньшинств, так и интересы представителей "титულных" общностей, имеющих в России "свою" государственность. Для исследователей и политических лидеров, не отождествляющих себя с узкокорпоративными интересами той или иной этнокультурной группы, все более очевидным становится тот факт, что "в современном мире народы сохраняют и отстаивают свою культурную целостность и специфику *гораздо чаще и успешнее именно через различные формы национально-культурной автономии, через развитие регионального и местного самоуправления, через общегосударственное хозяйственное преуспевание, формы социального развития и совершенствование политического устройства.* Сегодня принцип права наций на самоопределение, как это ни трудно признавать, из арсенала государственной политики фактически исчезает повсеместно" (В. Тишков)⁸⁹.

Гордиев узел «национального вопроса» в нашей стране стянут ленинским принципом национально-государственного строительства. Не разрубив его, мы не на йоту не продвинемся к гражданскому обществу, так как не сможем ликвидировать дискриминационное деление граждан по принадлежности к «титулным» и «нетитулным» этносам. Пока существуют «национальные» республики в составе РФ, все декларации о поиске путей оптимизации межэтнических отношений следует рассматривать как политическую демагогию. Именно в этом контексте имеет смысл оценивать Закон РФ «О национально-культурной автономии».

Концепция национально-культурной автономии, будучи воспринята как теоретическое основание этнической политики, могла бы способствовать умиротворению народов России. К сожалению, законодатель в угоду политической конъюнктуре трактует этот принцип не как альтернативу

национальной государственности, а как частный аспект регулирования этнокультурных процессов. Именно поэтому Закон и, соответственно, легитимизированный институт НКА не смогут существенно повлиять на ход этнических процессов в стране и мало приблизят нас к межэтническому согласию. Камень преткновения лежит не в сфере культуры, а в сфере политики, в сфере экономики.

-
- ¹ Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. С. 198-199.
- ² Блищенко И. Содержание права народов на самоопределение // Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. А.Г. Осипов. М., 1997. С. 42.
- ³ Барсегов Ю.Г. Самоопределение и территориальная целостность. М., 1993. С. 11.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Старушенко Г. Самоопределение как правовая основа предотвращения конфликтов и защиты прав человека//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 54.
- ⁶ Там же. С. 57-58.
- ⁷ Калинина К.В. Право народов на самоопределение – принцип национальной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. Вып. 3. М., 1999. С. 8.
- ⁸ Там же. С. 8.
- ⁹ Червоная С. Выступление в дискуссии // Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 178.
- ¹⁰ Там же. С. 179.
- ¹¹ Егоров О. Коллективные права и самоопределение//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 72.
- ¹² Атаманчук Г.В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996. С. 147.
- ¹³ Там же. С. 148.
- ¹⁴ Старушенко Г. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁵ Там же. С. 55.
- ¹⁶ Там же. С. 56.
- ¹⁷ Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. 1994. № 1. С. 18.
- ¹⁸ Сироткин С. Имеет ли «право на самоопределение» отношение к праву? // Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 67-68.
- ¹⁹ Карапетян Л.М. Грани суверенитета и самоопределения народов // Государство и право. 1993. № 1. С. 20.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Атаманчук Г.В. Указ. соч. С. 148.
- ²² Решетов Ю. А. Самоопределение – не панацея // Независимая газета. 1992. 14 февраля.
- ²³ Шуверова В.Д. Государственный суверенитет и право народов на самоопределение. М., 1997. С. 18.
- ²⁴ Блищенко И. Содержание права народов на самоопределение // Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 42.
- ²⁵ Карапетян Л.М. Указ. соч. С. 20-21.
- ²⁶ Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., 2000. С. 255.
- ²⁷ Там же. С. 257.
- ²⁸ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., 1995. С. 95.
- ²⁹ Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001. С. 54.
- ³⁰ Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 5.
- ³¹ Кучериненко В. О парадигме национального самоопределения // Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 174.
- ³² Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 353.

- ³³ *Медем В.* К постановке национального вопроса в России//Национально-культурные автономии и объединения. Антология. Т. 1. М., 1995. С. 97.
- ³⁴ *Лазерсон М.Я.* Национальность и государственный строй. (Юридико-политические очерки.) // Национально-культурные автономии и объединения. С. 181.
- ³⁵ *Плетнев Б.* Национальная проблема в России и методы ее разрешения. Ярославль, 1922. С. 21.
- ³⁶ *Ратнер М.Б.* Предисловие к русскому переводу//Шпрингер Р. Национальная проблема. СПб., 1909. С. VII-IX.
- ³⁷ *Шпрингер Р.* Национальная проблема. С. 98.
- ³⁸ Там же. С. 17.
- ³⁹ *Бауэр О.* Указ. соч. С. 368.
- ⁴⁰ *Шпрингер Р.* Указ. соч. С. 14.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Ратнер М.Б.* Указ. соч. С. VII-IX.
- ⁴³ *Шпрингер Р.* Указ. соч. С. 17.
- ⁴⁴ *Ратнер М.Б.* Указ. соч. С. XII.
- ⁴⁵ *Бауэр О.* Указ. соч. С. 369.
- ⁴⁶ *Ленин В.И.* Больные вопросы нашей партии // В.И. Ленин о национальном вопросе и национальной политике. М., 1989. С. 106.
- ⁴⁷ Он же. Записка к Бюро ЦК РСДРП в России // В.И. Ленин о национальном вопросе и национальной политике. С. 108.
- ⁴⁸ Он же. Из проекта платформы к 4 съезду социал-демократии латышского края. Национальный вопрос // В.И. Ленин о национальном вопросе и национальной политике. С. 119.
- ⁴⁹ Он же. Развращение рабочих утонченным национализмом // В.И. Ленин о национальном вопросе и национальной политике. С. 226.
- ⁵⁰ Он же. Из проекта платформы... С. 118.
- ⁵¹ Он же. Проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств // В.И. Ленин о национальном вопросе и национальной политике. С. 227.
- ⁵² Он же. Развращение рабочих... С. 229.
- ⁵³ *Попов Г.Х.* Память и «Память» // Знамя. 1988. № 1. С. 201-202.
- ⁵⁴ *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 100. М., 1996. С. 14.
- ⁵⁵ *Шахрай С.М.* Три кита для новой России // Независимая газета. 1994. 5 марта.
- ⁵⁶ Он же. Горизонты российского федерализма // Государственная служба Российской Федерации и межнациональные отношения. М., 1995. С. 46.
- ⁵⁷ *Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А., Кукушкин Ю.С., Остапенко А.И.* О концепции национальной политики в Российской Федерации. М., 1992. С. 8,10.
- ⁵⁸ *Абдулатипов Р.Г.* Парадоксы суверенитета. М., 1995. С. 49.
- ⁵⁹ *Рыбаков С.Е.* Нация и национализм. М., 2001. С. 96.
- ⁶⁰ *Тишков В.А.* Этнология и политика. С. 53.
- ⁶¹ *Печенев В.А.* О национальной и региональной политике в Федеративной России // Этнополис. 1994. № 1. С. 84.
- ⁶² *Юшенков С.* Гегелевская ирония истоприи // Российская Федерация сегодня. 2002. № 5. С. 46.
- ⁶³ *Блищенко И.П., Абашидзе А.Х.* О Законе РФ «О национально-культурной автономии» как об одной из форм национально-культурного самоопределения народов России // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 1997. № 2. С. 9.
- ⁶⁴ *Губогло М.Н.* Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР // Советская этнография. 1989. № 1. С. 26—27.
- ⁶⁵ См.: Он же. К изучению многообразия форм национально-культурных автономий и объединений // Национально-культурные автономии и объединения. С. 9—10.
- ⁶⁶ См.: Он же. Тактика и стратегия национальной автономизации и деавтономизации в посткоммунистической России // Национально-культурные автономии и объединения. С. 41.
- ⁶⁷ *Аарелайд А.* Возможна ли культурная автономия? // Коммунист Эстонии. 1989. № 4. С. 16.
- ⁶⁸ *Исхаков Д.М.* Проблема культурно-национальной автономии и освещение некоторых ее аспектов в публицистике // Регион как феномен экономики, политики и культуры. Казань, 1994. С. 152—153.
- ⁶⁹ *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 153.
- ⁷⁰ *Губогло М.Н.* Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? С. 163.
- ⁷¹ *Жириков А.А.* Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 29.

-
- ⁷² Государственная программа национального возрождения и межнационального сотрудничества народов России. (Основные направления). М., 1994. С. 9.
- ⁷³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Об укреплении Российского государства. М., 1994. С. 50.
- ⁷⁴ См.: Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Национальная политика России: история и современность. Приложения. М., 1997. С. 656.
- ⁷⁵ Зорин В. Национальной политике — правовую основу // Национальная политика России: история и современность. С. 589.
- ⁷⁶ Галкин А.А. Гиперэтнизм как глобальная проблема // Федерализм: поиски ответов на новые вызовы. М., Горбачев-Фонд. 1993. С. 10.
- ⁷⁷ Цит. по: Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? С. 202.
- ⁷⁸ Жириков А.А. Этнические факторы политической стабильности. М., 1995. С. 73.
- ⁷⁹ См.: Губогло М.Н. К изучению многообразия форм национально-культурных автономий и объединений // Национально-культурные автономии и объединения. С. 9-10.
- ⁸⁰ Крылов Б.С. Общие положения // Комментарий к Федеральному Закону «О национально-культурной автономии». М., 1997. С.8.
- ⁸¹ Блищенко И.П., Абашидзе А.Х. Указ. соч. С. 8.
- ⁸² Организационно-методические рекомендации по созданию и регистрации национально-культурных автономий в Москве. М., 1997. С. 2.
- ⁸³ Юрьев С.С. Указ соч. С. 254.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Блищенко И.П., Абашидзе А.Х. Указ. соч. С. 8-9.
- ⁸⁶ Там же. С. 9.
- ⁸⁷ Юрьев С.С. Указ. соч. С. 254.
- ⁸⁸ Губогло М.Н. Федерализм власти и власть федерализма // Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 122. См. также: Губогло М.Н. Национально-культурная автономия как форма государственного самоопределения // О национально-культурной автономии. Оренбург, 1996. С. 17-23.
- ⁸⁹ Тишков В.А. Да изменится молитва моя!.. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. М., ИЭА РАН. 1989. С. 9.

ЧАСТЬ 2

Прикладные аспекты этнофедералистики: Практика федеративного строительства

Глава 1

Федерация этносов или территориальных сообществ? Поиски оптимальной модели государственного устройства России.

"Ни история, ни современное правосознание не знают такого правила: "сколько племен, столько государств". Это есть новоизобретенная, нелепая и гибельная доктрина".

И.А. Ильин

В силу специфики отечественной модели федерализма полемика по поводу концептуальных оснований реформирования российской государственности разворачивается вокруг "этнической" оси. При этом этнические аргументы в пользу того или иного желаемого устройства государственной власти в России чаще всего эмоционально окрашены и, на первый взгляд, представляются иррациональными. Но эта иррациональность иллюзорна. Лишь неискушенному наблюдателю может показаться, что этноромантические мотивы довлеют над рациональными социально-экономическими детерминантами в дискуссии по поводу новой концепции региональной политики Российской Федерации. Напротив, этнические аргументы при ближайшем рассмотрении оказываются плохо закамуфлированными интересами республиканских этнических элит, стремящихся к полному контролю над материальными ресурсами на "своих" территориях; в конечном счете, ресурс власти необходим им как инструмент окончательного предела собственности в свою пользу. Именно это обусловило переход региональных элит в "национальных" республиках к этнической модели легитимизации власти. И именно это обстоятельство, в свою очередь, обусловило этнический колорит

дискуссии по поводу путей реформирования государственного устройства России.

Федерализм как форма этнического самоопределения

В постсоветской отечественной политологии, безусловно, доминирует точка зрения, согласно которой федеративное устройство государства следует считать оптимальным и предпочтительным для России. Известную оппозицию этому подходу составляют теоретические концепты, интерпретирующие унитарное государство либо как наиболее адекватное исторической традиции и ментальности россиян, либо как конфедерацию независимых государств, суверенитет которых провозглашен от имени "титულных" этнических групп.

В подавляющем большинстве случаев федерализм рассматривается как альтернатива унитарной государственности исключительно в этническом контексте и трактуется как эффективный способ решения пресловутого "национального вопроса". Исходным постулатом при этом выступает некое априорное суждение, своего рода "символ веры", многократно воспроизводимое в многочисленных трудах по теории федерализма, суждение, в соответствии с которым *"трудно даже предположить, что такое многонациональное государство как Россия... сможет строиться по территориальному принципу"* (В. Лысенко)¹.

Эта позиция, наиболее отчетливо представлена в трудах Р. Абдулатипова, который, в частности, уверен в том, что *"суть федеративных отношений в том, чтобы поддерживать развитие национальной самобытности народов и избегать неравноправия в вопросах территориальной самостоятельности и управления"*². В соответствии с таким пониманием предназначения института федерализма этот исследователь и политик в начале девяностых годов минувшего века призывал *"возродить федерацию как способ государственного жизнеустройства российских народов, веками пробивавший себе путь сквозь барьеры унитарных устремлений"*³. Характерно, что речь идет о "возрождении" федерации в то время, когда Конституция России прямо провозгласила федеративную форму ее государственности, причем именно в столь милой сердцу автора приведенной выше цитаты этнической ипостаси. Может быть, он имел в виду возрождение федерации советского образца? Это мало вероятно, поскольку сам поборник

"самоопределения наций" неоднократно писал о том, что федерализм в советском государстве был своеобразной декорацией авторитаризма. А до этого, как известно, была Российская империя. Так что же требовалось возродить? Впрочем, интеллектуальным прорывом Р. Абдулатипова и его единомышленников на попрание федералистики стало обнаружение основ федерализма в средневековой России, буквально с самого начала образования Российского централизованного государства⁴. Федерализм, дескать, всегда служил умиротворению покоренных Российской Империей народов. Нам, так же как и Г. Атаманчуку, думается, что *"это большая натяжка, с трудом совмещающаяся с теми идеалами и принципами, на которых строилась русская государственность со времен принятия христианства"*⁵.

Различные версии понимания федерализма как инструмента в первую очередь этнической ("национальной") политики мы находим в многочисленных работах учеников и последователей Р. Абдулатипова. Достоинства этнического федерализма представляются ученым этой школы столь очевидными, что они не считают нужным сколько-нибудь обстоятельно аргументировать свою позицию. Чаще всего мы сталкиваемся с аксиоматичными утверждениями такого рода: *"Бесспорно, что в многонациональном государстве демократия может быть проявлена только при федеративном государстве"*⁶ (Л. Болтенкова). Или в другой версии: *"Демократические тенденции в развитии государства, права народов на самоопределение являются важнейшими составляющими национальной политики и развивающегося федерализма в России"*⁷ (К. Калинина).

Впрочем, иногда собственные суждения исследователей, работающих в этой научной парадигме, предстают как обобщение лучших достижений новейшей западной этнополитологии. В коллективном труде под редакцией Р. Абдулатипова можно встретить и такого рода аргументацию: *"В разработке проблем федерализма на научном уровне необходимо учитывать, по меньшей мере, ориентацию на доминирующие в мировой этносоциологии и этнопсихологии подходы, которые, начиная с 70-х годов XX века, трактуют стремление народов и этносов к самореализации в рамках собственных территориальных и государственных образований как доминирующую лояльность, стремление к совпадению политических и этнических единиц"* (Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Игнатов В.Г.)⁸. Вероятно, авторы имели в

М

р г п о ударс

циального множества (об этом в соответствующих главах нашего исследования).

В многочисленных федералистских изысканиях Р. Абдулатипова мы постоянно встречаем уверения в том, что *"опыт развития многих многонациональных, территориально сложных государств, в том числе и России"* свидетельствует о том, что *"федерализм – наиболее жизнеспособная форма государственного устройства"*⁹, что *"крупные федеративные государства – это наработанный человечеством опыт интеграции человеческого, полиэтнического сообщества, одна из форм сохранения, развития и сближения народов"* (Р. Абдулатипов)¹⁰. И вновь мистификация, рассчитанная на некомпетентного читателя! Да, действительно, практически все крупные федеративные (также как, впрочем, и унитарные) государства населены представителями более или менее разнообразных этнокультурных групп. Но только в двух таких государствах – СССР и СФРЮ – этнический состав населения территорий служил критерием образования субъекта федеративного государства, а федерализм рассматривался в качестве инструмента этнической политики. Нет нужды говорить, что опыт такого федеративного строительства закончился крахом в обоих случаях именно из-за этнического принципа федеративного устройства. Ни о какой жизнеспособности таких государств говорить не приходится, так же, как нет оснований говорить о позитивном опыте федерализма в деле "развития и сохранения" народов. Дело обстоит как раз совсем иначе. Констатация факта, согласно которому *"развал Союза продемонстрировал всю эфемерность национально-государственного устройства как механизма решения межэтнических противоречий и трений в полиэтническом обществе"*

¹¹ стала уже достаточно тривиальной. Только Р. Абдулатипов либо не знает этого, либо сознательно лукавит.

Постоянно воспроизводимые в работах этого автора идеологические клише типа "российское полиэтническое многообразие формирует и *соответствующий* характер государства" (Р. Абдулатипов)¹² как бы зомбируют читателя и призваны убедить его в том, что полиэтническому характеру населения страны соответствует исключительно его этнофедералистическое обустройство государства. Он клеймит позором неких "радикалов", которым (о, ужас!) "по душе некий этнический тигель, такой примерно, как в Соединенных Штатах Америки", которым "нужен котел для переплавки всех национальностей России с целью *формирования какого-то единого народа* – недалеко они ушли от большевистской идеи слияния наций"¹³. Да, нужно признать, что идея формирования единого российского народа, гражданской нации, - идея весьма заманчивая для раздираемой межэтническими конфликтами России, и мы готовы солидаризироваться с этими страшными радикалами. Что же касается отхода от большевистских идей, то сам Р. Абдулатипов и вовсе никуда не уходил от ленинско-сталинской идеи национально-государственного строительства и самоопределения "наций" вплоть до образования "национальных" государств.

В своем открытом письме Б. Ельцину этот поборник политизированной этничности предостерегал Президента России: "Ряд "советников" толкали и продолжают толкать Вас *к такой модели федеративного строительства, в которой не находится места нациям, их специфическим интересам, в том числе и русским*"¹⁴. Автор письма явно пытается ввести в заблуждение главу государства. Он умалчивает о том, что этническая государственность выгодна и полезна лишь политическим элитам, присвоившим себе право выступать от имени двух десятков "титულных" этнических общностей и, отчасти, тем гражданам России, которые идентифицируют себя с соответствующей этнокультурной общностью в пределах той или иной республики; для всех же прочих, в том числе и для русских, она является институционализированной формой дискриминации по этническому и языковому принципам.

Напротив, Р. Абдулатипов уверяет нас в том, что только "при таком подходе (при сочетании национально-государственного и административно-территориального принципов формирования федерации – В.Ф.) учитывается, что на протяжении веков Россия была и остается полиэтническим государством,

взаимодействием более сотни народов (в настоящее время согласно самоидентификации у нас проживает 176 этносов различной численности)"¹⁵.

Весьма близкую по смыслу сентенцию мы встречаем в работе И. Барцица, который считает, что "для России с ее сплавом этнических групп, правовых традиций и различных уровней правовой культуры *федерализм позволяет сгладить неминуемые противоречия и не допустить узаконенного насилия*, под которым понимается противоестественное принуждение некоторых групп к образу жизни, не соответствующему их традициям"¹⁶. Но именно порождаемое этническим федерализмом деление граждан страны на "титульных" и "нетитульных", "коренных" и "некоренных" и порождает противоестественное принуждение проживающих на территории "национальных" республик (а это – большая часть территории страны!) граждан России к несвойственному для них образу жизни, несвойственным им традициям, в условиях этнократических режимов, установленных в ряде республик от имени "титульных" народов. Напомним, что представители "титульных" этнических групп составляют в России менее десяти процентов населения! Об этом апологеты этнического федерализма как правило умалчивают.

Даже осознание этнократизации форм правления в республиках в составе Российской Федерации не заставляют их усомниться в правомерности консервации принципов этнического федерализма и интерпретации последнего в качестве оптимальной формы государственного устройства страны. М. Губогло, в частности считает, что "стабилизация этнополитической ситуации России состоит не в демонтаже национально-государственной части ее устройства, а в замораживании уровня этнизации и этнократизации... Курс первой линии национальной политики можно определить как инерцию огосударствления, то есть сохранения идеологии, риторики, и практики национально-государственного строительства"¹⁷. К сожалению, дань этому заблуждению отдает и В. Лысенко, который также полагает, что "Федерализм – это наиболее *эффективный способ разрешения конфликтов, установления мира и межнационального согласия* в России"¹⁸.

Здесь мы встречаем характерное для ученых и политиков, работающих в этой парадигме заблуждение, согласно которому этнополитические угрозы в России порождаются исключительно попытками реформирования федеративного устройства страны и ущемлением интересов "титульных" этнических общностей.

Этот миф упорно внедряется в сознание и обывателей, и практических политиков с целью исключить всякие попытки реформирования отечественной модели федерализма. "Очевидно, что идею национальной государственности... активно поддерживает современная национальная административно-политическая элита и "титulyные" нации, в связи с чем вернуться к территориальным образованиям невозможно" (Р. Абдулатипов, В. Михайлов, В. Игнатов и др.)¹⁹. Или очень близкая по смыслу сентенция, в соответствии с которой "основную задачу национальной политики в многоэтническом государстве можно свести к минимизации негативных для его целостности последствий", а для этого, дескать, речь должна идти, "прежде всего, об оптимальном варианте национально-государственного устройства страны, отвечающем условиям легитимной стабильности" (А. Жириков)²⁰. На наш взгляд, куда большую угрозу межэтнических противостояний таит в себе сохранение разностатусных субъектов в составе Российской Федерации и связанной с этим напряженностью в отношениях между субъектами Российской Федерации, а также между этническими "титulyными" и "нетитulyными" контрагентами в пределах этногосударственных образований.

Впрочем, нужно отдать должное А. Жирикову, он понимает, что стабилизация отношений между государством и этничностью в стране с полиэтничным населением "предполагает подчинение некоторых национальных начал неким универсальным космополитическим началам и урегулирование отношений общими государственно-правовыми нормами и законами... необходимы действенные регулятивные *наднациональные* (в значении "надэтнические" – В.Ф.) *правовые средства*, общие гражданские нормативы и правила поведения людей"²¹. Это точка зрения весьма характерна для постсоветского неравновесного, переходного состояния российского государства вообще, и федеративных отношений, в частности. Распад СССР и реальная угроза сецессии Российской Федерации, возникшая в начале девяностых годов, заставляли задуматься о том, что "правовая работа над его (федерализма – В.Ф.) совершенствованием хотя и *должна состоять в укреплении единых начал*, но при этом она *не может не учитывать национальных особенностей*, которые не всегда совпадают с особенностями региональными" (С. Вавилов)²². В этом выражалось, на наш взгляд, кризисное состояние ментальности политологов и политиков, которые со студенческой скамьи усвоили, что учет "национальных"

особенностей означает "государственное самоопределение" и "право выхода", то есть разведение онтологизированных "наций" по своим "республикам" (чего не заслуживают "недонации" – "народы" и "народности", которым предписывалось довольствоваться проживанием "в братской семье"), а "национально-культурное" самоопределение – это оппортунизм, ересь непригодная для политического употребления. С одной стороны, многочисленные "нациеведы" не могли отказаться от этого почти сакрального знания, а с другой, - не могли аппелировать это знание к постсоветским этнополитическим реалиям.

Концепция этнического федерализма в начале девяностых годов была с энтузиазмом воспринята в "национальных" республиках. На протяжении последнего десятилетия двадцатого века она чрезвычайно активно разрабатывалась учеными, лоббировавшими политические интересы так называемых "титulyных" этносов, а точнее – интересы этнополитических элит, установивших в постсоветских российских республиках контроль над ресурсом власти и выступающих от имени "своего" народа. Гуманитарная наука в Татарии, Башкирии, Якутии многих других российских автономиях, заявивших о своем суверенитете, была мобилизована для идеологического обоснования правомерности сохранения в составе РФ национально-государственных субъектов. В подавляющем большинстве такого рода работ читатель находит вариации на тему: "Официальная политика должна быть направлена на формирование такой модели федерации, которая отвечала бы интересам многонациональной России"²³ (М. Хасанов). Или еще более категорично: "Демократия и федерализм для полиэтничной России - синонимы. Одно невозможно без другого... Россия является полиэтничной страной, что должно учитываться в федеральном устройстве государства, иначе говоря, федерализация является способом решения "национального вопроса"²⁴ (Р. Хакимов). Примечательно, что при этом концептуалист татарской доктрины национализма взывает к международному сообществу: "Вопрос о федерализации России фактически вышел за рамки внутренней проблемы и стал международной. После Югославии Россия наиболее вероятный потенциальный источник международной напряженности" (Р. Хакимов)²⁵, нимало не задумываясь о том, почему именно Югославия и СССР/Российская Федерация стали источниками перманентной напряженности и угрозы для цивилизованного мира. Может быть именно потому, что именно эти две страны и только эти две страны были больны

этническим федерализмом? О какой федерализации идет речь? Неужели достигнутая к середине девяностых годов степень этнизации российского федерализма представлялась Р. Хакимову недостаточной?

Продолжать цитирование подобных априорных суждений не имеет смысла, содержательно все они не выходят за рамки вполне тривиального отождествления идеи федерализма и этнической государственности. В лучшем случае федеративное устройство государства признается целесообразным не только с точки зрения решения пресловутого "национального вопроса", но и с точки зрения оптимизации региональной (прежде всего – экономической) политики. В частности, М. Столяров признает, что "федеративные отношения как форма демократической организации общества через децентрализацию системы управления позволяют *не только вплотную приступить к решению национального вопроса, но и распределять экономические и властные полномочия и предметы ведения между центром и регионами, сохраняя баланс интересов*"²⁶.

К сожалению, распределение экономических и властных полномочий при сохранении этнического принципа выделения ряда субъектов федеративного государства приобрело характер откровенного этнополитического шантажа со стороны республиканских этнополитических элит, решение "национального" вопроса посредством эксклюзивных федеративных отношений означало на практике эксплуатацию российских областей и краев, а также овладение ресурсом власти, позволившим фактически установить политические режимы, дискриминационные в отношении "нетитульного" населения режимы. Ни о каком "балансе интересов" и речи не было, и об этом хорошо знал автор приведенной выше цитаты – заместитель постоянного представителя суверенного Татарстана в Москве. Однако об этнических особенностях бюджетных отношений в России "эпохи Ельцина" – в отдельной главе нашего исследования.

Этнический федерализм: аргументы "против"

Теоретические концепты, которые с таким энтузиазмом отстаивают "национально ориентированные" ученые, фактически представляют собой совокупность наиболее ортодоксальных идеологем печально знаменитой "ленинско-сталинской национальной политики", а генетическая связь постсоветского этнического федерализма и советской доктрины национальной

государственности сейчас очевидна для всякого более или менее добросовестного исследователя.

Разрыв с интеллектуальной традицией, которую условно можно назвать "советская теория этноса" и которая многие десятилетия служила идеологическим обеспечением практики национально-государственного строительства, произошел, как уже было сказано в конце 80-х годов прошлого столетия. Именно тогда началась демифологизация представлений об этносе, как об объективно существующих социальных группах, обладающих целым рядом имманентных для этого социального феномена признаков и характеристик. И именно тогда было заявлено о том, что наиболее опасным следствием объективации этого фатального теоретико-методологического заблуждения в политической практике стала легитимизация *"национальной государственности, ассоциированной с той или иной доминирующей этнической группой"*. А это в свою очередь, по мнению В. Тишкова "фатально расходилось с процессами последовательной демократизации, с созданием гражданского общества"²⁷.

Новая методология быстро овладела умами значительной части российских этнологов, благо в условиях краха идеологической монополии большевиков это стало возможным. В конце восьмидесятых - начале девяностых годов появились теоретические работы, в которых обосновывалась бесперспективность и серьезная потенциальная конфликтогенность принципа политического "самоопределения наций/этносов".

Уже в 1990 году Ю. Бромлей и С. Чешко писали, что национально-территориальный принцип государственного устройства страны *"неизбежно ведет к неравноправию народов и граждан, изоляции народов друг от друга и от достижений мировой культуры, искусственному ограничению экономических связей, осложняет межэтнические отношения территориальными претензиями, и трениями на почве экономических интересов, искажает характер общественных отношений и самих этнических процессов, увеличивает разрыв в неравенстве народов, отрицательно влияет на развитие самой экономики и ведет к тоталитарному режиму"*²⁸.

С уверенностью можно сказать, что за минувшие 10-15 лет в отечественной этнологии фактически произошла смена исследовательских парадигм. Конструктивистское понимание этнических феноменов и соответствующая трактовка соотношения этничности и власти возобладала. В

обобщающем работу коллектива Института "Отчетном докладе Института этнологии и антропологии РАН" за 1998 год известные российские этнологи (В. Тишков, Л. Дробижева, М. Губогло, С. Чешко, А. Осипов, В. Степанов и др.) констатировали, что *этнический федерализм "основывается на идеологии "социалистического федерализма"*, хотя его сторонники и не признают этого и полагают, или делают вид, что именно этот подход позволяет уйти от недостатков прежней национальной политики". Было отмечено также, что даже если иногда и признаются недостатки советской доктрины федерализма, то утверждается, "что в силу устоявшихся традиций уход от него будет не понят народами России, и поэтому грозит усилением межэтнической напряженности и сепаратистских тенденций"²⁹.

В работах ученых и политиков, работающих в этнической парадигме и трактующих этничность в терминах примордиалистской традиции, вольно или невольно, случайно или намеренно альтернатива "унитарное государство - федеративное государство" подменяется альтернативой "унитарное государство - этнофедеративное государство". О том, что федерализм можно трактовать как форму внеэтнической территориальной (региональной) демократии, в этом научном сообществе говорить не принято. На это также обращают внимание ученые, представляющие в новейшей отечественной федералистике иную (действительно демократическую, внеэтническую) парадигму: "Оппонеты идеи губернизации утверждают, что она означает построение унитарного государства, унифицирующего полиэтничное разнообразие России. Здесь наблюдается смешение понятий... В условиях современной России речь может идти не об унитаризации государства,.. а о переходе к более демократической территориальной федерации" (В.Тишков, Л.Дробижева, М.Губогло, С.Чешко и др.)³⁰.

В девяностые годы значительная часть московских демократов, как среди ученых, так и среди политиков и публицистов вполне искренне заблуждалась относительно "национально-демократического" движения в "национальных" республиках и отождествляла этнический национализм с борьбой против тоталитаризма. Однако следствием прорыва в теории этничности стало появление значительного числа интеллектуалов (занятых в различных сферах творческого труда) воспринявших новую интерпретацию соотношения власти и этничности и способных популяризовать новые подходы в СМИ.

Прежде всего, было отмечено явное несоответствие принципа политического самоопределения "титულных наций", интерпретируемых в качестве коллективного субъекта-этноса, базовым принципам демократии и приоритету прав человека по отношению к правам любых социальных групп. В противовес интеллектуальной активности республиканских идеологов этнократии и московскому официозу явно покровительствовавшему этническому национализму республиканских политических элит, московские эксперты и публицисты внедряют в массовое сознание россиян идею о том, что "государственное строительство, основанное исключительно *на основе этничности*, кем бы оно не осуществлялось... противоречит принципам демократии, *идет в разрез с намерениями создать в России правовое государство и гражданское общество, нарушает фундаментальные права человека*, вводит деление людей на граждан первого сорта и второго сорта, способствует межэтническим противоречиям и конфликтам" (В. Дедаев)³¹.

В прессе постепенно стали появляться статьи, авторы которых аргументированно полемизировали со сторонниками политизации этничности и политического самоопределения "наций". В ходе обсуждения Основного закона в 1993 году, когда проблемы государственного строительства были по понятным причинам актуализированы даже на уровне массового сознания, вполне отрефлектированным элементом политической культуры стало осознание того, что "национально-территориальное деление - *вовсе не достижение демократии, не обеспечение прав меньшинства, а наследие большевизма*, служащее для того, чтобы сеять вражду между этническими группами. *Ликвидация национально-территориального деления - не менее важный элемент политической реформы в России, чем в свое время отмена шестой статьи брежневской конституции*" (А. Кибрик)³².

В оппозиционной публицистике, так же как и в профессиональной политологии к середине 90-х годов сформировался достаточно широкий круг авторов, склонных рассматривать "национально-государственное строительство и создание иерархии национальных автономий – от республик до округов – *как основу множества проблем, сотрясающих Россию поныне*" (Н. Минькова)³³. Более того, среди влиятельных политиков и региональных лидеров все более распространяется мнение, согласно которому "этнический принцип построения федеративного государства неизбежно рождает этнический национализм,

который в сущности своей *противоречит истинному федерализму*"³⁴ (А. Аринин), что "унаследованные от РСФСР этнически маркированные территории привнесли в государственность России моменты, *контрастирующие с современными стандартами демократии и федерализма*" (Д. Аяцков)³⁵.

На антагонистичности ценностей демократии и политического самоопределения этнокультурных общностей настаивал и В. Печенев, который призвал участников дискуссии признать, "что попытки совместить принципы демократии и этнофедерализма в многонациональной России *привели к созданию громоздкой и эклектичной системы государственного устройства*"³⁶.

В качестве контраргумента той мифологеме, которая провозглашала этнический федерализм оптимальным инструментом национальной политики в полиэтничной России, был сформулирован базовый теоретический концепт о том, что "противоречие между этнической и территориальной моделями внутреннего устройства страны" стало "одним из главных противоречий в развитии российского федерализма" (А. Аринин)³⁷, непреодолимым препятствием на пути реформирования государственного устройства постсоветской России. Спикер Совета Федерации, орловский губернатор Е. Строев вынужден был констатировать, что ни одна из проблем региональной политики "не нашла своего решения и, прежде всего, - вследствие отсутствия общего для федерального Центра и субъектов Федерации видения содержания отечественной модели федеративных отношений. *Содержание этих отношений фактически оказалось сведенным к учету этнических особенностей или к снятию межэтнических противоречий*"³⁸.

Наконец, пресловутый "парад суверенитетов" начала девяностых годов, паралич власти, реальная перспектива распада России и глобальные угрозы, связанные с такой политической перспективой сделали вполне тривиальной простую истину, согласно которой этнический принцип федеративного строительства со всей неизбежностью "*порождает сепаратизм по мере развития отсталых этносов*" (В. Чиркин)³⁹.

Критика этнизированной модели отечественного федерализма стала исходной точкой в процессе формирования новых концептуальных подходов к оптимизации федеративных отношений в России, признания внеэтнического территориального федерализма той формой государственного устройства, которая

может быть оценена как наиболее адекватная условиям России форма территориальной демократии.

Федерализм как форма территориальной демократии

Действительно, наиболее разработанным концептуальным антиподом этнического федерализма в настоящее время выступает идея унификации государственной структуры на основе исключительно административно-территориального принципа. Как сформулировал это Н. Моисеев, *"для Российской Федерации было бы большим благом преобразование ее в федерацию штатов"*, поскольку, по мнению почтенного академика *"идея изолированных самостоятельных национальных республик – это опасная утопия..."*⁴⁰.

Однако, по мнению большинства исследователей такого рода унификация вовсе не должна означать унитаризацию государственного устройства страны. Для тех, кто склонен романтизировать классические принципы федерализма, *"процессы федерализации и демократизации... органически взаимосвязаны"*, а *"успех первой означает успех второй и наоборот"* (С. Валентей)⁴¹. Соответственно, негативный исторический опыт России, приобретенный в результате объективации большевистской практики национально-государственного строительства, не есть основание для отказа от проекта федерализации страны. По мнению авторов, мыслящих в этой парадигме, *"нельзя отказываться от самой идеи федерализма только при неуместности или невозможности построения федерации на национальной основе"*, а следует исходить из признания того факта, что *"федерализм – не этнический, а общегражданский институт"* (М. Золотарева)⁴². Констатируя разрушающее воздействие этнического фактора на государственные институты, М. Золотарева, призвала к *"интернационализации федеративных отношений"*, к реализации такой модели административно-территориального устройства, которая *"предусматривает право на создание субъекта федерации совместно проживающей на определенной территории общности людей, независимо от их этнической принадлежности, сама федерация рассматривается как средство демократизации государственной власти вообще и не нацелена на решение... национального вопроса"*⁴³.

Насколько нам известно, впервые эта концепция была сформулирована и обоснована в самом начале "перестройки" Г. Поповым, который предложил "к концу 1991 года *решить проблему федерализации России на территориальной основе*". Суть его предложений сводилась к следующему: "пожертвовать – если придется – двумя-тремя российскими автономиями, дав им уйти из России, но на остальной территории *все национально-территориальные образования упразднить*... структуризация России должна осуществляться без национально-административных границ, только в виде федеральных земель..."⁴⁴.

Большинство исследователей, принципиально разделяющих эту точку зрения, все-таки усматривают в позиции Г. Попова по крайней мере два существенных изъяна. Прежде всего, нужно согласиться с тем, что, дав возможность двум-трем республикам уйти из России, мы неизбежно спровоцировали бы необратимую цепную реакцию распада. У тогдашнего Президента России не было ни желания, ни сил противодействовать такому процессу.

Кроме того, многие добросовестные эксперты склоняются к мысли о том, что во избежание этнополитических катаклизмов переход к территориальному принципу построения Российской Федерации должен осуществляться не революционным, а эволюционным путем. В частности, Ю. Красин полагает, что "*в настоящее время, когда национальные чувства столь обострены, а межнациональные отношения напряжены, предложение перейти к земельному принципу построения Российской Федерации выглядит утопичным. Такой переход, осуществленный разовым порядком, будет воспринят как ущемление уже признанных национальных прав и встретит противодействие республик*". При этом, по мнению исследователя, "*будущее Российской Федерации связано с повышением статуса краев и областей до уровня республик и переходом к землям, как к единой категории ее равноправных субъектов*"⁴⁵.

Весьма близка к такому пониманию вещей и позиция В. Тишкова. Как уже было сказано, еще на заре "перестройки" он справедливо "подверг сомнению сам принцип построения государства и его внутреннего устройства на этнической основе"⁴⁶. С одной стороны, он признавал, что "*федерализм может быть только территориальным, как и любое государственное или административное образование*", а "доктрина так называемого "социалистического федерализма", в основу которой был положен этнонациональный принцип, представляет собой

нереализуемую декларацию" связанную "с претензиями со стороны представителей одной из национальностей на исключительный статус"; с другой стороны, призвал считаться с тем фактом, что "сама форма национальной государственности обрела огромную политическую и эмоциональную легитимность" и в силу этого и негативные последствия социалистического федерализма *"могут быть устранены не через демонтаж национальной государственности, а через расширение полномочий субъектов федерации и утверждение в них полного гражданского равноправия"*⁴⁷. В этом, несомненно, присутствует свой *raison d'être*, но следует принимать во внимание и обратное: в массовом сознании "нетитульных" этнокультурных групп набирает силу осознание политической нелегитимности "национальной" (этнической) государственности и ее эмоциональное отторжение. Кроме того, искомое достижение полного гражданского равноправия при сохранении этнической государственности невозможно уже потому, что в политической практике при этом за избранными этнокультурными сообществами сохраняется эксклюзивное право на политическое самоопределение, обретение этнически окрашенных государственных символов и атрибутов государственности; нужно помнить о том, что в иррациональной этнической идентичности такого рода символы могут иметь даже большее мобилизующее значение, нежели реальные материальные и статусные преференции для представителей "титульных" групп. Соответственно, проект В. Тишкова – это способ сгладить противоречия и временно стабилизировать этноконтактную ситуацию в "национальных" республиках, но никак не рецепт устранения системообразующего конфликтогенного фактора. Кроме того, нужно признать, что реальная практика этнократизации политических режимов в ряде этногосударственных субъектов Российской Федерации не дает, к сожалению, никаких оснований для оптимизма.

Нам также представляется нецелесообразным единовременное упразднение республик, однако, именно оно должно быть осознано и декларировано в качестве перспективы модернизации отечественной модели федерализма. Свое видение политического алгоритма поэтапного демонтажа этнической государственности в России мы изложили в отдельной статье⁴⁸, за что и были подвергнуты суровой критике со стороны В. Тишкова⁴⁹.

Что же касается предложения унифицировать права и полномочия этногосударственных и административно-территориальных образований в составе России, то об этом пойдет речь ниже.

Унификация статусов или унификация прав субъектов?

Таким образом, в рассматриваемом континууме мнений появилась компромиссная точка зрения, согласно которой одномоментный отказ от национальной государственности в сложившейся политической ситуации неуместен, а ближайшей задачей объявляется достижение формального и фактического равноправия всех субъектов Российской Федерации. Но и этот компромисс был весьма условен и, в свою очередь, породил острые дискуссии. Достижение реального равенства виделось по-разному тем, кто полагал, что для более справедливого устройства российской государственности достаточно выравнивания прав субъектов, и тем, кто настаивал на необходимости выравнивания статусов субъектов как на первичном условии унификации их реальных прав и обязанностей. И в том, и в другом случае этнический аргумент вновь стал определяющим.

В политических кругах известное хождение получила концепция, согласно которой "в России межнациональные отношения... обострились и по той причине, что *бывшие автономные республики стали обладать более широкими правами, чем края и области*. Образовались в одном государстве два государства: одно унитарное, состоящее из краев и областей, подчиняющихся центру, другое - конфедеративное, состоящее из суверенных государств - республик" (А. Жириков)⁵⁰. Соответственно, вывод следовал такой: для оптимизации межэтнических взаимодействий достаточно выравнивания прав республик, краев и областей. Эта точка зрения разделялась и многими членами Совета Федерации. В частности, влиятельный сенатор, Саратовский губернатор Д. Аяцков полагал, что "нельзя не считаться с объективной реальностью, с *существованием национально-территориальных единиц*... Негативные последствия полученного политического наследия, как показывает исторический опыт, могут быть устранены не через радикальный отказ от национальной государственности, а, наоборот, *через расширение и выравнивание полномочий всех субъектов Федерации*"⁵¹.

С другой стороны, среди тех, кто был согласен с тезисом о несвоевременности и конфликтогенности одномоментного административного упразднения "национальных" республик известной популярностью пользовалась идея республиканизации областей и краев. (Суть ее была проста: раз нельзя опустить статус республик до уровня областей, то надо произвести обратное.) Пожалуй, идею, близкую к идее республиканизации, одним из первых сформулировал М. Горбачев, предложивший свою не очень популярную версию "нового федерализма". Экс-президент СССР высказал при этом вполне здравое суждение о том, что "новый российский федерализм не сводится к проблеме национальных, этнических образований... *крупные регионы страны, где проживает в основном русское население, также хотят иметь статус, который был бы не ниже статуса автономной республики.* И это вполне естественно. Ведь федерация отнюдь не замыкается на национальные отношения"⁵².

В политических сферах во второй половине 90-х годов концепция республиканизации последовательно обосновывалась депутатами Государственной Думы, объединившимися под началом С. Бабурина в депутатскую группу "Народовластие". М. Золотарева определила республиканизацию как "*процесс, связанный с приданием краям и областям статуса республик с последующим возможным их укрупнением*" и констатировала тот факт, что "против республиканизации очень активно выступили представители национальных образований в составе РФ", так как этот процесс ассоциируется у них с "выравниванием под одну гребенку" (то есть с равноправием субъектов федерации), с "очисткой региональной политики от этнического фактора"⁵³.

Разумеется, у приверженцев доктрины "национальной" государственности идея повышения статуса краев и областей до статуса республик вызывает идиосинкразию: "*Представляется спорным и предложение группы депутатов ГД РФ (Ю. Власов, С. Бабурин), выступивших с заявлением "Российский путь" о равноправии всех субъектов федерации через повышение статуса краев и областей до уровня республик.* Сепаратизм в этом случае получил бы новый импульс" (А. Жириков)⁵⁴. Сепаратизм кого? Областей и краев, получивших новый статус? Конечно же, нет. Речь идет об этническом сепаратизме республиканских этнополитических элит, раздраженных тем, что

посягнули на их особый статус. Но, при всем том, привести сколько-нибудь вразумительный довод в пользу обоснованности такого рода претензий идеологи этнократии не в состоянии. Актуализируется лишь ущербный тезис об учете этнической специфики населения: "оптимизация федеративных отношений не может достигаться любыми средствами, как, например, путем губернизации республик, или, наоборот, *республиканизации краев и областей*, поскольку своеобразие российского федерализма состоит в сочетании территориального и *национального начал*"⁵⁵ (М. Столяров). Звучит крайне неубедительно даже в концептуальном поле примордиализма, так как области и края населены, в основном, русскими и, соответственно, могут претендовать на пресловутое "национальное начало" ничуть не в меньшей степени, чем татары в Татарии или якуты в Якутии.

Очевидно, что разрушение столь любезного сердцу этнократов мифологизированного "сочетания начал" лишало бы республики возможности перераспределения бюджета страны в свою пользу за счет эксплуатации российских областей, а этнократические элиты республик - ощутимых материальных привилегий. Именно этим объясняется, казалось бы, немотивированное агрессивное неприятие доктрины "республиканизации областей" со стоны республиканского официоза. Ведь формально при таком подходе никто не посягал на и собственный статус, заявляли лишь желание получить сопоставимый.

Еще более острую дискуссию и неоднозначные оценки получил политический проект "Республика Русь", согласно которому, политическое самоопределение этнического большинства России должно происходить не на территории множества республик – субъектов Российской Федерации, а в рамках единого этнополитического образования.

Республика Русь: самоопределение этнического большинства или форма распада России?

В контексте проблемы достижения равенства прав и обязанностей субъектов федерации особого внимания заслуживает идея объединить все "русские" области и края, учредив Русскую республику в составе Российской Федерации. Эта идея представляет для нас особый интерес, поскольку в равной

степени эксплуатируется и русофобами, ратующими (явно или тайно) за дезинтеграцию Российской Федерации, и русофилами, призывающими к государственному самоопределению русского народа.

Впервые мысль о создании Русской республики была вербализована еще до распада СССР П. Карпом, который предложил русским отказаться "от авантюристических побуждений... воплощать государство в его целостности" и предаться заботам о своей земле, обустривая "свою Русскую республику, не Российскую, не федеративную, а именно Русскую... отдельную от Татарской, Якутской, Чувашской и прочих, входящих ныне в РСФСР"⁵⁶.

Приблизительно в таком же - деструктивном - контексте апеллирует к этой идее Д. Ольшанский, пытающийся увлечь соотечественников таким лозунгом: "Давайте конституируем Русскую республику как центр будущей национальной защищенности!". При этом апологет русской государственности считает, что "не надо гнаться за размерами территории – достаточно иметь такое государственно-территориальное образование хотя бы в качестве символа... в границах бывшего Великого княжества Московского"⁵⁷.

Идея конституировать Русскую республику в различных интерпретациях периодически возникала в умах политиков и политологов, но с середины 90-х гг. ее наиболее рьяными поборниками стали либеральные демократы, а самым громким рупором – А. Митрофанов (бессменный глава думского комитета по геополитике от фракции ЛДПР), инспирировавший даже специальные Парламентские слушания на эту тему. На сей раз обсуждаемый концепт выдавался за попытку восстановления исторической справедливости и защиты прав русского народа. Не берусь судить, чего было больше на этих слушаниях – печального заблуждения или политического лукавства. Для нас важно другое: реакция подавляющего большинства специалистов на предложение конституировать в России Российскую республику в конечном итоге была сугубо отрицательной. Однако это было лишь кажущееся единодушие, так как аргументация соответствующей позиции у представителей означенных выше этнополитических парадигм была диаметрально противоположной.

Для сторонников этнической парадигмы характерно стремление убедить своих оппонентов в том, что "именно Россия, а не искусственно конструируемая кое-кем *Русская республика* и есть государственное самовыражение русской нации, выразитель ее интересов, а также интересов *всех других россиян* – татар,

чувашей, удмуртов, осетин, ингушей и других наций"⁵⁸ (Э. Баграмов). Конечно же, это так! Странно только, что у автора, предлагающего русским довольствоваться Россией, не вызывает удивления тот факт, что для государственного самовыражения татар, чувашей, удмуртов осетин, ингушей и других наций наряду с Россией потребовались суверенные Татария, Чувашия, Удмуртия, Осетия, Ингушетия... Почему-то эти республики не представляются ему сконструированными искусственно.

Даже Р. Абдулатипов вдруг задался вопросом: "*Разве разумно сводить самоопределение к территориально-государственным формам и требовать формирования подобных образований для всех ста пятидесяти народов России? Разве только в образовании Российской республики будет на самом деле реализованы задачи укрепления русской нации? Или же надо учитывать конкретно-исторические реалии?*"⁵⁹. Примечательно, что сомнение в разумности государственного самоопределения этносов возникает у Р. Абдулатипова, также как и у Э. Баграмова, только в контексте полемики о государственном самоопределении представителей русского этноса. А учет конкретно-исторических реалий в его понимании означает сохранение "элитарного клуба" титульных этносов, право которых на "свою" государственность подтверждается исключительно глубокомысленным "так исторически сложилось". Если в приведенной цитате присутствует желание автора предстать в роли либерального, отстраненного от всероссийской склоки "третьего судьи", то в другой работе его политическая физиономия явлена вполне отчетливо: "Твердят об отсутствии у русских своей государственности. *Это уже цинизм шовинистов*, которые сами рубят сук, на котором сидят"⁶⁰. Ни разу не встречал у Р. Абдулатипова столь гневных филиппик в адрес, например, татарских сепаратистов! Обвинение в шовинизме звучит лишь в адрес тех, кто считает должным говорить о том, что в отличии от представителей целого ряда этнических сообществ русские не являются "титульными" ни на территории Российской Федерации в целом, ни на территории какого бы то ни было ее субъекта. Эта незатейливая констатация приводит Р. Абдулатипова в состояние аффекта: "Иные деятели из Центра навязывают России *дикую мысль о том, что у русских нет своей государственности*. Если мы, дагестанцы, считаем Российскую Федерацию главной формой своей государственности, то неужели не понятно, что Российская Федерация – это историческая форма государственности, прежде всего, русской

нации"⁶¹. Если бы автор цитированного пассажа счел возможным ознакомиться с Конституцией России, то мысль об отсутствии у русских "своей" государственности не казалась ему столь уж дикой. (Умиляет то простодушие, с которым Р. Абдулатипов, ничтоже сумняшеся, употребляет обороты "мы, дагестанцы"!)

Реакция республиканских апологетов этнократических режимов была еще более категоричной: "путь создания Русской республики *гибелен для государства*, не может часть одной и той же *нации самоопределиться в составе государства, где она является титульной*"⁶² (Л. Карапетян, Б. Эбзеев), "призывы образовать Русскую республику у нас подхватывают только *фашисты*"⁶³ (В. Беляев, Ю. Хайруллина). Удивительно, что в целом справедливое требование распространить на всех граждан (не только русских) права, которыми по недоразумению пользуются менее десяти процентов ее населения, влечет за собой столь болезненную реакцию. Историографический факт, приобретающий характер банальности: любая попытка поставить вопрос о дискриминационной по отношению к этническому большинству природе российской модели федерализма немедленно влечет за собой обвинение в шовинизме и даже в фашизме со стороны идеологов, отстаивающих исключительность права "своих" этносов на этническую государственность. А. Вдовин, оценивая такого сорта аргументацию, справедливо отметил: "Охотно допускаю, что *не обязательно быть сторонником создания подобного образования, поскольку возможны и могут оказаться более целесообразными иные способы реализации государственных интересов русского и всех других народов России*. Но ведь это вовсе не предполагает двойного стандарта в обсуждении самой постановки вопроса о Русской Республике. Казалось бы, сам факт наличия подобных образований у других народов является достаточным основанием для положительного решения и русского вопроса. *Выступление против Русской республики, в соответствии с логикой, должно означать ненужность и всех других республик*"⁶⁴.

В этом контексте несколько странно выглядит позиция В. Тишкова, который, справедливо отвергая очевидно провокационную концепцию государственного самоопределения русских в пределах Русской республики, обескураживает читателя мотивацией своей точки зрения: "В Русской республике, даже если ее вычертить по периметрам других национальных республик, *не будет этнически однородного населения. К тому же обнаружится, что и сами русские*

состоят из культурно неоднородных групп..."⁶⁵. В какой другой существующей или гипотетической республике население этнически однородно? Какой более или менее многочисленный этнос можно считать культурно или социально однородным? Не вполне понятно, что побудило этнолога-теоретика к подобной аргументации, если принять во внимание то обстоятельство, что именно он так успешно аргументирует абсурдность этнической государственности как таковой.

Весьма схожую точку зрения мы находим и у Ю. Красина, который вполне здраво пишет о том, что "нельзя представить себе, что расчленение РФ обеспечит некую этническую гомогенность русского народа", но зачем-то обосновывает эту аксиоматичную истину примитивным суждением: *"Ряд исследователей вполне обоснованно сомневается в самой возможности идентификации русского этноса, который на протяжении многих веков варился в российском миграционном потоке сложных межэтнических и межнациональных взаимодействий"*⁶⁶. В высшей степени странная, если не тенденциозная аргументация справедливой концептуальной посылки. Даже в пределах примордиалистской парадигмы этот пассаж не выдерживает никакой критики: можно подумать, что "русский этнос" в этом смысле столь уникален! Тогда уж надо усомниться и в возможности этнической идентификации тех, с кем вместе "варились" русские, – татар, якутов, евреев... Нужно просто сменить теоретическую модель интерпретации, чтобы понять, что упомянутый "ряд исследователей" своими сомнениями пытается либо сконструировать потребный им "русский этнос", либо, как это происходит в данном случае, деструктурировать не потребный им "русский этнос". В концептуальном поле конструктивизма реальное этнокультурное сообщество воспроизводится индивидами, ситуативно идентифицирующими себя с определенной культурной традицией. Можно сколько угодно говорить о непохожести поморов на казаков, но до тех пор, пока они считают себя русскими, они – русские. Всерьез говорить о невозможности идентифицировать общность индивидов, обладающих русской этнической идентичностью, – это значит выйти за рамки науки и удалиться в область политических спекуляций.

С. Шахрай был абсолютно прав, когда заявил, что "попытка провести границы новой русской республики... - это абсолютно тупиковый и кровавый путь", в то время как *"задача сегодняшней национальной политики – оторвать этническую составляющую от территориальной"*⁶⁷.

На наш взгляд, только деэтнизация государственности и разгосударствление этничности применительно ко всем этническим общностям и ко всем субъектам Российской Федерации и создает условия государственного (национального) самоопределения граждан страны, как с русской, так и со всякой другой этнической самоидентификацией. Н. Гусейнова, И. Ладодо и М. Назаров справедливо, на наш взгляд, настаивают на том, что "любой другой вариант национального самоопределения русских (например, создание "Русской республики") *будет иметь катастрофические последствия для государственной целостности России*"⁶⁸, о том, что "создание Русской республики привело бы к *фактическому демонтажу Российской Федерации, дезинтеграции России*" пишет и Ж. Тощенко⁶⁹.

Мы согласны с тем, что попытки обосновать необходимость создания в Российской Федерации особой Русской республики следует рассматривать как "*провокационные по своей сути*" (В. Иванов)⁷⁰. Провокационными их следует считать постольку, поскольку сознательно или по недомыслию авторы этого концепта указывают России путь к распаду (в этом случае от нового государства незамедлительно сепарируются если не все, то большинство "национальных" республик, да и сама Россия, став "национальной" вновь заявит о своем суверенитете) и острому межэтническому противостоянию (можно представить себе, как будет проходить демаркация границы такой республики в сегодняшней этноконтактной ситуации).

Концепция укрупнения субъектов федерации

Разумной альтернативой идее Русской Республики в составе России можно считать концепцию укрупнения субъектов Российской Федерации на основе принятого экономического районирования. Этот оригинальный проект проявился в политической ментальности в середине 90-х годов и пока крайне слабо отрефлектирована в этническом контексте.

Установить авторство рассматриваемой версии модернизации отечественной модели федерализма сейчас весьма затруднительно. По мнению А. Жирикова, первым предложил "*укрупнить субъекты федерации на основе их традиционных экономических особенностей и сходств*"⁷¹ А. Тихонов - председатель мало кому известной Партии Консолидации.

Вероятно, одним из тех, кто может претендовать на первенство в формулировании этой версии пути модернизации российской государственности, следует считать Н. Малышева, который в середине 90-х годов был советником Президента по делам науки и высшей школы. В своих публицистических выступлениях ученый утверждал, что до тех пор, пока мы не избавимся от *"так называемых национальных образований"* и не укрупним субъекты федерации до 12-15 крупных "губерний", границы которых будут очерчены исходя из принципа экономической целесообразности, мы "не сможем восстановить справедливость" и перейти к "нормальному светскому правлению"⁷². (Не вполне понятно, в данном контексте, упоминание о светском правлении, но принципиальные соображения Н. Малышева возражений не вызывают.)

В основе рассматриваемой концепции реформирования российской государственности лежит констатация того факта, что *"административно-территориальное устройство России не является идеальным"*, так как "многие реформы в этом направлении были административными" и "опирались даже не на численность населения, не на промышленный потенциал, а на необходимость создания очередной партийной организации...". Рационально сформированные по принципу хозяйственной целесообразности "экономические ассоциации вполне могут быть *прообразом более крупных административных территориальных образований*"⁷³ (А. Больев).

По мнению ведущих специалистов, трактующих экономический аспект интересующей нас проблематики, кризис, как федеративных отношений, так и затяжной экономический кризис в России обусловлены в значительной степени тем, что *"наличие 89 субъектов Российской Федерации, часть из которых не обладает экономическими возможностями для развития, неоправданно дробит управленческие и финансовые ресурсы, ограничивает возможности их эффективного использования"* (А. Усс)⁷⁴, что в управленческой практике "игнорируется факт наличия значительного числа регионов, *не обладающих экономической базой, необходимой для получения ими статуса субъекта Федерации*", что "обостряет межрегиональные противоречия, делает Центр уязвимым для критики со стороны полнокровных в социально-экономическом отношении регионов"⁷⁵ (С. Валентей). К числу таких противоречий, существующих в сфере экономики и оказывающих деструктивное влияние на производство, Н. Мерзликин отнес, в том числе, и "неоптимальность заложенного

в Федеральном договоре консервативного подхода к *автоматическому наделению правами субъектов Федерации всех национально-территориальных... образований, существовавших прежде в рамках РСФСР. Абсолютное большинство из них оказалось экономически нежизнеспособными при переходе к самостоятельному социально-экономическому развитию, к реализации эффективной региональной модели управления*"⁷⁶.

Тот факт, что к числу несамодостаточных регионов относится подавляющее большинство "национальных" республик, придает этой проблеме соответствующий "этнический колорит", поскольку позволяет говорить о перераспределении совокупного дохода страны (в виде дотаций и трансфертов) в пользу субъектов, государственность которых объявлена от имени "титულных" этнокультурных общностей, а точнее – в пользу республиканских политических элит, присвоивших себе право выступать от имени "своего" народа.

Впрочем, в равной степени правомерно и другое утверждение: нерациональное административное деление противоречит и интересам квазигосударственных образований в составе Российской Федерации, которые, не обладая ресурсами для полноценного самостоятельного развития, обречены вечно "сидеть на дотационной игле". При существующем территориальном районировании эфемерные интересы мифологизированных "этносов" доминируют над витальными потребностями людей, последние приносятся в жертву первым во имя удовлетворения властных амбиций правящих этнополитических кланов. На это обстоятельство также обращают внимание отечественные исследователи, констатируя непомерно большое число субъектов федеративного государства и задаваясь риторическими вопросами такого рода: "Стоит ли удивляться проблемам, возникающим при попытке создать полноценный рынок, содействующий хозяйственной деятельности, невозможности развития хозяйства, зажатого в тесные рамки существующих границ, лишеного ресурсов, при избыточности ресурсов в соседнем регионе, хронической дотационности большинства субъектов Федерации? *Отвечают ли существующие границы национальных администраций потребностям тех народов, названия которых они носят?*" (Т. Говоренкова, Д. Савин, А. Чуев)⁷⁷.

Таким образом, даже собственно экономическая составляющая проблемы административного районирования страны на поверку оказалась серьезной детерминантой межэтнических отношений в России. Несовершенство структуры

федеративного государства оказалось деструктивным фактором, серьезно осложняющим и экономическую реформу, и управленческую практику, и этноконтактную ситуацию. Именно поэтому идея укрупнения субъектов федерации с энтузиазмом была воспринята в политическом и экспертном сообществе как в федеральном Центре, так и во многих регионах. Сформулированная первоначально экономистами, рассматриваемая доктрина региональной политики вскоре была интерпретирована как альтернатива скомпрометированной формуле "берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить", как наименее конфликтогенный способ деэтнизации государственного устройства страны. Как свидетельствует Д. Аяцков, в середине 90-х годов в экспертном сообществе Кремля был сделан вывод о том, что региональные экономические ассоциации "позволяют облегчить контроль федеральной власти над процессами, происходящими в субъектах, *понижить политический статус самих субъектов Федерации*, а, следовательно, и претензии на расширение объема самостоятельности"⁷⁸.

По мнению саратовского губернатора "доктрина новой региональной политики признавала, что существовавшая система территориального деления государства себя изжила, констатировала необходимость ее пересмотра в плане *нового социально-экономического районирования страны с конечной целью кардинального укрупнения субъектов*". При этом кардинально менялся принцип административно-территориального районирования: "границы субъектов Федерации в этом случае должны определяться *не столько национально-историческими особенностями*, сколько сложившимися экономическими связями между регионами" (Д. Аяцков)⁷⁹.

Рассматриваемый политический проект нашел поддержку и среди некоторых достаточно влиятельных политических лидеров Государственной Думы. В этническом контексте рассматривает проблему укрупнения регионов В. Жириновский, который в качестве практических выводов из своего диссертационного исследования настаивает на отмене "деклараций о суверенитете нынешних национальных образований (поскольку суверенитет неделим и принадлежит Российскому государству в целом), а также *укрупнению территориальных административных единиц за счет объединения мелких субъектов федерации в более крупные структуры*"⁸⁰.

Оптимальной моделью будущего административно-территориального деления страны многим представлялись действующие и весьма влиятельные в середине 90-х годов межрегиональные экономические ассоциации. Лидер "Сибирского соглашения" - одной из наиболее экономически мощных и политически активных ассоциаций – А. Усс констатировал: "общим местом стало провозглашение этих ассоциаций основой нового федеративного устройства России, *прообразом ее будущей государственности*"⁸¹.

Забегая вперед, отметим, что региональная политика нового Президента России в начале нового века заставляет относиться к предсказанию А. Усса со всей серьезностью. Несмотря на то, что, по мнению ряда исследователей, к концу 90-х годов "ранее активно заявлявшие о себе межрегиональные ассоциации переживают системный кризис... и, *не имея конституционных полномочий, они уже не вписываются в политическую систему России*" (М. Козлов)⁸², нельзя не отметить явную корреляцию между границами экономических ассоциаций и границами учрежденных Президентом В. Путиным федеральных округов. В случае придания последним экономических функций они, фактически, примут на себя обязанности первых и сходство станет не только формальным, но и содержательным. В этнополитическом контексте это будет означать окончательное низведение статуса "национальных" республик до уровня административных единиц второго таксономического ранга.

Вероятно, потому, что эта идея до сих пор обсуждается в основном в кругу экономистов и управленцев, она до сих пор не стала объектом заинтересованного внимания специалистов, которых с известным допущением можно отнести к цеху этнополитологов. Именно поэтому идеологи этнической государственности еще не успели внятно изложить свою позицию по этому поводу. Впрочем, Р. Абдулатипов со свойственным ему изяществом стиля оценил рассматриваемую концепцию так: "Растворить попытки республик и автономий в других субъектах, придавая последним статус государственности не удалось, хотя подходили близко"⁸³.

Что касается республиканских лидеров, то они отнеслись к перспективе укрупнения субъектов весьма настороженно. Во время интервью с Президентом Башкирии я задал ему вопрос о его отношении к этому политическому проекту. М. Рахимов ответил по-восточному уклончиво: "Ну, пусть укрупняют области, пусть пробуют, *не трогая республики*. Я не возражаю. Пусть укрупняют курскую

область и Ярославскую область... Посмотрим..."⁸⁴. Нам это суждение показалось опрометчивым. Даже если процесс укрупнения субъектов и не затронул бы "национальные" республики (что само по себе очень маловероятно!), то все равно экономическая мощь и политическое влияние десятка укрупненных супер-субъектов стало бы несопоставимым с экономическим и политическим потенциалом бывших российских автономий, в подавляющем большинстве своем депрессивных и сугубо дотационных. М. Рахимов явно поторопился с ответом.

Справедливости ради надо отметить, что у идеи укрупнения субъектов Российской Федерации есть серьезные оппоненты не только среди московских апологетов этнической государственности и республиканских этнических элит, но и среди влиятельных российских губернаторов. В особенности это касается представителей властных региональных элит самодостаточных субъектов-доноров. По вполне понятным причинам, для них концепция укрупнения регионов не привлекательна, ни с экономической, ни с политической точек зрения.

Эту позицию вполне отчетливо вербализовал спикер Совета Федерации, орловский губернатор Е. Строев: "Кое кто предлагает укрупнить субъекты федерации... Наша страна знала много укрупнений и разукрупнений административно-территориальных и национальных образований. Однако редко когда они приводили к ожидаемому результату, чаще вносили хаос и неразбериху. К тому же в федеративном государстве такого рода шаги должны инициироваться самими территориями"⁸⁵. В данном случае корпоративные интересы губернаторского корпуса явно возобладали над интересами государства.

Версия унитаризма

Все приведенные выше точки зрения на оптимальное устройство российской государственности при всем их разнообразии и даже очевидной антагонистичности находятся, тем не менее, в едином континууме, содержание которого определяется признанием того, "*что, скорее федерализм, чем унитаризм, может привести к единению и сплочению государства*, к единству населяющих ее народов, путем предоставления права и условий каждому из них на свободное национально-культурное развитие" (М. Губогло)⁸⁶. Даже беглый и весьма фрагментарный историографический анализ новейшей российской федералистики

свидетельствует о том, что значительное большинство отечественных политологов и политиков склоняются к мысли о целесообразности сохранения федеративного устройства Российского государства в том или ином виде.

Более того, часто высказывания по поводу оппозиции федерация – унитарное государство отличаются странной категоричностью и однозначностью, унитаризм в таких случаях трактуется исключительно как антипод демократии и синоним авторитаризма. По мнению Е. Бухвальд "острота кризисных процессов в умах некоторых политиков... порождает ошибочные сомнения в уместности и эффективности самой идеи российского федерализма, лелеется соблазн ее свертывания в пользу унитарной государственности, что неизбежно стало бы концом российской демократии"⁸⁷. В. Лысенко считает, что "такая огромная страна не может быть демократическим цивилизованным государством при унитарном устройстве", что "вне федерации у России нет достойного будущего"⁸⁸, что "дилеммы "федерация или унитарное государство не существует", что "попытка навязать современной России унитаризм – это путь к межнациональным войнам, распаду страны, реставрации авторитарного режима"⁸⁹.

Однако следует отметить, что преимущества федеративного государства, по сравнению с государством унитарного типа, не всем российским политологам представляются бесспорными. В частности, В. Лексин и А. Швецов, не без оснований, на наш взгляд, считают, что "ни унитарно, ни федеративно устроенные государства не имеют каких-либо преимуществ друг перед другом только по этому признаку" и выражают сомнение в том, что "интересы территориальных единиц унитарных Швеции, Норвегии или Франции менее представлены в государственной политике, чем в федеративных Пакистане или Канаде". То же самое, по их мнению, относится к реализации прав человека на всей территории государства или к обеспечению интересов различных национальностей, малочисленных народов и т.п.⁹⁰.

Еще более категорично (и, на наш взгляд, совершенно справедливо) высказывается по этому поводу А. Аринин. Вопреки распространенному мнению о том, что федеративное государство более демократично, чем унитарное, он настаивает на том, что "здесь нет четкой взаимосвязи" и утверждает, что "такие федеративные государства как Нигерия, Пакистан, Камерун, Коморские Острова, Объединенные Арабские Эмираты, Малайзия весьма проблематично

рассматривать как демократические государства. В то же время унитарные Франция, Великобритания, Нидерланды, Дания, Швеция, Финляндия, Италия, служат образцом демократического развития"⁹¹.

Подобные аналогии приводят А. Аринина к заключению о том, что исследования политиков, юристов, философов, этнологов и историков, посвященные проблеме российского федерализма, отличаются известной тенденциозностью, суть которой проявляется в необъективном противопоставлении федерализма унитарному государству. Он отмечает, что слову "федерализм" изначально придается оценочное понятие исключительно с положительным знаком и наоборот слову "унитаризм" придается отрицательный, а порой и зловещий смысл. В этой парадигме, по мнению А. Аринина, понятие "федерализм" ставится в один ряд с понятиями "демократия", "правовое государство", "гуманизм", а "унитаризм" ассоциируется с понятиями "тоталитаризм", "насилие". Он совершенно справедливо констатирует, что при этом *"происходит смешивание понятий из разных смысловых рядов, игнорируется разница между политическим режимом, формой государственного устройства и характером организации управленческого аппарата"*⁹².

Такого рода подмена логических оснований весьма характерна для многих авторов, пишущих о проблемах федерализма вообще и этнического федерализма, в частности. К сожалению, в их числе оказались и серьезные исследователи, которых трудно упрекнуть в намеренной политической тенденциозности или корыстном следовании политической конъюнктуре. В. Печенев, например, прямо отождествляет авторитаризм и унитаризм: "Сегодня неприемлема даже сама постановка вопроса о *восстановлении в России авторитарно-унитаристского режима*..."⁹³.

Талантливый политолог, автор серьезного исследования о тенденциях развития российского федерализма Г. Каменская, к сожалению, без сколь-нибудь убедительной аргументации, полагая собственное суждение "самоочевидным" констатирует: "Сегодня на отечественных просторах трудно найти политические партии или объединения, *претендующие на политическую респектабельность*, на роль ответственной политической силы, которые видели бы своей программной задачей *преобразование России в унитарное государство*. России предначертано оставаться федерацией – эта мысль самоочевидна для большинства существующих партий и блоков"⁹⁴.

Еще более неожиданное и интересное в контексте нашей темы суждение мы находим у В. Лысенко. "В современных условиях угрозы распада Российской Федерации не существует. Зато существует *опасность реставрации унитарных порядков*. Начинают усиливаться центростремительные тенденции, находящие свое выражение в *быстром росте самосознания самой большой нации России – русской нации*"⁹⁵. В этом маленьком фрагменте при внимательном прочтении обнаруживается ряд концептуальных утверждений. Во-первых, унитаризм трактуется как опасность, угрожающая российской государственности, во-вторых, негативно оцениваются центростремительные тенденции, то есть тенденции, противостоящие центробежным устремлениям, разрывшим Россию в начале 90-х годов, в-третьих, эти тенденции, так же как устремление к унитарному государству прямо связываются с ростом этнического самосознания русских. Фактически русские трактуются как некое консервативное статистическое множество, своего рода этническая Вандея, угрожающая демократии в России, наконец, в четвертых, в приведенной цитате содержится имплицитное утверждение, согласно которому русские как этническая общность предрасположены к унитарной форме государственного устройства. В другой работе В. Лысенко последнее утверждение конкретизирует таким образом: "В стране, столетиями жившей как унитарное государство, федеративные отношения и сознание *прививаются крайне плохо* и имеет место постоянная попытка подменить федерализм децентрализацией управления"⁹⁶. Аналогичный взгляд на русскую, точнее – уже российскую ментальность мы встречаем и у С. Шахрая, который считает, что "в России *федерализм, как система ценностей, как мировоззрение, еще не состоялся*. У нас по-прежнему сохраняется мировоззрение унитарного, жестко централизованного государства"⁹⁷ и, в целом справедливо, полагает, что "реальное создание и нормальное функционирование институтов федерализма *крайне затруднено в тех сообществах, чья политическая культура не воспринимает федеративные начала*, тем более – если она им враждебна"⁹⁸. Возможно, это и так. Но если это так, то зачем и копыя ломить? Зачем навязывать народу то, что отвергается его традиционной соционормативной культурой и историческим опытом? Повторим, что неоспоримые преимущества федерализма перед унитаризмом существуют только в головах романтиков-федералистов и прагматиков-этнократов.

Затянувшийся кризис российской государственности, протекающий на фоне беспрецедентного социально-экономического кризиса, приводит некоторых исследователей к мысли о возможности и даже полезности известной унитаризации России. Так, С. Валентей, будучи убежденным сторонником федерализма, тем не менее, считает, что "кризис национальной государственности – это объективное, общемировое явление" и в связи с этим находит весьма вероятным "временное усиление роли элементов авторитаризма в качестве формы централизованного управления"⁹⁹.

С этой тенденцией, вероятно, связан рост числа сторонников унитарной России среди русской творческой интеллигенции. Наиболее авторитетным адептом этой идеи является А. Солженицин, который со всей определенностью заявляет: "Ни конфедерации, ни федерации нам не нужно!"¹⁰⁰. Оценивая же нынешнее состояние российской государственности, писатель приходит к выводу, что с точки зрения "настоящей федерации" наша страна представляется "то сумасшедшим домом, то еще большим сумасшедшим домом"¹⁰¹. (Примечательна реакция Р. Абдулатипова на приведенные выше высказывания: "В доктринах Солженицина и других "перестройщиков" звучит требование вернуться к унитарной России, не считаясь с интересами народов и территорий. Может быть, это было бы и хорошо, но ведь сделать это невозможно"¹⁰². Странно звучит это "хорошо" в изложении сторонника консервации ленинских принципов национального самоопределения. Абстрактного "хорошо" не бывает. Хорошо для кого? А для кого плохо? И почему? И вновь рефрен заклинаний в принципиальной невозможности реформ!)

В настоящее время к числу наиболее влиятельных российских политиков, настаивающих на преимуществах унитарного государства, следует отнести В. Жириновского и его единомышленников. К сожалению, позицию ЛДПР и в обыденном сознании, и в научной рефлексии трактуют часто не вполне адекватно: с этим достаточно одиозным политическим течением чаще всего связывают плодотворную и справедливую идею модернизации российской модели федеративных отношений путем перехода к единому для всей страны принципу административно-территориального районирования. Но в данной версии доктрины "губернизации" России речь не идет о модернизации федеративного устройства страны. Напротив, губернии в данном случае трактуются как административные единицы унитарного государства. В политической риторике

В. Жириновского эта мысль звучит вполне определенно: "Быстро, жестко, соответствующим указом "закрывать" автономные республики и прочие национально-территориальные образования, немедленно восстановить губернии во главе с губернатором и забыть про эту федерацию, как про кошмарный сон"¹⁰³. В научном докладе В. Жириновского, предложенном на соискание степени доктора социологии, мысль о целесообразности унитаризации государственного устройства России звучит как основополагающий вывод исследования: "Я убежден, что преобразование нынешней аморфной Российской Федерации в унитарное государство – необходимое условие решения внутреннего аспекта русского вопроса, оно соответствует национальным интересам и историческому предназначению России. Это будет способствовать преодолению порожденных асимметрией конфликтов и столкновению интересов на этнической почве, дискриминации русского, да и других народов, волюнтаризма при проведении межреспубликанских границ, преступного объединения в рамках одной республики традиционно конфликтующих между собой народов, насильственных депортаций и массовых миграций населения"¹⁰⁴. Или: "Создание унитарного государства с сильной президентской властью в рамках обновленной Конституции снимет национальный вопрос внутри государства, устранил предпосылки местного сепаратизма..., резко ограничит поводы для межнациональных конфликтов и территориальных претензий друг к другу, устранил бесправие и неравенство, обеспечит единые и равные для всех права..."¹⁰⁵.

Безусловно, подобные политические лозунги позволяют лидеру ЛДПР получать серьезные электоральные дивиденды, но сам факт обращения к этой проблеме небезупречного с точки зрения политической репутации идеолога нанес существенный вред идее "губернизации". (Еще раз подчеркну, что не следует смешивать идею губернизации как способа перехода к внеэтническому территориальному федерализму с губернизацией как механизмом унитаризации России). В результате поддерживать эту идею и пытаться аргументировать целесообразность реформ долгое время (да и сейчас тоже!) было небезопасно, поскольку это неизбежно было сопряжено с обвинениями в соответствующих политических симпатиях. Конструктивный и действительно демократический принцип внеэтнического федерализма случайно или не случайно оказался дискредитированным.

Именно поэтому апологеты этнической федерации при каждом удобном случае стремились тесно связать концепцию губернизации с политическими силами, олицетворяемыми В. Жириновским. Это позволяет "национальным демократам", с одной стороны, самим выглядеть вполне респектабельно (на фоне "либеральных демократов"), а с другой стороны, - тесно связать в массовом сознании идею губернизации с великодержавным шовинизмом самого дурного толка. Подобная подмена оснований дает возможность говорить о надвигающейся правой угрозе: "Феномен Жириновского следует рассматривать как показатель определенных настроений, он открыто говорит то, что на уме у многих. Руководство России вынуждено реагировать на такие изменения политической ситуации"¹⁰⁶ (Р. Хакимов).

Мысль о том, что любые посягательства на status-quo есть не что иное, как проявление русской великодержавности – лейтмотив творчества Р. Абдулатипова. Примечательно, что в его интерпретации федерализм как принцип территориальной демократии дрейфует из идеологического арсенала демократов в лозунговый универсум шовинистов, к коим он и относит сторонников В. Жириновского: "Мы обречены на длительный переходный период оптимального взаимодействия национальных и территориальных аспектов государственного устройства. Настойчивое желание их противопоставить и даже уничтожить национальный принцип государственного устройства Российской Федерации (чем вчера грешили радикальные демократы, а ныне консервативные шовинисты) только будоражит ситуацию, еще более обостряет тот самый этнический принцип, против которого они борются"¹⁰⁷.

Однако существует и иное мнение по поводу использования концепта "губернизации" в политической лексике В. Жириновского. Некоторые серьезные исследователи не без оснований полагают, что "несмотря на эпатажную форму заявлений лидера ЛДПР, его точка зрения относительно устройства России не лишена здравого смысла"¹⁰⁸ (А. Вдовин). На наш взгляд, внимания сторонников демократической модернизации государственного устройства России заслуживает предложение А. Кибрика, который, отнюдь не являясь сторонником ЛДПР, тем не менее, предлагает "использовать жириновцев"¹⁰⁹ для лоббирования идеи "губернизации" в Государственной Думе.

Завершая этот краткий обзор унитаристской альтернативы федерализма, приведем курьезное, на наш взгляд, суждение А. Жирикова: "Оптимальным для

России... является *путь федеративного устройства как близкого по исторической сути своей к централизованному унитарному государству*, но без унификации всех субъектов федерации..."¹¹⁰. (Читая эти строки, я вспомнил остроумное замечание А. Моруа: "В дискуссии самое трудное - не защищать свою точку зрения, а понять, в чем она состоит".)

Мы, тем не менее, склонны считать унитаристскую доктрину известным концептуальным антиподом федерализму, другим антиподом следует считать постулат конфедеративного устройства России.

Конфедерация: идеология сецессии

К счастью, число сторонников этого способа модернизации государственного устройства страны невелико, а сама идея конфедеративного реформаторства не принадлежит в настоящее время к числу политически респектабельных. Впрочем, в начале 90-х годов идеи подобного рода имели хождение среди известной части политической элиты России. Г. Старовойтова, пребывавшая тогда в статусе советника Президента по национальной политике, была уверена в том, что народы России неизбежно должны "пройти через этап полных суверенитетов", а в последствии объединиться "*в новой конфедерации, которая создается в Европе*"¹¹¹. Отметим, что Г. Старовойтова имела в то время серьезное влияние на Б. Ельцина; именно она вдохновила Президента, не искушенного в тонкостях этнополитической теории, на многие печально знаменитые афоризмы.

Например, выступая в 1992 году в Альметьевске перед благодарной татарской аудиторией Б. Ельцин не задумываясь объявил о своем намерении строить отношения с Татарией на принципах конфедерации: "Мы не пойдем по тому ошибочному пути, чтобы в какой-то степени сдерживать этот процесс национального самосознания... Россия заключила договор с Татарской республикой, *или государством*, - это как решит Верховный Совет. *Будет конфедеративный договор внутри всей России*. Не надо исходить из того, сколько вам даст прав Россия. А надо исходить из того, сколько вы можете взять и какую долю власти делегировать России"¹¹².

Такого рода политическими провокациями изобилуют выступления первого Президента России в "национальных" республиках. Мобилизация

этничности, поощрение национализма и этнического сепаратизма самого дурного толка стало едва ли не главным элементом его внутривластной доктрины. Как отметил С. Митрохин, "с первых своих шагов у власти Б. Ельцин и его окружение активно поощряют центробежные устремления республик... Руководствуясь стремлением получить поддержку в борьбе с союзным Центром, Б. Ельцин всячески *содействует суверенизации автономий, настраивая их на конфедеративный проект взаимоотношений с Россией*"¹¹³.

Справедливости ради отметим, что главный политический соперник первого Президента России, последний Президент СССР концептуализировал федеративные отношения в постсоветской России примерно в той же парадигме. Один из его сподвижников, эксперт Горбачев-Фонда А. Галкин таким образом конкретизировал предложенный М. Горбачевым проект "нового федерализма". Итак, "новый федерализм – не просто специфический способ структурирования государственных институтов. Это оптимальный принцип порядка, позволяющий достичь единства через многообразие. Его суть – *в поделенном и одновременно дифференцированном суверенитете*. Каждая часть государства является суверенной и автономной. То есть обладает исключительными полномочиями в тех областях, которые отведены ей Конституцией (федеральным или союзным договором) для выполнения собственных задач. *При таком понимании федерации теряют смысл все бытующие противопоставления конфедерации, федерации, содружества государств и т.д. Все это формы федерации, понимаемой в широком смысле этого слова*. Вопрос о том, как соотносятся полномочия частей и целого и чем гарантируются неприкосновенность установленного соотношения, является при таком подходе вторичным" (А. Галкин)¹¹⁴. По сути, изложенное мало отличается от той модели, которая и была реализована Б. Ельциным в региональной политике первой половины 90-х годов.

Следует отметить, что во второй половине последнего десятилетия ушедшего века Б. Ельциным фактически была инициирована вторая попытка конфедерализации России. И вновь конфедеративные отношения с этногосударственными субъектами федерации должны были стать платой Кремля за политическую лояльность республиканских президентов. Мы имеем в виду попытку переструктурировать конституционную модель отечественного федерализма на договорную. Этому посвящена специальная глава нашего исследования, здесь же мы ограничимся тем, что констатируем: эта угроза была

должным образом отрефлектирована в отечественной науке. В. Иванов по поводу конструирования договорной асимметричной федерации писал: "Если эти тенденции не удастся переломить, то прогноз развития федеративных отношений будет весьма пессимистичным: *Россия будет продолжать движение к конфедерации*"¹¹⁵.

При всем том, идея конфедеративной дезинтеграции страны представлялась и представляется привлекательной не многим и, в известном смысле слова, не самым добросовестным политическим деятелям и концептуалистам. В частности, в свое время В. Новодворская с энтузиазмом приветствовала инициативы Б. Ельцина и в состоянии экзальтации писала: "Тысячелетняя держава Российская потерпела фиаско, не потому, что была слаба, а потому, что была подла... она историческая клякса, нонсенс, несданный зачет...", а будущее страны связано "*со снижением тотальной мощи государства, с дальнейшей дезинтеграцией территорий*"¹¹⁶. Вряд ли подобного рода сентенции можно интерпретировать как заинтересованный поиск путей преодоления кризиса государственности, естественный для нормального исследователя, ощущающего себя гражданином своей страны.

Однако идеи такого свойства с воодушевлением воспринимались, и находили многочисленных сторонников среди "демократической национальной интеллигенции", конструировавшей локальные версии националистических доктрин во всех пределах нашего Отечества. Лейтмотив этого новейшего политического мифотворчества – утверждение, согласно которому Россия была и продолжает оставаться "империей", "тюрьмой народов". Идеологи многочисленных "национал-патриотических" партий-эфемеридов с начала 90-х годов пытаются уверить своих соплеменников в том, что "принцип единой и неделимой России - это и есть форма имперского прошлого как тюрьмы народов"¹¹⁷ (Заявление Партии чувашского национального возрождения). В соответствии с этим идеологи национализма в лучшем случае соглашались с идеей преобразования России на конфедеративных началах. В частности, В. Валеев констатирует, что "Россия была империей по отношению к автономиям и их народам, проводя русификаторскую политику...", а посему "если кто-то хочет сохранить ее федеративное устройство, *оптимальными были бы конфедеративные отношения*"¹¹⁸. В другой его работе эта мысль повторяется в

еще более категоричной форме "*Конфедерация...* жизненно необходима как в целом для России, так и для всех ее субъектов"¹¹⁹.

Чаще всего борцы за "национальное самоопределение" и вовсе ратуют за "ропуск" Российской Федерации. Н. Егоров провозглашает "Чувашию, Татарстан, Чечню, Осетию не составной частью России, а колониями..."¹²⁰. А. Хузангай предает анафеме российскую государственность: "На имени "Россия" тоже лежит бремя прошлого, могущее выступать иногда с точки зрения народов и в виде проклятия"¹²¹. А. Закиров торжествует, предвидя скорый конец "империи, называемой ныне Российской Федерацией", ибо "все империи мира рухнули, и история не сделает исключения остаткам Российской империи – уродливому реликту, социально-политическому мутанту нашей эпохи"¹²².

Собственное видение конфедеративной перспективы российской государственности, связанное с реинтеграционными процессами в Союзе независимых государств, предлагал в середине 90-х годов Р. Абдулатипов. "Если говорить о перспективах сотрудничества, то составные унитарные образования внутри Российской Федерации регулируют свои отношения на началах федерации, а Грузия, Азербайджан, Армения, республики Центральной Азии, Украина, Белоруссия, Молдавия могли бы внутри себя также идти по пути федерализма, а не жесткого унитаризма, *вступая при этом с Российской Федерацией в единое конфедеративное образование*"¹²³. Вероятно, реалии начала нового тысячелетия избавили его от подобных геополитических иллюзий.

Для добросовестных ученых и политических деятелей вполне очевидно, что "в государстве, административно-территориальное деление которого базируется не на принципе экономической целесообразности, а на принципе национально-региональном, *переход к конфедерации чреват распадом экономического, политического, правового пространства, а значит и государства*" (С. Валентей)¹²⁴. Не вызывает сомнения тот факт, что проекты конфедерализации России будут актуализироваться этническими националистами всякий раз, когда федеральный Центр по тем или иным причинам окажется слабым, а внешние силы будут подталкивать сепаратистов к бунту. Единственным эффективным способом противостоять такому сценарию может стать модернизация федеративного устройства страны, унификация статусов субъектов федеративного государства, или, напротив, трансформация рыхлой

асимметричной этнизированной федерации в демократическое унитарное государство.

Глобальный федерализм: иллюзии этнизированного сознания

Наконец, совсем экстравагантную точку зрения на эволюцию российского федерализма предлагает Р. Хакимов. Суть его концепции "глобального федерализма" состоит в признании неких примордиалистски интерпретируемых "народов" ("этносов") субъектами международного права. По мнению татарского исследователя, "глобальный федерализм мог бы стать эффективным инструментом предупреждения межэтнических конфликтов". При этом "наиболее радикальным шагом к обновлению международных отношений может стать учреждение второй палаты ООН, представляющей народы, а не государства". Сам факт включения народов в международную жизнь, по мнению Р. Хакимова "окажется достаточным основанием для того, чтобы многие из них отказались от намерения создать самостоятельное государство", поскольку "глобальный федерализм идею государственности делает не столь привлекательной"¹²⁵.

Нечто схожее мы обнаруживаем и у башкирского концептуалиста политического самоопределения "этносов" Д. Валеева, который считает, что "реальное воплощение национального (в интерпретации автора – этнического) суверенитета состоит в том, чтобы любая *этническая общность стала субъектом международного права*, членом ООН"¹²⁶.

При всей внешней привлекательности этой романтической концепции, ее следует отнести к разряду политологических курьезов. Утопичность подобного рода теоретических конструктов проистекает из онтологизации этнических сообществ, из сугубо иллюзорных представлений о том, что народ-этнос един, обладает единой волей и едиными устремлениями, а потому может выступать в качестве субъекта и объекта права. О дискуссии по поводу правосубъектности этнокультурных сообществ – в специальной главе нашего исследования.

Транзитивный характер актуального состояния отечественной модели федерализма

Выше мы рассмотрели значительное число работ, авторы которых совершенно различно, а порой и диаметрально противоположно трактуют актуальное состояние и перспективы развития российской государственности. Ученые и политики, публицисты и эксперты апеллируют к разным историческим традициям и политическим идеалам, по-разному понимают демократические ценности и свободы, но при всем том есть нечто, что объединяет подавляющее большинство тех, кто, так или иначе, высказывался о судьбе государственного устройства России. Это нечто – есть осознание транзитивного состояния постсоветской государственности, понимание того, что страна переживает переходный период, ознаменовавший эволюцию советской формы федерализма к некому новому качественному состоянию. Современные федеративные отношения, по словам Д. Аяцкова, *"можно рассматривать только как первый, начальный этап их формирования, который заложил основы отечественных подходов, но еще не дал ответы на многие кардинальные вопросы.* Вместе с тем очевидно, что, как никогда в прежней России, включая ее советский исторический период, в Российской Федерации идет ускоренный процесс формирования новой модели российского федерализма"¹²⁷.

Более того, многие исследователи склонны видеть именно в несовершенстве федеративного устройства и концептуальных изъянах региональной политики главную причину неудач экономических реформ и попыток оптимизации политической системы общества. В условиях затяжного системного политического и экономического кризиса в стране *"территориальная составляющая в системе общественных отношений... во все большей степени становится тем гордиевым узлом, не разрубив который, любые реформы обречены на неуспех"* (С. Валентей)¹²⁸. При этом мало кто сомневается в том, что *"нам предстоит длительный переходный период, в течение которого потребуется найти оптимальные формы взаимодействия национальных аспектов государственного устройства с чисто экономическими и территориальными"* (А. Аринин)¹²⁹.

Некоторые авторы весьма оптимистично воспринимают трансформацию государственного устройства в 90-е годы прошлого столетия и всерьез полагают, что *"российский федерализм, при всех издержках переходного периода, представляет собой синтез наиболее ценных компонентов мирового опыта*

федеративного государственного строительства с отечественными традициями" (С. Вавилов)¹³⁰.

Другие, напротив, оценивают эволюцию российской государственности в последнее десятилетие почти в апокалиптических тонах и предлагают самые пессимистичные сценарии развития событий.

Г. Каменская прогнозирует высокую вероятность нового "сейсмического взрыва" на территории России, взрыва, в результате которого "на смену единому государству придет рыхлый союз конфедералистского типа с проницаемым экономическим пространством и номинальными политическими связями регионов", или же, напротив, государство пойдет по пути централизации и унитаризации. *"Высокоцентрализованный союз или слабая кнфедерация – такова реальная перспектива развития российского федерализма"* – такова перспектива эволюции российской государственности в интерпретации Г. Каменской¹³¹.

Весьма близок к этому видению будущего Российской Федерации писемистический сценарий С. Митрохина, который, как нам кажется, не без оснований считает, что "в результате ельцинской децентрализации российский федерализм явился на свет не только с родовой травмой, но и с врожденными дефектами, *обрекающими его на пожизненную инвалидность и раннюю смерть, которая примет форму либо вялотекущего феодального разложения, либо возвращения к жестко централизованному унитарному государству*"¹³².

Под врожденными дефектами, вероятно, следует понимать отягощенность российской модели федеративного устройства ленинско-сталинской доктринальной установкой на политическое самоопределение избранных "народов", а под врожденными дефектами – концептуальную эклектичность теоретических оснований современной модели федерализма и ее крайнюю политическую ситуативность. Попытки создать федеративное государство "на основе как национально-территориального, так и территориального принципов" по мнению М. Золотаревой, и *"свидетельствует о переходности современного российского федерализма по причине сверхкомпромиссности и неустойчивости самой смешанной модели, основанной на совершенно различных представлениях о сущности и назначении федерализма"*¹³³.

Тот факт, что "федерализм в России *формируется* как бы в диалоге с сепаратизмом и конфедерализмом" (А. Жириков)¹³⁴ с одной стороны, и с унитаризмом и, возможно, авторитаризмом, с другой стороны, придает российскому федеративному строительству известный драматизм и своеобразный национальный колорит.

Дезинтеграция российской государственности, угроза распада страны, коллапс власти в эпоху Б. Ельцина, - все это привело многих исследователей к выводу о том, что даже в том, случае, если Россия останется федеративным государством, то и в этом случае нас ждет усиление центробежных тенденций в государственном строительстве, пусть ситуативная, но неизбежная централизация власти. И. Барциц формулирует это таким образом: "На современном этапе развития российской государственности полное исчезновение унитарного начала из государственно-правовой жизни подвергнет Россию опасности полной дезинтеграции... Термин унитаризм не должен исчезнуть из российской государственной практики. При этом *меняется само предназначение российского федерализма, переставшего быть только и исключительно средством решения национального вопроса, превращающегося в форму демократизации управления государством*" (И. Барциц)¹³⁵.

Очевидная бесперспективность и опасность конструирования федеративного государства на принципах политического самоопределения "этносов" заставляет думать, что в обозримом будущем мы станем свидетелями постепенной унификации статусов субъектов Российской Федерации. Так же, как наличие в составе федеративного государства почти девяти десятков слабых и экономически нежизнеспособных субъектов почти наверняка станет причиной трансформации федеративного устройства страны в направлении их укрупнения. Скорее всего, две эти тенденции проявят себя в политической практике синхронно и найдут свое выражение в формировании федерации, состоящей из небольшого числа экономически и политически мощных субъектов с единым административно-территориальным статусом. В этом смысле, наиболее вероятным нам представляется прогноз, предложенный Д. Аяцковым: "возможно укрупнение, объединение субъектов Федерации и *поэтапная трансформация национально-государственных образований* в территориально-государственные с высокой степенью местного самоуправления"¹³⁶.

Этот сценарий развития событий будет тем вероятнее, чем скорее федеральный Центр вернет себе утраченную в конце прошлого века легитимность и чем скорее российская экономика обретет положительную динамику.

Резюме

При всем многообразии формулируемых оценок и суждений, теоретическая интерпретация базовых принципов модернизации российского федерализма не выходит за рамки двух заданных парадигм. Парадигматика эта, как уже было сказано, определяется двумя принципиально различными трактовками природы этноса и этничности.

В предметной области федералистики первая, примордиалистская парадигма, проявляется как апологетика этнической государственности и представляет собой концептуальную эволюцию ленинско-сталинской доктрины «территориально-государственного самоопределения наций», вторая, конструктивистская - тяготеет к либеральной прудоновской традиции понимания федерализма как формы «внеэтнической» региональной демократии.

В соответствии с этим принципиально различно решается вопрос о предпочтительной модели государственного устройства России.

В концептуальном поле примордиализма Россия признается уникальной "многонациональной" страной, населенной народами-этносомами (или нациями), коллективное самоопределение которых предполагает наличие в структуре федеративного государства особого типа субъектов – "национальных" республик, имеющих статус суверенных государств. Федерализм интерпретируется при этом по преимуществу как оптимальный механизм "национальной" (этнической) политики. Модернизация федеративных отношений в России при таком подходе понимается как процесс нарастающей политизации этничности, экономической и политической суверенизации этногосударственных субъектов Федерации. Конечной целью модернизации признается в таком случае либо асимметричная договорная федерация с законодательным приоритетом субъектов, либо конфедерация самостоятельных "национальных" (этнических) государств. В этой парадигме работают по преимуществу республиканские ученые, концептуализирующие право "титულных" этнических групп на политическое самоопределение, а также столичные исследователи, призванные в 90-е годы

прошлого столетия идеологически обосновать специфическую федеративную политику администрации Б. Ельцина. К этой же концептуальной модели принадлежит творчество и представителей "национальной" гуманитарной интеллигенции, конструирующей в республиках локальные версии этнонационалистических доктрин.

Конструктивистский подход, напротив, предполагает постепенную деполитизацию этничности. Наличие в составе Российской Федерации этногосударственных субъектов признается при таком подходе серьезным конфликтогенным фактором, провоцирующим напряженности в межсубъектных федеративных отношениях, так и в отношениях между этническими контрагентами на территории "национальных" республик и в стране в целом. Политическое самоопределение "этносов" в этом случае трактуется при этом как форма этнической и языковой дискриминации представителей "нетитульных" этнокультурных групп. Модернизация Российской Федерации представляется в этой парадигме эволюционным процессом унификации статусов, прав и обязанностей всех субъектов федеративного или земель ("губерний") унитарного государства. Конечной целью модернизации признается либо демократическая форма территориальной федерации со значительно укрупненными субъектами, либо демократическое унитарное государство. В этой парадигме работают, по преимуществу, московские ученые-этнологи и политические деятели демократической ориентации, а также некоторые региональные лидеры и их эксперты в ряде российских научных центров.

Вместе с тем, некоторые политические аргументы и выводы, сделанные в этом научном и политическом сообществе, эксплуатируются политиками и публицистами "державной" ориентации, а иногда и представителями правых великодержавных политических организаций. Важно отметить, что их интерпретации "губернизации" федеративного устройства страны, или ее реорганизации на принципах унитарного государства, концептуально строятся на тех же примордиалистских представлениях о природе "этноса", которые свойственны идеологам республиканских этнократических режимов.

При всем том, в отечественной федералистике, безусловно, доминирует точка зрения о том, что будущее российской государственности связано с федеративным устройством страны. Версию унитаризма, также как конфедеративный проект отстаивает меньшинство ученых и политиков. При этом

подавляющее большинство исследователей и политических деятелей ощущают транзитивное состояние постсоветской модели российского федерализма и прогнозируют ту или иную его трансформацию в обозримом будущем.

-
- ¹ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 10-11.
- ² Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., Славянский диалог. 1996. С. 83.
- ³ Абдулатипов Р.Г. Парадоксы суверенитета. М., 1995. С. 6.
- ⁴ См.: Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России Кн. 1. М., 1992.
- ⁵ Атаманчук Г.В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., Славянский диалог. 1996. С. 145.
- ⁶ Болтенкова Л.Ф. Комментарии к рекомендациям российско-канадской конференции "Современный федерализм: опыт и перспективы"/Панорама-форум. 1996. № 4. С. 23.
- ⁷ Калинина К.В. Право народов на самоопределение – принцип национальной политики//Вопросы национальных и федеративных отношений. Под. ред. Абдулатипова Р.Г. Вып. 3. М., Изд. РАГС. 1999. С. 3.
- ⁸ Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Игнатов В.Г. и др. Реализация принципов федерализма. (На примере Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, Изд-во СКАГС. 1997. С. 4.
- ⁹ Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., Славянский диалог. 1996. С. 8.
- ¹⁰ Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 69.
- ¹¹ Васильева О. Есть ли будущее у этнического федерализма в России?//Новое время. 1995. № 2-3. С. 16.
- ¹² Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 70.
- ¹³ Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 77.
- ¹⁴ Абдулатипов Р. О федеративной и национальной политике Российского государства. М., Славянский диалог. 1995. С. 15.
- ¹⁵ Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Игнатов В.Г. и др. Реализация принципов федерализма. (На примере Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, Изд-во СКАГС. 1997. С. 5.
- ¹⁶ Барциц И.Н. Категория суверенитет в правовой теории и практике Российской Федерации//Автореф. Дисс. канд. юрид. наук. М., РАГС. 1995. С. 11-12.
- ¹⁷ Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., ЦИМО. 2000. С. 184.
- ¹⁸ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 7.
- ¹⁹ Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Игнатов В.Г. и др. Реализация принципов федерализма (на примере Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, 1997. С. 11.
- ²⁰ Жириков А.А. Этнические факторы политической стабильности. М., Славянский диалог. 1995. С. 8.
- ²¹ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 13.
- ²² Вавилов С. Дефицит власти в России – источник социально-экономической нестабильности//Федерализм. 1999. № 2. С. 103.
- ²³ Хасанов М.Х. Предисловие//Столяров М.В. Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа. Казань, С. 5.
- ²⁴ Хакимов Р.С. Подходы к федерализму: вариант Татарстана//Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, 1994. С. 60, 61.
- ²⁵ Хакимов Р.С. Подходы к федерализму: вариант Татарстана//Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, ИЯЛИ. 1994. С. 58.
- ²⁶ Столяров М.В. Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа. Казань, 1998. С. 7.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Бромлей Ю.В., Чешко С.В. О новой конституции СССР//Советская этнография. 1990. № 5. С.

-
- 4.
- ²⁹ Губогло М.Н., Дробижева Л.М., Комарова О.Д., Осипов А.Г., Степанов В.В., Тишков В.А., Чешко С.В. Межэтнические отношения в Российской Федерации. Ежегодный доклад ИЭА РАН. Москва, 1998. С. 19.
- ³⁰ Губогло М.Н., Дробижева Л.М., Комарова О.Д., Осипов А.Г., Степанов В.В., Тишков В.А., Чешко С.В. Указ. соч. С. 19.
- ³¹ Дедаев В.М. Парадигма федерализма в контексте реформ российской государственности. М., 1999. С. 123.
- ³² Кибрик А. Губернский передел//Московские новости. 1994. № 7. С. 8.
- ³³ Минькова Н. Федерализм США и России: исторический аспект. М., 1997. С. 41.
- ³⁴ Аринин А.Н. Российский федерализм в контексте реформ российской государственности. М., 1999. С. 18.
- ³⁵ Аяцков Д.Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века). Автореф. дисс...докт. историч. наук. М., 1999. С. 26-27.
- ³⁶ Печенев В. Россия многонациональная: опять на распутье. М., Республика. 1999. С. 40.
- ³⁷ Аринин А.Н. На пути к новой федерации//Единая конституционная система Российской Федерации. М., Республика. 1994. С. 5.
- ³⁸ Строев Е.С. Трудный поиски отечественной модели федеративных отношений//Федерализм. 1999. № 1. С. 7.
- ³⁹ См.: Чиркин В.Е. Российский федерализм и международный опыт//Журнал российского права. 1997. № 4. С. 71-81.
- ⁴⁰ Моисеев Н.Н. Размышления о национализме // Социально-политический журнал. 1994. № 7-8. С. 31.
- ⁴¹ Валентей С. Российские реформы и российский федерализм//Федерализм. 1996. № 1. С. 24.
- ⁴² Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 31.
- ⁴³ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 29.
- ⁴⁴ Попов Г.Х. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 371.
- ⁴⁵ Красин Ю.А. Федерализм: российские реальности и исторический опыт// Федерализм: поиски ответов на новые вызовы. М., 1993. С. 41.
- ⁴⁶ Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. Сер. "Исследования по прикладной и неотложной этнологии". № 100. М., ИЭА РАН. 1996. С. 5.
- ⁴⁷ Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. М., 1993. С. 37-38.
- ⁴⁸ См.: Филиппов В.Р. Этнический аспект преодоления системного кризиса российского федерализма//Федерализм. 2000. № 4.
- ⁴⁹ Тишков В.А. Pro et contra этнического федерализма в России//Федерализм в России. Казань, 2001. С. 24.
- ⁵⁰ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 58.
- ⁵¹ Аяцков Д.Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века). Автореф. дисс...докт. историч. наук. М., 1999. С. 27.
- ⁵² Горбачев М.С. О новом федерализме//Федерализм: поиски ответов на новые вызовы. М., 1993. С. 7.
- ⁵³ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 19. См.: Карлыпов А.Д., Этылин В.М. Концепция государственной национальной политики в Российской Федерации//Думский вестник. 1996. № 3. С. 99, 106.
- ⁵⁴ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 45.
- ⁵⁵ Столяров М.В. Указ. соч. С. 8.
- ⁵⁶ Карп П. Метрополия или республика?//Книжное обозрение. 1989. 21 июля. С. 4-5.
- ⁵⁷ Ольшанский Д. Политическая психология распада//Независимая газета. 1992. 16 января. С. 5; его же: О национальной гордости "великороссов"//Родина. 1994. № 6. С. 10-16.
- ⁵⁸ Баграмов Э. Нация как согражданство? К оценке новой государственной концепции//Независимая газета. 1994. 15 марта. С. 5.
- ⁵⁹ Абдулатипов Р.Г. Парадоксы суверенитета. С. 11-12.
- ⁶⁰ Абдулатипов Р.Г. Ответ критикам России или о национальной гордости россиян//Независимая газета. 1994. 22 марта. С. 5.
- ⁶¹ Абдулатипов Р. О федеративной и национальной политике Российского государства. М.,

Славянский диалог. 1995. С. 17.

⁶² Карапетян Л., Эбзеев Б. Нет равенства, но есть равноправие: размышления о российском федерализме//Российская газета. 1994. 31 августа. С. 2.

⁶³ Беляев В.А., Хайруллина Ю.Р. Трансформация российского федерализма и право сепарации//Федерализм – глобальные и российские измерения. Материалы международной научной конференции в Казани. 6-8 сентября 1993 года. Казань, 1993. С. 249.

⁶⁴ Вдовин А.И. Российская нация. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1995. С. 156.

⁶⁵ Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. С. 28.

⁶⁶ Красин Ю.А. Федерализм: российская реальность и исторический опыт//Федерализм: поиски ответов на новые вызовы. М., Горбачев-Фонд. 1993. С. 40.

⁶⁷ Шахрай С. В России только два человека могут сформировать правительство//Аргументы и факты. 1994. № 41. С. 3.

⁶⁸ Гусейнова Н.А., Ладодо И.В., Назаров М.М. О развитии федерализма//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., 1997.С. 80.

⁶⁹ Тощенко Ж. Потенциально опасные точки. Этнополитическая ситуация в России в 1993 году//Независимая газета. 1994. 15 марта. С. 5.

⁷⁰ Иванов В.Н. Россия федеративная (кризис и пути его преодоления). М., ИСПИ РАН. 1999. С.18.

⁷¹ Жириков А.А. Указ. соч. С. 45.

⁷² Малышев Н. Россия: от настоящего к будущему//Диалог. 1994. № 4-6. С. 59.

⁷³ Большев А.П. Центр и регионы сегодня: взаимодействие с позиций администрации Президента Российской Федерации//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., 1997.С. 70.

⁷⁴ Усс А. Укреплять федерацию - наша общая задача//Федерализм. 1999. № 2. С. 20.

⁷⁵ Валентей С.Д. Федерализм: российская история и российская государственность. М., 1998. С. 73.

⁷⁶ Мерзликин Н.В. Разработка доктрины региональной политики – назревшая необходимость//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 50.

⁷⁷ Говоренкова Т, Савин Д., Чуев А. Что сулит и чем грозит административно-территориальная реформа в России? //Федерализм. 1997. № 3. С.126.

⁷⁸ Аяцков Д.Ф. Указ. соч. С. 27.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Жириновский В.В. Прошлое, настоящее и будущее русской нации. (Русский вопрос: социально философский анализ.) Дисс. в виде науч. докл... докт.соц.наук. М., 1998. С. 52

⁸¹ Усс А. Укреплять федерацию - наша общая задача//Федерализм. 1999. № 2. С. 12.

⁸² Козлов М.С. Новые тенденции в отношениях субъектов Федерации с органами власти Центра//Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., ИС РАН. 1998. С. 51.

⁸³ Абдулатипов Р.Г. Парадоксы суверенитета. С. 51.

⁸⁴ Интервью с Президентом Республики Башкирия М.Г.Рахивым//Филиппов В.Р., Грушкин Д.В. Федерализм как он есть... Интервью с руководителями субъектов РФ о федерализме и региональной политике. М., 2001. С. 97.

⁸⁵ Строев Е.С. Трудный поиски отечественной модели федеративных отношений//Федерализм. 1999. № 1. С. 14.

⁸⁶ Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., ЦИМО. 2000. С. 179.

⁸⁷ Бухвальд Е. Новая стратегия реформ и перспективы российской государственности//Федерализм. 1999. № 2. С. 45.

⁸⁸ Лысенко В.Н. От Татарстана до Чечни. (Становление нового российского федерализма). М., ИСП. 1995. С. 16.

⁸⁹ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 32.

- ⁹⁰ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 1997. С. 69.
- ⁹¹ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 71.
- ⁹² Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 70.
- ⁹³ Печенев В. Россия многонациональная: опять на распутье. М., Республика. 1999. С. 45.
- ⁹⁴ Каменская Г.В. Федерализм: мифология и политическая практика. М., ИМЭМО. 1998. С. 6.
- ⁹⁵ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., 1995. С. 32.
- ⁹⁶ Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации// Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 166.
- ⁹⁷ Шахрай С. Проблема развития российского федерализма на современном этапе//Федерализм в России. Казань, 2001. С. 17.
- ⁹⁸ Шахрай С.М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 150.
- ⁹⁹ Валентей С.Д. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁰⁰ Солженицин о Чечне//Аргументы и факты. 1995. № 1. С. 3.
- ¹⁰¹ Солженицин А. Нет выше задачи, чем сбережение народа//Российская газета. 1994. 1 ноября. С. 2.
- ¹⁰² Абдулатипов Р.Г. Парадоксы суверенитета. С. 52.
- ¹⁰³ Жириновский В. О собирательной роли России и молодых волках//Известия. 1994. 23 апреля. С. 4. Подробно об этом см.: Жириновский В.В. Нам нужны губернии одного Российского государства. М., 1995. Его же: Каким быть государству Российскому. М., 1995.
- ¹⁰⁴ Жириновский В.В. Прошлое, настоящее и будущее русской нации. С. 50.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 52.
- ¹⁰⁶ Хакимов Р.С. Указ. соч. С. 58-59.
- ¹⁰⁷ Абдулатипов Р.Г. Парадоксы суверенитета. С. 12.
- ¹⁰⁸ Вдовин А.И. Указ. соч. С. 156.
- ¹⁰⁹ Кибрик А. Россия: губернский передел//Московские новости. 1994. № 7. С. 8.
- ¹¹⁰ Жириков А.А. Указ. соч. С. 22.
- ¹¹¹ Цит по: Вдовин А.И. Указ. соч. С. 162. См. также: Зиновьева А. Наша "железная леди" любит сладкое. Г. Старовойтова: анфас и в профиль//ЛГ-Досье. 1992. № 2. С. 18.
- ¹¹² Ельцин Б.Н. Стенограмма встречи с трудящимися г. Альметьевска ТАССР 6 августа 1990 года//Независимая газета. 1992. 27 марта.
- ¹¹³ Митрохин С. Дефективный федерализм: симптомы, диагноз, рецепты выздоровления//Федерализм. 1999. № 2. С. 62.
- ¹¹⁴ Галкин А.А. Гиперэтнизм как глобальная проблема//Федерализм: поиски ответов на новые вызовы. М., Горбачев-Фонд. 1993. С. 26-27.
- ¹¹⁵ Иванов В.Н. Россия федеративная (кризис и пути его преодоления). М., ИСПИ РАН. 1999. С.20.
- ¹¹⁶ Новодворская В. Еврейское неверие мое//Огонек. 1993. № 13. С. 19.
- ¹¹⁷ Заявление Партии Чувашского национального возрождения (ЧАП)//Советская Чувашия. 1992. 20 марта. С. 1.
- ¹¹⁸ Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение: из истории борьбы башкирского народа за самоопределение. Уфа, 1994. С. 105.
- ¹¹⁹ Валеев Д.Ж. Место национального суверенитета в механизме функционирования федеративных отношений в многонациональном государстве//Ресурсы мобилизованной этничности. Москва-Уфа, 1997. С. 123.
- ¹²⁰ Егоров Н. Возродить дух народа//Цивильский вестник. 1993. 22 мая. С. 2.
- ¹²¹ Хузангай А.П. Тяжба о России//Советская Чувашия. 1991. 13 ноября. С. 4.
- ¹²² Цит. по: Вдовин А.И. Указ. соч. С. 162.
- ¹²³ Абдулатипов Р.Г. Парадоксы суверенитета. С. 39.
- ¹²⁴ Валентей С.Д. Экономические проблемы становления российского федерализма//Федерализм. 1999. № 1. С. 103.
- ¹²⁵ Хакимов Р.С. Указ. соч. С. 67-68.
- ¹²⁶ Валеев Д.Ж. Место национального суверенитета в механизме функционирования федеративных отношений в многонациональном государстве//Ресурсы мобилизованной этничности. Москва-Уфа, 1997. С. 123.

¹²⁷ Аяцков Д.Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века). Автореф. дисс...докт. историч. наук. М., 1999. С. 3.

¹²⁸ Валентей С.Д. Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998. С. 15.

¹²⁹ Аринин А.Н. На пути к новой федерации//Единая конституционная система Российской Федерации. М., Республика. 1994. С. 6.

¹³⁰ Вавилов С. Дефицит власти в России – источник социально-экономической нестабильности//Федерализм. 1999. № 2. С. 117.

¹³¹ Каменская Г.В. Федерализм: мифология и политическая практика. М., ИМЭМО. 1998. С. 108.

¹³² Митрохин С. Дефективный федерализм: симптомы, диагноз, рецепты выздоровления//Федерализм. 1999. № 2. С. 68.

¹³³ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 30.

¹³⁴ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 58.

¹³⁵ Барциц И.Н. Категория суверенитет в правовой теории и практике Российской Федерации//Автореф. Дисс. канд. юридич. наук. М., РАГС. 1995. С. 15.

¹³⁶ Аяцков Д.Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века). Автореф. дисс...докт. историч. наук. М., 1999. С. 40.

Глава 2

Федерация симметричная или асимметричная? Дискуссия о диспропорции статусов, прав и полномочий субъектов Российской Федерации.

"Теряя форму, гибнет красота..."
В. Солоухин

Разностатусность и, соответственно, разноправность субъектов федеративного государства, все нарастающая дифференциация политики Центра в отношении территорий поставили в конце прошлого тысячелетия под вопрос само существование Российского государства. Вся отечественная историография федералистики 90-х годов свидетельствует о том, что *"ключевой проблемой в развитии базовой модели российского федерализма является четкий выбор между системой симметричной (одноуровневой) и асимметричной (многоуровневой) Федерации или же достижение четко понимаемого и четко регулируемого баланса этих моделей"* (Е. Бухвальд)¹.

"Асимметричная федерация"! Лукавые политологи заимствовали эту дефиницию из наук точных, а потому – респектабельных. И сделали они это вовсе не из любви к дисциплинирующей ум геометрии. Напротив, придумали они это лишь для того, чтобы сбить с толку не искушенного в теории государства и права обывателя. Дефиниция эта мобилизована для того, чтобы легитимизировать такую модель федеративного устройства, в соответствии с которой, так называемые «национально-государственные» субъекты узурпировали большой объем прав и привилегий, нежели субъекты административно-территориальные, а представители так называемых «титульных» этносов, провозгласили себя «государствообразующими» и обеспечили себе льготы и преференции в ущерб представителям этносов «нетитульных».

Если же не лукавить и называть вещи своими именами, то нужно признать, что асимметричная федерация есть ни что иное, как федерация неравноправная, дискриминационная. То есть такая федерация, при которой два десятка субъектов путем этносепаратистского шантажа присвоили себе особый "государственный" статус и в течении ряда лет (а отчасти и сейчас) в той или иной степени паразитировали за счет семидесяти субъектов, не имеющих

государственного статуса и сопряженных с ним привилегий, а представители этнических групп, имеющих в России «свою» государственность (менее десятой части населения) дискриминируют по этническому принципу, как представителей этнического большинства, так и лиц, принадлежащих к различным этническим меньшинствам, более чем на половине территории страны.

В этом суть и смысл интересующей нас асимметрии.

Более того, заключение двусторонних, эксклюзивных, несогласованных с другими субъектами Федерации договоров и соглашений между избранными субъектами и федеральным Центром, довели "асимметрию" российской федеративной модели до абсурда. Однако дебаты по поводу договорных отношений – это отдельный сюжет, к которому мы вернемся ниже. Прежде мы рассмотрим полемику по поводу конституционно-статусных различий субъектов Российской Федерации. Мы исходим из постулата, согласно которому "формальная асимметрия описывает очевидное (закрепленное в конституциях и законах) неравноправие субъектов федерации. Ключевым моментом здесь является отсутствие равноправия субъектов федерации, а не их равенство, так как фактическое равенство недостижимо. Данная разновидность асимметрии проявляется в наличии в составе федерации различных по своему статусу субъектов, ярким примером чего является Российская Федерация" (М. Золотарева)². В этом случае "разнородность субъектов федерации по их природе и статусу" изначально закрепляет конституция асимметричной федерации (И. Умнова, Н. Ермакова)³.

Этническое основание асимметрии отечественной модели федерализма

Этническое основание легитимизации "асимметрии" отечественной модели федеративного устройства очевидно и, как это не странно, не только не камуфлируется, но и открыто декларируется апологетами этнического федерализма. Казалось бы, претензия на демократизацию и построение гражданского общества никоим образом не могут согласовываться с ранжированием статусов субъектов федерации в зависимости от этнической принадлежности населения, проживающего на их территории. Но нет! В определенном сообществе политологов и политиков принята "фигура умолчания"

по поводу постыдности такого ранжирования. И более того, вопреки здравому смыслу, *ad absurdum*, именно этническая асимметрия Российской Федерации провозглашается едва ли не высшим достижением постсоветской демократии! К сожалению, в 90-е годы сформировалось некое экспертное сообщество, не обремененное стремлением к истине и готовое отстаивать этнополитические анахронизмы, доставшиеся нам в наследство от ортодоксального ленинизма-сталинизма. Этническая модель федеративного государства интерпретируется подобными энтузиастами политизации этничности как российский вклад в теорию федерализма. В рядах этого сообщества мирно сосуществуют казенные столичные идеологи, призванные "научно" обосновывать все благоглупости и конъюнктурные пакости властей предрержащих, штатные апологеты республиканских этнократий, грантополучатели различных фондов и "правозащитных" организаций, обильно финансирующих любое деструктивное по отношению к российской государственности мифотворчество, и, наконец, просто графоманы с ущемленным этническим самосознанием.

Вот наиболее типичные образцы интеллектуальной активности такого рода.

С. Сироткин, рассуждая о правомерности "асимметричности федеративного устройства, федеративной структуры" приходит к умозаключению, согласно которому *«выравнивание статуса субъектов федерации в России... – это тупиковый путь. Именно потому, что многие этносы, существующие в рамках Российской Федерации, для того, чтобы сохранить собственную идентичность, нуждаются в иных формах управления, чем русское население Воронежской губернии»*⁴. В приведенной цитате со всей очевидностью явлена (намеренно или по недомыслию) подмена логических оснований аргументации. По мнению автора, для сохранения идентичности нерусского населения нужны *особые формы управления* на территориях его проживания (даже если русские или представители иных этнокультурных общностей составляют там большинство). Но русские, также как и представители иных этнических групп, не имеющих "собственной" республики в составе РФ, (если следовать логике автора) тоже нуждаются в особых формах управления для сохранения собственной этнокультурной идентичности. Не будем здесь полемизировать о необходимости *особых форм* управления для консервации этнокультурной специфики (тезис сам по себе весьма сомнительный), неясно другое: почему для обеспечения *особых форм управления* нужен *особый статус*

территории проживания, и почему этим особым статусом должны пользоваться лишь избранные этнокультурные общности? Почему для управления башкирами необходим более высокий статус административно-территориальной единицы, на территории которой они проживают, нежели статус территории, на которой проживают русские? Или вепсы? Каким образом коррелируют между собой форма управления и статус территориальной единицы? Почему этнокультурные особенности населения побуждают не дифференцировать, а ранжировать субъекты федерации?

Рационального ответа на эти риторические вопросы в трудах радетелей этнократии мы не находим, зато находим схоластические фигуры, подобные нижеследующим. И. Барцыц "в качестве приемлемого компромисса между требованиями республик о своей исключительности и требованиями областей о равноправии" выдвигает положение, "согласно которому *равноправие не означает абсолютной тождественности правового статуса*"⁵. М. Столяров воспроизводит эту порочную идеологию таким образом: «Идет не прекращающийся спор о равноправии национальных республик и территориальных областей. *Равноправие не предполагает абсолютного тождества*, поэтому на повестку дня федерализации России встает вопрос достижения *единства в разнообразии*»⁶. Прежде всего, неясно: как это равноправие не предполагает тождества прав? Равноправие – это и есть равенство, то есть тождественность, прав. (В противном случае, получается совсем, как на скотском хуторе Дж. Оруэла, - "все равны, но некоторые равны больше".) И кто же возражает против единства в разнообразии, если разнообразие понимается как этнокультурное разнообразие населения Федерации вообще и ее субъектов, в частности. Но ведь у заместителя полномочного представителя Татарстана в Москве речь идет о *разнообразии прав*. А вот при условии разнообразия прав субъектов сохранение *единства* Федерации вызывает серьезные сомнения.

В том же контексте следует воспринимать и аргументацию в пользу этнической асимметрии федеративного устройства, предложенную Р. Абдулатиповым. Размышления о судьбоносности Федеративного договора приводят этого исследователя к мысли о том, что он "закрепляет *разнотипность* субъектов Федерации, но *лишь по форме*", что "несмотря на разнотипность, подведена база под их равноправие". Разумным и заслуживающим поддержки признается тот факт, что "исходя из сложившихся традиций, за республиками в

составе Российской Федерации *закрепляется статус государственных образований*". Тем самым, по мнению этого исследователя, "решена очень важная проблема: *найден баланс интересов, традиций различных субъектов Федерации*"⁷. Автору многочисленных работ в области федералистики остается разобратся в том, что же закрепляет сей исторический документ – разнотипность или разностатусность субъектов. Вряд ли он не понимает, что в первом случае речь идет о разнообразии субъектов, находящихся на одном таксономическом уровне, тогда как во втором случае, подразумевается иерархичность субъектов. Так же как и то, что различия эти носят отнюдь не формальный характер. И баланс интересов найден только с точки зрения апологетов этнократии, но никак не с точки зрения тех, кто оплачивает пресловутые различия *исторических традиций*.

Еще одна очевидно тенденциозная интерпретация своеобразного равноправия субъектов Российской Федерации принадлежит Е. Козловой и О. Кутафину. Они, в частности, полагают, что "*равноправие субъектов, разумеется, не означает, что все субъекты РФ имеют одинаковые права. Республика в составе РФ является государством и она, конечно, не может иметь одинаковые права, скажем с автономным округом. Вместе с тем, бесспорно, равноправными являются все республики в составе РФ, все области и края, города федерального значения, автономные области и автономные округа*"⁸. Обилие всех этих "разумеется", "конечно", "бесспорно" в этом маленьком фрагменте свидетельствует о том, что авторы и сами не очень верят в столь своеобразное прочтение Основного закона. Конституция РФ, безусловно, заслуживает самой взыскательной критики, но не стоит искать в ней то, что в ней заведомо отсутствует. М. Золотарева по поводу интеллектуальных исканий авторов этого пассажа справедливо отмечает: "Непонятно, почему республика *не может* иметь одинаковые права с другими субъектами Федерации? Может вопрос надо ставить иначе: почему республика *не хочет* иметь одинаковые права с другими субъектами Федерации? Почему республике выгодно иметь специфический статус и почему другие субъекты Федерации и федеральный Центр *должны считаться с этим ее желанием*? Странным выглядит предположение о равноправии субъектов Федерации только в рамках конкретной разновидности субъектов Российской Федерации. Российская Конституция ничего не говорит о том, что республики равноправны только республикам, края только краям и т.п."⁹.

В континууме суждений республиканских исследователей представлены и более взвешенные интерпретации конституционного положения о равенстве субъектов Российской Федерации. По мнению Ф. Мухаметшина оно "предлагает равные *"стартовые условия"* для определения объемов государственно-властных полномочий, пределы и содержание которых ограничены Конституцией Российской Федерации"¹⁰. Иными словами, субъекты равны в своем праве требовать от федерального Центра тот или иной объем желаемых полномочий и прав. В этом татарстанский политолог, по-своему, прав, однако если следовать такой логике, процесс федерализации России примет характер острой конкурентной борьбы с непредсказуемым финалом. Кроме того, говорить о равенстве стартовых условий республик и областей в составе России в полемике с Москвой, значит (в лучшем случае!) выдавать желаемое за действительное.

Вполне очевидно, что рационально объяснить конституционное противоречие между декларируемым равенством и реальными статусными различиями субъектов Российской Федерации практически невозможно. Противоречие это – следствие беспринципных компромиссов, заключаемых Центром с субъектами-фаворитами и оно в принципе не может быть концептуализировано. Не вызывает сомнения тот отмеченный В. Тишковым факт, что "асимметричный федерализм в России обусловлен... политическим этнонационализмом"¹¹. (Как это ни странно, но в другой своей работе В. Тишков, которого в начале 90-х годов казенные апологеты республиканских этнократий обвиняли в стремлении "упразднить республики", декларировал: "моя позиция, основанная на мировом опыте многоэтнических государств, сводится к безусловному признанию необходимости существования в России элементов этнического федерализма, а значит и его неизбежной асимметрии и содержательной подвижности"¹². Как нам представляется, мировой опыт, напротив, исключает выделение субъектов федеративных государств по этническому принципу, маркирование таких квазигосударств определенным этнонимом, провозглашение их суверенитета от имени одной этнокультурной общности и проч. Такого рода декларации можно расценивать как странный реверанс в сторону этнополитического национализма, всегда сопряженного с дискриминацией и конфликтами. Вне этнополитической конъюнктуры вполне аксиоматичным можно считать положение, согласно которому *"нормальное федеративное устройство предполагает безусловное равноправие и безусловно равное ограничение в правах всех субъектов федерации"* (С. Чешко)¹³.)

Примечательно, что уникальная этнизированность федеративных отношений в России другими сторонником этнически детерминированной асимметрии федеративных отношений, напротив, трактуется как своего рода творческая модернизация общепринятых в мировой политической практике принципов федерализма как формы территориальной демократии. И, напротив, в этой парадигме всякая *"попытка унифицировать Федерацию в плане насаждения однотипности ее субъектов с одинаковым объемом полномочий"* трактуется как *"догматизация федеративных отношений, исключая преимущества федеративных отношений"* (Р. Абдулатипов)¹⁴.

Пожалуй, наиболее категоричен в своих суждениях советник Президента Татарстана Р. Хакимов. Правомерность этнической асимметрии согласно его точке зрения обусловлена историческими обстоятельствами формирования Российского государства. Так, по мнению одного из наиболее активных идеологов татарского национализма начала 90-х годов прошлого столетия *"у складывающихся федеративных отношений в России есть свои... этнические основания, из которых вытекают особенности статусов отдельных субъектов, определивших асимметричность федерации. Исторически Россия складывалась как конгломерат различных ханств (!?), территорий и народов... Их поведение определяется этническими интересами и выражается в требовании федерализации"*¹⁵. Мысль о том, что нынешняя конфигурация федеративных отношений определяется, прежде всего, этническими интересами хоть и сформулирована со всей определенностью, но не выглядит новой. Зато вполне оригинальным можно считать суждение автора о том, что Россия в прошлом являла собой конгломерат ханств. В приведенной цитате имплицитно представлено утверждение о том, что в основе российской государственности заложен фундамент именно ордынских ханств. Утверждение, свидетельствующее, к сожалению, о том, что в полемике о судьбах федерализма в России немаловажную роль играет зачастую болезненно ущемленная этнокультурная идентичность вовлеченных в дискуссию исследователей.

Идея этнической исключительности татар, внедрившаяся в умы татарской этнополитической элиты, деформировала федеративные отношения в России в течении 90-х годов прошлого столетия и довлела над взаимоотношениями федерального Центра и Татарстана вплоть до самого недавнего времени. Здесь уместно вспомнить реакцию Президента Татарстана на подписание 25 декабря 1999 года президентами России и Белоруссии Декларации о создании союзного

государства. М. Шаймиев заявил, в частности, что "объединение Беларуси и Татарстана меняет характер отношений, сложившейся между Татарстаном и Россией. Создание нового государства, если таковое станет реальным, *не может проходить без учета статуса Татарстана*"¹⁶. Пожалуй, это была последняя серьезная попытка этнополитического шантажа Кремля со стороны Казани с целью наращивания этнической асимметрии российского государства. Совсем немного времени оставалось до начала реформирования федеративных отношений, предпринятого В. Путиным, и серьезно изменившего диспозицию этнополитических сил в России. Примечателен комментарий на высказывание М. Шаймиева, данный несколько позже в статье И. Барцица: "Столь резкие заявления во многом обусловлены и опасениями *значительного усиления в случае объединения России с Беларусью славянского ядра российской государственности*, а также стремлением в очередной раз выторговать себе "особый статус""¹⁷. Интересна логика исследователя, мыслящего исключительно этническими категориями: значит, у татар есть основания опасаться увеличения доли славянского населения в федеративном государстве? Впрочем, комментируя побудительные мотивы высказывания Президента Татарстана И. Барцица, вероятно, прав, так как и сам М. Шаймиев мыслит в той же парадигме этнополитических оппозиций.

В высшей степени своеобразная аргументация в пользу этнической асимметрии, представлена в работах М. Губогло, который абсолютно справедливо, казалось бы, отмечает: "В самом деле, вряд ли целесообразно ставить... *задачи по нивелировке народов по численности, характеру расселения, долям горожан и сельчан...* Подобные безумные задачи столь же реальны, как попытки изобрести вечный двигатель"¹⁸. Полемический задор этого высказывания напомнил мне о героическом сражении Дон Кихота с ветряными мельницами: детальное знакомство с трудами российских ученых, так или иначе трактующих проблемы этнического федерализма, убедило меня в том, что такого рода "*задачи*" не приходили в голову никому, кроме самого Михаила Николаевича.

Прогнозируя дальнейшую эволюцию федеративных отношений в России, сторонники политического самоопределения онтологизированных этносов убеждают нас в неизбежности углубления различий в юридических статусах и фактических формах организации субъектов, составляющих Российскую Федерацию, в зависимости от этнокультурной специфики населения той или иной

территории. С. Сироткин предсказывает, что *"нарастание асимметричности, связанное со спецификой, с особенностями этногенеза каждого народа, - это не паталогия развития федерализма, а его нормальная закономерность. Это противовес либерально-демократической-Владимира-Вольфовической идеологеме о превращении России в совокупность губерний. Не губернизация, а как раз диверсификация форм, в которых организовано сосуществование множества народов на территории России"*¹⁹. Конструировать основы федеративной государственности, исходя из особенностей этногенеза его граждан, представляется при таком подходе вполне правомерным. Тот факт, что Россия вовсе не уникальна в своей полиэтничности, и скорее, наоборот, может рассматриваться как более или менее мононациональное государство вызывает идиосинкразию у республиканских апологетов этнически детерминированной асимметрии российской модели федерализма. По мнению Р. Хакимова "Доля нерусских народов в общей структуре населения страны не является решающим фактором, поскольку они живут компактно на исторической родине, они не нацменьшинства, а *коренные этносы с соответствующими претензиями на контроль над собственной территорией.* Это одна из главных причин асимметричности федерации в России"²⁰. Приведенное высказывание - яркая палитра концептуальных заблуждений. В нем представлена и абсурдная претензия онтологизированного этноса на "свою" территорию, и утопичное желание поделить народы на коренных и некоренных в произвольно очерченных границах административных единиц, и имплицитное признание правомерности притязаний представителей одних "нерусских" народов на свою государственность и территорию в ущерб другим. Наконец, выстраивая цепь логических заключений в этой парадигме, Р. Хакимов должен был бы признать и правомерность претензий этнического большинства на контроль над собственной территорией.

Все это наивное этнополитическое лукавство тиражируется в наукообразных изданиях лишь для того, чтобы закамуфлировать внутреннюю противоречивость Основного Закона нашей страны, который, с одной стороны, провозглашает конституционное равенство всех субъектов Российской Федерации, с другой стороны, конституирует их разностатусность. "Согласно Конституции, Россия является федеративным государством, в котором шесть типов субъектов являются *de jure* равноправными. Реально же существует

асимметричная федерация, в которой осуществить это конституционное требование не удастся" (В. Иванов)²¹.

Факт существования этого губительного для российской государственности противоречия многократно отмечался добросовестными исследователями российского федерализма.

С. Чешко, еще в 1993 году, рассматривая различные версии конституции России, разработанные различными политическими структурами и предложенные россиянам как предмет "всенародного обсуждения", констатировал, что практически все они поражены вирусом этнонационализма и в качестве концептуальной базы воспроизводят "одну из ложных идей перестроечной эпохи: идею о том, что субъекты федерации могут находиться в разной степени зависимости от федерального государства и, в то же время, быть "равноправными""²². Здесь следует подчеркнуть уникальность российского опыта конструирования асимметричной федеративной государственности. И. Умнова и Н. Ермакова метко подметили, что в мировой практике имеют место асимметричные федерации, когда разные или, напротив, одинаковые по государственно-правовой природе субъекты наделяются разными правами, но нигде в мире не встретить формулу, согласно которой разные по государственно-правовой природе субъекты федерации имеют равный статус. Это обстоятельство дает основание для печального вывода: "Российская конституционная формула построена на логической ошибке", а посему "сколько бы ни ломали головы юристы над объяснением равноправия разных по статусу субъектов федерации, предлагая парадигму "равноправие не есть равенство", и юридически, и фактически Россия состоит из неравноправных по статусу субъектов федерации"²³.

В. Лысенко в свою очередь и в этой связи весьма пессимистично заметил: "В Конституции провозглашается принцип равноправия всех... субъектов Федерации, хотя очевидно, что такое *равноправие* в обозримой перспективе *недостижимо*. Асимметричная федерация в России существует *de facto*"²⁴. При этом, по мнению целого ряда авторов, ответственность за "*непродуманные действия по сохранению фактического неравенства субъектов Федерации*" (Л. Иванченко)²⁵ в равной степени лежит как на республиканских этнократах, так и на прежнем Президенте России, эксплуатировавшем суверенизаторские амбиции этнополитических элит в целях укрепления режима личной власти. Как по этому поводу справедливо заметил Р. Абдулатипов "порой речь идет не о

разделении полномочий между субъектами федерации, а о *разделении сфер влияния между политическими элитами*"²⁶.

Невозможность коренным образом преодолеть этнически обусловленную асимметрию федеративных отношений в сложившейся этнополитической ситуации приводила многих исследователей к осознанию необходимости разделить проблемы равноправия и разностатусности. По словам П. Федосова "решение вопроса о выравнивании статуса *de jure*" следовало "отложить до лучших времен, а равноправие *de facto* практиковать уже сейчас"²⁷.

Конфликтогенность этнического способа легитимизации асимметрии федеративных отношений

Этнический характер отечественной модели федерализма побуждает многих исследователей искать причины межэтнических конфликтов в несовершенстве федеративных отношений и дефектах региональной политики. Безусловно, такой подход к проблеме имеет право на существование: напряженность этноконтактной ситуации в очень значительной степени провоцируется делением граждан страны на "титულных" и "нетитулных".

Однако в рамках этого вполне правомерного подхода существует точка зрения, согласно которой межэтнические напряженности возникают не из-за этнического принципа ранжирования субъектов федеративного государства и, соответственно, этнического ранжирования его подданных, а, напротив, вследствие недостаточной дифференциации региональной политики федерального Центра в отношении так называемых "национальных территорий". Вот типичный пример такого суждения: "Межнациональные (межэтнические) конфликты – это своего рода реакция на неадекватные в отношении *национальных регионов* акции... *Если говорить о генезисе межнациональных (межэтнических) конфликтов, то их первопричина (не вообще, а идейно-политического порядка) кроется в недостаточно тождественной интересам и потребностям национальных регионов политике Центра... Недостаточный учет, а тем более игнорирование своеобразия регионов порождает, в конечном счете, их оппозицию Центру. Межнациональные (межэтнические) конфликты - объективный показатель реальности такой оппозиции.* Вот почему их можно рассматривать как форму разрешения противоречия между обществом (в лице регионов) и государством (в лице Центра). Форму, правда, своеобразную. Своеобразие ее – в

адресовке недовольства, испытываемого национальными (этническими) общностями, проживающими в регионах, друг к другу вместо того, чтобы выразить это негативное отношение в виде требований, направленных на корректировку национальной политики Центра" (М. Иордан)²⁸.

В приведенной цитате возражение вызывает, прежде всего, упоминание о "национальных регионах" ("национальных", разумеется, в этом контексте означает "этнических"). Но если существуют "национальные" регионы, то, вероятно, должны существовать и "ненациональные". Характерно, что в этой исследовательской парадигме "национальными" считаются те, регионы, в населении которых представители этнических меньшинств играют заметную роль. Соответственно регионы, населенные представителями численно доминирующей этнокультурной общности, "национальными" не признаются. Заслуживает внимания и деление "первопричин" межэтнических конфликтов на первопричины "вообще" и первопричины "идейно-политические". Но главный концептуальный изъян приведенного высказывания состоит в том, что автор смешивает (по неведению или сознательно) региональную и "национальную" (то есть этническую) политику Центра, забывая о том, что "национальная" (этническая) политика адресована не территориям, всегда населенным представителями различных этнокультурных общностей, а самим носителям той или иной этнокультурной идентичности. Именно такого рода смешение и представляет собой серьезный конфликтогенный фактор, поскольку "национальная политика", направленная на удовлетворение этнокультурных запросов представителей только одной из проживающих на данной территории этнокультурных общностей, неизбежно ставит представителей всех прочих культурно отличных групп в дискриминируемое положение. Так же как провоцирует конфликт в межрегиональных и межэтнических отношениях дифференцированная, селективная региональная политика в отношении территорий с иноэтничным (по отношению к этническому большинству населения страны) населением и территорий, на которых численно доминируют русские. Как справедливо (хоть и не вполне по-русски) по этому поводу отметил губернатор Саратовской области Д. Аяцков *"ущемленность прав и статуса регионов с преобладанием русских перед республиками может вызвать нежелательные последствия"*²⁹.

Сейчас можно с известной долей уверенности констатировать, что потенциал национализма республиканских этнополитических элит исчерпан,

институционализируемая этносоциальная дискриминация представителей "нетитульных" этнокультурных групп в республиках (прежде всего – русских, на которых идеологами этнократии возложена ответственность за все ошибки и преступления тоталитарного прошлого) создала серьезный деструктивный потенциал русского национализма. Асимметричный этнизированный федерализм в условиях затяжного социально-экономического и политического кризиса на протяжении 90-х годов минувшего столетия ежечасно продуцировал и продолжает продуцировать сейчас недовольство русского населения республик и русских региональных элит в российских областях. В. Иванов констатирует (основываясь на данных социологических исследований): *"Происходит осознание собственного относительно низкого статуса у русских. Пока это проявляется на уровне заявлений политических лидеров. Но отнюдь не исключено расширение этого осознания, что при отсутствии своевременной реакции верхов может привести к росту напряженности в межнациональных отношениях"*³⁰. В этом контексте нижеследующий прогноз не представляется излишне пессимистичным: *"Если сегодня Россия не сможет перейти к более демократическим и единообразным формам организации государственного устройства, выработать механизмы функционирования полиэтничного общества, то проблема взаимодействия русского и нерусского национализмов может обернуться кровавыми последствиями"* (О. Васильева)³¹.

Впрочем, в отечественной историографии представлена и маргинальная точка зрения, согласно которой *"не было кризиса отношений ни между национальностями (этносомами), ни между субъектами Российской Федерации. Была ожесточенная борьба за власть в Москве..."* (М. Губогло)³². Что касается кризиса отношений между "этносомами", то, действительно, его не было, потому что таких кризисов просто не бывает. Это яркий пример примордиалистского мифотворчества. Бывают социальные, экономические, политические и другие конфликты между группами индивидов, принадлежащих к различным этнокультурным общностям, конфликты интересов, которым по тем или иным причинам приписывается или придается этнический характер. Теперь о роли Москвы. Да, несомненно "парад суверенитетов" был прямо спровоцирован московскими политическими элитами и контрэлитами. Но предположение, согласно которому М. Шаймиев, М. Рахимов, М. Николаев и иже с ними в пресловутом "параде" участия не принимали, не имели к нему никакого отношения и всегда были сторонниками единой и неделимой России – это либо

печальное заблуждение, либо сознательная фальсификация. Несколько курьезно в этом контексте выглядит свидетельство Р. Абдулатипова о том, что "для республик Татарстан, Башкортостан, Карелия и Саха действует специфический налогово-бюджетный режим. Они добились его первыми *благодаря активности своих лидеров* – Шаймиева, Рахимова, Степанова и Николаева"³³. Вот, дескать, какие молодцы лидеры – проявили активность, и получили налоговые послабления. Такого рода наивный априоризм исключает постановку двух сакраментальных вопросов: почему возникла сама возможность у партийно-хозяйственной номенклатуры советских автономий проявлять подобную "активность", а главное – кто оплачивал и отчасти сейчас оплачивает этот самый "специфический режим"?

Что же касается нетривиальной мысли М. Губогло о бесконфликтности горизонтальных федеративных отношений, то подавляющее большинство этнополитически неангажированных политиков и исследователей полагают, что неумные амбиции республиканских этнополитических элит привели к уродливой деформации бюджетных отношений и спровоцировали острейший кризис межсубъектных отношений. Об этом – ниже, в специальном разделе этой главы.

Проект модернизации асимметричной этнизированной федерации

Очевидная для добросовестных исследователей конфликтогенность существующей модели этнического федерализма побуждает противников унитарной России искать альтернативные формы федеративного устройства российского государства. При этом некоторые специалисты склоняются к мысли о необходимости сохранения известной асимметрии субъектов федерации и, соответственно, селективной, дифференцированной региональной политики, другие настаивают на унификации статусов, прав и обязанностей субъектов федеративного государства при соблюдении единых принципов взаимоотношений между федеральным Центром и регионами.

В первом случае, как правило, руководствуются таким соображением: "Новое состояние России – лавинообразный процесс нарастания различий между регионами в образе жизни их населения, целевых установках, способах достижения успеха, в мироощущении. *Идет активное отторжение прежней системы выравнивания регионов России под общий ориентир, под одну схему*"

(Н. Мерзликин)³⁴. Подобная абсолютизация процесса регионализации России нам представляется явным преувеличением. Во многом этот процесс, вполне отчетливо проявившийся в годы правления Б. Ельцина, был обусловлен политической конъюнктурностью и субъективной селективностью отношения Кремля к различным регионам страны, точнее, - к региональным политическим лидерам, а также спецификой форм и способов приватизации, предпочтительных и удобных, в силу ряда обстоятельств, для региональных элит. Немаловажным фактором, провоцировавшим тенденцию автаркизации территорий, был затяжной экономический кризис и связанный с ним процесс экономической дезинтеграции страны. В более широком историческом контексте нельзя не принимать во внимание процессы объективно необходимой межрегиональной экономической интеграции, глобализации, унификации и урбанизации образа жизни, этнокультурной миксации населения.

Тем не менее, многие ученые при определении характера федеративных отношений предлагают исходить из наличия заметных различий в природно-климатических условиях, обеспеченности сырьем и энергетическими ресурсами, в уровне развития производства, демографическом и социальном потенциале населения и проч. В силу этих объективных различий региональная и федеративная политика Центра должна быть дифференцированной.

Руководствуясь этими соображениями, Ж. Тощенко предлагает свою версию модернизации федеративного устройства страны. Кризис федеративных отношений в "эпоху Ельцина", деградация российской государственности привели этого исследователя к мысли о том, что "сохранять сложившуюся ситуацию невозможно, и нужен реально действующий инструмент, который оптимизировал бы ось «Центр – регионы». *Таким методом явилось бы последовательное, продуманное и в каждом случае глубоко аргументированное применение принципа асимметрии...*"³⁵.

Аргументируя декларированную необходимость соблюдения принципа асимметрии, автор предлагает учитывать три фактора. "Во-первых, субъекты Федерации серьезно различаются между собой своими экономическими возможностями... *Во-вторых, асимметричность построения отношений «Центр – регион» обусловлена и этническим фактором...* В-третьих, необходимость асимметричного устройства обусловлена и серьезными социально-культурными различиями, степенью квалификации и образованности работающего населения, насыщенностью территории учреждениями образования, науки и культуры"³⁶.

Как мы видим, этнический фактор признается Ж. Тощенко серьезной детерминантой асимметрии федеративного устройства России, а этнический аспект является существенным элементом предложенного проекта модернизации. Исследователь констатирует тот факт, что "в составе Российской Федерации 32 национально-государственных и национально-территориальных образования... Только в пяти из них титульное население превышает число людей, представляющих другие народы. В большинстве же национальных территорий ведущими по числу народов выступают русские..." Но вывод из этой констатации следует, на наш взгляд, совсем не бесспорный: "Очевидно, что с республиками с преобладающим числом титульного населения, должны быть построены иные отношения, чем с теми из них, где незначительно число коренных жителей. В этой связи нельзя не выделить и те республики, где процессы ассимиляции зашли достаточно далеко и глубоко. В них сложилась и иная социально-культурная среда, которая отличает их от территорий, где процессы сохранения титульного этноса достаточно стабильны и устойчивы. Конечно, в будущем эти отношения будут в большей степени рационализированы, чтобы избежать (свести на нет) такие явления, как существование Еврейской автономной области, которая не отвечает никаким стандартам, но поддержание которой обусловлено политическими соображениями"³⁷.

Приведенная цитата вызывает при внимательном прочтении массу вопросов. Не ясно, почему с республиками, в которых "титульное" население численно преобладает, следует строить иные отношения, нежели со всеми прочими субъектами федерации? Почему этничность в этой ситуации должна быть сопряжена с какими бы то ни было преференциями? Как в таком случае быть с конституционным принципом гражданского равноправия? Кроме того, автор явно заблуждается относительно "коренных жителей". Наряду с "титульной" этнокультурной общностью, коренными на территории "национальной" республики могут и носители иной культурной идентичности. Почему, например, эвены или эвенки "менее коренные" в Якутии, нежели якуты? Или татары в Башкирии? Кто будет определять, кто на данной территории коренной, а кто не очень? А, главное, зачем? И почему характер федеративных отношений должен зависеть от степени этнокультурной ассимиляции населения субъекта федерации? Каким "стандартам" должны отвечать "национальные" субъекты федерации, чтобы их существование было признано правомерным? Наконец, "поддержание" каких этногосударственных или этнотерриториальных

образований обусловлено какими-то иными, кроме "политических", соображениями? И что это за соображения? Ответы на эти вопросы нам, в отличие от Ж. Тощенко, не представляются столь уж очевидными.

Странной представляется и мысль этого исследователя относительно прямой зависимости федеративной политики от степени интегрированности в европейскую культуру. Он полагает, в частности, что "нельзя игнорировать и степень интегрированности ряда народов в общеевропейскую и производную от нее русскую культуру... Так общность интересов русского народа и народов Поволжья закреплена многовековой совместной жизнью, позволяющей серьезно сблизить эталоны поведения, образ жизни потребность в науке и культуре. *Степень интегрированности других народов и народностей серьезно различается, и это не может быть не учтено при выработке отношений между Центром и соответствующими регионами*"³⁸. Вполне дилетантским с точки зрения этнологии выглядит утверждение об общности интересов русского народа и народов Поволжья. Даже если следовать логике автора, то следует признать, что народы Поволжья весьма различны, и степень этнокультурной близости, например, мордвы и русских совершенно иная, нежели степень близости татар и русских. Примечательно и деление этнических общностей на "народы" и "народности". Совсем в духе "Краткого курса истории ВКП(б)"! Но главное, у народа, а уж тем более у народов, нет, и не может быть, общих интересов. Народ (этнокультурная общность) социально дифференцированное множество, соответственно интересы различных социальных групп часто различны, а порой и прямо антагонистичны.

Предлагая свой проект нового федеративного устройства страны, Ж. Тощенко утверждает: "Асимметрия не отвергает *основополагающих принципов*, которые должны соблюдать... все без исключения субъекты Федерации"³⁹. С этим утверждением, пожалуй, можно согласиться, и то, при том неременном условии, что асимметрия прав и обязанностей субъектов федерации обусловлена не этническим фактором.

Нужно отдать должное автору рассматриваемого проекта: оценивая перспективу реализации своей версии модернизации асимметричной федерации в политической практике он предлагает "видеть и возможные опасности в процессе реализации ее требований". Суть этой опасности состоит, по его мнению, в том, что "политические деятели Центра то ли в силу своих амбиций, то ли под влиянием финансовой олигархии будут стремиться к тому, чтобы держать

регионы «на коротком поводке». И поэтому они будут сопротивляться всякому расширению прав и полномочий республик, краев и областей. Но таким попыткам с не меньшей силой будут сопротивляться местная олигархия, региональные и националистические лидеры. Они будут стремиться урвать или, по крайней мере, потеснить Центр там, где нет объективной целесообразности, но есть узкоэтнические интересы региональных и национально-политических элит"⁴⁰.

Фактически Ж. Тощенко сам сознает, что модернизированная по его рецепту федерация унаследует от ныне существующей все конфликтогенные факторы и противоречия. Консервируя асимметрию прав и обязанностей субъектов федерации (тем более, асимметрию, обусловленную этнокультурной спецификой населения регионов), пусть даже в модернизированном и рационализированном виде, мы фактически пролонгируем в будущее затяжной кризис федеративных отношений в России.

Весьма близка к рассмотренной версии реконструкции федеративных отношений и позиция В. Лысенко, который в свою очередь полагает, что "полностью уравнивать в правах *республики как национально-территориальные образования и края и области как территориальные образования не удастся и не нужно*. Речь должна идти только о специфических правах, *связанных с особенностями национального состава и национальных отношений в республиках* (право на второй государственный язык, на национальную культуру), но отнюдь не с социально-экономическими и политическими правами и, тем более, льготами и привилегиями"⁴¹. Вряд ли с этой позицией можно согласиться безоговорочно. Возражение вызывает, прежде всего, устойчивый стереотип, согласно которому республики представляют собой "национально-территориальные" образования, а области и края – просто территориальные. Предполагается, что республики (даже если "титularyное" население в них составляет меньшинство) населены "национальностями", а области (даже если русское население в них составляет абсолютное большинство) населены людьми лишенными "национальности", то есть этнокультурной идентичности. Из этого следует вывод, что в "специфических правах" на "национальную культуру" края и области просто не нуждаются. Этот сталинский стереотип вреден не только для русских и всех прочих "нетитульных народов", проживающих на территории России, но и для представителей тех этнических общностей, которые имеют собственные "национальные республики". Напомним, например, что две трети татар

проживают за пределами Татарстана. Право на "национальную культуру" отнюдь не должно зависеть от места проживания гражданина страны, оно должно быть экстерриториальным и реализовываться персонально в рамках национально-культурной автономии. То же самое можно сказать и о языковой политике. Право же республик провозглашать второй государственный язык – это не более чем вредный политический лозунг, лозунг, абсолютно нереализуемый на практике. В границах единого государства система управления, транспорт, связь, армия и т.д. и т.п. могут функционировать только при условии существования единого государственного языка. Провозглашение республиканских "государственных" языков – не более чем инструмент этносоциальной дискриминации "нетитульного" населения, конъюнктурный лозунг, призванный обеспечить этническую мобилизацию в нужное время. Покуда это так, то и культурно-языковые аргументы в пользу асимметрии федеративных отношений вряд ли можно считать убедительными.

Отрицание конституированной статусной асимметрии

Именно в силу этого обстоятельства, нам ближе и понятнее иная точка зрения. Исследователи, оценивающие асимметрию этнофедеративной модели российской государственности в иной, конструктивистской парадигме, чаще всего сходятся во мнении, согласно которому, "любая попытка придать отношениям конкретного субъекта Федерации с Центром характер исключительности *разваливает Федерацию изнутри*" (В. Тарасенко)⁴². Это тем более опасно, когда формальным основанием для различий в статусе субъектов федеративного государства выступает этнокультурная идентичность части населения, проживающего на данной территории. В этом случае помимо угрозы распада федерации реально существует угроза острых межэтнических противостояний. Претензия на особую сущность "национальных" республик, как основание статусной исключительности (см., например работы Р. Тарнапольского⁴³) не выдерживает никакой критики. "Никакие *этнические, расовые, языковые, политические, культурные и религиозные основания не могут оправдать неравноправие субъектов*, кем бы субъекты не являлись: индивидуумами, общественными организациями или *частями федеративного государства*" (М. Золотарева)⁴⁴.

Как по этому поводу остроумно заметил С. Валентей «всем известно, к

чему приводит деление детей на любимых и нелюбимых. В рассматриваемом случае результат был аналогичен - полное неуважение «детей» (субъектов Российской Федерации) к «родителям» (Центру) и друг другу»⁴⁵. В другой работе этого исследователя мы находим объективную оценку последствий целенаправленной деформации федеративных отношений в постсоветской России: "Нечеткость статуса субъектов Российской Федерации, в частности лишь формальная констатация в Конституции их равенства, привели к тому, что разные регионы по-прежнему обладают различной компетенцией и несут различную меру ответственности перед государством и гражданами. Итог отмеченной неопределенности многогранен. Он в перманентной бюджетной войне Российской Федерации и ее субъектов, в полной неопределенности вопроса о собственниках, на подавляющую часть объектов, отнесенных в Конституции к так называемому "совместному ведению"; в практике назначения Центром глав администраций; в заключении договоров между Российской Федерацией и некоторыми ее субъектами вне каких бы то ни было общих принципов (а значит вне учета интереса других регионов); в неопределенности границ и форм вмешательства исполнительной и законодательной власти Российской Федерации в компетенцию ее субъектов; в навязывании регионам моделей преобразований, не учитывающих их социально-экономическую, социокультурную и прочую специфику, в практике невыполнения Центром принятых на себя обязательств перед местами"⁴⁶.

Очевидно, что все это порождает и порождает центробежные ускорения в федеративном государстве, в особенности, в условиях затяжного структурного кризиса. Но это лишь два аспекта проблемы асимметрии федеративных отношений – политический и экономический. Существует помимо этого еще один важный аспект, который значительно реже становится предметом обсуждения специалистов. Суть его состоит в том, что "развитие процессов в сторону формирования асимметричной федерации зачастую игнорирует наличие общероссийских интересов по укреплению идентичности россиян как представителей единой политико-экономической и социокультурной общности" (Н. Гусейнова, И. Ладодо, М. Назаров)⁴⁷ Отмеченные процессы ничуть не менее опасны, чем процессы деформации бюджетных отношений и отношений между политическими элитами. Идеологическое педалирование этнической и региональной идентичности в ущерб общегражданской, государственной, российской идентичности создает прямую угрозу целостности страны.

Если принять во внимание тот факт, что инициаторами процесса диверсификации объемов прав и полномочий субъектов в 90-е годы минувшего столетия стали наиболее амбициозные лидеры этногосударственных образований в составе Российской Федерации, то вполне очевидной будет оценка роли этнического фактора в процессе становления новых федеративных отношений в постсоветской России. Также как очевидна мера ответственности, которую несут президенты и этнократические элиты ряда "национальных" республик за дескредитацию самой идеи федеративной государственности в нашей стране.

На рубеже столетий политической элитой России была осознана латентная опасность наращивания асимметрии федеративных отношений. Реформы государственного управления, инициированные В. Путиным уже в первый год его президентского правления, стали свидетельством того, что экспертное сообщество Кремля уже во второй половине 90-х годов прошлого века пришло к выводу о необходимости изменения вектора региональной политики. Идея симметричной федерации была к этому времени достаточно четко концептуализирована и наиболее влиятельными региональными лидерами России. Орловский губернатор Е. Строев, тогда – спикер верхней палаты Парламента, вербализовал мятежное умонастроение сенаторов, представлявших крупные области-доноры, следующим образом: *«Главной задачей, которую в этой связи предстоит решить, является выработка и законодательное закрепление общих для всех субъектов Российской Федерации принципов и норм взаимодействия с федеральным Центром»*⁴⁸.

Вместе с тем, бурные политические катаклизмы минувшего десятилетия многих привели к заключению о том, что исправление деформаций государственного устройства (порожденных асимметрией федеративных отношений, доставшейся нам в наследство от большевиков и доведенной до гротескного состояния в эпоху Б. Ельцина) должно производиться без потрясений и революционной ломки сложившейся модели федерации. Так же, как в первой половине 90-х годов республиканские этнократы в погоне за преференциями апеллировали к действующей Конституции страны, так теперь апеллировали к ней же сторонники унификации прав и обязанностей субъектов Российской Федерации. Благо внутренняя противоречивость Основного закона позволяла это сделать и тем и другим. Было решено, что "Конституция фиксирует равноправие субъектов Федерации между собой и их равенство во взаимоотношениях с федеральным Центром, что является *достаточным для признания базовой модели*

Российской Федерации как формально или исходно симметричной" (Е. Бухвальд)⁴⁹.

В этом контексте и рассматриваются проекты изменения структуры отечественной модели федерализма в направлении придания объемам прав и полномочий субъектов более или менее пропорциональных соотношений. (Содержание таких проектов известно – это идеи укрупнения субъектов федерации или отказ от таковой в пользу унитарного государства, строительство новой федерации как внеэтнической формы территориальной демократии и т.д.). Однако большинство исследователей, моделирующих будущее российской государственности в этой парадигме, сходятся во мнении о том, что "в любом случае подход к реструктуризации федеративных отношений в стране может быть *только экономическим и только универсальным* – для всех действующих и потенциальных субъектов Федерации, независимо от того, включают ли они в себя некую национальную основу или нет" (Е. Бухвальд)⁵⁰.

Пожалуй, единственным исключением из этого правила можно считать позицию С. Митрохина, который полагает, что "вопреки расхожему мнению о позитивности выравнивания статусов регионов, "подтягивание" непривилегированных субъектов РФ почти до уровня республик содействовало общему разрыхлению Федерации и утрате централизованного контроля за соблюдением российского законодательства теперь уже не только республиками, но и всеми субъектами РФ. *Они активно включаются в процесс "догоняющей суверенизации, в ходе которого привилегии, дарованные отдельным республикам, осваиваются подавляющим большинством российских регионов и становятся фактором расшатывания всей государственной системы"*⁵¹.

Безусловно, политическое и экономическое фрондерство губернаторов в эпоху правления Б. Ельцина отнюдь не способствовало укреплению российской государственности. Но при всем том, этнополитический контекст противостояния губернаторов российских областей и президентов "национальных" республик следует оценивать исключительно позитивно. Именно бунт региональных лидеров побудил Кремль начать движение в сторону исправления опасной асимметрии российского федерализма и, прежде всего, отказа от дискриминационных в отношении областей бюджетных взаимоотношений между федеральным Центром и субъектами федерации.

Полемика по поводу "бюджетной асимметрии"

Вполне очевидно, что различные аспекты асимметрии федеративных отношений имеют различный "травмирующий потенциал" – статусные амбиции республиканских элит, государственная атрибутика "национальных республик" во второй половине 90-х годов XX столетия уже не вызывали серьезного раздражения в "русских" областях: к этому времени пришло осознание известной эфемерности республиканских суверенитетов. Но было и то, что всерьез затрагивало материальные интересы региональных элит и ущемляло витальные интересы всего населения административно-территориальных субъектов Российской Федерации: асимметрия бюджетных отношений Центра и регионов, напротив, со временем все более отчетливо осознавалась как откровенная дискриминация по отношению к подавляющему большинству земель и граждан России. "Объективные различия в социально-экономическом положении субъектов, являющиеся оправданием разнообразия бюджетных отношений, нередко дополнялись "персональными соглашениями", основания которых оставались закрытыми для общества. Именно это и вызывало протесты в тех субъектах федерации, которые особым положением не пользовались. Большинство этих субъектов – области" (Л. Дробижева)⁵².

О деформациях бюджетного федерализма периода правления Б. Ельцина писали многие исследователи. Чаще всего, и экономисты, и политологи, и этнологи аргументировали свою позицию, привлекая наиболее яркие бюджетные показатели (перечисления субъектов в федеральный бюджет доли различных налогов, акцизов, и, наоборот, дотации и трансферты, перечисляемые из Центра в регионы)⁵³. Думаю, в этой работе нет нужды приводить статистические показатели, характеризующие бюджетные взаимоотношения федерального Центра и субъектов РФ в постсоветский период. Ограничимся лишь констатацией одного чрезвычайно важного для нашей темы факта: по данным на 1995 год среди регионов-доноров, за счет которых существовала Россия и подавляющее большинство субъектов-реципиентов, "не было ни одной республики... все они относились к дотационным регионам"⁵⁴. Особый интерес для нас представляет содержательная интерпретация этого факта в этнополитическом контексте.

Итак, в начале 90-х годов идеологами националистических движений в республиках активно эксплуатировалась мифологема о том, что Центр многие годы подряд грабил "национальные" республики, а русский народ был

коллективным эксплуататором других народов, населявших "империю зла". При этом тот факт, что социально-экономическое положение русских в России "было нисколько не выше других этнических групп и заметно ниже положения титульных групп в большинстве союзных республик"(В. Козлов)⁵⁵, как правило, во внимание не принимался. Не только республиканские этнозабоченные публицисты, но и некоторые московские аналитики склонялись к мысли о том, что стремление субъектов Федерации к экономической самостоятельности обусловлено неэффективностью жестко централизованной хозяйственной системы, а постсоветская экономическая и политическая дезинтеграция - "неизбежное следствие унитаризма, расплата за отсутствие самостоятельности" (Л. Перепелкин, О. Шкаратан)⁵⁶. Более того, некоторые известные ученые-этнологи всерьез настаивали на том, что нормальное "воспроизводство этничности" возможно только в условиях государственного суверенитета и должно быть связано с преимущественными правами "титульной нации" в пределах соответствующих этногосударственных образований (С. Арутюнов)⁵⁷.

В этой ситуации романтического отождествления идеологии этнического национализма с процессами общей демократизации в стране почти революционно прозвучало заявление В. Тишкова: "Этничность следует рассматривать как средство в коллективном стремлении к материальному преимуществу на социально-политической арене, а наблюдаемая в различных формах *этническая мобилизация диктуется требованием тех или иных материальных факторов*, которые определяют социальное поведение"⁵⁸.

Позже корыстный характер устремлений республиканских этнополитических элит, под флагами "возрождения народов" и "национального суверенитета" реализовавших более чем сомнительную формулу приватизации государственной собственности на территории бывших российских автономий и добившихся, посредством этнополитического шантажа, эксклюзивных прав перераспределять национальный доход России в свою пользу был достаточно отчетливо отражен в отечественной историографии. Вывод о том, что в основе противоречий в сфере федеративных отношений *"лежит конкурентная борьба этнических и политических элит за перераспределение ресурсов – земли, производственных мощностей, власти, источников финансовых поступлений"* (В. Лысенко)⁵⁹ уже никем не подвергается сомнению.

Этнотерроризационный аспект бюджетных отношений стал предметом внимания многих добросовестных исследователей.

Достоянием истории стало то время, когда перипетии политической борьбы сперва Президента СССР с Президентом РФ, а позже Президента РФ с Парламентом РФ позволили партийно-хозяйственной номенклатуре "национальных" республик заметно повысить статус этногосударственных образований в составе РФ, а то и вовсе провозгласить себя "суверенными" и "ассоциированными с Россией". Теперь уже мало у кого вызывает сомнение тот факт, что именно Б. Ельцин, руководствуясь побуждениями сиюминутной политической конъюнктуры, спровоцировал безудержный национализм в бывших автономиях, сознательно инициировал "парад суверенитетов" и поставил Россию перед угрозой конфедерализации (С. Митрохин, А. Аринин и др.)⁶⁰. Именно Президент России призывал объявить собственность республик на недра, рукотворные и нерукотворные богатства на территориях, подконтрольных этническим элитам. И они не заставили себя долго упрашивать. Позже, "возвращение в Россию" мятежных республик (подписание Федеративного договора, затем – двусторонних договоров и соглашений) было сопряжено с новыми преференциями в пользу республик⁶¹. Несколько упрочив свои позиции в Кремле, Президент России пришел к выводу о том, что пора уже попытаться загнать джина суверенизации обратно в бутылку. Сделать это можно было как посредством кнута, так и посредством пряника. В этой ситуации *"выбирая между покупкой (и недешевой) региональных баронов и их силовым "замирением" Борис Николаевич остановился на первом"* (С. Маркедонов)⁶². Покупка, разумеется, состоялась за счет "русских" регионов Российской Федерации. *"В борьбе за целостность России федеральная власть... шла по пути перераспределения собственности и власти в пользу республик в ущерб краев и областей"* (А. Аринин)⁶³.

В. Иванов по этому поводу писал: "В последнее время заметно усилился дрейф регионов в сторону асимметричной федерации (в весьма своеобразной форме) в отличие от, например, 1992 года, когда выход из России звучал повсеместно как актуальный лозунг, как требование националистов. В настоящее время этот лозунг уже становится редкостью. Сейчас во главу угла поставлено стремление получить от Центра разного рода льготы и послабления. И некоторым субъектам Федерации это удалось... Это означает, что *республики практически не участвовали в финансировании депрессивных регионов, социальных программ, армии и ряда других жизненно важных институтов Федерации*"⁶⁴. Не удивительно, что республиканские политические элиты так дружно настаивают

на «дифференцированном характере отношений между федеральным Центром и каждым отдельным субъектом Российской Федерации» (М. Зайцев)⁶⁵.

Слабый и лукавый Президент уже не был в состоянии противостоять требованиям республиканских лидеров: слишком много позиций было "сдано" в то время, когда откровенный национализм трактовался как борьба за "национальное возрождение", когда сепаратизм был главным аргументом Казани, Уфы, Якутска во взаимоотношениях с Москвой. Уже в середине 90-х годов исследователи констатировали "Налоговая асимметрия части республик и остальных субъектов Федерации не устранена... Это побуждает регионы постоянно обращаться к идее... установления равных для всех правил игры. Тот факт, что требование это до сих пор не находит практической реализации в сфере финансового федерализма, отчасти объясняется *неспособностью Центра лишить республиканские элиты власти*, которую они получили во время "парада суверенитетов" (Г. Каменская)⁶⁶.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что этнически детерминированная асимметрия федеративного устройства страны неизбежно сопряжена с эксплуатацией "неэтнических" территорий. Богатые ресурсами республики не желали ничего перечислять в федеральный бюджет (хотя в случае чрезвычайных ситуаций требуют экстренных субсидий на ликвидацию последствий пожаров, наводнений и проч.), а республики бедные требовали дотаций и трансфертов. И в том, и в другом случае единственным аргументом служила угроза этнического сепаратизма. Угроза, которую со второй половины 90 – х годов в Кремле всерьез уже не воспринимали, но, не желая дестабилизации этноконтактной ситуации в стране, предпочитали правящие этнические элиты субсидировать. А те, в свою, очередь, субсидировали и поддерживали националистические партии-эфемериды, чтобы было чем пугать федеральный Центр, если он, паче чаяния, захочет льготы и привилегии отобрать. Таким образом *"не только отсталость и экономические трудности*, но и относительно высокий уровень развития может быть сопряженным и содействовать росту этнонационализма. Функции его могут быть разнообразными. В отдельных национальных республиках РФ проявляется тенденция к использованию этнического фактора как способа поддержания или достижения доминирования по отношению к менее развитым регионам" (Н. Гусейнова, И. Ладодо, М. Назаров)⁶⁷.

Подобная политическая стратегия не только провоцировала напряженности в межсубъектных отношениях и отношениях регионов и Центра, не только служила дестабилизирующим этноконтрактную ситуацию фактором, но и губительно сказывалась на макроэкономической ситуации в стране. Наиболее авторитетные экономисты утверждают, что в условиях нарастания нормативно-правовой и статусной асимметрии в федеративных отношениях, доходы государственного бюджета часто используются для финансирования наиболее конфликтных в этнополитическом отношении регионов. "Подобная практика не только резко снижает интерес регионов к расширению собственной доходной базы, но и вступает в противоречие с принципом экономической самодостаточности" (С. Валентей)⁶⁸. Добавим, что подобная бюджетная стратегия Центра побуждала республиканских этнократов к латентной поддержке наиболее одиозных этнополитических структур, выступающих под откровенно националистическими и сепаратистскими лозунгами. Действительно, инспирировать межэтническую напряженность значительно проще, нежели наращивать доходную базу дотационной республики.

Сложившаяся ситуация во многом объясняется особенностями политического поведения Б. Ельцина. Первый Президент России в поисках политической клиентелы всякий раз в преддверии как президентских, так и парламентских выборов искал поддержки лояльных ему региональных лидеров. Особый интерес для него представляли в такой ситуации этнократические элиты ряда "национальных" республик: авторитарный характер управления и особенно низкий уровень политической культуры населения служили гарантией получения потребного Б. Ельцину уровня электоральной поддержки. Всякий раз Кремль "расплачивался" с республиканскими лидерами все новыми объемами переданных "на места" прав и полномочий. По словам спикера Совета Федерации Е. Строева "конституционный принцип равенства субъектов Федерации был заблокирован самой властью и обрел причудливую форму"⁶⁹. В силу этой причудливости "региональная финансовая политика РФ отличалась как скрытой, так и открыто признаваемой селективностью. В результате двусторонних переговоров отдельным регионам устанавливались льготные нормы налогообчислений или даже предоставлялись прямые субсидии... Очевидным является одно обстоятельство. В последнее время продолжала наблюдаться тенденция в распределении доходов по регионам РФ, при которой *регионы (преимущественно с русским населением), как правило, предстают в качестве проигравших, тогда*

как этнические республики постоянно оказывались в числе выигравших" (Н. Гусейнова, И Ладодо, М. Назаров)⁷⁰.

Для понимания генезиса новой идеологии федеративных отношений в годы правления первого Президента России важен также постулат, согласно которому Кремль был заинтересован в наращивании асимметрии ничуть не меньше, чем корыстные республиканские этнократы. В этой связи Г. Каменская справедливо отмечает: "Когда федеральный бюджет оказывается во все большей зависимости от поступлений из ограниченного круга регионов-доноров, то Центр заинтересован в максимальной индивидуализации торга, в разобщении регионов"⁷¹.

Исследователи постсоветского федерализма также обращали внимание на тот факт, что политика "бюджетного сепаратизма" во многом позволила республикам финансировать свои дополнительные социальные программы, дотировать широкий круг потребительских товаров, проводить особую кредитную политику. Все это составляло финансовую основу политики безудержного популизма ряда республиканских лидеров и преподносилось республиканскими органами государственной власти как достижения политики суверенитета. "На самом деле, - пишет А. Аринин, - происходило перераспределение созданного общими усилиями россиян национального дохода в пользу населения отдельных регионов"⁷². Или, по словам В. Лысенко "получалось, что часть субъектов Федерации тратит последние гроши на содержание общей армии, милиции, транспорта, связи, а другие в это время расходуют основные деньги на себя, обеспечивая местному населению более высокий уровень жизни и, соответственно, лояльность к местной власти"⁷³.

Исследователи, анализирувавшие бюджетный процесс в конце минувшего столетия, обращали внимание и на другой аспект его "этнической детерминированности". Если "сильные" – ресурсообеспеченные и экономически развитые – республики заявили о своем нежелании перечислять сколько-нибудь заметную долю собираемых на их территории налогов в федеральный бюджет, то "слабые", извечно дотационные республики (а их в составе РФ подавляющее большинство), напротив, объявили о своем желании получать непомерно много из федерального бюджета. И в том, и в другом случае аргумент в полемике этнократов с федеральным Центром был один – "национальные особенности" и "угроза межэтнических конфликтов". Для того, чтобы этот аргумент был весомым, республиканские элиты поддерживали необходимый уровень

межэтнического противостояния в "своих" республиках и латентно поощряли деятельность "титულных" националистических организаций. Кремль, памятуя неприятности начала 90-х годов, не скупился на дотации и трансферты. При этом, *"дотационными, как правило, выступали республики и национальные автономии"*, что "существенным образом усиливало противоречия между национально-государственными и национально-территориальными образованиями, с одной стороны, и административными, с другой" (Р. Абдулатипов)⁷⁴.

Ничем не обоснованные претензии руководителей "национальных" республик на особый политический статус, всевозможные амбициозные проекты (например, строительство новой столицы республики или "шахматной столицы" России в республиках, практически полностью прибывающих на иждивении федерального бюджета), претензии на политическое доминирование (формирование Совета Глав республик), постоянные "секретные" соглашения лидеров республик с Кремлем – все это вызывало глухой ропот, а иногда и открытые демарши со стороны глав администраций краев и областей России. (Достаточно вспомнить провозглашение Уральской республики, объявление "суверенитета" Вологодской области и проч.) Как констатировал В. Лысенко, "именно после подписания договора с Татарстаном", когда "особый статус был предоставлен национально-государственному образованию, игнорировавшему Конституцию и законы России, *начался всплеск настроений в пользу "губернизации" России и создания Русской республики"*⁷⁵.

Соответственно, и у практических политиков, и у экспертов все чаще возникал далеко не риторический вопрос: "А насколько экономически целесообразно сохранять, поддерживать те регионы, которые в основном и содержаться федеральным бюджетом?" (Ж. Тощенко)⁷⁶. Все более очевидным становился тот факт, что говорить о федерализме в государстве, львиная доля территорий которого содержится за счет нескольких регионов-доноров значит профанировать саму идею федерализации постсоветской России. Тем более странно было говорить о государственном статусе субъектов федерации, не способных даже отчасти обеспечить жизненные потребности своего населения. Хроническая неспособность ряда национально-территориальных квазигосударственных образований обеспечить хотя бы минимально приемлемый уровень даже не благосостояния, а выживания своего населения ставила федеральный Центр перед необходимостью принятия *"не федеративных, а патерналистских решений"*. Действительно, о каком федерализме – *то есть*

равноправном разделении ответственности и обязанностей уровней власти может идти речь в отношении регионов, бюджет которых почти на 100% формируется за счет дотаций федерального Центра" (П. Федосов)⁷⁷.

Несоответствие экономического потенциала и политического статуса большинства этногосударственных образований в составе Российской Федерации многократно отмечалось в работах отечественных авторов. Е. Бухвальд, в частности, отмечая деструктивный характер такого несоответствия писал: "Было бы не столь опасно, если бы индивидуализированные статусы хоть как-то соотносились с реальными социально-экономическими возможностями (ресурсами) соответствующих субъектов Федерации (правовая асимметрия как естественная проекция асимметрии экономической. На самом же деле *эти статусы формировались по принципу национально-этнических уступок, политической лояльности Центру со стороны "региональных лидеров"*⁷⁸.

Разумеется, отмеченные диспропорции бюджетного взаимодействия Центра и регионов вызвали острое недовольство региональных элит "неэтнических" субъектов Российской Федерации.

При этом стратегия действий областных и краевых элит была различной. В одном случае она была обусловлена в большей степени желанием не отстать от республиканских этнократов в получении льгот и привилегий. "Наблюдая за тем, как некоторые автономии фактически почти не платят налогов в федеральный бюджет, получая из него субвенции, как растет статусный престиж правящих элит автономных республик, население и руководители ряда российских областей *видело в этом соблазнительный пример для подражания*. Отсюда произрастало стремление провозгласить области и края государственно-территориальными субъектами, наравне с республиками" (Ю. Красин)⁷⁹. Многие губернаторы, также как и республиканские лидеры, в условиях практически бесконтрольной приватизации стремились к максимальной автономии от федерального Центра. В региональных экспертных сообществах формулировался тезис о том, что "назрела необходимость *повышения управленческого статуса региона*, что возможно только при выравнивании прав всех субъектов Федерации" (Ю. Васютин, В. Иванов)⁸⁰.

В другом случае возобладал государственный подход и забота о целостности государства. Восстали, прежде всего, лидеры наиболее финансово и экономических мощных регионов-доноров. Мэр Москвы Ю Лужков, выступая в 1996 году в Совете Федерации на обсуждении бюджета, выразил свой протест

против бюджетной дискриминации следующим образом: "Мне все больше и больше приходит в голову мысль, желание стать не самостоятельным субъектом Федерации, а стать городом Татарстана. И в этом случае город Москва, потеряв самостоятельность, приобретет могучий, небывалый экономический потенциал, потому что *те налоги, которые платит Татарстан и некоторые другие республики в соответствии с какими-то особыми условиями, которые должны быть абсолютно равными в Российской Федерации, несоизмеримы с тем, что платит Москва или другой областной или краевой субъект Российской Федерации*"⁸¹.

Еще более резко вербализовал позицию руководителей областных администраций В. Зубов (в то время - губернатор Красноярского края): "Если у федерального правительства нет политической воли навести единый порядок в стране, *на Сибирь не рассчитывайте*"⁸².

Губительность "бессистемной система раздачи льгот и дотаций различным регионам в зависимости от того, где побывает федеральное руководство" при полном отсутствии "механизма фиксации раздачи льгот в системе бюджетного контроля" (Р. Абдулатипов)⁸³ была осознана не только "обделенными" региональными элитами, но и многими рационально мыслящими политиками и даже представителями властной элиты Москвы. Так Б. Федоров, будучи министром финансов России, предупреждал: "Введение одноканальной системы сбора и перечисления налогов в федеральный бюджет властями Башкирии, Татарии, Карелии, Чечни и Якутии есть *прямой путь к развалу России*"⁸⁴.

Уникальность этнизированной модели российского федерализма и ничем, кроме политической конъюнктуры, необъяснимые этнические пристрастия первого Президента страны привели к тому, что фактическим основанием для бюджетных отношений федерального Центра и субъектов Федерации стала этническая идентичность граждан страны, проживающих на территории того или иного субъекта. Статусная дифференциация субъектов Федерация была в полной мере дополнена дифференциацией экономической. Многие исследователи фиксировали внимание на этой абсурдности этой ситуации и подчеркивали "что практика российского федерализма крайне далека в этом отношении от мирового опыта... Ни в одной из зарубежных федераций *нет таких "особых" бюджетных отношений среди субъектов Федерации*" (А. Аринин)⁸⁵. Неоднократно специалисты декларировали аксиоматичное положение, согласно которому

"основополагающим принципом федерализма выступает равенство прав федерации и ее субъектов в рамках предметов их ведения" и подчеркивали, что "названный принцип является системообразующим, базовым" (С. Валентей)⁸⁶ для всякой нормальной, "здоровой" федеративной страны. Экспертное сообщество недвусмысленно предостерегало власти предрезающие относительно того, что, избрав путь рационально немотивированных предпочтений в отношении отдельных территорий, следует помнить: "при определенных обстоятельствах такие предпочтения могут служить ориентирами в росте амбиций «обделенных» региональных элит и выполнять роль кумулятивного разрушителя здания российской государственности" (С. Шишкин)⁸⁷, что "в практике федеративных отношений эти социально-экономические диспропорции ведут к росту напряженности во взаимоотношениях между краями и областями, с одной стороны, и республиками, с другой" (В. Лысенко)⁸⁸.

И региональные элиты, в свою очередь, декларировали, что "путь истинного федерализма для всех – *объединение субъектов на взаимовыгодной основе*. Это путь пропорционального, относительно своей налогооблагаемой базы, процента налога, перечисляемого в Центр. Это, наконец, справедливый анализ двусторонних договоров с Центром и *честное выравнивание прав субъектов Федерации*" (А. Сычев – председатель Новосибирского областного Совета депутатов, председатель Комитета Совета Федерации по делам Федерации, Федеративному договору и региональной политике)⁸⁹.

Позиция губернаторов регионов-доноров, то есть тех регионов, за счет которых обеспечивается эксклюзивное благополучие ряда "национальных" республик, была отчетливо сформулирована Ю Лужковым: "Принципы корпоративного бюджетного федерализма сводятся к двум условиям: к равной (в процентном отношении) нагрузке налогового потенциала и равной (в процентном же основании) бюджетной обеспеченности территории. Именно эти условия обеспечивают равенство регионов... При предлагаемом подходе *Федерация строится не на национальных, а на взаимовыгодных (а значит, и более справедливых) экономических принципах*"⁹⁰.

Идея обеспечения единого для всей страны социального стандарта прочно укоренилась в политической ментальности российских сенаторов. Р. Абдулатипов (ныне представляющий Саратовскую область в Совете Федерации) формулирует практически ту же идею: "Конечно, надо ввести другую систему отчислений, где было бы ясно видно, сколько приходится на каждый

субъект Федерации в среднем. Республики, другие территории входят в состав Российской Федерации, значит, во всех субъектах Федерации надо утверждать и *обеспечивать единые стандарты социальных и других услуг*"⁹¹.

Разумеется, обеспечить единый социальный стандарт в России можно только при сохранении значительной асимметрии в бюджетных взаимоотношениях регионов и Центра: слишком велики их различия в экономическом потенциале, природных ресурсах, климатических условиях и др. И прав М. Козлов, констатирующий, что "для Российской Федерации *определенная неоднородность бюджетного устройства – объективная реальность*" и полагающий, что "именно поэтому необходимы законодательные ограничения, гарантирующие *правовую определенность межбюджетных отношений*"⁹². Критерий единого социального стандарта позволяет легитимно оформить такого рода ограничения, избавив бюджетный процесс от опасного давления этнополитического фактора.

Обеспечение единого социального стандарта жизни для всех россиян вне зависимости от статуса субъекта Федерации, на территории которого они проживают, от его экономического потенциала, от их собственной этнической идентичности и этнической идентичности их соседей – вот единственное, что может сделать институт федерализма привлекательным для большинства россиян. "*Российское общество должно ориентироваться не на создание Федерации ради Федерации... а прежде всего на обеспечение условий при которых граждане признают ее для себя экономически и социально выгодной*. Только в этом случае отечественная федеративная государственность окажется не очередной конституционной фикцией (подобной имевшей место в советский период), а сыграет роль той единственно приемлемой для России институциональной основы, без которой демократизация нашего общества невозможна в принципе" (С. Валентей)⁹³.

Резюме

Асимметричное устройство Российской Федерации по-разному интерпретируется учеными, политиками и публицистами.

Те, кто склонен онтологизировать этносы и, соответственно, декларируют свою приверженность к политическим формам реализации права на свободу этнической самоидентификации, настаивают на необходимости и впредь

сохранять в составе федеративного государства два десятка субъектов имеющих особый государственный статус и сопряженные с этим статусом особые привилегии и полномочия. При этом, рациональное объяснение причины того, почему представители именно этих двух десятков этнокультурных сообществ получили эксклюзивное право на создание "своей" этнической государственности либо отсутствует, либо сводится к тривиальной констатации "так исторически сложилось". Напротив, те, кто видит в этничности лишь акт отождествления индивида с той или иной культурной традицией и, в связи с этим отдают предпочтение экстерриториальным формам реализации права индивидов на этнокультурную самоидентификацию, настаивают на конфликтогенности принципа асимметричной федерации, не считают убедительным довод "так исторически сложилось" и заявляют о неправомерности конституирования особых статусов и прав "национальных" республик в составе России.

Первые уверены в том, что "национальная специфика" населения республик служит достаточным основанием требовать перераспределения совокупного бюджета федеративного государства (в форме особых бюджетных отношений с федеральным Центром, эксклюзивных налоговых прав, трансфертной политики, дотаций и проч.) в пользу этногосударственных субъектов Российской Федерации. Вторые, напротив, считают подобное перераспределение федеральных доходов проявлением этнической и региональной дискриминации в отношении представителей "нетитульных" этнических групп и административно-территориальных субъектов федеративного государства.

Первые настаивают на необходимости получения дополнительных финансовых ресурсов под предлогом "возрождения" культуры "титульного" этноса, вторые отказываются видеть различия в потребности финансирования этнокультурных "титульных" и "нетитульных" граждан России.

¹ Бухвальд Е. Новая стратегия реформ и перспективы российской государственности//Федерализм. 1999. № 2. С. 51.

² Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 42. См. также: Чиркин В.Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ//Государство и право. 1994. № 8-9. С. 150-158.

³ Умнова И., Ермакова Н. Исторический и современный опыт асимметрии государственного устройства России//Федерализм в России. Казань, 2001. С. 296.

⁴ Сироткин С. Выступление в дискуссии//Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. Осипов А.Г. М, Звенья. 1997. С. 70-71.

⁵ Барциц И.Н. Категория суверенитет в правовой теории и практике Российской Федерации//Автореф. Дисс. канд. юридич. наук. М., РАГС. 1995. С. 18.

⁶ Столяров М.В. Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа. Казань, ФЭН. 1998. С. 8.

-
- ⁷ Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., Славянский диалог. 1996. С. 80.
- ⁸ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., Юрист. 1995. С. 119.
- ⁹ Золотарева М.В. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁰ Мухаметшин Ф. Федерализм в России: состояние и перспективы развития//Казанский федералист, 2002. № 1. С. 8.
- ¹¹ Тишков В. Pro et Contra этнического федерализма в России//Федерализм в России. Казань, 2001. С. 24.
- ¹² Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001. С. 8.
- ¹³ Чешко С.В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России//Этнографическое обозрение 1993. № 6. С. 39.
- ¹⁴ Абдулатипов Р. Указ. соч. С. 15.
- ¹⁵ Хакимов Р.С. Об основах асимметричности Российской Федерации//Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., ИС РАН. С. 37.
- ¹⁶ Цит. по: Чечевишников А. Федерация с казанской колокольни//Век. 1999. № 11. С. 12.
- ¹⁷ Барциц И. Союз Россия – Беларусь: неизвестный миру тип федерации? //Федерализм. 1999. № 2. С. 194.
- ¹⁸ Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., ЦИМО. 2000. С. 191.
- ¹⁹ Сироткин С. Указ соч. С. 71.
- ²⁰ Хакимов Р. Об основах асимметричности Российской Федерации//Федерализм в России. Казань, 2001. С. 267.
- ²¹ Иванов В.Н. Россия федеративная (кризис и пути его преодоления). М., ИСПИ РАН. 1999. С. 19.
- ²² Чешко С.В. Указ. соч. С. 39.
- ²³ Умнова И., Ермакова Н. Указ. соч. С. 297.
- ²⁴ Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации// Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 166.
- ²⁵ Иванченко Л.А. Управление региональной экономикой федеративного государства. Организационные и правовые приоритеты. М., 1998. С. 18.
- ²⁶ Абдулатипов Р. Указ. соч. С. 24.
- ²⁷ Федосов П. Федерация в России – некоторые вопросы теории//Федерализм в России. Казань, 2001. С. 11.
- ²⁸ Иордан М.В. Центр-регион: формула взаимосвязи (подход к проблеме)//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 43-44.
- ²⁹ Аяцков Д.Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века). Автореф. дисс...докт. историч. наук. М., 1999. С. 39.
- ³⁰ Иванов В.Н. Россия федеративная... С. 18.
- ³¹ Васильева О. Есть ли будущее у этнического федерализма в России?//Новое время. 1995. № 2-3. С. 19.
- ³² Губогло М.Н. Указ. соч. С. 188.
- ³³ Абдулатипов Р. Указ. соч. С. 96.
- ³⁴ Мерзликин Н.В. Разработка доктрины региональной политики – назревшая необходимость//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации... С. 46.
- ³⁵ Тощенко Ж.Т. Асимметрия как принцип национального и федерального строительства//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации... С. 56.
- ³⁶ Там же. С. 57-59.
- ³⁷ Там же. С. 58.
- ³⁸ Там же. С. 59.
- ³⁹ Там же. С. 57.
- ⁴⁰ Там же. С. 59.
- ⁴¹ Лысенко В.Н. Договорные отношения как фактор обострения противоречий краев и областей с республиками//Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., ИС РАН. 1998. С. 15.
- ⁴² Абдулатипов Р. Указ соч. С. 35.
- ⁴³ Тарнапольский Р.И. Теоретические проблемы республиканской конституции. Материалы научной конференции//Советское государство и право. 1992. № 2. С. 23.
- ⁴⁴ Золотарева М.В. Указ соч. С. 45.
- ⁴⁵ Валентей С.Д. Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998. С. 87.

- ⁴⁶ Валентей С. Российские реформы и российский федерализм//Федерализм. 1996. № 1. С. 29.
- ⁴⁷ Гусейнова Н.А., Ладодо И.В., Назаров М.М. О развитии федерализма// Федеральный центр и субъекты Российской Федерации... С. 87.
- ⁴⁸ Строев Е. Российский федерализм: нужно идти дальше общих формул//Федерализм. 1996. № 3. С. 8.
- ⁴⁹ Бухвальд Е. Новая стратегия реформ и перспективы российской государственности//Федерализм. 1999. № 2. С. 51.
- ⁵⁰ Там же. С. 53.
- ⁵¹ Митрохин С. Дефективный федерализм: симптомы, диагноз, рецепты выздоровления//Федерализм. 1999. № 2. С. 63.
- ⁵² Дробижева Л. Проблемы асимметричной федерации в глазах элиты и масс//Федерализм в России. Казань, 2001. С. 332.
- ⁵³ См., например: Абдулатипов Р. Указ соч.; Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997; Валентей С.Д. Федерализм: российская история и российская реальность; Иванченко Л.А. Управление региональной экономикой федеративного государства. Организационные и правовые приоритеты. М., 1998 и др.
- ⁵⁴ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 79.
- ⁵⁵ Козлов В.И. Этнос и хозрасчет (к проблеме национализма в СССР)//Советская этнография. 1991. № 3. С. 19.
- ⁵⁶ Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И. Экономический суверенитет республик и пути развития народов (теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни)//Советская этнография. 1989. № 4. С. 43-44.
- ⁵⁷ Арутюнов С.А. Об этнокультурном воспроизводстве в республиках//Советская этнография. 1990. № 5. С. 26.
- ⁵⁸ Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. М., ИЭА РАН. 1993. С. 4-5.
- ⁵⁹ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. С. 97.
- ⁶⁰ См. об этом подробнее: Митрохин С. Редкий губернатор не мечтает стать ханом//Общая газета. 1996. № 44. 6-13 ноября; Аринин А.Н. Указ соч.
- ⁶¹ Подробнее см.: Аринин А.Н. Российский федерализм: истоки, проблемы и перспективы развития. М., 1999; Аяцков Д.Ф. Становление бюджетного федерализма. Саратов, СГСоц-экУ. 1999; Вдовин А.И. Особенности этнополитических отношений и формирование новой государственности в России. (Исторический и концептуальный аспекты). М., 1993 и др.
- ⁶² Маркедонов С. "Вестфальская" Россия//Гражданин. 2001. 21 августа.
- ⁶³ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века... С. 35.
- ⁶⁴ Иванов В.Н. Взаимодействие Федерального центра и регионов: доминирующие тенденции и проблемы//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации... С. 35.
- ⁶⁵ Цит. по: Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности... С. 11.
- ⁶⁶ Каменская Г.В. Федерализм: мифология и политическая практика. М., ИМЭМО. 1998. С. 102.
- ⁶⁷ Гусейнова Н.А., Ладодо И.В., Назаров М.М. Указ. соч. С. 83.
- ⁶⁸ Валентей С.Д. Экономические проблемы становления российского федерализма//Федерализм. 1999. № 1. С. 103.
- ⁶⁹ Строев Е.С. Трудный поиск отечественной модели федеративных отношений//Федерализм. 1999. № 1. С. 6-7.
- ⁷⁰ Гусейнова Н.А., Ладодо И.В., Назаров М.М. О развитии федерализма//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 82.
- ⁷¹ Каменская Г.В. Федерализм: мифология и политическая практика. М., ИМЭМО. 1998. С. 101.
- ⁷² Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 44.
- ⁷³ Лысенко В.Н. Договорные отношения как фактор обострения противоречий краев и областей с республиками//Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., ИС РАН. 1998. С. 28.
- ⁷⁴ Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., Славянский диалог. 1996. С. 98.
- ⁷⁵ Лысенко В.Н. Договорные отношения как фактор обострения противоречий краев и областей с республиками... С. 19.
- ⁷⁶ Тощенко Ж.Т. Указ. соч. С. 57.
- ⁷⁷ Федосов П. Федерация в России – некоторые вопросы теории//Федерализм в России. Казань, 2001. С. 11.

-
- ⁷⁸ Бухвальд Е. Новая стратегия реформ и перспективы российской государственности//Федерализм. 1999. № 2. С. 49.
- ⁷⁹ Красин Ю.А. Федерализм: российская реальность и исторический опыт//Федерализм: поиски ответов на новые вызовы. М., Горбачев-Фонд. 1993. С. 41.
- ⁸⁰ Васютин Ю.С., Иванов В.Н. Проблемы соотношения федеральных и региональных структур. Орел, 1997. С. 14.
- ⁸¹ Цит. по: Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века... С. 44.
- ⁸² Цит. по: Галиев А. Анатолий Чубайс рассчитывает на Сибирь//Эксперт. 1997. № 18. С. 9.
- ⁸³ Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., Славянский диалог. 1996. С. 99.
- ⁸⁴ Цит. по: Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 43.
- ⁸⁵ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века... С. 61.
- ⁸⁶ Валентей С.Д. Экономические проблемы становления российского федерализма//Федерализм. 1999. № 1. С. 103.
- ⁸⁷ Шишкин С. Государственно-правовые проблемы регионализации в Российской Федерации. Иркутск, 1996. С. 141.
- ⁸⁸ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. С. 79.
- ⁸⁹ Сычев А. Без коренной смены экономического курса государства невозможен эффективный федерализм//Федерализм. 1997. № 2. С. 47.
- ⁹⁰ Лужков М.Ю. Ныне мы имеем историческую возможность построить прочное федеративное государство//Федерализм и региональные отношения (Опыт России и западной Европы). Сер. "Столица и регионы". М., Этносфера. 1999. С. 18-19.
- ⁹¹ Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века... С. 99.
- ⁹² Козлов М.С. Новые тенденции в отношениях субъектов Федерации с органами власти Центра//Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., ИС РАН. С. 55.
- ⁹³ Валентей С. Российские реформы и российский федерализм//Федерализм. 1996. № 1. С. 27.

Глава 3

Федерация конституционная или договорная? Полемика по поводу предпочтительной формы легитимизации федеративного устройства страны.

"Политизированная этничность – новое действующее лицо на политической арене, несущее угрозу существующим общественным институтам и государству в целом".

Дж. Ротшильд

Выше мы рассмотрели полемику по поводу конституционно-статусных различий субъектов Российской Федерации, обусловленных этнической природой ее федеративного устройства. К сожалению, этнополитические катаклизмы 90-х годов привели к появлению новой - договорной - детерминанты асимметрии отечественной модели федеративных отношений. Ныне "равноправные" субъекты различаются не только в силу различного конституционного статуса, но и субъекты с единым статусом разнятся между собой в правах и полномочиях в силу договорной практики, ставшей формой политической объективации особых отношений этнических и региональных элит с безвольным и беспринципным Центром "эпохи Ельцина". Подписание Кремлем эксклюзивных вертикальных договоров с субъектами-фаворитами означало внедрение в политическую практику двух моделей распределения власти: "Одни субъекты получают различные льготы и привилегии, в силу отказа Федерации от полномочий. Другие довольствуются унифицированной схемой, остающейся во многом декларацией о намерениях" (А. Усс)¹.

Сразу отметим, что мы не склонны дифференцировать смысл и значение Федеративного договора и эксклюзивных договоров, заключенных с субъектами Федерации уже после принятия действующей Конституции РФ. И сам Федеративный договор (корректнее было бы говорить договоры), и так называемые "особые приложения" к нему, так же как последующие двусторонние договоры Центра и субъектов о разграничении полномочий и предметов ведения

представляют собой не более чем этапы договорного процесса, призванного усилить этническую асимметрию федеративных отношений в России.

Формально заключение Федеративного договора и договоров о разграничении полномочий между Центром и регионами лежит вне сферы этнополитического анализа. Такого рода соглашения в нормальном государстве вероятно, могли бы естественным образом регламентировать распределение властных полномочий на всех уровнях исполнительной и законодательной власти. Но это утверждение применимо только к нормальному неэтнизированному федеративному государству. В России же этничность как ржавчина разъедает государственность и пронизывает все сферы политического бытия. В силу этого прискорбного факта первоначально и практика заключения эксклюзивных договоров федерального Центра с отдельными субъектами приобрела форму этносепаратистского шантажа, стала способом мобилизации этнического фактора в целях удовлетворения политических притязаний и материальных интересов республиканских этнократических элит. Нет ничего удивительного в том, что этническая детерминированность договорного процесса стала особым поводом для дискуссии в отечественной федералистике.

В этническом контексте обсуждаются многие аспекты интересующей нас проблемы. Многочисленные историографические факты предлагают различные интерпретации этнической специфики договорного процесса; версии целеполагания сторон при заключении эксклюзивных "вертикальных" договоров и политических результатов договорной эйфории; трактовки статуса и правового характера двусторонних договоров и, в связи с этим, конституционности договорной практики; возможностей законодательного регулирования договорного процесса. В конечном счете, то или иное понимание сути названных аспектов проблемы предполагает и ответ на фундаментальный вопрос: договорная этнизированная асимметричная федерация – стратегия или тактика государственного строительства в России?

Обсуждение названных проблем в отечественной федералистике и станет предметом рассмотрения в этой главе. Сразу отметим, что содержательный и сравнительный анализ самих договоров не входит в задачу нашего историографического анализа.

Этническая специфика договорных отношений.

В контексте нашей темы особый интерес представляет вопрос о том, имеет ли договорный процесс этническую окраску и, соответственно, в какой степени этническая детерминированность договорной практики отрефлектирована в отечественной федералистике 90-х годов. Иначе говоря, это вопрос о том, насколько вообще правомерно включать этот раздел в структуру нашего анализа.

Прежде всего, подчеркнем, что, по мнению ряда авторов, уникальность российской модели этнизированного федерализма обуславливает и уникальный договорной характер распределения предметов ведения и полномочий субъектов Федерации. Констатируя тот прискорбный факт, что российский федерализм помимо Конституции и федеральных законов (как в остальных федеративных странах мира) базируется также на Федеративном договоре и договорах о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации, критики договорной практики подчеркивают, что *"такого рода договоров нигде нет, вопросы разграничения предметов ведения и полномочий решаются конституционным и законодательным образом"* (В. Лысенко)², что *"мировая практика современного федерализма не знает договорных федераций"* (А. Аринин)³.

То, что договорный процесс с самого начала имел ярко выраженную этническую "окраску" осознано и описано как сторонниками, так и противниками эксклюзивных отношений федерального Центра со своими субъектами.

Апологеты договорной федерации чаще всего прямо связывают внедрение вертикальных договоров и соглашений в практику федеративных отношений с достижениями "народов" в борьбе за "национальное самоопределение". Такой способ конструирования федеративных отношений выступает в их интерпретациях как один из механизмов реализации пресловутой "национальной" (этнической) политики. С точки зрения М. Губогло договорные новации стали адекватным ответом на *"вызовы национальных движений"* первой половины 90-х годов. Он, в частности полагает, что *"договорный процесс... нейтрализует эти вызовы, поддерживая баланс децентрализации и централизации на необходимом для стабильности и устойчивости уровне, скрепляет воедино официальную национальную политику, идущую от*

государства, с гражданской национальной политикой, рожденной в расширяющемся поле гражданского и *национального самоопределения*, в горниле демократизации и модернизации новой России, учитывает, наконец, глубокую дифференциацию природных, экономических, социально-профессиональных и *этнокультурных условий* такой огромной страны, какой является Россия. Этот договорный процесс в известной мере является урожаем, возвращенным *не без участия национальных движений* в постсоветской России"⁴. В другом месте его труда мы находим прямое признание того факта, что договорной процесс был: "ответом Российского государства и его нынешних властных структур *на вызовы национальных движений* и вызванных ими "парада суверенитетов" с его тенденцией к стихийности и утверждения *этнокорпоративных приоритетов*, гражданского подъема и *национального самосознания*"⁵.

Вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что "многоярусный" Федеративный договор и ситуативные двусторонние договоры позволили "нейтрализовать" вызовы, брошенные российской государственности республиканскими этносепаратистами. Напротив, по мнению более объективных исследователей они стали причиной острого кризиса федеративных отношений. Дискриминационный в отношении "ненациональных" субъектов РФ и представителей "нетитульных" этнокультурных общностей России договорный процесс создал "ситуацию соперничества и отчуждения одних субъектов от других" спровоцировал, в свою очередь, "стихийный процесс суверенизации уже краев и областей, *которые не желали быть заложниками псевдофедеративных отношений, участниками разрушения целостности России*" (А. Аринин)⁶. Если следовать этой логике, то нет никаких оснований ставить договорную практику в заслугу так называемых "национальных движений". Заслуги такого рода в любом нормальном государстве стали бы предметом внимания правоохранительных органов.

Идеологи, по роду службы призванные обосновывать рациональность кремлевского официоза, часто вербализуют мысль о том, что "вертикальные" договоры не были ситуационной реакцией на этнополитические катаклизмы начала 90-х годов, а, напротив, представляют собой продуманную стратегию оптимизации федеративных отношений в России. По этой версии первые "асимметричные" политизированные договоры с республиканскими этнократами не более чем исключение из правила. С. Шахрай, например, сетует на то, что

"расхожее мнение о практике работы по разграничению предметов ведения и полномочий базируется... именно на ранних договорах, вроде *татарстанского*, а отнюдь не на последних модельных документах" и с известным удовлетворением констатирует, что "в течение 1994-1995 годов постепенно вырабатывалась процедура подготовки и подписания договоров... которая к настоящему времени приобрела устоявшийся, почти *"технологический"* и почти *неполитизированный характер*"⁷.

Этот схоластический прием используется для того, чтобы закоммуфлировать вполне очевидную истину, неоднократно описанную в новейшей российской федералистике: первые двусторонние договоры, действительно имевшие вполне определенные правовые последствия и реально перераспределявшие власть и собственность в пользу субъектов Федерации *"заклучались по политическому признаку*, а именно – с республиками... причем с теми, в которых либо сильны были сепаратистские настроения, либо остро ощущалась *"неудовлетворенность"* уравниванием их прав с краями и областями" (В. Лысенко)⁸. Последующие договоры, заключенные с краями и областями в подавляющем большинстве случаев ничего не меняли в статусе и полномочиях соответствующих субъектов и носили сугубо декларативный характер. Для непредвзятых исследователей вполне очевидно, что договорный процесс был инициирован республиканскими этнократами с целью усиления пресловутой этнической *"асимметрии"* российского федерализма: в итоге договорного процесса *"политические власти республик выторговывали себе больше прав по сравнению с остальными субъектами"* (А. Аринин)⁹.

Именно мобилизованная этничность стала первопричиной договорного процесса. Неспособный противостоять натиску националистов Кремль вынужден был элиминировать угрозу этнического сепаратизма и масштабных межэтнических конфликтов путем сепаратных сделок с наиболее амбициозными этнократами. Двусторонний договор стал паллиативным средством, позволявшим федеральным властям сохранить приличную физиономию в ситуациях, когда его политическая недееспособность становилась слишком откровенной. Дефицит легитимности не позволял достойно решать этнические проблемы политическими средствами, а для вооруженного подавления агрессивного национализма не было ни сил, ни политической воли. Двусторонний договор отнюдь не был целесообразной стратегией федеративного строительства: он возникал тогда,

когда угроза межэтнической конфронтации становилась слишком очевидной. В этом контексте важно отметить свидетельство С. Шахрая о том, что "формула такого Договора была впервые выработана отнюдь не в Казани, а на переговорах российской и чеченской делегаций в Грозном"¹⁰. Апробации эксклюзивного договора с чеченскими сепаратистами воспрепятствовала только постыдная военная операция И. Грачева. Зато идеологи татарского национализма вовремя поняли, что от Б. Ельцина можно добиться куда большего, если использовать воспаленное этническое самосознание соплеменников для "продавливания" конфедеративного по своей природе сепаратного договора с республикой. Так появился документ, ставший камнем преткновения на пути к нормальной демократической федерации и желанным образцом для этнократов во всех прочих этногосударственных субъектах Федерации. В соответствии с ним "федеральный Центр передал властям Татарстана *значительно больше полномочий (соответственно льгот и преимуществ)*, чем другим субъектам Федерации... Тем самым *был создан опасный прецедент*: фактического повышения статуса субъекта Федерации до уровня, выходящего за рамки, установленные Конституцией РФ; волевого перераспределения предметов ведения и полномочий, не соответствующего Конституции РФ" (В. Лысенко)¹¹. Вскоре примеру Татарстана последовали Башкортостан и Республика Саха (Якутия). Российские исследователи неоднократно отмечали тот факт, что политические притязания этнократических элит этих республик были несколько скромнее: в договорах с ними содержались положения о нахождении соответствующих республик в составе Российской Федерации и приоритете Российской Конституции. Но вместе с тем, и в них "было немало *политических уступок, "неконституционно"* перераспределенных полномочий и экономических, бюджетных льгот и преимуществ" (В. Лысенко)¹².

Мало кто сомневался в том, что небывалые права, льготы и привилегии были дарованы этим субъектам Российской Федерации исключительно в силу особенностей этнополитической ситуации в названных республиках. Сознательно разжигаемый этнический национализм, русофобия, сепаратизм позволили партийной номенклатуре бывших российских автономий не только сохранить власть в условиях "демократизации", но и стяжать себе славу борцов за "национальные" интересы. То, что при ином стечении обстоятельств расценивалось бы как государственное преступление, в начале-середине 90-х

годов позволило республиканским правящим кланам приватизировать "общенародную собственность" и, фактически, принудить Кремль к капитуляции. Уже тогда, наиболее добросовестные политологи свидетельствовали: *"Этнократическая номенклатура в борьбе за власть, ресурсы и собственность в очередной раз мобилизовала идеологию этнического национализма. Своим агрессивным наступлением она вынудила федеральную власть пойти на подписание "своего" варианта Федеративного договора"* (А. Аринин)¹³. В этом контексте странным представляется утверждение М. Губогло о том, что *"договорная практика порождена стремлением Президента России перераспределить власть с республиканскими элитами, в формировании и утверждении которых сам Б. Ельцин сыграл немалую роль"*¹⁴. Напротив, договорная практика порождена стремлением республиканских президентов перераспределить власть с Кремлем, а сам факт подписания договоров, имеющих по ряду позиций противоречия с нормами российской Конституции, следует рассматривать как *"политическую уступку федерального Центра республиканской бюрократии"* (А. Аринин)¹⁵.

В том же, что всевластие республиканских этнических элит в 90-е годы стало следствием политических интриг Б. Ельцина и его администрации, М. Губогло совершенно прав.

Этносоциальные последствия подобной политики были вполне очевидны: *"Фактически три самые богатые природными ресурсами республики добились от федеральных властей права не быть донорами, а расходовать львиную долю средств, собираемых в республиках, на нужды собственного населения"* (В. Лысенко)¹⁶. Следует добавить, что на нужды собственного населения, разумеется, тратилась лишь часть оставшихся в бюджете республик средств (этнократия подразумевает этнический популизм), однако, есть основания думать, что львиная доля финансовых ресурсов поступала в распоряжение правящих в "национальных" республиках семейных кланов. И в этом контексте абсолютно справедлива точка зрения М. Губогло, полагающего что *"договорный процесс можно рассматривать как политику, направленную скорее на бескомпромиссное удовлетворение интересов нового правящего класса, чем на постижение азов подлинного федерализма"*¹⁷. Республиканские этнополитические элиты были заняты удовлетворением своих интересов тогда, когда страна задыхалась в тисках острейшего экономического кризиса и

население большинства регионов России бедствовало. Этнодискриминационный характер Федеративного договора и двусторонних договоров с республиками был слишком очевиден: *"вне договорных отношений оказались народы, не являвшиеся титульными в субъектах Федерации"* (В. Лысенко)¹⁸. Кризис федеративных отношений в России не мог не приобрести этнического оттенка.

Дискуссия о целеполагании договорного процесса.

Целеполагание договорного процесса интерпретируется российскими аналитиками зачастую диаметрально противоположно, характер таких интерпретаций, в свою очередь, зависит от целеполагания научной экспертизы того или иного автора. Исследователи, ставящие перед собой задачу либо оправдать этносепаратистский шантаж со стороны республик, либо реабилитировать федеральный Центр, оказавшийся неспособным этому шантажу эффективно противостоять, объявляют целью заключения двусторонних договоров о распределении полномочий всесторонний учет региональной специфики во взаимоотношениях федеральных органов власти и органами власти субъектов Федерации. Спикер российского Парламента Г. Селезнев следующим образом вербализует эту позицию: *"Необходимость заключения таких договоров и соглашений объективно обусловлена тем, что ни Конституция Российской Федерации, ни федеральные законы не могут учесть особенностей каждого из 89 субъектов Российской Федерации, существенно различающихся по национальному составу, уровню социально-экономического развития, своеобразию стоящих перед ними проблем"*¹⁹.

Такого рода сентенции вызывают недоумение тех исследователей (преимущественно юристов), которые взяли на себя труд детально ознакомиться с содержанием имеющихся в наличии двусторонних соглашений. В частности, М. Золотарева, полемизируя с позицией, представленной в приведенной выше цитате, пишет: *"Единственным плюсом договорного процесса принято считать возможность дифференцированного подхода к регионам. Но если посмотреть на сами договоры, то выяснится, что они, за редким исключением, носят общий характер, что абсолютно невилирует необходимость в договорном процессе"*²⁰. Сравнительный анализ интересующих нас правовых актов приводит этого автора к выводу о том, что *"почти во всех договорах регионы стремятся получить от*

федерального Центра стандартный набор уступок *в сферах, которые никак нельзя считать спецификой* большинства субъектов РФ"²¹.

Действительно, заключая эксклюзивные договоры с федеральным центром республики, как правило, обнаруживали стремление к самостоятельному осуществлению внешнеэкономической деятельности, управлению объектами собственности РФ - энергетической системой, магистральным, трубопроводным транспортом, обеспечению передвижения транспорта, и что самое интересное, к независимости в организации мобилизационной подготовки народного хозяйства, и решению вопросов производства и продажи оружия, боеприпасов и другой военной техники и размещения военных объектов. Все это крайне сложно объяснить необходимостью принимать во внимание этнокультурные особенности населения той или иной республики. Нельзя не согласиться с мнением, что *"все уверения об учете местных традиций и обычаев лишены стройной правовой аргументации"* (А. Усс)²².

В ряде случаев целесообразность договорной практики в федеративных отношениях конца прошлого столетия пытаются объяснить исходя из необходимости преодоления конституционного кризиса в России. По мнению В. Шуверовой *«Для снятия противоречий между конституциями субъектов Федерации и Конституцией России по вопросам правосубъектности регионов необходимо было разработать механизм, с помощью которого можно было бы решить данную проблему. На наш взгляд, одним из удачных компромиссов такого плана стало подписание Договора «О разграничении предметов ведения...» с Республикой Татарстан. Однако заключение подобных договоров с другими субъектами Федерации было... ошибочным. В случае с Татарстаном это было необходимым компромиссом, причем с обеих сторон, позволившему гибко и без эксцессов... снять его противоречия с федеральным Центром... Заключено более 20 подобных договоров не только с республиками, но и с краями и областями, которые также начинают выбивать себе льготы...»*²³. Позиция странная, непоследовательная и противоречивая. Почему только с Татарстаном подобный компромисс был "удачным", а попытки аналогичным способом удовлетворить амбиции этнократов в других республиках "ошибочными"? Только потому, что уровень этнической мобилизации в Татарстане был выше, а угроза межэтнического конфликта острее? А в Чечне? Вряд ли стоит приветствовать практику умиротворения наиболее амбициозных сепаратистов эксклюзивными

привилегиями. Ведь именно татарстанский прецедент спровоцировал договорной ажиотаж, который вызывает неудовольствие В. Шуверовой. И непонятно, почему тот факт, что области осмелились претендовать на сравнимый с республиканскими уровень полномочий вызывает идиосинкразию у этого исследователя. Более взвешенной нам представляется точка зрения, согласно которой *"подписание таких договоров Центра не только с республиками, но и с краями и областями, в определенной мере снижает внутривнутриполитическую напряженность в сфере федерализма"*. Однако подписание идет без согласия других субъектов Федерации, без учета их интересов, при отсутствии единой модели или разработанных принципов разграничения полномочий и предметов ведения... Подписание договоров не исключает и того, что продолжают проявляться неравные условия в сфере реализации принципов бюджетного федерализма. Отчисления в федеральный бюджет далеко не пропорциональны налоговой базе разных субъектов Федерации" (Р. Абдулатипов, В. Михайлов, В. Игнатов)²⁴.

Что же касается необходимости преодоления противоречий между Конституцией РФ и конституциями республик, то не следует путать причину со следствием. Очевидно, что этнократам было *"очень удобно сначала принять собственную конституцию с включением в нее положений, противоречащих Конституции РФ, а потом, поставив федеральные власти перед фактом, добиваться от них заключения двусторонних договоров с целью "умиротворения" сторон"* (М. Золотарева)²⁵. Кроме того, *"предметы ведения, о разграничении которых ведется речь в договорах, уже разграничены Конституцией и в дополнительном разграничении не нуждаются"* (В. Савина)²⁶.

Не *"снятие противоречий между конституциями субъектов Федерации и Конституцией России по вопросам правосубъектности регионов"* (как это представляется В. Шуверовой) служило целеполаганием республиканских этнополитических элит тогда, когда они инициировали договорной процесс. Договоры воспринимались ими *"как индульгенция на невыполнение федеральных законов, а рядом республик (Татарстан, Башкортостан) рассматривались в качестве учредительных документов, постулирующих конфедеративный характер их отношений с Россией"* (С. Митрохин)²⁷.

В этом контексте забавной представляется точка зрения А. Суркова, всерьез полагающего, что *"инициативы многих территорий к заключению*

двусторонних договоров с федеральным центром свидетельствовали об их *стремлении к укреплению наметившейся политической стабильности в России*"²⁸.

Не вызывает сомнения тот факт, что целеполагание договорного процесса, его "суть состоит в переделе власти и собственности между элитами Центра и периферии", также как и то, что "первым в наступление в борьбе за новый передел власти и собственности" поднялся Татарстан (М. Губогло)²⁹. Результаты этого наступления целесообразно рассматривать с точки зрения уголовного, а не конституционного права. Однако, это дело будущего.

Оценка результатов договорной эйфории.

По понятным причинам, то или иное понимание целеполагания договорного процесса прямо обуславливает и оценку его результатов. Разброс мнений по этому поводу в отечественной литературе не слишком велик.

Те, на ком лежит ответственность за разрушение конституционной по своей природе Российской Федерации и за ничем не объяснимое, кроме этнополитической конъюнктуры, наращивание этнической асимметрии федеративных отношений, конечно же оценивают результаты договорного процесса в самых розовых тонах.

Б. Ельцин в одном из своих годовых посланий заявил, что договоры между федеральной властью и субъектами Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий выступают *"важнейшим механизмом самонастройки федеративных отношений"*³⁰.

М. Шаймиев в свою очередь высказался менее патетично, чем его коллега: *"Договор снял конфликтную ситуацию и внес стабильность в общество"*³¹. Ему вторил его советник, директор казанского Института федерализма Р. Хакимов: *"Сегодня двусторонние договоры регионов с федеральным центром фактически выполняют функцию своеобразного "учредительного собрания" и благодаря им сохраняется в стране политическая стабильность и относительный порядок"*³².

В первой оценке больше лукавства беспринципного политика, делающего хорошую мину при плохой игре и стремящегося закамуфлировать тот вполне очевидный факт, что договоры были превращены им "в определенное

средство... для получения лояльности элит и населения регионов в предвыборной гонке" (В. Лысенко)³³. Вторая и третья оценки явно свидетельствуют о желании выдать желаемое за действительное и скрыть тот факт, что подписание двусторонних договоров о разграничении предметов ведения и полномочий "не просто создало существенный дисбаланс в правах субъектов Российской Федерации в отношениях с федеральным Центром, но инициировало процесс "латентного" изменения федеративных отношений" (А. Усс)³⁴. Что, собственно, и было целью казанских радетелей "политической стабильности". В их высказываниях имплицитно содержится угроза: не предоставите, дескать, нам режим особого благоприятствования, устроим вам конфликты и нестабильность. Своевременно актуализируемое пугало межэтнического конфликта и должно было убедить пугливые федеральные власти в том, что "договорный процесс несет в себе значительный миротворческий заряд..." и, что "если бы договора (так у автора – В.Ф.) и соглашения не гасили возникающие противоречия... то конгломерат противоречий, имманентно присущий переходному периоду и накопившийся в небрежно вспаханном конституционном поле России, неизбежно привел бы к неуправляемому выбросу социально-протестной энергии, и в первую очередь под этноконфликтными лозунгами и флагами" (М. Губогло)³⁵.

В том же ряду следует упомянуть и миф о том, что "Федеративный договор фактически *перекрыл процесс распада Российской Федерации*, закрепил государственную целостность через четкое разграничение полномочий по всей вертикали власти и управления" (Р. Абдулатипов)³⁶. Мифотворчество такого рода призвано было убедить власти предрешающие и законопослушных обывателей в фатальной неизбежности этнически обусловленной асимметрии федеративных отношений в России. К сожалению, этнократам действительно удалось на время запугать кремлевскую администрацию, в силу чего договорный процесс приобрел, по выражению А. Солженицина форму "*прямой капитуляции Центра перед автономиями* и ущемление прав остальных областей России"³⁷.

Что же касается иллюзии относительно того, что Федеративный договор "перекрыл" процесс распада России, то куда более убедительной представляется точка зрения, согласно которой "Федеративный договор по существу лишь *приостановил нарастание конфликта* внутри Федерации и перевел его на время в локальные формы, отразив изменчивый баланс сил" (Д. Аяцков)³⁸, "Договор лишь на короткое время приостановил нарастание открытого конфликта,

переведа его в локальные формы... Сама суть договора открывала новые угрозы разрушения целостности Российской Федерации" (А. Аринин)³⁹.

Большинство добросовестных аналитиков в то время сходились во мнении, что "подписание Федеративного договора отнюдь не остановило центробежных тенденций" и пессимистично полагали, что "*главные трудности впереди*" (Ю. Красин)⁴⁰. Политическая практика Б. Ельцина действительно не оставляла никаких оснований для оптимизма. Было очевидно, что "*России не удалось ослабить волну нестабильности, порожденную распадом СССР. Препградой не стали ни близкая, как хотелось надеяться, победа принципов конституционного федерализма, закреплённая новым Основным законом РФ, ни практика заключения договоров о разграничении полномочий между Центром и субъектами Федерации*" (Г. Каменская)⁴¹.

Даже те, кто был склонен усматривать в договорной практике не только отрицательные стороны, быстро пришли к выводу о том, что "*негативные последствия двусторонних договоренностей быстро превысили их позитивный эффект. За счет ослабления законодательно-правовых основ федеративных отношений и их подмены практикой двусторонних договоренностей система российского федерализма эволюционировала в крайне неопределённом направлении – в направлении неких индивидуализированных статусов чуть ли не для каждого из субъектов Федерации*" (Е. Бухвальд)⁴².

Последняя мысль заслуживает особого внимания. Дело в том, что непредсказуемое поведение федеральных властей в годы правления Б. Ельцина побуждало "регионы приспособляться к обстоятельствам кризисной экономики и выпрашивать у центра определенных льгот по налогообложению, кредитованию, бюджету, распределению квот и лицензий и т.п. Центр иногда *делал вид*, будто данный регион действительно является «исключением из общего правила». *В результате имидж исключительности в настоящее время имеют практически все республики, края и области*" (В. Иванов)⁴³.

Подобная имитация исключительности отдельных регионов, по мнению многих исследователей, имела самые неприятные последствия.

Во-первых, она окончательно разрушила единое правовое поле страны внесла, по выражению Л. Болтенковой "*элемент хаоса в правоприменительную деятельность*"⁴⁴. Напомним, что "по замыслу двусторонние "вертикальные"

договоры и соглашения должны были *компенсировать недостатки действующего законодательства*" (Е. Строев)⁴⁵.

Во-вторых, деформировала до критической точки бюджетные взаимоотношения Центра и регионов, "спровоцировала очень опасный шаг — переход к так называемым особым, *договорным бюджетным отношениям Центра с каждым регионом*" (В. Иванов)⁴⁶, означала "*переложение экономического бремени с одних регионов на другие*" (А. Жириков)⁴⁷. Вместе с тем, по мнению целого ряда исследователей договорной процесс принес весьма сомнительную пользу так называемым "национальным" республикам. Экономические последствия конструирования федерации на договорной основе оказались выгодны только его инициаторам и апологетам – семейным кланам, олицетворявшим этнократию в соответствующих субъектах Российской Федерации. По мнению экспертов Совета Федерации "льготы по налогообложению позволили, например, Якутии и Татарстану поддерживать уровень цен ниже, чем в соседних регионах. Однако *такая политика довольно быстро привела к вымыванию товаров и новому скачку цен*. Разница со «старым» бюджетом проявилась, прежде всего, *в больших возможностях обогащения региональной элиты за счет региональной прибыли*. В то же время это привело к радикализации массовых настроений, актуализации представлений о плодотворности таможенного режима" (Н. Гусейнова, И. Ладодо, М. Назаров)⁴⁸.

В-третьих, на что реже обращают внимание исследователи и политики, крайне неблагоприятно воздействовала на массовое сознание россиян, препятствовала формированию единой национальной идентичности. Не вызывает сомнения тот факт, что "сама логика договоров приводит к вольному или невольному *исчезновению из политического дискурса как элит, так и масс представления о России как о целостном, неделимом субъекте*. В документах подобного рода зачастую исчезает категория общего для всех россиян интереса, идея политико-экономического, правового и социокультурного сообщества всех граждан РФ"⁴⁹ (Н. Гусейнова, И. Ладодо, М. Назаров).

Эксперты и политики, стремящиеся к сохранению и укреплению российской государственности проявляют удивительное единодушие, указывая на конфедеративную по своей сути природу договорного процесса. Можно привести множество историографических фактов, в которых содержится утверждение, согласно которому "договорное разнообразие способно

подтолкнуть федерацию к ее движению в сторону *конфедеративных отношений*, что никак не будет способствовать укреплению единства и целостности Российской Федерации" (В. Иванов)⁵⁰, "формирование прямых договорных отношений между Центром и субъектами Федерации трансформирует Россию в *достаточно аморфное образование конфедеративного типа*" (Н. Гусейнова, И. Ладодо, М. Назаров)⁵¹.

Это в свою очередь давало основание утверждать, что договорная федерация – "федерация слабая и, в конечном счете, *саморазрушающаяся*" (В. Иванов)⁵², что "заключение отдельных, отличающихся друг от друга договоров с республиками, - это фактически *процесс управляемого распада России*" (А. Жириков)⁵³, что "усиление индивидуального договорного распределения полномочий... *приведет к развалу Федерации*" (А. Усс)⁵⁴.

Федерация "сверху" или "снизу"?

Дискуссия о статусе двусторонних договоров.

Бурная полемика в середине 90-х годов велась по поводу статуса Федеративного договора и двусторонних договоров о разграничении полномочий. Смысл этой полемики уже тогда был очевиден всем ее участникам: наиболее одиозные идеологи, стремившиеся обосновать и оправдать суверенизаторские амбиции республиканских этнополитических элит, настаивали на "учредительном" характере этих документов и предлагали трактовать их как "*договоры о вхождении суверенных государств в состав федеративного государства (России)*" (Р. Тарнапольский)⁵⁵.

В соответствии с такой позицией федеративное государство рассматривалось как ситуативное политическое образование, из которого суверенные государства-учредители всегда могут выйти, а отношения каждого субъекта с федеральным Центром имеют эксклюзивный характер, который определяется исключительно уровнем властных притязаний субъектов. Р. Хакимов именно так определяет взаимоотношения России и Татарстана: "Функции федеральных органов возникают из *добровольно переданных субъектами полномочий*, причем *каждый субъект* самостоятельно определяет уровень таких полномочий и в любое время имеет право их отозвать"⁵⁶. Такая трактовка договорного процесса уже тогда казалась слишком экстравагантной

даже тем, кто непосредственно принимал в нем участие и, в целом, весьма положительно оценивал перспективы договорной федерации. В частности, С. Шахрай вполне резонно замечал, что *"не может быть договора между Российской Федерацией в целом и субъектом федерации как равноправными государствами. Конституция РФ закрепила равноправие субъектов федерации между собой, а не их равноправие с федеративным государством, в котором они состоят"*⁵⁷.

Посылка относительно учредительного характера двусторонних договоров была вполне сознательной мистификацией общественного мнения и имела цель идеологического обоснования латентных усилий этнократов, направленных на трансформацию и без того рыхлой "асимметричной" федерации в конфедеративный союз "национальных" республик.

В. Лысенко вербализовал эту вполне очевидную для добросовестных политиков и экспертов истину следующим образом: "Россия – суверенное государство... реально существует и составляющие его народа и территории уже реально в нем объединены. Ставить вопрос о процессе их объединения и формирования Федерации путем подписания договора *означало игнорировать действительность вопреки фактам и праву*. Уязвимость "учредительного характера" Федеративного договора обусловлена и тем, *что не был выяснен вопрос, кто подписывает договор: субъекты РФ, с одной стороны, и Федерация в целом, с другой?* Но ведь федеральные органы власти как раз и представляют весь многонациональный народ России"⁵⁸.

Последнее обстоятельство не только ставит под вопрос "учредительность" Федеративного договора и двусторонних договоров о разграничении полномочий, но и дает основание подвергнуть сомнению декларированный уровень легитимности уже подписанных документов такого рода. Даже у Р. Абдулатипова он вызывает известное сомнение. "При всей значимости Федеративного договора, *не следует придавать ему расширительного толкования*. Он не является ни договором об образовании государства как такого, ибо оно сложилось и существует столетия, и даже не договором о преобразовании государства в федерацию. Суть его заложена в названии – разграничение предметов ведения и полномочий Федерации и ее субъектов"⁵⁹.

Описание процедуры подготовки и подписание двусторонних договоров, которое, по замыслу С. Шахрая, должно убедить читателя в их полновесной законности, вызывает, тем не менее, ощущение неуверенности: "Предварительное рассмотрение вопросов подготовки договоров и соглашений... осуществляет Комиссия при Президенте РФ... в состав которой входят представители на уровне министров или их заместителей практически всех основных федеральных министерств и ведомств, а также (по согласованию) Государственной Думы и Совета Федерации.... Договор подписывают Президент РФ и уполномоченное лицо субъекта РФ... *Дискуссионным моментом является вопрос о ратификации договоров законодательными органами субъектов РФ и Федеральным Собранием в целом.* До настоящего времени такая ратификация не производилась"⁶⁰.

Критики же договорной федерации оценивают процедуру заключения двусторонних договоров и соглашений куда более однозначно и резко: "Все договоры и соглашения, начиная с Федеративного договора, готовились келейно, чисто бюрократическим путем, без свободного, гласного обсуждения, *имели характер сепаратных сделок*" (А. Аринин)⁶¹.

Аргументация тех, кто пытается концептуализировать миф о создании Российской Федерации "снизу", путем подписания "учредительных" договоров строится на отрицании самого факта существования государства с таким названием в период с 1990 по 1992 годы. Однако подобная аргументация заводит в логический тупик: с кем же тогда субъекты Федерации заключали Федеративный договор и последующие двусторонние договоры? М. Золотарева напоминает, что "субъекты заключали Федеративный договор и двусторонние договоры *не друг с другом, как они должны были бы это делать при образовании союза государств "снизу", а с уже имевшимся федеральным Центром, формально подчиняясь ему*"⁶². То обстоятельство, что договоры подписывались главами исполнительной власти федерального и регионального уровней (то есть "начальником и подчиненными") еще раз свидетельствует о том, что весь столь пышно обставленный договорный процесс фактически был не более чем ситуативным политическим фарсом.

И в этом контексте следует рассматривать полемику о том, что представляют собой договоры федерального Центра с субъектами федерации – следует трактовать их как международно-правовые акты или же они не более чем

внутригосударственные соглашения о разграничении полномочий различных уровней государственной власти в России? Несмотря на то, что по форме некоторые договоры "сочетают *черты международного и внутригосударственного договоров*, смешивают конфедеративные и федеративные отношения"⁶³ (А. Аринин), в реальности они были лишь разделом властных полномочий и материальных ресурсов между властными элитами Москвы и "избранных" республик. Договоры же с прочими субъектами Федерации и вовсе носили декларативный характер. Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнения аксиоматичность утверждения М. Золотаревой: "Договоры (составляющие Федеративный договор 1992 года – В.Ф.) заключались не между субъектами Федерации и РФ, а между "полномочными представителями органов власти субъектов РФ и самой Федерации, *что не дает оснований относить их к международно-правовым договорам*"⁶⁴. Присутствие в рассматриваемых документах известной межгосударственной фразеологии было конъюнктурной уступкой, призванной удовлетворить амбиции этнократов и хоть отчасти умиротворить наиболее агрессивных националистов. Насколько политически оправдано было такое умиротворение – это отдельный вопрос.

Федерация конституционная или договорная?

При всей своей эфемерности договорной процесс в середине 90-х годов поставил под сомнение конституционные основы федеративной государственности в России. В это время "со всей остротой встает вопрос: к какой Федерации движется Россия – конституционной или договорной... Не приведет ли выходящее из под контроля федерального центра "разделение предметов ведения" к конфедерализации, а затем и к распаду России?" (В. Лысенко)⁶⁵. Действительно, отчетливая тенденция "перелива" властных полномочий и ресурсов из Центра в регионы, все большая дифференциация отношений между Центром и регионами, все более очевидная регионализация страны и автаркизация территорий свидетельствовали о движении федерации от конституционной к договорной, и, соответственно, государственности от федеративной к конфедеративной.

Ничтожный уровень политической легитимности Кремля, безволие и коррупция федерального Центра породили парадоксальную ситуацию. Наиболее

амбициозные этнополитические лидеры поставили под сомнение эффективность Конституции РФ и потребовали привести ее в соответствие с конституциями республик, а фактически – с эксклюзивными договорами между различными уровнями исполнительной власти! Президент Татарстана М. Шаймиев, в частности заявил, что "Договор РФ и Татарстана по ряду позиций отличается от Конституции РФ, но *он условился с Президентом России РФ о том, что Договор имеет высшую юридическую силу по отношению, как к Конституции РФ, так и Конституции Татарстана.* А так как Договор был подписан на паритетных условиях, то почему Татарстан не вправе поставить вопрос *о приведении Конституции РФ в соответствие с Конституцией Татарстана?*"⁶⁶.

Безусловно, декларации такого рода имели характер политического эпатажа, однако максимализм такого требования служил фоном, на котором дрейф федерации от конституционной к договорной не представлялся чем-то экстраординарным. Постулаты типа "Развивать федеративные отношения необходимо *конституционно-договорными средствами, а не только конституционными*" уже не казались опасными. И аргументация была, казалось бы, вполне миролюбивой: ведь "конституции всегда статичны, договоры динамичны. Через двусторонние договора (так у автора – В.Ф.) легче разрешать возникающие противоречия" (М. Хасанов)⁶⁷. Обывателей призывали не драматизировать ситуацию и не видеть в происходящем латентного конституционного переворота – ведь "не суть важно, какая это будет федерация на переходном этапе - конституционно-договорная или конституционная" (А. Жириков)⁶⁸. И теперь уже выяснилось, что конституционное устройство страны – это лишь желанная перспектива, о которой можно говорить лишь с оттенком модальности: "*возможно, в перспективе* большее развитие получит не договорная, а конституционная федерация..." и то, только применительно к "ординарным" субъектам. Что же касается избранных, то подразумевалось, что "при *необходимых (?! – В.Ф.) обстоятельствах параллельно может идти и договорной процесс*, как это было с Татарстаном, Башкортостаном, Кабардино-Балкарией, Северной Осетией и Якутией" (А. Жириков)⁶⁹. Что это за "необходимые обстоятельства" и кто делает их необходимыми, и для кого - оставалось только догадываться.

Еще более экстравагантной выглядела попытка поставить знак тождества между конституционной и договорной федерацией: "Индикатором изменения

государственного устройства стало образование новой стороны политических отношений – субъектов Федерации – *способных стать равным партнером центральной власти, участником политического процесса и вступать в договорные (конституционные) отношения с центральной властью*" (Р. Абдулатипов, В. Михайлов, В. Игнатов и др.)⁷⁰. Подспудно внушалась мысль о том, что федеральная власть и власти отдельных регионов "равные партнеры", а отношения между ними носят политический характер.

На этом концептуальном фоне интерпретация конституционно-договорной федерации как в первую очередь все-таки конституционной выглядела уже почти как консервативно-охранительская. Наиболее употребительными в среде московского политического истеблишмента стали идеологемы такого рода: *"Российская федерация есть конституционно-договорная, поскольку ее образование и развитие протекало, прежде всего, на конституционной основе. Федеративный договор и последующие договоры и соглашения федерального Центра с субъектами Федерации заключались в русле конституционных положений"* (Ю. Тихомиров)⁷¹. Курьезом теперь выглядит утверждение С. Шахрая, согласно которому *"Конституция РФ 1993 года закрепила базовые принципы Федеративного договора 1992 года, выбив "почву из под ног" у лидеров сепаратистских движений, которые стремились тогда закрепить договорный характер Российской Федерации и надеялись на скорое закрепление государственного суверенитета регионов, как полноправных субъектов международного права"*⁷². Ведь именно то, что Конституция образца 1993 года закрепила базовые принципы асимметричного Федеративного договора, и стало причиной девальвации конституционной природы федерализма в России, послужило началом переструктурирования федеративных отношений на началах эксклюзивных сделок республиканских этнополитических элит с коррумпированным Центром. И сам Федеративный договор был, в конечном счете, навязан Центру именно теми этническими сепаратистами, у которых, якобы, его конституционное закрепление выбивало почву из под ног.

При всем том, С. Шахрай, стремясь, вероятно, реабилитировать политическое окружение Б. Ельцина, допустившее под давлением этнократов трансформацию конституционных основ российского федерализма, настаивал на том, что *«договоры и соглашения используются как дополнительный инструмент учета экономической, национальной и региональной специфики тех*

или иных субъектов Федерации... она (Федерация – В.Ф.) была и остается конституционной»⁷³. Вопреки реальной управленческой практике и откровенным заявлениям некоторых республиканских президентов о том, что они руководствуются в своих отношениях с Кремлем не Конституцией РФ, а текстом сепаратных соглашений, он утверждал, что *"современная практика заключения договоров не означает превращения нашей федерации из конституционной в конституционно-договорную или договорную. Правовую основу нашего федеративного государства и его эффективного функционирования составляет федеральная Конституция"*⁷⁴. Такого рода мифологемы внедрялись в массовое сознание для того, чтобы закамouflировать капитуляцию Центра перед этническими элитами ряда республик и придать видимость разумного целеполагания федеративной политике Б. Ельцина и его окружения.

В том же ряду стоит и такого рода политическое лукавство: *"Договор вошел в Конституцию, но решает он лишь один вопрос – разграничение полномочий*. Поэтому когда говорят, что наша федерация стала или становится договорной, то это или проявление незнания предмета Федеративного договора, или сознательное искажение его сути. Договорный процесс выступает лишь как дополнительная согласительная мера в развитии конституционного федерализма" (Р. Абдулатипов)⁷⁵. Именно распределение властных полномочий и определяет в конечном счете характер государственного устройства страны. Тогда, когда в федеративном государстве объем властных полномочий его субъектов (именуемых к тому же республиками и суверенными государствами) превышает объем полномочий федерального Центра, оно меняет свою политическую природу и эволюционирует в направлении конфедерации. Да, Федеративный договор решал лишь один вопрос, но это был вопрос о власти и собственности! То, что Конституция 1993 года фактически полностью вбирала в себя текст Федеративного договора и стало причиной конституционного кризиса, означало перерождение конституционной федерации в договорную. Совершенно прав был Д. Аяцков, который, анализируя сложившуюся в середине 90-х годов ситуацию, писал: *"Субъекты Федерации, а, следовательно, и Россия в целом все дальше уходили от конституционной Федерации. Республики настойчиво выступали за то, чтобы Россия стала федерацией национальных государств с преимущественными правами титульных национальностей на территорию, ресурсы, на официальный статус культурных институтов (языка, религии,*

символики и т.д.) при минимальных полномочиях центра и максимальных прерогативах мест"⁷⁶. Даже те исследователи, которые допускали принципиальную возможность регулирования некоторых аспектов федеративных отношений посредством заключения вертикальных эксклюзивных договоров и полагали, что "сами по себе они (договоры – В.Ф.) не ведут к ослаблению потенциала федерации, снижению управляемости страной", вынуждены были констатировать, что "при осуществлении этого процесса возникают перекосы, противоречия, несущие угрозу государственному устройству страны: развитие федерации все более переводится с рельсов конституционной федерации на договорную" (В. Печенев)⁷⁷.

Московская либеральная интеллигенция, памятуя об унитарно-партакратическом федерализме советского образца, склонна была видеть в договорной практике своего рода панацею от рецидивов авторитаризма: "В современных условиях именно *конституционно-договорной характер Российской Федерации не позволяет возобладать крайностям – конфедерализму или унитаризму – и придает динамизм развитию федеративных отношений*" (В. Лысенко)⁷⁸. На наш взгляд, подобная застенчивая апология договорных метаморфоз российского конституционного федерализма наиболее опасна, так как создает иллюзию интеллектуальной легитимности дискриминационной в этническом плане асимметричной федерации в России. Читателю исподволь внушается мысль о том, что альтернативой договорным извращениям федерализма может стать только унитарное государство. При этом перспектива возврата к унитарному государству ставится на одну доску с перспективой конфедерализации России, то есть с перспективой распада страны.

По мнению В. Лысенко "заключением Федеративного договора был сделан первый шаг к образованию нового для России договорно-конституционного принципа отношений между субъектами Федерации, *основывавшегося на учете интересов государства и народов...*"⁷⁹. Последний пассаж принципиально неверен – договорная федерация зиждется на учете интересов лишь отдельных и весьма немногочисленных "титულных" народов (точнее – этнических элит, присвоивших право выступать от их имени!) и противоречит коренным интересам подавляющего большинства больших и малых этнических общностей, населяющих Россию (это есть более чем 90% всех россиян!).

Наиболее объективные политологи, этнологи и специалисты в области конституционного права, принимавшие участие в полемике, пытались отстаивать конституционную природу федерализма и призывали "в анализе современных договорных отношений... исходить из того основополагающего факта, что Россия – федерация конституционная, а не договорная" и обращали внимание на то обстоятельство, что *"договоры заключались не между субъектами Российской Федерации и Российской Федерацией, а между органами государственной власти – федеральными и региональными, и только по вопросам разграничения своих полномочий и ответственности по предметам своего ведения"* (А. Аринин)⁸⁰.

В этом контексте важно обратить внимание на то, что Конституция РФ и двусторонние договоры имеют принципиально различный уровень легитимности. М. Золотарева акцентировала внимание своих оппонентов на том, что *"говоря о равенстве договорного и конституционного регулирования, забывают об их юридической силе, а между тем, имеется колоссальное различие между Конституцией, принятой всенародным референдумом... и имеющей достаточно сложную процедуру пересмотра, и неким договором, который подписали, в лучшем случае, Президент РФ и глава субъекта Федерации"*⁸¹. Отстаивая перспективу конституционного развития Российской Федерации, она сделала вывод о том, что *"при такой (конституционной – В.Ф.) форме закрепления федеративного устройства не должно учитываться положение о том, что некоторые республики в составе РФ объявили себя государствами в своих конституциях, несмотря на упоминание об этом в федеральной Конституции"*⁸².

Отмечая внутренние противоречия в Основном Законе страны, М. Золотарева, тем не менее, предлагала руководствоваться в государственном строительстве неоспоримым конституционным принципом, согласно которому *"Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ"* и подчеркивала, что *"эта норма относится и к договорам, а также к любым правовым актам Федерации и ее субъектов"*⁸³.

Об опасности «процесса постепенной утраты РФ конституционно-правового статуса и превращения ее в договорную Федерацию» писала и В. Шуверова, которая в свою очередь, обращала внимание на то, что *"внутри Российского государства возникли квазигосударственные конструкции, готовые*

перехватить ряд полномочий Российской Федерации и диктовать федеральным властям свою волю" и, в связи с этим, писала о "настоятельной потребности введения федеративных отношений в конституционные рамки»⁸⁴.

Полемизируя с теми, кто внедрял в массовое сознание мысль об имманентности двусторонних договоров для российской конституционно-договорной федерации и, рассматривая причины, приведшие к конструированию асимметричной договорной модели федеративного устройства в России, наиболее авторитетные этнополитологи указывали на то, что *"такие договоры подрывают принципы федерализма, которые предусматривают конституционную, а не договорную, основу федерации и равноправие субъектов федерации"*. Отказываясь рассматривать договоры как правомерный и целесообразный инструмент регулирования федеративных отношений, эти ученые констатировали, что *"на деле такие договоры означают лишь то, что руководителям некоторых регионов удается лоббировать свои интересы лучше, чем другим"* (М. Губогло, Л. Дробижева, О. Комарова, А. Осипов, В. Степанов, В. Тишков, С. Чешко)⁸⁵. Руководителям каких регионов и с использованием каких методов лоббирования своих интересов удалось преуспеть в торге с Кремлем слишком хорошо известно.

Полемика о природе федерализма в постсоветской России была бурной и имела очевидную этническую окраску. Пользуясь слабостью федерального Центра, республиканские этнократы сделали все возможное для превращения Российской Федерации в аморфное конфедеративное образование, в котором отношения Центра и субъектов носят эксклюзивный характер и регулируются лишь сепаратными соглашениями. В годы острого политического кризиса недееспособный Кремль пытался придать договорному процессу хотя бы внешнюю видимость целесообразности и легитимности. По мере того, как кризис слабел и окружение Б. Ельцина начинало чувствовать себя более уверенно, политический акцент вновь переносился на конституционные основы федерализма.

В. Лысенко зафиксировал очевидную эволюцию политических интерпретаций Федеративного договора и двусторонних договоров о распределении полномочий на протяжении 90-х годов истекшего века. В силу изменений этнополитической конъюнктуры "отношение к договорному процессу претерпевало в России серьезные изменения от чуть ли не единственного способа

регулирования взаимоотношений между федерацией и ее субъектами в 1992-1993 годах к средству добиваться особого статуса и преимуществ в 1994 году и к фактическому отказу от договорного процесса со стороны федерального Центра в 1995 году. Примерно в эти же времена превалировали, соответственно, идеи договорной, конституционно-договорной и конституционной федерации"⁸⁶.

Подобные концептуальные метаморфозы стали возможными в силу бесконечных беспринципных компромиссов между Кремлем и этнократами. Парадоксальность ситуации состояла (и состоит!) в том, что все рассуждения о конституционном или договорном характере федерации практически не имели и не имеют смысла. Если Конституция РФ вбирает в себя основные положения Федеративного договора 1992 года и прямо конституирует возможность регулирования федеративных отношений посредством эксклюзивных договорных форм перераспределения властных полномочий между Центром и субъектами – значит договорная федерация конституционна. Но, покуда это так, если федеративные отношения она становится договорной, то она, закономерно, перестает быть конституционной. Такова саморазрушительная потенция действующей Конституции РФ!

К вопросу о конституционности договорного процесса.

При всем том, на протяжении второй половины 90-х годов XX века и в сфере практической политики, и в отечественной федералистике (в политологии, в теории государства и права, в этнологии) проходила напряженная дискуссия о конституционности (или неконституционности) договорного процесса.

Идеологи кремлевского официоза, как могли, отстаивали конституционность регулирования соотношения властных полномочий федерального Центра и отдельных территорий посредством соглашений ни коим образом не согласованными с другими субъектами федеративного государства и не прошедшими легитимизации на федеральном уровне законодательной ветви власти. Единственным аргументом, который мог быть при этом предъявлен оппонентам, была концептуально эклектичная и внутренне противоречивая Конституция 1993 года. При этом, разумеется, договорная практика оценивалась как позитивная новация в федеративном строительстве, а Конституция трактовалась как документ, открывающий простор для совершенствования

государственного устройства страны: "Конституция 1993 года заложила правовые основы для заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти России и субъектов Федерации. Возникло новое явление, для обозначения которого используется термин "взаимное делегирование": субъект Федерации делегирует ей свои полномочия (и наоборот) на основе договорных отношений" (Р. Абдулатипов, В. Михайлов, В. Игнатов)⁸⁷.

Апологетика договорных отношений в ряде случаев выходила за рамки здравого смысла и явно противоречила политическим реалиям. Так А. Сурков обращает внимание своих читателей на то обстоятельство, что "во всех двусторонних договорах подчеркивается, что данный субъект Федерации входит в состав Российской Федерации и является равноправным с другими ее субъектами, а отношения с Федерацией строит на основе федеральной и местной конституций"⁸⁸. Подчеркиваться в договорах может все, что угодно, но, во-первых, зачем нужны были эксклюзивные договоры, если не для того чтобы разрушить конституционное равноправие субъектов, во-вторых, как мог договор соответствовать федеральной и местной конституциям одновременно, если в подавляющем большинстве случаев местные конституции не соответствовали федеральной?

Как это не парадоксально, но наилучшим образом позицию А. Суркова опровергает его единомышленник и идейный вдохновитель первого и самого одиозного договора о разграничении полномочий Р. Хакимов. В состоянии эйфории от победы над Кремлем последний откровенно признает, что "по сути дела Договор означает, что Москва не требует от Татарстана приведения ее Конституции в соответствие с Конституцией России. Этим признается также верховенство законов РТ над законами РФ..."⁸⁹. А М. Шаймиев, после того, как спровоцированная им договорная лихорадка захлестнула страну счел, что уж поскольку центральные власти подписали договоры со многими субъектами Российской Федерации, постольку "она уже *фактически стала федерацией договорной*", а посему Конституция Российской Федерации в этой связи "должна соответствовать реалиям политической жизни"⁹⁰, иными словами, должна быть приведена в соответствие с конфедеративным договором о распределении полномочий между Кремлем и татарскими этнократами.

Даже робкая попытка смягчить в федеральной Конституции деструктивный потенциал Федеративного договора воспринималась республиканскими элитами в той этнополитической ситуации как покушение на завоеванный суверенитет. Тот же Р. Хакимов заметил, "симптоматичность" того, что "после принятия Конституции усилилось наступление Центра на права субъектов"⁹¹, Р. Абдулатипов, констатировав тот факт, что "борьба против Федеративного договора продолжается и сегодня" сокрушался о том, что "новая Конституция фактически в худшую сторону пересматривает концепцию Федеративного договора, исключив отдельные его положения без согласования с субъектами федерации"⁹².

Однако большая часть сторонников договорной федерации были настроены более оптимистично, полагая, что в "Договоре есть такие положения, которые хотя и вошли в Конституцию, но не противоречат ее духу, действуют, создавая новый пласт регулирования федеративных отношений" (С. Вавилов)⁹³.

С другой стороны, следует отметить, что подавляющее большинство влиятельных политиков федерального уровня и наиболее авторитетных российских ученых уже тогда отчетливо сформулировали свое негативное отношение к практике заключения эксклюзивных договоров с избранными субъектами Федерации. О том, что договорное право в том, виде, каком оно оформилось в России в середине 90-х годов, прямо противоречит основам конституционного строя РФ, неоднократно отмечали в выступлениях на конференции "Проблемы и перспективы развития российского федерализма", организованной Советом Федерации РФ 19-20 января 1998 года, Е. Строев, С. Валентей, Е. Примаков, Ю. Скуратов, С. Степанков и др.⁹⁴.

Этнически и политически неангажированным политикам и исследователям было ясно, что "стремительно развивающийся "вширь и вглубь" договорной процесс... выявляет недостаточно высокую правовую культуру, правовой нигилизм, субъективизм, "веру в доброго царя", желание решать важнейшие вопросы государства и его субъектов *на уровне "обычного права", а не Конституции и законодательства*" (В. Лысенко)⁹⁵.

Естественно, что компромиссная Конституция РФ, вызывающая печаль у Р. Хакимова, не меньшее неприятие вызывала и у противников этнической асимметрии федеративных отношений. А. Аринин – последовательный оппонент сторонников этнической государственности также с досадой констатировал, что

"конституция Российской Федерации в силу объективных причин не смогла преодолеть наследие "социалистического федерализма"... Во многом поэтому, политика "бюджетного сепаратизма", одностороннего перераспределения ресурсов, собственности и власти в пользу республик, конфедерализации России перешла в другие формы: *договорные отношения*"⁹⁶.

Тот факт, что Основной Закон страны санкционировал конструирование договорной федерации в России, те, кого принято в те годы было называть "государственниками" оценивали как угрозу целостности государства. Примечательно, что в Государственной Думе оценка договорного процесса была крайне негативной. Осуждение в адрес сепаратных сделок Кремля с этнической номенклатурой республик выступили как самые "правые", так и самые "левые" идеологи парламентских фракций. По мнению С. Митрохина (главного концептуалиста в сфере федеративной политики и федеративных отношений блока "Яблоко") "Конституция 1993 года наделила договоры слишком большим рангом в системе нормативных актов, утвердив договорные отношения в качестве основного механизма разграничения предметов ведения и полномочий. Это означало, что *та степень разрыхления государственно-правовой системы РФ, которой добились регионы, возглавляемые суверенными республиками, получила конституционное признание*"⁹⁷. В свою очередь Г. Зюганов (лидер и идеолог фракции КПРФ) заявил, что федеративная политика администрации Б. Ельцина середины 90-х годов "...характеризуется переходом Кремля к *порочной политике массового заключения двусторонних договоров с регионами, договоров, разрушающих конституционный характер Федерации, уничтожающих единое правовое поле*"⁹⁸.

Подавляющее большинство членов Совета Федерации (в особенности – губернаторы "слабых", дотационных российских областей) также встретило появление новой формы перераспределения полномочий между Центром и регионами без всякого энтузиазма. Выражая мнение многих своих коллег, саратовский губернатор Д. Аяцков, в частности, отметил, что "*договорный оттенок конституционного основания федерации не проясняет, а усложняет федеративную организацию, внося в нее противоречия уже на базовом, конституционном уровне*"⁹⁹.

Такое единодушие политических оценок договорной практики во многом объясняет нежелание Б. Ельцина представлять подписанные эксклюзивные соглашения на утверждение Федерального Собрания.

В полемике о конституционности договорных отношений весьма и весьма дискуссионным был и остается таковым вопрос о соотношении Конституции РФ и текста Федеративного договора 1992 года, соответственно, вопрос об актуальном статусе последнего. Известно, что в процессе работы над Конституцией 1993 года неоднократно высказывались предложения включить в нее Федеративный договор в качестве особой преамбулы. Однако это предложение не прошло, что, по мнению многих исследователей, "ныне *делает правовой статус Федеративного договора двусмысленным*, особенно там, где он противоречит самой действующей Конституции" (Е. Бухвальд)¹⁰⁰.

Те, для кого Федеративный договор представляет ценность как реальное завоевание в борьбе за суверенизацию республик и как известная панацея от посягательств Центра на всевластие этнических элит полагают, что он заложил "базу для нового федерализма и в основном обусловил направление работы над Конституцией РФ" придумывают всевозможные эвфемизмы, призванные убедить читателя в том, что "*Растворившись в Конституции РФ 1993 года, Федеративный договор не потерял своего самостоятельного значения*" (С. Вавилов)¹⁰¹. Однако, подобные образные сравнения, также как и схоластические конструкции вроде следующей: "Договор не подменяет и не может подменить собой Конституцию..., но по содержанию он входит в нее, *беря на себя задачу предварительного согласования* (?! – В.Ф.) полномочий федеральных органов власти и органов власти субъектов Федерации" (Р. Абдулатипов)¹⁰² мало, что проясняют в существе вопроса.

Стремительно развернувшийся вскоре после принятия Конституции 1993 года договорный процесс, "в ходе которого были подписаны договора (так у автора – В.Ф) о разграничении полномочий и предметов ведения между федеральными органами власти и органами власти субъектов Российской Федерации, - по выражению М. Губогло, - не рассеял, а еще более ... сгустил туман над сферой этногосударственных отношений"¹⁰³.

Уже в середине 90-х годов добросовестным исследователям и политикам было ясно, что ситуативные, политически конъюнктурные, крайне субъективно обоснованные "вертикальные" договоры разрушают и без того зыбкое

конституционное поле России и прямо угрожают ее государственному единству. Очевидно было, что «немалая часть уже заключенных договоров... вторгается в предмет федерального конституционного регулирования, разрушая тем самым единое конституционное пространство, нарушая единые принципы, связанные с правосубъектностью регионов» (В. Шуверова)¹⁰⁴.

В системе разделения государственной власти по вертикали порочная практика подписания двусторонних договоров привела к нарушению таких базовых конституционных устоев российского федерализма, как "государственный суверенитет Российской Федерации, верховенство федеральной конституционно-правовой системы, единство государственной власти, равноправие субъектов Российской Федерации, конституционное разграничение предметов ведения и других» (И. Умнова)¹⁰⁵.

Политологи вынуждены были констатировать, что "параллельно с конституционным правом (а порой и в противоречии с ним) активно формируется договорное право" (В. Лысенко)¹⁰⁶. Именно вследствие этого Председатель Конституционного суда РФ М. Баглай уже в 1997 году предсказывал грядущий конституционный кризис.

Политические результаты договорной ревизии конституционного принципа равенства субъектов федерации были очевидны и многократно описаны в отечественной литературе. "Реальная жизнь показала, что некоторые субъекты Федерации приобрели более широкие полномочия, чем другие, в силу договорных обязательств... а некоторые – даже более того, что зафиксированы в Конституции РФ" (Ж. Тощенко)¹⁰⁷. Подписанием эксклюзивных договоров с этнической номенклатурой Кремль создавал опасный прецедент "фактического повышения статуса субъекта РФ, выходящего за рамки, установленные Конституцией РФ, волевого перераспределения предметов ведения и полномочий, не соответствующего Конституции РФ, предоставления субъекту Федерации определенных преимуществ и льгот, ставящих его в особо благоприятные условия по сравнению с другими субъектами РФ" (В. Лысенко)¹⁰⁸.

Л. Болтенкова, в данном случае совершенно справедливо, отметила, что договорная практика фактически делает бессмысленным процесс федерального нормотворчества. "Некоторые подписанные с республиками договоры, ряд вопросов, отнесенных Конституцией к предметам ведения Российской

Федерации, закрепили в качестве предметов ведения республик. Какая норма выше? Ведь по какому-то вопросу для какой-то республики после подписания договора федеральный закон – не закон. Количество субъектов РФ, подписавших свой собственный двусторонний договор с РФ будет, по видимому, увеличиваться. Те или иные положения ст. 72 (Конституции – В.Ф.) также перейдут в договоры в измененном виде, а *Федеральное Собрание РФ так и будет принимать федеральные законы, которые являются таковыми для все меньшего числа субъектов Федерации*"¹⁰⁹. Отметим, что это обстоятельство, безусловно, было хорошо отрефлектировано российскими сенаторами, что, в свою очередь, сводило к нулю шансы ратифицировать двусторонние договоры, как в Государственной Думе, так и в Совете Федерации.

К вопросу о необходимости конституционной реформы.

Полемизируя со сторонниками исключительно договорной схемы федеративных отношений С. Шахрай пишет: "Часто ссылаются на то, что, якобы, договорный, либо конституционно-договорный характер нашей федерации прямо заложен в Основном Законе... который устанавливает что разграничение предметов ведения и полномочий... осуществляется Конституцией, Федеративным и иными договорами... *Однако эту норму Конституции нельзя рассматривать вне связи с другими ее фундаментальными положениями...* В частности, согласно Конституции РФ, федеративное устройство нашей страны основано на ее государственной целостности и единстве системы государственной власти"¹¹⁰. К сожалению, нормы действующей Конституции нельзя рассматривать "в связи" друг с другом. Она как меню в ресторане предлагает всем желающим аргументы на любой вкус в силу того, что те или иные ее положения и нормы часто не только не согласуются, но и прямо противоречат друг другу.

Конституция, наспех принятая в ситуации резкого обострения межэтнической конфликтности и небывалой напряженности в федеративных отношениях, не может быть ни хорошей, ни долговечной. Очевидно, что Основной закон, сотканный из компромиссов и противоречий, не может удовлетворить ни тех, кто стремится к конфедерализации страны, ни тех, кто ратует за ликвидацию этнической асимметрии федеративного устройства России.

Идеолог татарского сепаратизма Р. Хакимов, справедливо отмечая ситуативность Конституции РФ, видит в ней те недостатки, какие хочет видеть человек, заинтересованный в слабом федеральном Центре и приоритете прав этнических меньшинств, волею исторических обстоятельств получивших статус "титulyных". По его мнению, "Конституция РФ *принималась как документ переходного периода, и он несет на себе печать политической нестабильности начала 90-х годов*: неясность статуса субъекта Федерации, перегрузка центра несвойственными функциями, отсутствие механизма защиты этнических меньшинств и т.д."¹¹¹. Для политиков и экспертов, работающих в этой парадигме, Конституция России дискриминационна по отношению к регионам, так как, по их мнению, "распределение прав и полномочий между уровнями государственной власти в России *присуще скорее унитарному, чем федеративному государству*" (Е. Аксенова)¹¹². В этой связи, идеологи этнических суверенитетов полагают, что Основной Закон страны имеет транзитивный характер и в обозримом будущем "многонациональность Российской Федерации и сохранение национальных государств *потребуется закрепления федерализма в Конституции*" (Р. Абдулатипов)¹¹³. Отметим, что это было написано всего через два года после принятия ельцинской Конституции, утвердившей необоснованно высокий (по сравнению с областями и краями) государственный статус так называемых "национальных республик"!

Ситуативность этой Конституции была не менее отчетливо обозначена и в работах противников идеи договорной федерации. Вместе с тем, в середине 90-х годов всем было ясно, что в тех политических условиях рассчитывать на скорую позитивную трансформацию федеративных отношений не приходилось: слишком низок был уровень легитимности Президента РФ, слишком велика была его зависимость от президентов республик, обеспечивавших в нужное время электоральную поддержку Кремля. С. Митрохин с известным пессимизмом писал тогда: "Конечно же, *изменение Конституции необходимо. Но это - дело очень долгое и почти безнадежное, особенно в сфере федеративных отношений*: субъекты Федерации будут насмерть биться за дарованные им вольности и привилегии"¹¹⁴.

Шок от распада Советского Союза и кровавых межэтнических столкновений практически во всех пределах этого некогда могучего государства был настолько велик, что даже политики, пользовавшиеся тогда особым

влиянием и занимавшие высшие государственные посты, боялись даже говорить об актуальности изменения федеративного устройства страны. Е. Строев, бессменный спикер Верхней Палаты практически на всем протяжении правления Б. Ельцина, высказывался по этому поводу крайне осторожно: "Что касается изменения в федеральных статьях Конституции, то *вносить в них изменения нужно, но не сегодня*. Полагаю, на данном историческом отрезке сама дискуссия об изменении конституционных основ федеративных отношений может *разрушить и без того хрупкое равновесие в этой деликатной сфере*"¹¹⁵.

Лишь немногие наиболее компетентные и авторитетные эксперты могли позволить себе со всей определенностью декларировать тогда: "Утешительная декларация, согласно которой федерализм есть территориальная форма демократии, должна смениться осознанием того, что *этнический экстремизм, имплицитно заложенный в некоторых конституционных фразах, и практика "договорной федерации" должны быть нейтрализованы* во имя спокойствия и блага россиян, во имя самого будущего России" (В. Тишков)¹¹⁶.

Законодательное регулирование договорного процесса.

Во второй половине 90-х годов хаотичная, отмеченная крайним политическим волюнтаризмом, договорная практика Кремля вызывала идиосинкразию у всех здравомыслящих политиков и ученых. В общественном мнении все более укреплялась мысль о необходимости ввести договорной процесс в более или менее ясные пределы законодательного регулирования. Однако континуум мнений относительно такого рода законодательных ограничений было достаточно широк.

Наиболее одиозная точка зрения состояла в том, что сами по себе двусторонние договоры представляют собой правовые документы и их появление знаменует собой правовое упорядочение новых федеративных отношений в России. Такая идеологема была сконструирована для того, чтобы создать у обывателя иллюзию правовых оснований заключения двусторонних договоров, подобных договору с Татарстаном. Это в высшей степени сомнительное с точки зрения конституционного права политическое действие в таком случае интерпретировалось как "наглядное, хотя и не лишенное противоречивости,

подтверждение *смещения проблем федерализации из области политики в область права* находим в договорном процессе" (М. Губогло)¹¹⁷.

Несколько более разумной выглядела "консервативная" позиция, суть которой сводилась к сохранению status quo в той модели федеративных отношений, которая сложилась в результате политических катаклизмов первой половины 90-х годов, но с тем непременным условием, что договорное разграничение полномочий между Центром и регионами не будет выходить за рамки действующей Конституции. В соответствии с этой точкой зрения «обеспечение конституционности подразумевает: 1) недопустимость изменения конституционно установленного перечня предметов ведения РФ и предметов совместного ведения РФ и субъектов федеральными законами, договорами, соглашениями; 2) недопустимость принятия федеральных законов, заключения договоров и соглашений, если это ведет к изменению конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации» (В. Шуверова)¹¹⁸. Эта позиция, будучи реализована в политической практике, означала бы некоторое ограничение буйной фантазии этносепаратистов и исключило бы появление договоров, подобных договорам с Татарстаном или Башкортостаном, однако в тоже время означала бы консервацию этнически обусловленной асимметрии федеративных отношений.

Также как и М. Губогло, В. Шуверова считает целесообразным "придать договорам соответствующую юридическую силу, равноценную законам", однако при этом она предлагает "*предусмотреть процедуру утверждения договоров законом субъекта Федерации и постановлением Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания*"¹¹⁹. Последнее предложение заслуживало бы всякого одобрения, так как его реализация означала бы фактический конец договорной практики: обделенные губернаторы российских областей никогда не утвердили бы договорные льготы и привилегии "избранных" республик, так как оплачивать таковые им приходилось из скромного бюджета своих регионов.

Большинство российских политиков и экспертов не исключают принципиальной возможности регулирования отдельных аспектов взаимоотношений федерального Центра и территорий посредством двусторонних договоров и соглашений. Но даже те, кто полагал, что "достижение баланса интересов Федерального Центра и каждого субъекта Федерации (особенно по предметам ведения) *требует дифференцированного подхода*, учета реальных

вия", во-вторых, предлагали *"учитывать особенности в процессе заключения «индивидуальных договоров» о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ (на основе специально принятого закона)"* (В. Иванов)¹²⁰.

Необходимость обуздания договорной эпидемии и приведение процедуры заключения вертикальных договоров между федеральным Центром и субъектами федерации к некоторым законодательно утвержденным на федеральном уровне принципам давно осознана депутатами Государственной Думы, работающими в Комитете по делам федерации и региональной политики. В. Лысенко уже в 1995 году писал о том, что *"чрезвычайно остро ощущается необходимость законодательного регулирования договорного процесса"* и настаивал на *"четкой законодательной фиксации «неотчуждаемых» полномочий Федерации, которые не могут быть переданы субъекту Российской Федерации"*¹²¹.

На необходимости ввести договорный процесс в конституционное русло и принятии специального закона, *"который упорядочил бы механизм заключения новых договоров и реализации принятых"* настаивали и влиятельные сенаторы. Формулируя точку зрения подавляющего большинства членов Совета Федерации Д. Аяцков говорил о том, что *"договорный процесс должен идти при участии всех субъектов федерации, быть открытым, не нарушать равноправие субъектов"* и о том, что *"только при этом условии он может привести к «собираанию земель», общероссийскому согласию"*¹²².

Несомненно, в сложившихся политических условиях эта позиция была прогрессивной и заслуживала одобрения и поддержки. Но все политики и концептуалисты, солидарные с таким решением проблемы были едины во мнении о том, что *"принятие федерального закона "О порядке заключения и выполнения внутрифедеральных договоров и соглашений" будет способствовать совершенствованию договорного регулирования федеративных отношений"* (Ю. Тихомиров)¹²³. Подчеркнем – совершенствованию договорного регулирования, а не отказа от такового. Нам же представляется, что единственно конструктивная позиция заключается в том, чтобы отказавшись от попыток перераспределять компетенции территорий и Центра посредством эксклюзивных

двусторонних соглашений, перейти к разграничению полномочий по вертикали на основе исключительной компетенции федерального закона. С аргументацией А. Усса, предложенной в защиту этой точки зрения трудно не согласиться: "Договорное регулирование разграничения компетенции должно уступить место федеральному закону. Почему? Во-первых, невозможно разграничить или передать сами предметы ведения. Они в любом случае устанавливаются в Конституции, так как юридически невозможно "поделить сферу общественных отношений. Во-вторых, разграничить можно вполне конкретные полномочия органов государственной власти, и то в пределах совместного ведения. Но и при договорном способе разграничения полномочий всегда происходит ущемление прав одних субъектов за счет повышения статуса других. В-третьих, федеративные государства давно прошли подобный этап деления властных полномочий. Во всем мире это разграничение идет либо на основе постепенного формирования норм прецедентного права, либо на уровне конституции или федерального конституционного закона" (А. Усс)¹²⁴.

Как бы то ни было, но договорная вакханалия середины 90-х годов спровоцировала опасное противостояние между немногочисленными сторонниками республиканских этнократов и их многочисленными оппонентами, прежде всего, из числа членов Верхней Палаты российского Парламента. Столкнувшись с глухим ропотом региональной и политической элиты лукавый Президент в одном из своих ежегодных Посланий Федеральному собранию публично декларировал *«необходимость выработать и законодательно закрепить критерии, на основе которых федеральные органы смогут уточнять конституционные отношения с субъектами Федерации. При этом незыблемым должен оставаться конституционный принцип устройства нашей Федерации»* (Б. Ельцин)¹²⁵. Однако это было лишь очередным упражнением в публичной риторике. Российские парламентарии не раз выражали сожаление о том, что президентским вето завершились все попытки "принятия Федерального закона "О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ". Вероятно, причиной вето стала предусмотренная в Законе обязательная процедура одобрения проектов договоров... Советом Федерации" (А. Усс)¹²⁶. Б. Ельцин ни при каких условиях не желал терять инструмент политических манипуляций в "национальных республиках" – регионах с

откровенно авторитарными режимами правления и потому управляемым электоратом.

Договорная федерация – стратегия или тактика?

Что представляла собой договорная практика второй половины 90-х годов – стратегию федеративного строительства, призванную принципиально изменить характер государственного устройства, или не более, чем политическую тактику, имевшую целью сгладить особенно острые этнополитические конфликты в условиях, когда Центр не имел сил и средств на поддержание конституционного порядка в стране, а "гарант Конституции" был лично заинтересован в этнически дифференцированной региональной политике? Несколько лет тому назад этот вопрос отнюдь не выглядел риторическим и от того или иного решения этого вопроса зависела целостность России как суверенного государства.

Республиканские идеологии локальных этнократических режимов убеждают свой "национальный" электорат в том, что договорная практика представляет собой квинтэссенцию демократии и прогресса в области федеративных отношений в полиэтничном государстве. Двусторонние договоры провозглашаются "международными, государствообразующими, *будущим федерации*"¹²⁷ (М. Сабиров). В пропагандистском мифотворчестве такого рода "республики ведут напряженную работу по "наполнению суверенитета" реальным содержанием *через договорный процесс, законодательную деятельность, хозяйственные работы*", в то время как унитаристский Центр "перемещает акцент своей политики *от договорного процесса к укреплению власти центра* под лозунгом восстановления роли "государства", "вертикали" во имя преодоления кризиса", что трактуется как "назревание авторитарных настроений, *разрыв демократии и этничности*", которые в связаны с приходом к власти сил, "которые разрушат молодые побеги демократии и опрокинут достигнутые *рубежи национальных движений*" (Р. Кузеев)¹²⁸. В этой парадигме долгожданное слияние этничности и демократии наступает тогда, когда националистам удастся (расшатать этнополитическую ситуацию, создав реальную угрозу межэтнических столкновений) навязать Центру договоры, позволяющие перераспределять национальное богатство, создаваемое усилиями всей страны в

пользу "национальных" республик, а этнополитическим элитам удастся оттеснить от власти и собственности представителей "нетитульных этносов" на территории контролируемых ими "суверенных" государств. В соответствии с этой точкой зрения двусторонние договоры представляют собой стратегию федеративного строительства в России, стратегию, от которой готов отказаться во имя "укрепления вертикали власти" новый Президент России. В пропагандистские идеологемы такого рода не верит сейчас даже не отличающейся высокой политической культурой республиканский деревенский электорат. Интеллектуальную продукцию этого сорта можно трактовать только как добросовестную работу идеологического аппарата, обслуживающего злободневные интересы семейных кланов, узурпировавших власть в ряде республик.

Среди республиканских идеологов есть и более тонкие специалисты, которые вполне справедливо полагают, что подходы к договорному процессу всегда были принципиально различны в московском и казанском кремлях. В их трактовке "Москва... исходила не из стратегических, а из тактических соображений, надеясь со временем заставить Татарстан и другие республики следовать указаниям из Центра. Для Татарстана, напротив, договорный характер отношений с Москвой является принципиальной политикой, закрепленной во многих документах"¹²⁹. Но и в этой позиции есть известная доля политического лукавства: политически ситуативным договорной процесс был и для Москвы, и для Казани (также как и для Уфы, Якутска и проч.). Республиканские лидеры прекрасно понимали, что конструируемые ими дискриминационные по отношению к большинству субъектов Российской Федерации договорные отношения не могут быть долговечными, несмотря на то, что обставлялись всевозможными квазигосударственными актами. Однако, растянувшийся на вторую половину 90-х годов прошлого столетия договорной процесс стал логическим продолжением "парада суверенитетов" и принес серьезные материальные дивиденды известным "фамилиям". И в этом смысле договорная практика оказалась весьма результативной.

И в московском экспертном сообществе, обслуживающем законотворческую работу Совета Федерации, весьма употребительна идеологическая "страшилка", в которой имплицитно заложена идея необходимости умиротворения этнократов, которые (упаси Господь!) вновь

могут мобилизовать этничность и разрушить сложившиеся шаткое равновесие в этнополитической ситуации. По мнению А. Жирикова "сегодня в России достигнуто хрупкое сочетание территориально-политического и территориально-национальных принципов в построении федеративного государства... необходимо не слияние тех или иных образований, территорий, а именно достижение единства в многообразии. *При этом не суть важно, какая это будет федерация на переходном этапе - конституционно-договорная или конституционная*"¹³⁰. Вот только непонятно, на этапе "перехода" от чего к чему – перехода от асимметричной этнизированной федерации к конфедерации этнократических государств? И "не важно" для кого – для дискриминируемых в результате договорной практики российских областей – тоже?

Иезуитская идея взаимовыгодности и всеобщей полезности двусторонних договоров достаточно характерна для околонучного чиновничьего творчества, призванного если не оправдать, то, во всяком случае, придать вид политической целесообразности неоправданному перераспределению власти и собственности между федеральным Центром и избранными "национальными" республиками. А Больев задается риторическим вопросом "удастся или не удастся найти точную формулу нахождения в составе России, прихода к равенству субъектов Федерации?" И отвечает на него следующим образом: "Такая формула была, *как бы найдена* в два этапа. На первом этапе – до 1993 года со всеми видами субъектов Федерации было заключено три федеративных договора, которые создали основу для региональной политики... *для определения минимума прав более высокого уровня, которые имели бы республики в составе РФ*. Второй этап – это конституция 1993 года, которая закрепила *это равенство* между субъектами Федерации"¹³¹. Известные проблемы автора с русским языком делают цитированную фразу весьма двусмысленной. Действительно, формула "как бы была найдена", и закрепила она именно "это" равенство, равенство, которое можно назвать таковым только тогда, когда плохо понимаешь смысл этого слова.

Итак, среди отечественных исследователей весьма многочисленны те, кто всерьез полагает, что магистральный путь развития федеративных отношений в России – это процесс целенаправленной диверсификации отношений центра и регионов. М. Губогло, в частности, считает, что "федерализм и его важнейшая составная часть – подписание договоров и соглашений между Центром и

субъектами РФ, является незавершенным процессом" и сокрушается, что "счет пока еще не "в пользу" договорного процесса"¹³².

Тем не менее, как показал опрос экспертов, проведенный Центром социологии национальных и региональных отношений ИСПИ РАН, большая часть российских ученых и политиков "видит в практике заключения договоров скорее паллиативное, временное решение, нежели перспективное направление политики" (В. Иванов)¹³³.

Тот факт, что договорной процесс *"носил компромиссный характер... (он) закрепил неравноправное положение краев и областей по сравнению с республиками* и не смог полностью нейтрализовать дезинтеграционные процессы в Российской Федерации"¹³⁴ (Р. Абдулатипов, В. Михайлов, В. Игнатов и др.) признают практически все сколько-нибудь добросовестные исследователи, включая и тех, кто весьма позитивно оценивает этническую асимметрию федеративных отношений вообще, и договорную практику, в частности. В этом контексте печальным курьезом выглядит утверждение того же Р. Абдулатипова: "Исходя из национально-государственной концепции Федеративного договора, можно выстраивать и саму национальную политику в целом"¹³⁵. Вполне откровенно! Национальную (правильно – этническую!) политику в России следует выстраивать в соответствии с нормативными актами, утвердившими "неравноправие" регионов, а если не лукавить, то и неравноправие граждан страны. Этническую политику по Р. Абдулатипову следует выстраивать в соответствии с ситуативными договорами, навязанными политиками, выступающими от имени абсолютного меньшинства граждан страны и противоречащими интересам подавляющего большинства граждан. В этом-то и состоит суть договорного процесса и именно в этом состоит его целеполагание. Унтер-офицерская вдова выпорола самую себя!

Если одни исследователи ограничиваются констатацией неравноправия в федеративных отношениях, постоянно провоцируемого эксклюзивными вертикальными договорами, то другие делают из такой констатации единственно разумный вывод: "Вопрос сегодня стоит так: либо Федеральное собрание совместно с законодательными органами власти субъектов РФ создаст современную законодательную базу для развития федеративных отношений, судебная власть обеспечит неукоснительное следование законам, а исполнительная власть – работу по ним, либо *"договорная лихорадка"* из

временного фактора станет постоянным, превратив Российскую Федерацию из конституционного в договорное государство" (В. Лысенко)¹³⁶. При этом следует отметить, что "выступая принципиально против подписания политических договоров с субъектами Федерации, ведущих к получению особого статуса, льгот и преимуществ одних субъектов Федерации за счет других", В. Лысенко считает "необходимым и возможным заключение соглашений федерального Центра и субъектов Федерации по конкретным направлениям, программам и проектам"¹³⁷. В этом с ним солидарен А. Аринин, который "оценивает двусторонние отношения на предмет разграничения предметов ведения и полномочий как *необходимую особенность становления и развития российского федерализма на современном этапе*" и склоняется к мысли о том, что "такой подход... *отвечает потребностям развития российского федерализма*"¹³⁸.

Куда более категоричны в своих суждениях преимущественно московские ученые и политики, которые исходят из идеи исторической ограниченности договорного процесса, считают его "неким *временным явлением*, пережитком времени "парада суверенитетов", мягко перешедшим в "парад заключения договоров", "*домокловым мечем российской государственности*" (А. Сычев)¹³⁹. В московском экспертном сообществе в конце 90-х годов все более утверждалась точка зрения о том, что "договорная федерация – институт достаточно неустойчивый, что влечет кратковременность ее существования" (М. Золотарева)¹⁴⁰, что практика "заключения двусторонних договоров себя не оправдала", что неуспех идеи преодолеть кризис в федеративных отношениях "на основе двусторонней договорной практики был предопределен законами развития экономики" (С. Валентей)¹⁴¹.

Рассматривая договорную практику как "следствие... недостаточно утвердившейся конституционной основы федерализма" наиболее авторитетные этнополитологи предупреждали, что "*Дальнейшее развитие договорных начал чревато опасностью дезинтеграции страны в результате усиления противоречий между регионами, между регионами и Центром*" (М. Губогло, Л. Дробижева, О. Комарова, А. Осипов, В. Степанов, В. Тишков, С. Чешко. *Заметим, что присутствие М. Губогло, в составе авторского коллектива, вербализующего такую концепцию развития федеративных отношений, можно считать забавным недоразумением*)¹⁴².

Есть основания думать, что такой подход постепенно возобладал и среди тех, кто формировал основы региональной политики в Кремле. Влиятельное окружение Президента РФ все более явственно осознавало, каким бременем ложатся договорные привилегии на федеральный бюджет, и какое деструктивное воздействие оказывает договорный процесс на федеративную государственность. Нарастающий ропот обделенных региональных элит, формирование политических блоков в недрах Совета Федерации создавали угрозу стабильности режима. Как свидетельствует Д. Аяцков "неравенство субъектов Федерации, закрепленное Федеративным договором, сразу же было осознано российскими областями и вызвало их недовольство. Конституционное закрепление этого неравенства, при декларировании равенства субъектов РФ, встретило непонимание большинства субъектов Федерации. Определенным ответом на этот шаг стало *появление на рубеже 1994-1995 годов в политической доктрине российского руководства новых установок, смысл которых заключался в укреплении государственности и единства России*"¹⁴³. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что новации в сфере федеративной и региональной политики, столь отчетливо проявившиеся уже в первый год правления В. Путина, концептуально вызревали в кремлевских кулуарах уже с середины 90-х годов прошлого столетия.

В этом контексте актуально прозвучал призыв Е. Строева "ответственно и критически подумать, *стоит ли пролонгировать заключенные договоры и соглашения*, а если стоит, то как, и какие. И действовать в этом отношении не явочным порядком, а исходя из твердых общегосударственных принципов"¹⁴⁴.

Резюме

Любой аспект проблемы модернизации отечественной модели федеративных отношений подразумевает бинарную оппозицию суждений заинтересованных политиков и ученых. Полемика по поводу договорной схемы распределения полномочий между федеральным Центром и субъектами не стала исключением.

Те, кто заинтересован в консервации этнически детерминированной асимметрии федеративных отношений, также как и те, кто обеспечивает идеологическое обоснование правомерности такой заинтересованности,

интерпретируют договорной процесс как закономерный и ординарный механизм оптимизации взаимоотношений Центра и регионов в демократическом федеративном государстве. Для тех, кто не склонен политизировать этничность и стремится к правовому и статусному равноправию субъектов Российской Федерации, очевидно, что сам феномен двустороннего эксклюзивного вертикального договора есть прямое следствие этнической мобилизации, предпринятой постсоветскими этнополитическими элитами с целью обеспечения эксклюзивного правового статуса и особых налоговых льгот и привилегий так называемых "национальных" республик, во-первых, и эксклюзивного положения представителей так называемых "титულных" этнических общностей, во-вторых.

Соответственно, первые настаивают на учредительном характере двусторонних договоров о распределении полномочий и считают, что Российская Федерация в ее нынешней ипостаси сформировалась усилиями территорий, преимущественно - этногосударственных образований, "снизу". В этом случае отечественная модель федеративной государственности интерпретируется как "договорная". Вторые, напротив, полагают, что к моменту подписания двусторонних соглашений Российская Федерация уже существовала, как суверенное государство, и вертикальные договоры заключались между федеральным Центром и отдельными субъектами, а потому не могут изменить конституционную природу российского федерализма.

Двусмысленности действующей Конституции РФ вызывают неудовольствие и тех и других, однако, одними они трактуются как повод для конституирования договорной федерации, которая и провозглашается стратегией федеративного строительства в России, другими расцениваются, как основание говорить о необходимости конституционно-законодательного регулирования договорного процесса, а сами двусторонние договоры и соглашения в этом случае расцениваются как ситуативные механизмы оптимизации взаимоотношений Центра и регионов в условиях этнополитического кризиса; договорная практика при таком подходе оценивается как небезупречная политическая тактика.

Апологеты этнического федерализма убеждают в том, что договорной процесс есть единственный способ сохранить целостность "многонациональной" России, критики же, напротив, утверждают, что договорная федерация представляет собой транзитивное состояние на пути к рыхлой конфедерации и

последующему распаду Российской Федерации. В конечном счете, в основе апологетики договорной федерации лежит идея политической и юридической правосубъектности антологизированного этноса, а в основе критики таковой заложена идея демократического федерализма как формы реализации конституционного равенства территорий и граждан вне этнического контекста.

¹ Усс А. Укреплять федерацию - наша общая задача//Федерализм. 1999. № 2. С. 7.

² Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации// Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 166-167.

³ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 13-14.

⁴ Губогло М.Н. Вопросы теории и практики этнической мобилизации//Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. Отв. ред. М.Н. Губогло. М., ЦИМО. 1999. С. 29.

⁵ Губогло М.Н. Вопросы теории и практики этнической мобилизации//Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. Отв. ред. М.Н. Губогло. М., ЦИМО. 1999. С. 27.

⁶ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 56-57.

⁷ Шахрай С.М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 152-153.

⁸ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 54.

⁹ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 60.

¹⁰ Шахрай С.М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 152.

¹¹ Лысенко В.Н. Договорные отношения как фактор обострения противоречий краев и областей с республиками//Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., ИС РАН. 1998. С. 19.

¹² Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 173.

¹³ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 54.

¹⁴ Губогло М.Н. Федерализм власти и власть федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 116.

¹⁵ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 60.

¹⁶ Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 173.

¹⁷ Губогло М.Н. Федерализм власти и власть федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 119.

¹⁸ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 94.

¹⁹ Цит. по: Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 13.

²⁰ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 19.

²¹ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 26.

²² Усс А. Укреплять федерацию - наша общая задача//Федерализм. 1999. № 2. С. 14.

²³ Шуверова В.Д. Государственный суверенитет и право народов на самоопределение. М., Издательство РАГС. 1997. С. 35.

²⁴ Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Игнатов В.Г. и др. Реализация принципов федерализма (на примере Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, 1997. С. 13.

²⁵ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 27.

²⁶ См.: Савина В.Н. О практике разграничения полномочий между федеральными органами власти и органами государственной власти субъектов РФ. Материалы парламентских слушаний 8 апреля 1996 года//Думский вестник. 1996. № 4. С. 88.

²⁷ Митрохин С. Дефективный федерализм: симптомы, диагноз, рецепты выздоровления//Федерализм. 1999. № 2. С. 64.

- ²⁸ Сурков А. Международное сотрудничество субъектов Российской Федерации: практика и проблемы//Федерализм. 1997. № 3. С. 12.
- ²⁹ Губогло М.Н. Федерализм власти и власть федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 108
- ³⁰ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Об укреплении Российского государства. М., 1994. С. 48.
- ³¹ Шаймиев М.Ш. Шесть лет по пути укрепления государственности Республики Татарстан//Республика Татарстан: время больших перемен. Казань, 1996. С. 12.
- ³² Хакимов Р.С. Об основах асимметричности Российской Федерации//Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., ИС РАН. С. 44.
- ³³ Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 174.
- ³⁴ Усс А. Укреплять федерацию - наша общая задача//Федерализм. 1999. № 2. С. 6.
- ³⁵ Губогло М.Н. Федерализм власти и власть федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 121.
- ³⁶ Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., Славянский диалог. 1996. С. 13.
- ³⁷ Цит. по: Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 12.
- ³⁸ Аяцков Д.Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века). Автореф. дисс...докт. историч. наук. М., 1999. С. 23.
- ³⁹ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С.76. См., также: Иностранное конституционное право. М., 1996. С. 34-35; Единая конституционная система Российской Федерации. М., 1994. С. 42-43.
- ⁴⁰ Красин Ю.А. Федерализм: российские реалии и исторический опыт//Федерализм: поиски ответов на новые вызовы. М., Горбачев-Фонд. 1993. С. 38.
- ⁴¹ Каменская Г.В. Федерализм: мифология и политическая практика. М., ИМЭМО. 1998. С. 2.
- ⁴² Бухвальд Е. Новая стратегия реформ и перспективы российской государственности//Федерализм. 1999. № 2. С. 49.
- ⁴³ Иванов В.Н. Взаимодействие Федерального центра и регионов: доминирующие тенденции и проблемы//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 34.
- ⁴⁴ Болтенкова Л. Соотношение законодательства Российской Федерации и ее субъектов: основные противоречия//Федерализм. 1996. № 1. С. 82.
- ⁴⁵ Строев Е.С. Трудный поиск отечественной модели федеративных отношений//Федерализм. 1999. № 1. С. 15.
- ⁴⁶ Иванов В.Н. Взаимодействие Федерального центра и регионов: доминирующие тенденции и проблемы//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 31.
- ⁴⁷ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 59.
- ⁴⁸ Гусейнова Н.А., Ладодо И.В., Назаров М.М. О развитии федерализма//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 82.
- ⁴⁹ Гусейнова Н.А., Ладодо И.В., Назаров М.М. О развитии федерализма//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 82.
- ⁵⁰ Иванов В.Н. Взаимодействие Федерального центра и регионов: доминирующие тенденции и проблемы//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., 1997.С. 38.

- ⁵¹ Гусейнова Н.А., Ладодо И.В., Назаров М.М. О развитии федерализма// Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., 1997. С. 87.
- ⁵² Иванов В.Н. Взаимодействие Федерального центра и регионов: доминирующие тенденции и проблемы//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 34.
- ⁵³ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 50.
- ⁵⁴ Усс А. Укреплять федерацию - наша общая задача//Федерализм. 1999. № 2. С. 21.
- ⁵⁵ Тарнапольский Р.И. Теоретические проблемы республиканской конституции//Советское государство и право. 1992. № 2. С. 23.
- ⁵⁶ Хакимов Р.С. Подходы к федерализму: вариант Татарстана//Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, ИЯЛИ. 1994. С. 61.
- ⁵⁷ Шахрай С.М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 156.
- ⁵⁸ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 34.
- ⁵⁹ Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., Славянский диалог. 1996. С. 79.
- ⁶⁰ Шахрай С.М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 159.
- ⁶¹ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 72-73.
- ⁶² Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 36.
- ⁶³ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 59.
- ⁶⁴ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 16-17.
- ⁶⁵ Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации// Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 167.
- ⁶⁶ Цит. по: Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 16.
- ⁶⁷ Хасанов М.Х. Предисловие. В кн.: Столяров М.В. Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа. Казань, Фэн. 1998. С. 5.
- ⁶⁸ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 28.
- ⁶⁹ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 52.
- ⁷⁰ Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Игнатов В.Г. и др. Реализация принципов федерализма. (На примере Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, Изд-во СКАГС. 1997. С. 5.
- ⁷¹ Тихомиров Ю. Государственно-правовые аспекты федерализма//Федерализм. 1999. № 2. С. 25.
- ⁷² Шахрай С.М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 151.
- ⁷³ Цит по: Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 11.
- ⁷⁴ Шахрай С.М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 154.
- ⁷⁵ Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., Славянский диалог. 1996. С. 13.
- ⁷⁶ Аяцков Д.Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века). Автореф. дисс... докт. историч. наук. М., 1999. С. 23.
- ⁷⁷ Печенев В. Россия многонациональная: опять на распутье. М., Республика. 1999. С. 43.
- ⁷⁸ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 36.
- ⁷⁹ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 94.

- ⁸⁰ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 79.
- ⁸¹ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 23.
- ⁸² Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 11.
- ⁸³ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 22.
- ⁸⁴ Шуверова В.Д. Государственный суверенитет и право народов на самоопределение. М., Издательство РАГС. 1997. С. 31.
- ⁸⁵ Губогло М.Н., Дробижева Л.М., Комарова О.Д., Осипов А.Г., Степанов В.В., Тишков В.А., Чешко С.В. Межэтнические отношения в Российской Федерации. Ежегодный доклад ИЭА РАН. Москва, 1998. С. 16.
- ⁸⁶ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 35.
- ⁸⁷ Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Игнатов В.Г. и др. Реализация принципов федерализма (на примере Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, 1997. С. 13.
- ⁸⁸ Сурков А. Международное сотрудничество субъектов Российской Федерации: практика и проблемы//Федерализм. 1997. № 3. С.13.
- ⁸⁹ Хакимов Р.С. Об основах асимметричности Российской Федерации//Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., ИС РАН. С. 44.
- ⁹⁰ Цит. по: Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 12.
- ⁹¹ Хакимов Р.С. Подходы к федерализму: вариант Татарстана//Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, ИЯЛИ. 1994. С. 59.
- ⁹² Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 61.
- ⁹³ Вавилов С. Дефицит власти в России – источник социально-экономической нестабильности//Федерализм. 1999. № 2. С. 112.
- ⁹⁴ См.: Проблемы и перспективы развития российского федерализма. Материалы Первой всероссийской научно-практической конференции. М., Изд-во СФ. 1998.
- ⁹⁵ Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 192.
- ⁹⁶ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 58.
- ⁹⁷ Митрохин С. Дефективный федерализм: симптомы, диагноз, рецепты выздоровления//Федерализм. 1999. № 2. С. 64.
- ⁹⁸ Зюганов Г. Муки централизма//НГ-сценарий. Ежемесячное приложение к "Независимой газете". 1997. № 3 (12).
- ⁹⁹ Аяцков Д.Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века). Автореф. дисс...докт. историч. наук. М., 1999. С. 31.
- ¹⁰⁰ Бухвальд Е. Новая стратегия реформ и перспективы российской государственности//Федерализм. 1999. № 2. С. 46.
- ¹⁰¹ Вавилов С. Дефицит власти в России – источник социально-экономической нестабильности//Федерализм. 1999. № 2. С. 112.
- ¹⁰² Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., Славянский диалог. 1996. С. 81.
- ¹⁰³ Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., ЦИМО. 2000. С. 181.
- ¹⁰⁴ Шуверова В.Д. Государственный суверенитет и право народов на самоопределение. М., Издательство РАГС. 1997. С. 36.
- ¹⁰⁵ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 6.
- ¹⁰⁶ Лысенко В.Н. Договорные отношения как фактор обострения противоречий краев и областей с республиками//Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., ИС РАН. 1998. С. 14-15.
- ¹⁰⁷ Тощенко Ж.Т. Асимметрия как принцип национального и федерального строительства//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 54.

- ¹⁰⁸ Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации// Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 173. См. также: Медведев Н.П. Федеративному договору – пять лет. Время расставлять акценты//Российская газета. 1997. 25 марта.
- ¹⁰⁹ Болтенкова Л. Соотношение законодательства Российской Федерации и ее субъектов: основные противоречия//Федерализм. 1996. № 1. С. 83.
- ¹¹⁰ Шахрай С.М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 154.
- ¹¹¹ Хакимов Р.С. Об основах асимметричности Российской Федерации//Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., ИС РАН. С. 41.
- ¹¹² Аксенова Е. Как ослабить финансовую напряженность между Центром и регионами//Федерализм. 1999. № 2. С. 122.
- ¹¹³ Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 60.
- ¹¹⁴ Митрохин С. Дефективный федерализм: симптомы, диагноз, рецепты выздоровления//Федерализм. 1999. № 2. С. 69.
- ¹¹⁵ Строев Е.С. Трудный поиск отечественной модели федеративных отношений//Федерализм. 1999. № 1. С. 14.
- ¹¹⁶ Тишков В.А. Федеративное устройство и местное самоуправление. Становление новой российской государственности: реальность и перспективы. (Открытый доклад). М., 1996. С. 73.
- ¹¹⁷ Губогло М.Н. Федерализм власти и власть федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 108-109.
- ¹¹⁸ Шуверова В.Д. Государственный суверенитет и право народов на самоопределение. М., Издательство РАГС. 1997. С. 36.
- ¹¹⁹ Шуверова В.Д. Государственный суверенитет и право народов на самоопределение. М., Издательство РАГС. 1997. С. 37.
- ¹²⁰ Иванов В.Н. Взаимодействие Федерального центра и регионов: доминирующие тенденции и проблемы//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 38.
- ¹²¹ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 59.
- ¹²² Аяцков Д.Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века). Автореф. дисс...докт. историч. наук. М., 1999. С. 40.
- ¹²³ Тихомиров Ю. Государственно-правовые аспекты федерализма//Федерализм. 1999. № 2. С. 27.
- ¹²⁴ Усс А. Укреплять федерацию - наша общая задача//Федерализм. 1999. № 2. С. 6.
- ¹²⁵ Ельцин Б.Н. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 1995 года «О действенности государственной власти в России». М., 1995. С. 29-30.
- ¹²⁶ Усс А. Укреплять федерацию - наша общая задача//Федерализм. 1999. № 2. С. 8.
- ¹²⁷ Сабиров М.Г. О практике разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ и перспективах развития российского федерализма//Думский вестник. 1996. № 4. С. 83.
- ¹²⁸ Кузеев Р.Г. Национализм и демократия в многонациональных государствах//Этнопанорама. 2000. № 1. С. 9.
- ¹²⁹ Хакимов Р.С. Об основах асимметричности Российской Федерации//Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., ИС РАН. С. 44.
- ¹³⁰ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 21-22.
- ¹³¹ Больев А.П. Центр и регионы сегодня: взаимодействие с позиций администрации Президента Российской Федерации//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 65.
- ¹³² Губогло М.Н. Федерализм власти и власть федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 108.
- ¹³³ Иванов В.Н. Россия федеративная (кризис и пути его преодоления). М., ИСПИ РАН. 1999. С. 28.

-
- ¹³⁴ Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Игнатов В.Г. и др. Реализация принципов федерализма (на примере Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, 1997. С. 11.
- ¹³⁵ Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 83.
- ¹³⁶ Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 193.
- ¹³⁷ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 36.
- ¹³⁸ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 13-14.
- ¹³⁹ См.: Сычев А.П. Выступление на парламентских слушаниях 8 апреля 1996 года//Думский вестник. 1996. № 4. С. 79.
- ¹⁴⁰ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 12.
- ¹⁴¹ Валентей С.Д. Экономические проблемы становления российского федерализма//Федерализм. 1999. № 1. С. 111.
- ¹⁴² Губогло М.Н., Дробижева Л.М., Комарова О.Д., Осипов А.Г., Степанов В.В., Тишков В.А., Чешко С.В. Межэтнические отношения в Российской Федерации. Ежегодный доклад ИЭА РАН. Москва, 1998. С. 16.
- ¹⁴³ Аяцков Д.Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века). Автореф. дисс... докт. историч. наук. М., 1999. С. 28.
- ¹⁴⁴ Строев Е.С. Трудный поиск отечественной модели федеративных отношений//Федерализм. 1999. № 1. С. 16.

Глава 4
Суверенитет федерации или суверенитеты субъектов?
Взгляды отечественных исследователей на природу суверенитета
в этнофедеративном государстве

*"Известны исходы парадов,
но чем же окончится бой?"*

А. Дольский

"Парад суверенитетов"... Был ли в истории России более нелепый по замыслу, неуклюжий по исполнению и опасный по результатам политический фарс! Под знаменами этнонационализма маршировало болезненное честолюбие провинциальных чиновников, парад принимала политическая беспринципность столичных властителей, в борьбе за страну готовых пренебречь страной.

Желая, во что бы то ни стало, переиграть своих политических оппонентов, и, стремясь обрести союзников в лице республиканских националистов, Б. Ельцин бросил свой скандальный клич: "Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить!". Партийно-хозяйственная номенклатура российских автономий очень быстро осознала, какого рода перспективы открывали им политические распри в Москве и специфические особенности тогдашнего Президента России. Речь шла о несметных богатствах распадавшейся страны. И именно поэтому с величайшей помпой принимались амбициозные декларации о суверенитете (которые так и остались декларациями), велись нескончаемые переговоры, создавались согласительные комиссии, подписывались договоры и соглашения (которые никто не собирался выполнять), была длинная череда политических интриг, подкупа и предательств...

Интервьюируя в 1999 году Р. Аушева (тогда, напомним, – Президента Ингушетии) я спросил у него, как согласуется с суверенитетом Республики тот факт, что она практически полностью покрывает свои расходы за счет дотаций из федерального Центра. Ответ был ошеломляюще искренним: "Вы нас завоевали? Завоевали. *Теперь кормите, а то мы найдем себе другого спонсора*"¹. Вот, собственно говоря, политическая формула "ограниченного суверенитета" республик в составе Российской Федерации.

В рамках этой работы я не буду повествовать о том "как это было". Во-первых, - об этом уже писали многие, во-вторых, всерьез судить об этом, можно будет тогда, когда станут известны подлинные факты и неявные побудительные мотивы политических акторов, разыгравших этот спектакль (а произойдет это тогда, когда происшедшему будет дана правовая оценка), в-третьих, - это не входит в задачи моего исследования. Меня интересует научный дискурс проблемы деградации государственного суверенитета России в 90-е годы прошлого века, та полемика, которая велась на протяжении десятилетия о природе, характере, источниках и субъектах суверенитета в федеративном государстве, те оценки, которые были даны политическим спекуляциям на почве этнической суверенности, то мифотворчество, которое сопровождало процесс политической и экономической суверенизации субъектов Российской Федерации.

Все названные аспекты проблемы абсолютно по-разному интерпретируются теми, кто ставит перед собой задачу реабилитации республиканских этнократических элит, и теми, кто склонен расценивать пресловутый "парад суверенитетов" как действия, направленные на разрушение государственной целостности Российской Федерации. В ходе полемики по этому поводу концепция суверенитета перестала быть достоянием специалистов в области международного права и была мобилизована политиками и политологами, этнологами и социологами для обоснования тех или иных позиций в этнополитическом противостоянии. Как заметил И. Барциц "*правовая теория государственного суверенитета* используется сегодня разными политическими силами, которые закладывают в не различное, иногда политически конъюнктурное, содержание, приспособливают к тактическим интересам тех или иных политических сил"². В этой главе нашего исследования мы рассмотрим попытки концептуализации суверенитета "национальных" республик в составе Российской Федерации теоретиками этнократии, и контраргументацию тех, кто рассматривает федерацию, как форму территориальной демократии. Аргументы pro et contra этнического федерализма рассматриваются нами в контексте теоретико-методологического противостояния конструктивистской и примордиалистской парадигм интерпретации этноса/этничности.

Кто виноват? К вопросу о причинах этнической суверенизации

"Парад суверенитетов" и ныне оценивается крайне неоднозначно сторонниками и противниками этнического федерализма. Для тех, кто видит в суверенной этнической государственности единственно возможную (или, во всяком случае, – исходную, определяющую) форму реализации собственной этнокультурной идентичности, акт провозглашения республиками своего суверенитета оценивается как "переустройство федеративных отношений внутри России на началах *подлинного равноправия и добровольности...*" (Р. Абдрахманов, Г. Пугачева)³. Напротив, для тех, кто склонен более спокойно воспринимать проблему выбора форм реализации собственной этнокультурной идентичности, характерно представление, согласно которому "*опасность абсолютизации суверенитета, всеобщей "суверенизации" не была оценена своевременно и в должной мере*" (И. Барциц)⁴.

Со времен "парада суверенитетов" прошло уже/всего десятилетие. Мало изменился с той поры персональный состав республиканских этнополитических элит, еще сохраняется в обиходе провинциальных политиков суверенизаторская фразеология, однако акценты в суждениях по поводу причин, побудивших обкомовскую номенклатуру в начале 90-х годов заявить о политическом самоопределении "титულных" этносов, заметно сместились. Теперь, когда республиканские этнократы демонстрируют Кремлю свою лояльность и уверяют, что у них никогда и в мыслях не было выходить из состава России, полемика о причинах суверенизации все более сводится к выяснению того, кто же виноват в тогдашней дезинтеграции страны.

Позитивная или, напротив, негативная оценка суверенизации республик в составе Российской Федерации во многом определяется тем, что рассматривается в качестве побудительного мотива этого политического процесса, имевшего в нашей стране столь ярко выраженную этническую окраску.

Причины, подтолкнувшие республиканские этнические элиты провозгласить государственный суверенитет от имени "титулных наций", принципиально различно трактуются представителями названных выше исследовательских парадигм.

Республиканские идеологи, разумеется, настаивают на том, что виновником деградации российской государственности была Москва. По этой версии республиканские власти вынуждены были объявить о суверенитете для того, чтобы защитить "свой народ" (интерпретируемый, разумеется, в терминах

примордиализма как объективное устойчивое социальное единство) от политических, экономических и социальных катаклизмов, потрясавших Россию и провоцируемых московскими элитами и контрэлитами в борьбе за власть. Кроме того, суверенитет, провозглашенный от имени "титulyных" этносов, интерпретируется при таком подходе как мера, направленная на защиту "своих" этнокультурных ценностей от ассимиляторской политики русских великодержавных шовинистов. Примечательно, что вина за излишнюю ретивость в борьбе за суверенизацию республик теперь, чаще всего, возлагается на известные "радикальные" общественные движения представителей "титulyной нации". При этом не упоминается, что за создание такого рода этнополитических структур отвечали, как правило, ответственные работники республиканских обкомов КПСС, а лозунги формулировались идеологами, призванными обеспечить сохранение у власти верхушке прежней партийно-хозяйственной номенклатуры. Так Р. Кузеев (известный башкирский этнолог), формально дистанцируясь от крайних националистов, пишет: "В ряде бывших автономных республик (Татарстане, Башкортостане, Туве, Чечне и некоторых других) в общественных движениях возникли лозунги полной государственной независимости с немедленным или последующим отделением от России. *Обычно это реакция на крайне негибкую тяжеловесную политику московского аппаратного Центра, очень медленно отвыкающего от привычной роли "старшего брата"*⁵. (В скобках, приведу остроумное суждение по поводу мифологемы "старший брат", принадлежащее С. Чешко: "Теория "старшего брата" будет неполной, если не учитывать существования психологического комплекса избалованного "младшего брата", который, по праву слабого, требует от старшего удовлетворения всех своих потребностей и прихотей и в то же время постоянно упрекает его в том, что он старший"⁶).

Практически ту же идеологему по поводу причин процесса суверенизации мы встречаем и в работах Р. Хакимова (государственного советника Президента Татарстана). И он считает, что "в его ("парада суверенитетов") основе *лежало недовольство народами России своим положением в стране, отсутствием механизмов удовлетворения этнических интересов*"⁷. Оставим на совести автора примордиалистскую претензию формулировать довольство или недовольство неких совокупных, обладающих коллективным разумом и единым целеполаганием общностей – "народов". Здесь важно другое: политический и

экономический суверенитет нескольких таких "народов", волей исторической случайности имевших автономию в составе СССР, противоречил интересам подавляющего большинства населения России, в том числе и представителей тех самых народов, от имени которых выступает и о благе которых печется Р. Хакимов. С этим вряд ли можно спорить: ведь налоговое бремя, сброшенное несколькими особо суверенными субъектами Российской Федерации, легло именно на их плечи.

Московские политологи и политики, обслуживающие кремлевский официоз, в свою очередь делали в начале 90-х годов прошлого столетия все, для того, чтобы сформировать в массовом сознании позитивный стереотип суверенизаторской практики политических лидеров "национальных" республик. В соответствии с этим формулировались мифологемы о том, что в основе процесса суверенизации "*лежало стремление самостоятельно распоряжаться своим экономическим богатством, природными ресурсами, плодами своего труда, получить большую свободу, уменьшить зависимость от Центра*" (Р. Абдулатипов, В. Михайлов, В. Игнатов и др)⁸. С таким утверждением вполне можно было бы согласиться, но только в том случае, если бы далее было уточнено: стремление кого именно? В понимании авторов цитированного труда, это стремление к свободе неких онтологизированных этносов, мифологизированных коллективных субъектов политического процесса. Подобные интерпретации вполне вписывались в характерную для той поры трактовку этнонационализма национальных меньшинств как проявления борьбы с советским тоталитаризмом. Идеологическое клише, согласно которому "борьба за суверенитет совпала с демократическими преобразованиями в России"⁹ многократно воспроизводилось в республиканских СМИ и вербализовалось некоторыми наиболее рьяными "прорабами перестройки" в столице.

В действительности же это было ни чем иным, как стремлением политических кланов "титulyных" этносов распоряжаться экономическими богатствами, которые они, почему-то, сочли "своими". Концептуальным оформлением такого рода притязаний стала в первые годы пресловутой "перестройки" теория "республиканского хозрасчета", несколько позже была сформулирована куда более радикальная доктрина "экономического суверенитета" этногосударственных субъектов Федерации. При этом добросовестным исследователям уже тогда была ясна "ложность и очевидная

идеологическая подоплека подходов, связанных с экономическим суверенитетом", было вполне понятно, что истинный смысл подобной концептуализации состоял не в реформировании советской модели экономических отношений Центра и регионов, а "в перераспределении функций внеэкономического управления экономикой между различными уровнями политической власти. По существу это был механизм трансформации контроля над ресурсами, налоговыми поступлениями, поступлениями доходов от внешнеэкономической деятельности" (Н. Гусейнова, И. Ладодо, М. Назаров)¹⁰.

Именно поэтому в те годы началась бурная полемика по поводу субъекта суверенитета в федеративном государстве, появились новые интерпретации содержания этого понятия, возникла идея "делимости" государственного суверенитета. За всем этим стоял хорошо отрефлектированный конфликт интересов: расхождение во взглядах на понимание суверенитета субъектов Федерации "приводило к возникновению противоречий по таким вопросам, как приватизация и разгосударствление, правовое закрепление отношений собственности" (И. Барциц)¹¹.

Для того, чтобы стремление к сохранению власти и переделу собственности могло быть реализовано в условиях краха советской тоталитарной системы, республиканским партократам потребовалась смена способа легитимизации власти: прежняя идеологическая модель уступила место этнической. В этой парадигме "социально-экономические проблемы и кризисные явления, как правило, объясняются ущемлением национальных возможностей и инициативы, необходимостью национального возрождения". При этом в политической практике "нередко происходит подмена причин и цели, когда не задачи жизнеустройства, а национальный фактор, стремление к суверенитету и независимости, как способу выхода из кризиса, становятся доминирующими вначале в сознании элиты, а затем в массах" (А. Жириков)¹². Отечественные исследователи неоднократно отмечали, что именно благодаря такой трансформации политической парадигматики "номенклатура вновь пришла к власти на выборах 90 года и стала активно оперировать государственным суверенитетом республик и возможной сецессией... как средством закрепления власти и дележа собственности" (А. Аринин)¹³. Как, в данном случае совершенно справедливо, констатировал А. Жириков "суверенизация национально-территориальных образований, имевшая в основе экономические

*причины, была подогрета этноцентризмом. Немалую роль сыграла в этих процессах и политическая конъюнктура, отношение к национальному вопросу как к предмету спекуляций в политической борьбе"*¹⁴. Важно отметить, что тема этнических суверенитетов в равной степени эксплуатировалась как республиканскими этнократами, так и кремлевскими политиками из окружения тогдашнего Президента России. Московские социологи констатировали тот факт, что "поддержка руководства РФ со стороны лидеров многих национальных республик получила вполне артикулированное выражение *именно в связи с идеей экономического суверенитета*" и отмечали, что суверенитет, выставленный на аукцион, принес наибольшие политические дивиденды "в связи с президентскими выборами 1996 года" (Н. Гусейнова, И. Ладодо, М. Назаров)¹⁵.

Объявление государственного суверенитета от имени "титულных" этнокультурных групп бывших российских автономий и в особенности, реализация доктрины "экономического суверенитета" в практике вертикальных взаимодействий между Центром и этнократами, спровоцировало мощные дезинтеграционные процессы в стране и в свою очередь стало причиной второго этапа суверенизации. Речь идет даже не о попытках создания Уральской республике или провозглашения независимости Вологды. Нет, как раз эти факты можно и нужно рассматривать как политические демарши со стороны региональных элит областей и краев России. Речь идет о том, что вслед за республиками потребовали эксклюзивных льгот и привилегий наиболее амбициозные и лояльные по отношению к Кремлю губернаторы экономически мощных областей и краев. Председатель Комитета по федерализму и региональной политике Государственной Думы РФ Л. Иванченко в своем фундаментальном труде, посвященном региональной экономике постсоветской России сделал вывод о том, что после того как "почти все республики в составе России приняли декларации о государственном суверенитете" шаги к экономической самостоятельности краев и областей стали "несколько иными по форме, но адекватными по содержанию"¹⁶. Суверенизаторская практика субъектов-фаворитов сделала положение субъектов Российской Федерации, по тем или иным (чаще всего – политическим) причинам не пользовавшихся покровительством Б. Ельцина, чрезвычайно сложным: нельзя забывать о том, что речь идет о времени беспрецедентно острого и затяжного социально-экономического кризиса.

Подобные деформации региональной политики Центра, с одной стороны, и ропот обделенных региональных элит, с другой, сделали чрезвычайно актуальной в начале девяностых годов прошлого века проблему оптимизации федеративных отношений в ходе конституционного процесса. По выражению М. Губогло перед Кремлем стояла задача "с помощью федерализации загнать джина суверенизации обратно в бутылку"¹⁷.

Любопытный факт: вакханалия суверенитетов привела в состояние шока значительную часть российской политической элиты. Апокалиптическое восприятие распада великого государства привело, например, В. Печенева (тогда – заместителя министра по делам национальностей России) к такому заключению: "Нужно сконцентрироваться сейчас на главном: *прекратить споры о суверенитетах* и тогда все остальные проблемы решаться сами собой"¹⁸. Странная иллюзия! Суверенитеты создали новую политическую реальность в стране и прекращение спора о них решительно ничего не меняло бы в новой диспозиции федеральных и региональных элит. В конечном счете, подобная позиция была крайне выгодна республиканским этнократам, поскольку фактически была санкцией признания фактически свершившейся конфедерализации страны. И наивно было полагать, что прекращение споров о суверенитетах означало бы решение всех порожденных суверенизацией проблем.

Наряду с политическими и экономическими детерминантами процесса этнической суверенизации многие отечественные исследователи (как правило, специалисты в области государства и права) акцентируют внимание на проблеме конституционных несоответствий как причине кризиса федеративных отношениях и стихийной суверенизации бывших российских автономий. Суть коллизии состоит в том, что "конституции практически всех республик начинаются с провозглашения республик суверенными государствами, однако, это *содержание суверенитета по-разному понимается федеральным Центром и республиками*. Если федеральное законодательство исходит из того, что мера государственного суверенности РФ не тождественна суверенности республик в его составе, то нормы, заложенные в большинстве республиканских конституций, основываются на тезисе о равноправии федерального центра и отдельного субъекта федерации" (А. Жириков)¹⁹. Более того, некоторые авторитетные эксперты и вовсе считают неуместным употреблять категорию "суверенитет" для

обозначения внутригосударственного разделения полномочий между федеральным Центром и субъектами федерации.

Разумеется, такая позиция вызывает неприятие со стороны тех, кто видит в российских республиках форму политического самоопределения "титულных" этносов. Единственным аргументом в пользу суверенитета республик можно считать тот факт, что *"Конституция РФ указывает на их (республик – В.Ф.) государственный характер, что влечет претензии ряда республик на признание некоего суверенитета как необходимого атрибута государственности"* (М. Золотарева)²⁰.

Конституционное признание государственного статуса республик порождает массу спекуляций в контексте проблемы суверенитета субъектов федеративного государства. В частности, И. Барциц считает, что вывод, "согласно которому положения о суверенитете республик в составе Российской Федерации не соответствуют действующей Конституции Российской Федерации, представляется преждевременным, так как Федеративный договор прямо указывает на *суверенный статус республик* в составе РФ, а Конституция не дает однозначного ответа на рассматриваемый вопрос"²¹.

Вряд ли можно считать такую позицию достаточно аргументированной, так как актуальный статус Федеративного договора весьма сомнителен, а "в Конституции России в отличие от Федеративного договора не упоминается о суверенитете республик" (В. Лысенко)²². Более того, по мнению этого известного политика "положение о суверенитете республик в составе РФ не соответствуют действующей Конституции РФ, которая рассматривает их как субъекты РФ"²³. На том, что "Конституция РФ не признает суверенитета за республиками в своем составе"²⁴ настаивает и М. Золотарева.

В одной из ее работ мы находим еще одно суждение по поводу суверенитетов "национальных" республик, суждение, заслуживающее, на наш взгляд, пристального внимания российских политиков: *"Все декларации о суверенитете субъектов РФ не имеют юридической силы из-за противоречия Конституции РСФСР 1978 года, действовавшей на момент их принятия.* Таким образом, факт подписания или неподписания Федеративного договора не играет существенной роли для положения последних, - если они вошли в состав РФ на основании Конституции, то и выходить из ее состава должны посредством изменения данной Конституции"²⁵. Есть основание думать, что отмеченный факт

будет рано или поздно актуализирован в политической практике в ходе процедуры признания недействительными деклараций о суверенитете республик в составе Российской Федерации и соответствующих статей республиканских конституций.

Этнократическая подоплека "парада суверенитетов"

Вряд ли у кого-нибудь вызывает сомнение тот факт, что "парад суверенитетов" призван был обеспечить перераспределение власти и собственности в бывших российских автономиях в пользу политической элиты "титულных" этносов. Вместе с тем, творческая интеллигенция "национальных" республик добросовестно конструировала миф о том, что пресловутая независимость соответствовала интересам всего населения республик и не создавал ощутимых преференций представителям той этнокультурной общности, от имени которой и провозглашался соответствующий политический и экономический суверенитет.

С явной досадой Р. Кузеев пишет о том, что "в центральной печати *по поводу республиканских деклараций о суверенитете... допускаются иронические и неуважительные комментарии, карикатуры*. Нередко звучат также обвинения, упреки в стремлении "коренных" народов *получить политические и экономические привилегии на основе одной лишь этнической принадлежности "республикообразующей" или "титульной" нации*. Ради справедливости надо сказать, что в программах радикальных направлений национального движения такие требования действительно встречаются. Однако подавляющее большинство национальной общественности республик... стоит на позиции здравого смысла и понимает суверенитет как определенный уровень политической и экономической самостоятельности республики в составе России"²⁶. Если бы автор этих строк задумался о том, почему в высшем эшелоне власти в Башкирии представлены исключительно этнические башкиры, то, вероятно, он вынужден был бы признать, что упреки в стремлении получить привилегии "на основе одной лишь этнической принадлежности" не столь уж беспочвенны, и, вероятно, согласился бы с тем, что такие "требования" встречаются не только в программах радикальных националистов, но и реализуются в политической практике Президента Башкирии М. Рахимова. А это, в свою очередь, избавило бы его от

недоумений по поводу того, почему же в центральной прессе допускаются иронические комментарии по поводу республиканских суверенитетов.

Несколько ниже в статье Р. Кузеева мы встречаем сентенцию о том, что *"суверенитет для республики есть воплощение исторической мечты башкирского народа* и стремления всего народа Башкортостана построить процветающую Родину путем созидательного труда ее граждан на земле предков..."²⁷. Все-таки утверждать, что суверенитет республики есть выражение исторической мечты, например, татар, проживающих в Башкирии, башкирский этнолог не стал. Не вполне понятно упоминание о "гражданах" Башкортостана (это вероятно публицистическая метафора), а намерение построить процветающую Родину, например, русского населения этой республики уж наверняка не имеет никакого отношения к каким бы то ни было декларациям о республиканском суверенитете.

Собственно говоря, в доктрине башкирского национализма отсутствует мысль о том, что суверенитет Республики Башкортостан провозглашается от имени всего полиэтничного населения этого субъекта Российской Федерации. Правда, в статьях Р. Кузеева можно встретить застенчивое упоминание о том, что "субъектом суверенного Башкортостана является все многонациональное население республики"²⁸. Но по этому поводу известный в Башкирии этнополитолог И. Габдрафиков пессимистично замечает: "Анализ важнейших составляющих частей национальной политики... показывает доминирование этнического подхода. Стремление же правящей элиты к строительству гражданского общества и *общегражданской идентичности пока не является руководством для их повседневной деятельности, а остается в большей степени декларацией*, оторванной от реального положения дел в сфере национальной политики"²⁹.

Напротив, в работах наиболее агрессивных идеологов башкирского этнического сепаратизма мы находим вполне определенно сформулированную сентенцию, согласно которой "под национальным суверенитетом имеется в виду *этнонациональный суверенитет*, то есть *суверенитет, имеющий отношение к данному этносу как политической общности*" (Д. Валеев)³⁰. Приведенная цитата представляет собой яркий образец примордиалистского представления об онтологизированном этносе, как политической общности, имеющей единое осознанное и сформулированное целепологание, единые политические интересы

и политическую волю. Более того, в парадигме политизированной этничности национальный суверенитет мыслится как *"такой уровень свободы этноса, когда он сам распоряжается своей судьбой, своей этнической территорией и ее богатствами"* (Д. Валеев)³¹. В соответствии с такими представлениями, некий "свободный этнос" вправе объявить некоторую, весьма произвольно очерченную территорию с расположенными на ней рукотворными и нерукотворными богатствами, своей собственностью. При этом *"онтологическим фундаментом права на национальный суверенитет"* объявляется *"самоценность этноса и культуры"* (Д. Валеев)³². Не понятно только, почему самоценность культуры может быть основанием для приватизации природных богатств представителями одной этнокультурной общности, коим образом связана самоценность культуры, например, с собственностью на нефтяные скважины? И почему на данной территории фундаментом права на суверенитет выступает самоценность какого-то одного "этноса", даже в том случае, если представители данной этнокультурной общности составляют меньшинство ее населения?

По этому поводу здраво высказался М. Губогло: *"Особую тревогу вызывает популизм, в основу которого положено этноцентричное понимание суверенитета "своей" республики, как полноценное самоопределение лишь только титульной, именуемой как республикообразующей нации и усеченное самоопределение всего остального населения республики, даже если оно численно превосходит титульный этнос в несколько раз"*³³. Заметим, что с этим высказыванием можно согласиться, если не принимать во внимание латентное признание правомерности существования "национальных" республик в составе России. Здесь нужно иметь в виду, что даже если бы и удалось урвать в правах "титульное" и "нетитульное" население республик, то это все равно не снимало бы проблему фактического равноправия разностатусных субъектов федеративного государства, и, соответственно, проблему равноправия граждан страны, проживающих в различных регионах. А если принять во внимание этническую специфику населения республик и областей, то и проблему этнической дискриминации населения краев и областей.

Татарские идеологи доктрины этнических суверенитетов куда более прагматичны и осторожны. В качестве официальной в Татарстане вербализуется и эксплуатируется в политической практике доктрина "татарстанизма". В соответствии с ней суверенитет республики объявлен от имени всех жителей

этого субъекта Российской Федерации вне зависимости от их этнической самоидентификации. Сам Президент Татарстана декларирует в своих программных выступлениях догматы, согласно которым "вопрос о провозглашении государственного суверенитета Татарской республики... имеет жизненно важное значение для *всего нашего многонационального народа*" (М. Шаймиев)³⁴. Как отмечает Л. Сагитова, "политический дискурс власти выражает формула, высказанная Президентом Татарстана: "Мы строим полиэтническое, поликультурное сообщество, в котором приоритетным является гражданство, а не этническая принадлежность"³⁵

Однако эта идеологема по большей части представлена в официальной риторике татарстанских властей и рассчитана на "внешнего потребителя", в массовое же сознание жителей Республики усилиями журналистов и гуманитарной интеллигенции, напротив, внедряется мысль о том, что Татарстан – государства в первую очередь татарское и татары призваны играть в нем особую роль. В журнале, шефом-редактором которого является Р. Хакимов публикуются материалы, в которых авторы со всей определенностью декларируют: "*Татарский народ и его неотъемлемое право на самоопределение являются основополагающим, легитимным базисом государственного суверенитета Республики Татарстан*" (Р. Амирханов)³⁶. Обратим внимание читателя на схожесть этой идеологемы с цитированным выше суждением идеолога башкирских националистов Д. Валеева и отметим, что подобные идеологические клише присутствуют практически во всех локальных версиях националистических доктрин, разрабатываемых "национальной" гуманитарной интеллигенцией. Все без исключения концептуалисты этнических суверенитетов придают анафеме ленинско-сталинское теоретическое наследие в области национальной политики и все без исключения воспроизводят наиболее одиозные и опасные постулаты этой доктрины. К их числу, несомненно, можно отнести и примордиалистское заблуждение о праве на самоопределение онтологизированного этноса в форме государственного суверенитета, суверенитета, провозглашаемого от имени народа-этноса, а не народа-гражданства.

Р. Хакимов, рассуждая о всенародной поддержке идеи суверенитета в одном из своих интервью сказал: "Мы знали, что если с экономикой будет плохо, то в глазах русскоязычной части общества ценность суверенитета резко снизится.

Да, татары всегда будут за суверенитет, потому что это удовлетворяет национальное чувство. У русских этнического аргумента "за" не существует"³⁷. В данном случае со всей определенностью признано, что у русских и представителей других "нетитульных" этнических групп Татарии нет, и не может быть иной заинтересованности в суверенитете Республики, кроме меркантильной заинтересованности в относительно низких ценах. Но в этом случае со всей очевидностью встает вопрос: почему теперь, когда никаких даже относительно низких цен в казанских магазинах нет и в помине, "русскоязычные" продолжают голосовать за М. Шаймиева? Или же дело в пресловутом "административном ресурсе"? Во время одной из моих встреч с Р. Хакимовым в казанском Кремле, я задал ему вопрос о том, почему в республиканской административной элите обнаруживается такой явный перекося в пользу представителей "титульной" культурной общности. Ответ был неожиданным, суть его сводилась к тому, что все талантливые и предприимчивые русские уезжают в Москву, так что и выбрать то не из кого. Мы бы дескать и рады назначить на руководящую работу не татарина, но... И это говорил главный идеолог Республики, советник Президента, творец доктрины "татарстанизма"! При таком отношении со стороны властей предрешающих странно было бы обнаружить у русских Татарии лояльное отношение к республиканскому суверенитету.

Есть основание думать, что реальное отношение русских к независимости Татарстана представлено не в мифологизированной версии адептов "татарстанизма", а в полемических статьях казанского публициста Д. Бобровского: *"Отказ от суверенитета ущемит лишь самолюбие местного руководства, но не части татарского народа, проживающего в пределах республики. Отказ от слова "суверенитет" в Конституции Татарстана никак не скажется ни на национальном образовании, ни на развитии татарской культуры – отсутствие этого слова не отразится вообще ни на чем. Кроме одного – пострадают амбиции руководства, пострадает самолюбие тех, кто сделал карьеру на разговорах о суверенитете..."*³⁸. В пользу правоты этого суждения говорит то в целом спокойное расставание республики с грезами о государственном суверенитете, которое мы наблюдаем в начале нового столетия. Не только русские или представители иных "нетитульных" этнокультурных групп, представленных в Татарстане, но и сами носители татарской идентичности не склонны абсолютизировать значение политического самоопределения как сугубо

необходимого для воспроизводства языка, традиционной духовной культуры, религии и проч (См. Е. Хабенская)³⁹. Авторы татарской националистической доктрины, выступающие от имени "татарской нации", думаю, прекрасно понимают, что, участвуя в демократических выборах федеральных органов государственной власти население республик, вообще, и Татарстана, в частности, демонстрирует лояльность федеративному государству и свою гражданскую идентичность. На это в свое время обратил внимание С. Шахрай, заявивший, что "выборы в федеральные органы власти, прошедшие на территории Республики Татарстан точно так же, как и во всех остальных субъектах Российской Федерации, *поставили финальную точку во всех дискуссиях по поводу "соотношения суверенитетов" Российской Федерации и Республики Татарстан*"⁴⁰.

Не только интеллектуалы, формулирующие интересы представителей "титულных" этнополитических элит, склонны к позитивным оценкам процесса этнической суверенизации. И московские эксперты, обслуживавшие интеллектуальное "прикрытие" федеративной политики в конце прошлого столетия, интерпретировали "парад суверенитетов" как политическую акцию, направленную на разрешение этнополитического кризиса и оптимизацию этноконтактной ситуации в постсоветской России.

В частности, И. Барциц приветствовал "те отличия правового статуса, которыми обладают республики *в силу наличия национального элемента*" и выражал уверенность, что "обладание *некоторым перечнем суверенных прав*, возможность, самостоятельной экономической, политической, в том числе и внешнеэкономической деятельности, позволит сгладить противоречия"⁴¹.

Здесь мы сталкиваемся с весьма характерным для примордиалистов представлением о том, что "национальный элемент" присущ только "национальным" республикам и автономным округам, прочие же субъекты Российской Федерации такового "элемента" лишены. За русским населением всех прочих регионов страны, также как за представителями иных этнических групп, проживающими в России и не имеющими "своих" субъектов Федерации, право на "национальность" не признается. Соответственно противоречие между этническим большинством и этническими меньшинствами в этой парадигме предписывается разрешать только предоставлением эксклюзивных суверенных прав представителям "титулных" меньшинств, но ни в коем случае, не

представителям численно доминирующей этнокультурной общностью. Причем преференции, проистекающие из такой суверенности, касаются отнюдь не культурно-языковой сферы. Напротив, сглаживать противоречия между этническими контрагентами должны льготы и привилегии в экономической и внешнеэкономической деятельности.

В ряде случаев бывает трудно отличить здравые суждения в пользу гражданского равноправия вне этнического контекста от латентной апологетики политизации этничности. Р. Абдулатипов, например, казалось бы, вполне здраво судит о том, что "идея *абсолютного* национально-территориального суверенитета в многонациональном государстве чаще всего оборачивается трагедией, ибо не учитываются такие же права других, рядом и вместе живущих, игнорируется право многонационального государства в целом на суверенитет..."⁴². У непосвященного читателя возникает иллюзия, что во всем виноват плохой "абсолютный" суверенитет, а хороший "неабсолютный" суверенитет не выступает в роли серьезного конфликтогенного фактора и предполагает гармонизацию интересов всех проживающих в государстве этнокультурных групп.

В другой работе того же автора мы находим такую нетривиальную мысль: "Навязанные России *проблемы суверенитета... носят разрушительный характер*, если их рассматривать через призму интересов народов и граждан. *Если для развития, скажем, Башкортостана является приемлемой какая-то модель управления социально-политическими реалиями, то принципы политической системы государства в целом, должны быть скорректированы*, чтобы в них было место для удовлетворения интересов развития государственности, экономики, и культуры народов Башкортостан" (Р. Абдулатипов)⁴³. Какой же здравомыслящий человек не согласится с утверждением о разрушительном характере процесса суверенизации "национальных" республик в составе Российской Федерации. Но какова рекомендуемая панацея против такого разрушения! Оказывается, если клану М. Рахимова вздумалось учредить в Башкирии этнократический режим, то политическая система Российского государства должна быть в связи с этим "скорректирована".

Печальный опыт этнической суверенизации эпохи распада СССР породил к жизни многочисленные историографические факты, повествующие о явных и

потенциальных угрозах политизации этничности. Неспособность государства противостоять в условиях острого политического кризиса этническому сепаратизму республиканских элит, молчаливое признание пресловутых деклараций о суверенитете (сам факт подготовки и легитимации которых в соответствии с действовавшей Конституцией и нормами уголовного права должен был быть квалифицирован как особо опасное государственное преступление) уже тогда оценивались добросовестными исследователями как разрушение суверенитета Российской Федерации. Как справедливо отметил С. Митрохин в начале 90-х годов "была заложена одна из фундаментальных основ современного режима России, предполагающая наличие на ее территории анклавов с ограниченным (вплоть до исчезающе малого) действием ее государственного суверенитета"⁴⁴. Такого рода трансформации российской государственности не могли не найти многократного преломления в зеркале этнополитологической рефлексии.

Взирая на развалены некогда могучего государства, его первый и последний Президент СССР (несущий наряду с первым Президентом России бремя ответственности за его распад) вынужден был констатировать: "Всеобщая суверенизация этно-лингвистических общностей повлекла бы за собой не только болезненный распад многих государств, но и всеобщую перекройку границ (М. Горбачев)⁴⁵. А его соратник и единомышленник развил и конкретизировал эту мысль в контексте глобальных угроз: "Тенденция к полной суверенизации этнолингвистических общностей в случае ее реализации обернулась бы коренным переделом политической карты мира. Подобный передел неизбежно сопровождается массовым кровопролитием. В условиях, когда в распоряжении тех или иных этнолингвистических общностей может оказаться оружие массового поражения, такая перспектива особенно тревожна" (А. Галкин)⁴⁶.

В работе последнего акцентировано внимание на том прискорбном факте, что процесс суверенизации ряда субъектов Российской Федерации идеологически основывался на примитивном этническом национализме и сопровождался сознательным формированием у представителей этнических меньшинств ксенофобных установок в отношении русского большинства. А. Галкин подчеркивает, что "оформление выражения национальных чувств в виде требования истинного суверенитета... приобрело четко выраженную антирусскую направленность"⁴⁷.

Антирусские лозунги, мобилизованные этнополитическими элитами в период "парада суверенитетов", в дальнейшем стали идеологическим обоснованием дискриминационной в отношении представителей русской и других "нетитульных" этнокультурных общностей, проживающих на территории этногосударственных субъектов Российской Федерации. В постсоветской этнополитологии многократно зафиксирован тот факт, что *"после объявления республиками своего государственного суверенитета (с вытекающими отсюда последствиями) начинается новое «великое переселение народов», которые чувствуют себя второсортными гражданами. Неопровержимое свидетельство тому – массовая миграция, особенно русского и русскоязычного населения из ряда бывших союзных и автономных республик»* (Л. Карапетян)⁴⁸.

Московские эксперты неоднократно обращали внимание на дискриминационный по отношению к представителям "нетитульных" этнокультурных сообществ характер республиканских суверенитетов. Один из наиболее тонких и последовательных критиков этнократии, московский юрист М. Золотарева, в частности, писала о том, что *"этнические корни их (республик – В.Ф.) государственности отражаются не только на правовом статусе республик, но и на положении граждан РФ, в них проживающих. Конституции республик в составе РФ содержит целый перечень нарушений прав граждан, связанных с их национальной принадлежностью"*⁴⁹, что в высшей степени сомнительны с точки зрения соответствия Российской Конституции *"нормы ряда республик (Бурятии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Тувы) о наделении правами лиц, в зависимости от их национальной принадлежности"*⁵⁰.

Особого внимания заслуживает и отмеченная М. Золотаревой характерная особенность республиканских государственных символов, выражающих традиционные ценности "титульных" этносов, игнорируя действительный состав населения. *"Основные возражения здесь вызывает не столько наличие символики "титульных" наций, сколько стремление авторов республиканских конституций ими и ограничиться... Неприятие вызывает не национальный орнамент, а отсутствие свидетельств о многонациональном характере народов республик"*⁵¹.

Такого рода "наполнение суверенитета реальным содержанием" (идеологема, широко применяемая в пропагандистских конструкциях апологетов этнократии) неизбежно должно было спровоцировать сперва интеллектуальное, а затем и институциональное сопротивление дискриминационным практикам

этнических элит. Не вызывает никакого сомнения тот факт, что в условиях нормализации электорального процесса в "национальных" республиках (а такая нормализация неизбежно будет иметь место по мере того, как федеральная власть будет приобретать потенциал стабильности) электоральное поведение представителей "нетитульного" населения республик станет залогом серьезного изменения диспозиции этнополитических сил и в отдельных регионах, и в России в целом. В этом случае вектор этнической суверенизации в федеративной политике со всей неизбежностью должен будет поменяться на противоположный. В этом контексте пророчески прозвучало предостережение В. Печенева, сформулированное за два года до начала реорганизации федеративного устройства страны, инициированного В. Путиным: "Реакцией на гонку российских республик за суверенитетом может стать поворот к унитарному государству под мощным давлением нарождающихся движений русской нации, как ответ на попытки поставить "титульные" нации наших республик в особое привилегированное положение. *Думается, сторонникам безудержного суверенитета в "национальных" республиках следовало бы почаще задумываться о такой перспективе*"⁵².

У нас нет никакого сомнения в том, что осознание подобной перспективы давно стало фактором, во много детерминировавшим федеративные отношения в России во второй половине 90-х годов. Республиканские этнократы, безусловно, понимали, что этнические суверенитеты субъектов Российской Федерации - это лишь конъюнктурный политический лозунг, позволявший в условиях реструктуризации государственной власти мобилизовать этничность и обеспечить сохранение власти в руках партийно-хозяйственной номенклатуры. Поэтому уже в середине 90-х годов, когда кризис российской государственности был отчасти преодолен, амбиции республиканских элит по поводу этнических суверенитетов стали постепенно угасать. Во второй половине 90-х годов этот лозунг уже не нес в себе серьезной сепаратистской нагрузки, он стал лишь дежурным инструментом в руках этнократов, призванным обеспечить известные льготы и преимущества субъектам федерации, имевшим особый государственный статус. Факт такой эволюции содержания идеологемы "суверенитет республик в составе Российской Федерации" также неоднократно отражен в отечественной федералистике. В. Лысенко писал об этом со всей определенностью: "Сегодня в реальной действительности *проблема государственного суверенитета* скорее для

внутреннего, а не для внешнего потребления. Она, время от времени, *поднимается республиканскими политическими элитами в различных вариациях и с различными целями: сохранения преимущественного положения республики по отношению к краям и областям, достигнутого в период "суверенизации", укрепления национальной государственности, как гаранта стабильного будущего титульной нации, получения новых преимуществ и льгот от федерального Центра, как способ сохранения политической власти в своих руках"*⁵³. Отмеченная трансформация содержания понятия "суверенитет" потребовала своего концептуального обоснования.

Концепции "ограниченного" и "разделенного" суверенитета

Новая концепция республиканского суверенитета была призвана, с одной стороны, удовлетворить амбиции республиканских элит, а с другой стороны, снять нарастающее раздражение федерального Центра по поводу этих амбиций. В сложившейся ситуации паритета сил оказалась востребованной доктрина, в соответствии с которой, суверенитет российского государства на всей территории страны не подвергался бы сомнению, но при этом этнократы получили бы возможность сохранить "политическое лицо" и продолжали бы эксплуатировать привычный для них лозунг в пропагандистских кампаниях регионального уровня. В силу названных причин оказалась уместной и была актуализирована в политической практике компромиссная концепция "ограниченного" (или "разделенного") суверенитета.

Примечательно, что компромиссное понимание категории "суверенитет" было предложено столичными исследователями (См.: Н. Михалева)⁵⁴. Суть нового прочтения старой категории сводилась к признанию того, что суверенитет государство способно "конституционно-правовым образом делегировать: одни его аспекты более крупным межгосударственным объединениям, иные же – своим частям" (О. Румянцев)⁵⁵. (Отметим, в скобках, что уже тогда, в середине 90-х годов, в полемике участвовали и другие ученые, которые предлагали перевести проблему в другую плоскость и говорить "не об отсутствии альтернативы государству и суверенитету, а о степени федерализма и автономии" (См. С. Лейкофф)⁵⁶. Но об этом – позже.)

Доктрина "разделенного" суверенитета была быстро оценена идеологами республиканских этнократических режимов. Вполне адекватно сложившейся ситуации изложил суть происходящего советник Президента Татарстана Р. Хакимов: "Сегодня идет острая дискуссия вокруг проблемы суверенитета республик. Представители федерального Центра настаивают на неделимости суверенитета России, несмотря на то, что республики признаны государствами, а в ряде двусторонних договоров прямо записана их государственность. Что касается республик, то они торжественно отмечают годовщины со дня принятия Деклараций о государственном суверенитете, полагая, что *федеративное государство строится на принципе "разделенного суверенитета"*. При этом под суверенитетом республики понимают обладание всей полнотой власти в рамках собственной компетенции, что не несет угрозы целостности России"⁵⁷. В приведенной цитате более всего смущают два момента. Во-первых, Р. Хакимов умалчивает здесь о том, что признание суверенитета республики Татарстан (то есть обладание всей полнотой власти в рамках собственной компетенции) в тех условиях означало бы фактическое признание распада России: Договор о разграничении полномочий между федеральным центром и Республикой Татарстан имел характер конфедеративного договора. Во-вторых, само существование "национальных" республик в составе Российской Федерации есть постоянная угроза ее целостности. Любой сколько-нибудь серьезный политический кризис неизбежно будет сопровождаться новыми вспышками этнического сепаратизма, это Р. Хакимов – идеолог и вдохновитель татарского сепаратизма начала 90-х годов – знает лучше, чем кто бы то ни было. Примечательно, что критик и постоянный концептуальный оппонент Р. Хакимова казанский публицист и политолог Л. Овруцкий в данном случае оказался вполне солидарен с точкой зрения казанского официоза, заявив, что "международное право исходит из того, что в федеральной системе, *как центральное правительство, так и правительства членов федерации являются суверенными*"⁵⁸. Декларация эта, к сожалению, не сопровождалась отсылкой читателя к тем или иным нормам международного права.

Следует отметить, что паллиативная по сути концепция "разделенного суверенитета" актуализировала полемику по поводу основополагающих проблем федеративного строительства в России и не смогла сколько-нибудь эффективно снять антагонизм между двумя теоретическими парадигмами (проистекающими в

конечном счете из конструктивистской или примордиалистской трактовки этноса/этничности). Возобновились дебаты по поводу первичности суверенитета в федеративном государстве, соответственно о договорном или конституционном принципах федеративного строительства, о правосубъектности этноса и политических формах его самоопределения.

Об этом – в соответствующих главах нашего исследования. Здесь мы коснемся только наиболее одиозных представлений о том, каким образом происходило, по мнению идеологов этнического федерализма, становление суверенного Российского государства после распада СССР.

Те, кто полагает, что Российская Федерация была сформирована "снизу" инициативе "национальных" республик исходят из того, что «в момент подписания Федеративного договора республики *выступали суверенными государствами*, но, создав, пользуясь своими суверенными правами, *новое государство*, Российскую Федерацию, республики как бы «переместили» значительную часть этих прав на уровень федерации в целом, добровольно, согласованно и свободно определив сферу ведения Российской Федерации» (Г. Атаманчук)⁵⁹. На самом же деле, все происходило "с точностью до наоборот": не было никаких суверенных республик, зато была Российская Федерация (правоприемница СССР), которая переместила "вниз" – на уровень своих субъектов - ряд полномочий государственной власти, но никак не государственного суверенитета.

С этим ни в коем случае не согласен известный татарский политолог Ф. Мухаметшин, который, ссылаясь на международный опыт, утверждает, что "в федеративных системах государственный суверенитет является свойством федеративного государства в целом, *а значит реализуется на общефедеральном уровне и на уровне субъектов федерации*"⁶⁰. Станный силлогизм! Да, суверенитет – имманентное свойство федеративного государства, но он не реализуется на субъектном уровне: на региональном уровне соответствующие органы власти осуществляют управление от имени суверенного государства; все же атрибуты государственного суверенитета (международная правосубъектность, эмиссия денег, вооруженные силы и проч.) остаются в исключительном ведении федерального Центра.

Вот еще одно характерное заблуждение такого рода. «Существует мнение, что суверенитет республик, входящих в федерации, первичен, ибо республики по

своему усмотрению договариваются о том, какие полномочия передать федеральным органам. *Безусловно, объем и пределы полномочий федеральных органов зависят от республик и заключенного между ними договора об образовании федерации.* В этой связи уместно отметить, что *республики выступают как источники, основоположники образования федерации и ее суверенитета.* Что касается «первичности» суверенитета, то она определяется предметом ведения и компетенций республик и федеральных органов. Иными словами суверенитет ограничен рамками их правовой компетенции: в решении одних вопросов первичен суверенитет республик, а в других – федерации. Ограничение предметов ведения и компетенции ведет к взаимному ограничению их суверенитета» (Л. Карапетян)⁶¹. Автор либо заблуждается (но такого рода заблуждения непозволительны даже для посредственного студента-политолога), либо сознательно мистифицирует читателя! В каком сладком сне пригрезилось ему заключение договора "между республиками об образовании федерации"? Открываем наугад текст любого договора и обнаруживаем там следующее: *"Полномочные представители органов государственной власти Российской Федерации и органов власти Республики Саха (Якутия)... учитывая, что Республика Саха находится в составе Российской Федерации и являются ее полноправным субъектом... договорились о нижеследующем..."*⁶². Нетрудно заметить, что речь идет о передаче части полномочий существующего федеративного государства своему субъекту, что в соответствии с договором органы федеральной государственной власти передают часть своих полномочий на региональный уровень. Из чего здесь следует, что "республики выступают как источники, основоположники образования федерации и ее суверенитета!?" Для того, чтобы избежать столь досадного промаха известному правоведу достаточно было прочесть название хоть одного из интересующих нас договоров. *Ad fontes!*

Поборники политического самоопределения этнокультурных сообществ, отстаивающие право мифологизированных "этносов" на государственное самоопределение пусть даже в редуцированной форме образования этногосударственных субъектов федеративных государств отрицают абсолютный характер суверенитета последних. Они настаивают на том, что "суверенитет федерации и суверенитеты входящих в нее субъектов *не абсолютны*, а относительны...потому что это взаимосвязанные, сопряженные суверенитеты, каждый из которых не может успешно реализовываться без учета действия

другого... *единственно разумным представляется путь гармоничного сочетания суверенитета федерации и суверенитетов республик – ее субъектов* (Э. Тадевосян)⁶³. Практически аналогичный пассаж мы встречаем у Л. Карапетяна: «Сторонники неограниченного суверенитета не учитывают, что в международной практике *не было и не может быть абсолютного суверенитета, тем более в многонациональном едином федеративном государстве*. Между тем, многие глашатаи *суверенитета своего народа* в парламентах республик толкуют его как абсолютное полновластие» (Л. Карапетян)⁶⁴. Несмотря на праведный гнев ученого в адрес ретивых республиканских парламентариев, следует признать, что он не склонен дифференцировать в своих теоретических построениях миф о суверенитете народов (этносов) и миф о суверенитете псевдогосударственных образований в составе федерации. Кроме того, вообще не ясно, какое отношение этнический состав населения того или иного государства имеет к вопросу о делимости его государственного суверенитета.

В этом контексте следует обратить внимание на тот фактор, который, по мнению Р. Хакимова, и делает столь существенным признание правомерности вычленения республиканского суверенитета из совокупного суверенитета федеративного государства. Он, в частности, полагает, что *"спор о возможности разделенного суверенитета можно было бы назвать несущественным для государственного устройства России, если бы не один принципиальный вопрос*. В этой дискуссии *определяется источник права*. То ли это *российский народ*, чье волеизъявление определяется по принципу механического большинства, иначе говоря, русским населением... или же *в расчет должно браться мнение и других народов, независимо от их численности*" (Р. Хакимов)⁶⁵. Все тот же камень преткновения! Что такое совокупное "мнение" народов-этносов? Можно ли в здравом уме и твердой памяти говорить, например, о мнении "русских" по поводу приватизации земли в России? Или "чеченцев" по поводу террористических актов в Москве? Кто может претендовать на выражение такого мнения? Обратится к выяснению все того же механического большинства, но уже по этническим "куриям"? Но как вычленишь такие курии и как организовать плебисцит среди социального множества с размытыми границами? И, наконец, что такое народ-этнос? Некий социальный монолит или нечто эфемерное, конструируемое Р. Хакимовым на бумаге для того, чтобы легитимизировать претензии на власть

клана М. Шаймиева? Все эти вопросы со всей неизбежностью возвращают нас к фундаментальным вопросам о природе этничности и этнических феноменов.

Свою лепту в дискуссию о разделенном суверенитете вносит, конечно же, и Р. Абдулатипов. Он в этой связи предлагает "разъяснить, что *суверенитет любого народа, территории, субъекта Федерации является составной частью суверенитета Федерации в целом*" (Р. Абдулатипов)⁶⁶. Разъяснения такого рода окончательно собьют с толку непросвещенного обывателя, поскольку и сам автор вряд ли в состоянии объяснить, например, что такое суверенитет "территории" (отличный от суверенитета "субъекта Федерации"). Да и что такое суверенитет "народа" (этнокультурной общности, вероятно, в данном контексте) объяснить было бы весьма затруднительно (если, конечно, не воспроизводить миф о политическом самоопределении народов-этносов). В другом месте своего труда Р. Абдулатипов сокрушается по поводу того, что идет, дескать "сплошная путаница, смешение таких понятий как "национальный суверенитет" и "государственный суверенитет"⁶⁷. Но ведь путаницу-то устраивает сам автор! Ее нет, если усвоить различие между этническим и национальным. А если усвоить, то становится ясно, что категории "национальный суверенитет" и "государственный суверенитет" синонимичны. В этом смысле (неожиданно, поскольку это высказывание плохо коррелирует с иными примордиалистскими интерпретациями этого автора) абсолютно справедливо высказался Л. Карапетян: «Едва ли обосновано мнение о существенной разнице между государственным и национальным суверенитетом, поскольку в государственном суверенитете находит свое выражение суверенитет нации. *Известно, что понятие «национальная государственность» в международной практике имеет гражданский смысл, а слова «нация» и «государство» в этом контексте выступают как синонимы... применяются как идентичные понятия, выражающие социально-политическое образование народов данной страны.* Очевидна ограниченность сведения понятия «нация» в едином государственном образовании разных народов лишь к типу одной этнической общности»⁶⁸. Точнее не скажешь!

Важно отметить, что практически все сторонники доктрины "разделенного суверенитета" усматривают в этом принципе критериальное "отличие федерализма от унитаризма", полагая, что "федерализм – это такая форма государственного устройства, при котором суверенная власть делится между

центральной и региональными властями" (Л. Овруцкий)⁶⁹, что "федерация предполагает государственность на двух уровнях и делит суверенитет со своими субъектами (А. Жириков)⁷⁰.

Более взвешенную оценку доктрины ограниченного суверенитета как идеологического оформления ситуативного компромисса между еще достаточно слабым федеральным Центром и уже не такими сильными республиканскими лидерами мы находим в работе В. Лысенко: "Российские государственоведы ввели в научно-политический оборот концепцию "ограниченного суверенитета", которая во многом снимает бытовавшие ранее антагонистические противоречия. Согласно этой концепции *суверенитетом обладает только Российская Федерация*, республики же, как государства, обладают *ограниченным суверенитетом*. То есть они не имеют права на сепессию, на международную правосубъектность, но зато в рамках своих предметов ведения их конституции и законы имеют приоритет над федеральным законодательством" (В. Лысенко)⁷¹. Эволюция федеративных отношений в связи с новациями нового Президента России позволяет сделать весьма существенное дополнение к приведенному суждению В. Лысенко. В рамках предметов ведения республик в составе Российской Федерации их конституции и законы имеют приоритет над федеральным законодательством, но только в той части, *в которой они не противоречат Конституции России и федеральному законодательству*. Теперь же, когда процесс приведения законодательства субъектов Федерации в соответствие с федеральным законодательством практически завершился, говорить даже об ограниченном суверенитете субъектов – это значит тиражировать мифы, конструируемые идеологами этнократии.

И в этом контексте опасения по поводу того, что политический маятник может качнуться в сторону неделимости государственного суверенитета, в работе романтика-федералиста В. Лысенко выглядит своего рода пророчеством: "Признание неограниченного суверенитета субъектов привело бы к игнорированию суверенитета РФ как самостоятельного целостного государства и могло бы кончиться развалом России на удельные княжества. Но опасна и другая крайность: *признание неограниченного суверенитета у большого государства и полное отрицание его у составляющих его частей – малых государств. Это прямой путь к реставрации унитарных отношений*"⁷². Но так ли уж опасно признание неделимости государственного суверенитета России? Точка зрения,

согласно которой демократическое унитарное государство предпочтительнее, нежели федеративное недогосударство с этнократическими режимами в его субъектах представлена в первой главе нашего историографического исследования.

Неожиданно близка к точке зрения В. Лысенко и позиция В. Печенева, который также полагает, что *"член федеративного государства конечно обладает суверенитетом, поскольку наделен определенным объемом полномочий, осуществляемых в режиме его исключительного ведения...* Однако для некоторых субъектов Федерации характерно иное понимание суверенитета. Они *толкуют его как суверенитет прежде всего государственный*, то есть как государственную самостоятельность в рамках федеративного государства"⁷³. Странно: как еще можно трактовать суверенитет, если не как государственный? Атрибутом чего еще, кроме государства, может быть суверенитет и каким еще он может быть, если не государственным?

Нам представляется совершенно излишним говорить о суверенитете субъектов федеративного государства. Ведь "суверенитет – политико-правовое понятие, внешне выражающее внутреннюю самостоятельность субъекта-носителя, которая проявляется в верховенстве, независимости, политической, экономической, социальной свободе, в реальной способности этого субъекта решать вопросы своего существования... В содержательном отношении суверенитет означает независимое суверенное государство. Форма суверенитета представляет ответ на вопрос: кому, каким органам власти и управления юридически и фактически принадлежит право осуществления независимой деятельности государства" (И. Барциц)⁷⁴.

Вряд ли все это (даже в сильно редуцированном виде) имеется у субъектов федерации вообще, и у субъектов Российской Федерации в частности. Вполне достаточно говорить не о суверенитете (атрибуте государства, обладающего международной правосубъектностью) субъектов, а о компетенции регионального уровня единой системы государственной власти в стране. К чему вносить терминологическую путаницу в теорию федеративных отношений, а тем более – в политическую практику федеративного государства исключительно в угоду республиканским этническим элитам?

Нам ближе и понятнее точка зрения Д. Бобровского, который полагает, что "разговоры о суверенитете частей федерации – от лукавого, и кошку следует

называть кошкой. *Название ограниченному суверенитету придумано давно – автономия, то есть внутреннее самоуправление*"⁷⁵. Причем политическая и экономическая автономия территориальных единиц не зависит от этнического состава населения самоуправляющихся административно-территориальных образований. Удовлетворением потребностей, связанных с этнокультурной самоидентификацией индивидов, проживающих на этой территории, призвана заниматься экстерриториальная национально-культурная автономия. Об этом – в отдельной главе нашего исследования.

Международная правосубъектность федеративных государств в контексте дискуссии о суверенитете

Существенным аспектом полемики о природе суверенитета в этнофедеративном государстве является вопрос о международной правосубъектности федерации и ее субъектов. Сразу обратим внимание читателя на тот факт, что полемика эта на всем протяжении 90-х годов велась, прежде всего, между татарстанскими идеологами этнической суверенности и московскими исследователями – сторонниками государственной целостности и неделимости суверенитета России. Этот факт обусловлен, прежде всего, тем, что именно Татарстан зашел дальше других "национальных" республик в процессе сецессии в начале 90-х годов.

Апологеты татарстанской суверенности все эти годы в своих трудах, как к Символу Веры, апеллировали к Декларации о государственном суверенитете этой Республики и статье республиканской Конституции, согласно которым "Республика Татарстан – суверенное государство, *субъект международного права*, ассоциированное с Российской Федерацией..." (См.: Б. Железнов)⁷⁶.

Тот факт, что международное право и практика международных отношений не знает прецедентов признания международной правосубъектности отдельных субъектов федеративных государств, мало смущает татарстанских политологов. Десять лет они прибывали в состоянии известной эйфории от самопровозглашенного суверенитета и интерпретировали ситуативный политический компромисс между федеральным Центром и татарскими сепаратистами как "пример новой модели регулирования отношений в федеративном государстве", суть которой состоит в том, что "Республика

Татарстан по отношению к Российской Федерации назвала себя "ассоциированным государством" и тем самым заявила о своем вхождении в систему международных отношений и принятии на себя определенных международных прав и обязанностей" (Д. Фельдман, В. Лихачев, Г. Курдюков, Г. Шайхутдинова)⁷⁷. В соответствии с этой логикой, совершенно достаточно назвать себя "ассоциированным государством" для того чтобы войти в систему международных отношений, принять на себя права, которыми не сможешь воспользоваться и обязанности, исполнения которых от тебя никто не ждет. Аргументация правомерности такого подхода обескураживает своей детской непосредственностью: "Поскольку республики Российской Федерации являются образованиями по национально-территориальному принципу, то их в большей степени, чем административно-территориальные единицы, можно отнести к государствам-носителям международной правосубъектности" (Д. Фельдман, В. Лихачев, Г. Курдюков, Г. Шайхутдинова)⁷⁸. Подобные аргументы лежат вне пределов науки, они представляют собой просто догматы веры. Авторы или впрямь верят, или делают вид, что верят в то, что это должно быть так, а не иначе. Полемицировать с подобными априорными суждениями совершенно бессмысленно. В общем, и целом понятен социальный заказ на такого рода исследования и понятны причины, побуждающие казанских ученых писать такого рода труды.

Менее понятен энтузиазм Л. Карапетяна, который в свою очередь настаивает на том, что "Субъекты федерации могут быть участниками международных и внешнеэкономических связей, а, следовательно, могут приобрести международную правосубъектность. В то же время нельзя согласиться с тем, что международная правосубъектность является главным критерием суверенитета. Находясь в составе федеративного государства, суверенные республики вправе сами решать вопрос о том, стать непосредственным субъектом международного права или приобрести право частичной международной правосубъектности... Итак, в федеративном государстве реально может существовать государственный суверенитет федерации и суверенная государственность его субъектов. Определенной суверенностью, то есть достаточной степенью самостоятельности, должны быть наделены также национально-территориальные и административно-территориальные образования»⁷⁹ (Л. Карапетян). Итак, к примеру, Карелия

вправе сама решать, например, вопрос об объявлении войны Китаю, а Тюмень приглашать войска ООН в Ханты-Мансийск. МИД РФ можно распустить за ненадобностью.

Дальше на стезе апологетики международной правосубъектности "национальных" республик продвинулся разве что М. Рахимов, который трактует формирование "подлинной федерации" исключительно как "налаживание *межгосударственных отношений в рамках Федерации*, которая только начинает строить цивилизованные отношения с суверенными государствами в своем составе"⁸⁰. Президент суверенной Башкирии предлагает строить горизонтальные и вертикальные взаимодействия в федеративном государстве, как межгосударственные отношения.

К сожалению, причина подобных инсинуаций коренится в концептуальной эклектичности Конституции РФ. На это обстоятельство совершенно справедливо указывает М. Губогло: "Определяя республику как государство, Конституция РФ демонстрирует пример размытой дефиниции. Эта норма может быть понята и как признание государственного суверенитета... и международно-правовой субъектности, и как государство в государстве. Это в свою очередь противоречит статье 4, согласно которой суверенитет Российской Федерации неделим. Ее законы имеют превосходство на всей территории, и, следовательно, *субъекты Российской Федерации не в праве выступать как субъекты международного права*"⁸¹.

Общепринятой среди специалистов (не склонных профанировать право в угоду сиюминутным интересам этнократов) и применяемой в политической практике на федеральном уровнях можно считать точку зрения, согласно которой *«международная правосубъектность и государственный суверенитет – прерогатива только самих государств-федераций; субъектами международного права являются исключительно сами федеративные государственные образования, а не их административно-территориальные, структурные и иные единицы (штаты, земли, провинции и т.п.)»* (В. Шуверова)⁸². В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с соответствующими конституционными нормами классических федеративных государств (См.: В. Чиркин)⁸³. Отрицание признания за субъектами федеративных государств права на самостоятельную внешнюю политику и международную экономическую деятельность на внутригосударственном (конституционном) уровне естественным образом влечет

и отрицание такового права и в международном праве. В постсоветское федералистике мало кто подвергает сомнению тот факт, что *"международное сообщество не признает правосубъектности за членами федеративных союзов и трактует федерацию как единое государственное целое, невозможное без единой внутренней и внешней политики"* (В. Печенев)⁸⁴.

Следует отметить: иллюзорность международной правосубъектности "национальных" республик не означает, что последние отстранены от процесса международных взаимодействий Российской Федерации. "Не являясь субъектами международного права, республики участвуют в разработке международной политики" (В. Лысенко)⁸⁵ в соответствии с нормами федеральной Конституции, которая предусматривает участие субъектов Федерации (не только республик) в международных переговорах, если их предмет затрагивает интересы соответствующего региона.

Определение субъекта суверенитета в федеративном государстве

Проблема, вынесенная в заглавие этого раздела, многими исследователями расценивается как фундаментальная в теории государственного суверенитета и вместе с тем рассматривается как наиболее дискуссионная и порождающая обилие интерпретаций. Поэтому "нет ничего удивительного в том, что среди современных авторитетных юристов и политологов... продолжают споры и разногласия, в основе которых находится отношение к главному вопросу – *определению субъекта государственного суверенитета в условиях федеративного государства*" (Г. Агабеков)⁸⁶.

К сожалению, этнический принцип построения Российской Федерации стал причиной того, что в дискуссию юристов и политологов оказались вовлечены этнологи, этнические антрепренеры и публицисты, в меру своего разумения пишущие об этнополитических проблемах.

Выше мы уже коснулись проблемы интерпретации "нации" как субъекта суверенитета и отметили, что заблуждения, порождаемые опытом такого интерпретирования, чаще всего бывают следствием терминологической и концептуальной небрежности. Часто бывает очень сложно понять, какой – этнический или политический (гражданский) - смысл вкладывается в это понятие,

а иногда и вовсе приходится сталкиваться с недифференцированным толкованием, а фактически отождествлением таких феноменов, как "суверенитет нации (народа)" и "суверенитете субъекта федеративного государства". Например, в работе А. Жирикова значится: "Большинство руководителей национальных движений, *выступая за суверенитет своих народов*, не имеют в виду выход из состава РФ. Ведь федерация предполагает государственность на двух уровнях и *делит суверенитет со своими субъектами*"⁸⁷. В данном случае невозможно понять, о чем же речь: о суверенитете субъектов или суверенитете народов!? Впрочем, поскольку и то, и другое – миф, не стоит труда пытаться понять замысловатые конструкции автора.

В большей степени нас интересует полемика о том, являются ли субъекты федеративного государства субъектами государственного суверенитета (а если да, то все ли), или же субъектом государственности выступает федерация в целом. Дискуссия по этому поводу изобилует заблуждениями и сознательными фальсификациями.

Вот очень яркий пример такой мифологемы. "На примере Российской Федерации видно, что *ее субъектами являются национальные государства*, и они имеют общие признаки, присущие всей системе. *Эти субъекты обладают суверенитетом... гражданством...* Национальный (национально-территориальный) подход к пониманию статуса субъектов федерации *является основополагающим принципом международного права*" (Д. Фельдман, В. Лихачев, Г. Курдюков, Г. Шайхутдинова)⁸⁸. Отметим, что написано это в 1996 году, три года спустя после принятия действующей Конституции России и четыре - подписания Федеративного договора. Авторы просто не могли не знать, что субъектами Российской Федерации в равной степени являются этногосударственные и административно-территориальные единицы, так же как и то, что Конституция признает за ними равные права. Знали они и то, что республики, как субъекты Российской Федерации, обладают в лучшем случае ограниченным суверенитетом в рамках переданных им полномочий, поскольку признали важнейшие составляющие государственного суверенитета имманентными для федерального Центра, и что республики в составе России не обладают и никогда не обладали институтом гражданства. Наконец, слишком хорошо известно, что после распада Югославии Российская Федерация осталась единственной этноущербной федеративной системой и говорить о том, что

национальный (национально-территориальный) подход к пониманию статуса субъектов федерации является основополагающим принципом международного права просто смешно. Впрочем, мне могут возразить, что слово "нация" употребляется здесь в гражданском контексте. Даже если это и так, то "татарстанская нация" - феномен доселе неизвестный миру.

Что побудило почтенных академиков и профессоров Казанского университета к написанию столь экстравагантной сказки? Вряд ли это можно расценивать как свидетельство их некомпетентности. Скорее всего, подобные труды создаются для внутреннего республиканского потребления по заказу властей предрежащих с целью зомбирования "титульного" электората и не рассчитаны на внешнюю критику.

Вот еще один образец очень мудреного обоснования того мнения, согласно которому субъектом суверенности в российском федеративном государстве выступают "национальные" республики. "Будучи государством, республики обладают суверенитетом – *способностью самостоятельно и независимо решать вопросы своей внутренней жизни и внешних отношений...* Суверенитет – это качественное состояние государства. *Государство без суверенитета – фикция, и это – бесспорно*" (Ш. Ягудин)⁸⁹. Это бесспорно так, но из этого следует только один вывод – так называемые "национальные республики" в составе Российской Федерации представляют собой квазигосударственные образования, которые по определению не могут обладать государственным суверенитетом. В противном случае придется признать, что Российская Федерация ни что иное, как фикция (то есть – государство без суверенитета). Как ни странно, но Ш. Ягудин при этом том предлагает в практической политике "исходить из незыблемого принципа федеральной конституционной политики, что *республика есть государство в государстве*"⁹⁰, указывая при этом, что "республика как суверенное государство обладает *всей полнотой государственной власти, состоящей из трех ветвей: законодательной, исполнительной и судебной*"⁹¹. Но, в таком случае, и Россия признается государством, обладающим всей полнотой власти! Этот татарский вариант сказки про белого бычка способен довести до отчаяния вдумчивого читателя!

Наконец, в доктрине татарского национализма (в той ее части, которая трактует вопросы федеративного строительства) признается, что "*формально существуют чисто "русские" субъекты Федерации, у которых сложились*

собственные интересы и особенности развития... Но с точки зрения правовой *они не объявляли суверенитета, и их статус определен не в результате самоопределения, а "сверху". Их население формально не может считаться источником права...*" (Р. Хакимов)⁹². Оказывается, все прочие субъекты Российской Федерации существуют лишь формально и, соответственно, не могут расцениваться как субъекты государственного суверенитета! Более того, русские при этом вообще не могут считаться источником права. (Обращаю внимание, на то, что в кавычки Р. Хакимов взял не слово "чисто", а слово "русские".)

Право же, при прочтении некоторых татарских авторов, пишущих о федерализме, постоянно возникает ощущение, что написанное ими – это своего рода эпатаж, что творчество их – это вербализация давней обиды, ущемленной этнической идентичности. Что, в конечном счете, они и сами не очень верят в то, что адресуют изумленному читателю.

Оставим ситуационные концепции, востребованные к жизни в силу сложной этнополитической конъюнктуры 90-х годов минувшего столетия, для местного употребления провинциальным энтузиастам политического самоопределения придуманных ими "этносов". В политическую ментальность, а соответственно, и в политическую практику возвращается здравый смысл, а вместе с ним приходит осознание того, что *"не может быть государства в государстве. Если же государство входит в состав другого государства, то потеря, а не просто ограничение суверенитета, неизбежна. Суверенитет – не просто независимость государства, которая всегда относительна. Суверенитет предполагает их неподчиненность друг другу. Поэтому субъекты федерации, даже обладающие широкими полномочиями, не являются суверенными образованиями"* (Р. Мюллерсон)⁹³, *"суверенные государства не могут быть членами федерации"* (А. Аринин)⁹⁴.

Следуя этой логике нужно признать, что субъектом суверенитета в федеративном государстве выступает само государство, суверенитет провозглашается от имени народа (не "народов", не "этносов"), граждан страны вне всякой зависимости от их этнической, культурной, языковой идентичности. *«Россия является суверенным государством, обладающим всей полнотой государственной власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые находятся в ведении органов государственной власти субъектов федерации. Неотъемлемым элементом конституционно-правового статуса Российского*

федеративного государства является его территориальное единство... которое образует материальное содержание суверенитета» (Е. Козлова, О. Кутафин)⁹⁵. Государственный суверенитет неделим, речь может идти только о передачи известной части полномочий федеративного государства органам государственной власти регионального уровня. Только при таком подходе интересы населения регионов будут отождествляться с интересами государства в целом вне зависимости от того, какие этнокультурные группы проживают или демографически доминируют в том или ином регионе. Только в этом случае все граждане государственно-политического целого будут заинтересованы в его процветании и единстве. В этом смысле решительно прав Л. Карапетян, когда утверждает, что *«интересы всех народов и субъектов федерации требуют приоритетного признания и укрепления общегосударственного суверенитета»*⁹⁶. Не только удовлетворение витальных потребностей людей, но и реализация их права на свободу этнокультурной идентичности, не говоря уже о гарантиях безопасности и недопущении дискриминации и межэтнических конфликтов, - все это прямо зависит от полноценного обеспечения государственного суверенитета на территории всей страны.

Дискуссия о приоритетах законодательства

Принципиальное значение в дискуссии о соотношении суверенитетов в федеративном государстве имеет вопрос о приоритетах федерального законодательства и законодательства субъектов. *"Расхождения в подходах к разграничению полномочий, к пониманию порядка действий Конституции России и федеральных законов на территориях, к вопросам организации системы государственной власти – все это производно от того или иного подхода к суверенитету"* (В. Печенев)⁹⁷. В равной степени действительно и обратное: реальное наполнение суверенитета федеративного государства (или субъектов федеративного государства) зависит от того, способен ли федеральный Центр обеспечить конституционное единство правового поля страны и добиться соответствия конституций и нормативных актов субъектов федеральной Конституции и федеральному законодательству.

Сторонники государственного суверенитета "национальных" республик настаивают на правовом плюрализме и утверждают, что отрицание легитимности

прав республики на свое законодательство "означает лишь, что до сих пор не преодолены... *представления о том, что законами, принимаемыми из одного центра, можно регулировать все и вся в такой огромной стране, как наша*" (И. Муксинов)⁹⁸. Этот вполне типичный аргумент республиканских правоведов, приведенный Председателем Конституционного суда Республики Башкортостан, не представляется сколько-нибудь убедительным: с равным успехом можно утверждать, что сохранение единства такой огромной страны возможно только при сохранении единства ее правового поля. По мнению председателя Комитета по делам федерации и региональной политики ГД РФ Л. Иванченко "основным фундаментальным принципом, без которого не может функционировать федеративное государство, есть строгое соответствие всех принимаемых субъектами Федерации правовых актов федеральной Конституции. При этом должно неукоснительно соблюдаться требование статей Конституции Российской Федерации, в которых законодатель определил вопросы, по которым могут издаваться только федеральные законы"⁹⁹. Однако те, кто призван защищать интересы этнократов не склонны относиться с должным пиететом к Конституции России и предпочитают апеллировать к двусторонним Договорам о разграничении полномочий как к правовой основе законодательной самостоятельности республик и предлагают исходить из того, что "*признан договорной характер отношений Республики Башкортостан с Российской Федерацией. А одним из следствий такого нового качества их отношений является объективное расширение законодательных полномочий Республики*" (И. Муксинов)¹⁰⁰. Действительно, следует признать, что Договором к совместному ведению Российской Федерации и Республики Башкирии отнесено согласование их конституционного и текущего законодательства. А из этого утверждения, по мнению автора цитируемого труда, следует, что *Наличие такой нормы делает беспредметным и юридически несостоятельными разговоры о приведении в соответствие с Конституцией и текущими законами Российской Федерации Конституции и законы Республики Башкортостан*"¹⁰¹. С этой логикой трудно не согласиться, однако, как мне представляется, вывод из этого можно сделать только один: эксклюзивные договоры о разграничении полномочий следует признать не соответствующими Конституции России и российскому законодательству и немедленно дезавуировать. (Об этом – в особой главе исследования.)

Впрочем, Президент Башкирии М. Рахимов признает: "Для нас обязательны законы Российской Федерации, *принятые по вопросам, переданным Республикой Башкортостан по Договору в ведение Российской Федерации...* Законодательство Республики – важнейший инструмент ее государственной политики. Без надежного законодательного обеспечения невозможны общественные преобразования, прежде всего экономические реформы, защита прав и свобод граждан"¹⁰². В этой же парадигме интерпретируют соотношение законодательных приоритетов и некоторые специалисты в области государственного права. Рассматривая республиканскую конституционно-правовую систему в качестве относительно самостоятельной части федеральной конституционно-правовой системы, они, полагают, что "конституции, законы, и иные нормативно-правовые акты республик *не могут противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам, принятым в пределах полномочий Российской Федерации*" (Е. Козлова, О. Кутафин)¹⁰³. С этим трудно не согласиться. Но суть проблемы состоит в том, что после заключения сепаратных вертикальных договоров с республиками в ведении Федерации осталось так мало, а то, что осталось столь малозначительно с точки зрения распоряжения ресурсами, экономическим потенциалом, способности воздействия на политические процессы, что этот "сухой остаток" не представляет особого интереса для правящих в республиках этнических кланов.

Спор между республиками (а иногда и административно-территориальными субъектами федерации) и федеральным Центром идет, в основном, по поводу того, что договорная практика относит к совместному ведению сторон. И политики, и политологи, выступающие за сохранение единого конституционного и правового пространства предлагают при этом руководствоваться ясной конституционной нормой, согласно которой "все, что связано с совместной компетенцией регулируется сначала федеральными законами, а потом уже законами субъектов Федерации" (Е. Мизулина)¹⁰⁴.

Главным аргументом сторонников законодательного приоритета субъектов выступает несовершенство федерального законодательства. В Якутии, например, в начале 90-х годов местные парламентарии жаловались на то, что "в связи с отсутствием федеральных законов в разных сферах *сдерживается законопроектная работа в республиках*" (В. Власов)¹⁰⁵. По мнению республиканских юристов, в случае отсутствия соответствующего

законодательства РФ в сфере совместных полномочий, "республика в составе РФ вправе самостоятельно принимать правовой акт. Впоследствии, после принятия соответствующего закона РФ, *спорные моменты могут разрешаться в порядке согласительных процедур*" (В. Власов)¹⁰⁶. Можно себе представить законотворческий процесс в Федеральном Собрании России в ситуации, когда законодатель должен будет согласовывать текст федерального закона с соответствующими нормативными актами 89 субъектов Федерации! Очевидно, что получить итоговый законопроект, который удовлетворит все разнотипные и разностатусные субъекты принципиально невозможно. Идею, вербализованную В. Власовым следует считать либо крайне наивной, либо провокационной, но и в том, и в другом случае, направленной на срыв законодательного процесса в России.

Впрочем, этот апологет якутской суверенности и точно считает, что Государственной Думе не следует беспокоиться по поводу законодательного разделения полномочий, отнесенных к общей компетенции федерации и субъектов. Он всерьез уверен в том, что "нормы Основ законодательства, принимаемые Российской Федерацией по вопросам совместного ведения, должны содержать лишь общие принципы и правовые установления и *не должны обладать прямым действием для правоприменительных органов*" (В. Власов)¹⁰⁷. В случае же "выявления правовых норм, нарушающих или противоречащих конституции республики", по мнению М. Федорова, "высшие государственные органы республики должны немедленно *принимать соответственные законные меры, действия, шаги в защиту суверенитета и конституции республики*"¹⁰⁸.

Правоприменительная практика и исполнительное судопроизводство, по мнению многих республиканских ученых, должны составлять прерогативу республиканских органов исполнительной власти. На протяжении 90-х годов минувшего века любые попытки федерального Центра взять под свой контроль эту важнейшую сферу функционирования государственной власти встречали самое ожесточенное сопротивление этнополитических элит. Например, после принятия новых федеральных законов "О судебных приставах" и "Об исполнительном производстве"... татарские правоведы сочли, что "правовая основа суверенного Татарстана потребует уточнения. Поскольку возникает потребность уточнения места исполнительного законодательства либо в предмете ведения Российской Федерации, либо Республики Татарстан, что также является

важным для национально-государственного устройства Татарстана" (Д. Валеев)¹⁰⁹.

Примечательно, что в минувшее десятилетие региональной фронды не только республиканские президенты, но и особо амбициозные губернаторы стремились законодательно обеспечить те схемы приватизации власти и ресурсов, которые были для них особенно привлекательны в связи с региональными особенностями политической ситуации. Д. Аяцков, например, также считает, что поскольку "федеральное законодательство имело противоречия и умолчания" и "проявлялось явное запаздывание с принятием законов", постольку "значение законодательства субъектов Федерации возросло"; наконец, что "только на региональном уровне можно было избежать ненужных обобщений и *«подстроить» законодательство под местные особенности и нужды»*"¹¹⁰.

По этому поводу на наш взгляд совершенно справедливо высказался Л. Иванченко, который полагает, что законотворческие коллизии такого рода "порождены отнюдь не какими-то объективными причинами. В основе их чаще всего лежат *личные амбиции отдельных лидеров* и чисто субъективные факторы"¹¹¹.

Следует отметить, что и среди московских ученых есть сторонники изменения законотворческой процедуры по вопросам совместного ведения Федерации и ее субъектов. В. Шуверова, например, считает, что в условиях отсутствия юридически гарантированных процедур участия субъектов Федерации "в законотворчестве по предметам совместного ведения их мнение слабо учитывается" и предлагает "ликвидировать этот пробел, подготовив соответствующий закон"¹¹². Нам такой закон представляется излишним, также как и нецелесообразным представляется изменение принятой процедуры законотворчества на федеральном уровне: в демократическом государстве население всех субъектов Федерации принимает участие в формировании федеральных представительных (законодательных) органов власти и именно интересы всего населения страны выражает Федеральное Собрание. Поэтому нет необходимости в формировании каких-либо дополнительных неконституционных институтов участия субъектов в законотворчестве на федеральном уровне.

В. Шуверова представляет ту часть московских интеллектуалов, которые романтически поэтизируют "конституционное и законодательное многообразие"

и всерьез уверены в том, что это многообразие "обогащает потенциал российской государственности". При этом, она утверждает, что "спецификой регионального законоотворчества («на местах») является, как правило, *копирование норм соответствующего федерального закона*. Понятно, почему у Конституционного Суда РФ и конституционных судов, имеющих в ряде российских регионов, разногласий практически не бывает» (В. Шуверова)¹¹³. Но если местные законодательные органы действительно заняты лишь копированием норм федерального законодательства, то чем это плодотворное занятие обогащает потенциал российской государственности? Здесь, я думаю, уместнее говорить о том, что подобные упражнения разоряют российскую казну. А вот почему у Конституционного Суда РФ и конституционных судов республик разногласий в эпоху Б. Ельцина практически не было, действительно понятно. Потому же, например, почему М. Рахимов стал героем России. Но это отдельный сюжет.

Как это ни странно, но в рядах сторонников автономного законоотворчества субъектов Российской Федерации оказался и В. Тишков. Выступая на одной из конференций по проблемам федерализма, он заявил следующее: "Хотелось бы также обсудить вопрос о возможности правового плюрализма в рамках федеративного устройства. *Понятие правового плюрализма для "сложных" обществ очень актуально*. И далеко не только в России используется *норма обычного права*, понятия "единое пространство" и "правовое пространство" – это анахронизмы. И чем грамотнее, разнообразнее и более новаторски будут подходить законодатели к законоотворчеству как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации, на местном уровне (где тоже свои нормы), *тем будет интереснее и состоятельнее жизнь*, будет более эффективное удовлетворение запросов, прав и интересов граждан"¹¹⁴. Перспектива возвращения к нормам обычного права нам представляется совсем не такой радужной. Новаторство законодателей Чечни, например, позволило нам наблюдать по телевизору, как на площади при скоплении народа из автомата изрешетили женщину, уличенную в супружеской неверности. Нет сомнения в том, что жизнь наша от этого стала намного интереснее. Особенно много интересных сюрпризов нам сулит нормотворчество не только на уровне субъектов Федерации, но и местном уровне (на уровне местного самоуправления, надо полагать).

Наконец, в качестве курьеза приведу еще одно суждение апологета республиканского законотворчества. Я долго, но безрезультатно размышлял над фразой С. Вавилова, пытаюсь понять, какую же мысль хотел он донести до своего читателя: "Право субъектов Федерации издавать собственные законы придает легитимность как равноправной составляющей единой системы государственной власти на уровне своих полномочий"¹¹⁵. Схоластика доведена здесь до того уровня бессмысленности, на котором сам автор, должно быть, не понимает, что собственно он хотел сказать.

Постсоветская федералистика, также как и практика федеративного строительства постепенно, медленно и с трудом расставалась с псевдодемократическими мифами о крахе советской империи – тюрьмы народов, о возрождении угнетенных наций, о политическом самоопределении титульных наций". Раннеперестречное заблуждение относительно того, что национальные (на самом деле – откровенно националистические) движения народов России – это проявление демократизации общественной жизни и, соответственно, требование суверенитета, провозглашенного от имени "титульных" наций правомерно и заслуживает поддержки всякого, кто считает себя демократом и противником тоталитаризма, уходило в смутное митинговое прошлое. Все очевиднее становилось, что идеология примитивного этнического национализма основана на ортодоксальной сталинской трактовке нации/этноса и мобилизована республиканской партийной номенклатурой для изменения способа легитимизации власти этнических элит. Сквозь призму нового понимания роли "национальных движений" в новейшей истории России совершенно по-другому рассматривался "парад суверенитетов" и, соответственно, оценивалась его идеологическое и декларативно-законодательное обеспечение. Уже в середине 90-х годов пришло понимание того, что *"времена романтического правотворчества заканчиваются"*, что "субъекты России... обязаны соблюдать федеральные законы, Конституцию Федерации" (В. Сергеев)¹¹⁶, что "в любом жизнеспособном федеративном государстве приоритет отдается федеральным законам и федеральной Конституции" (А. Жириков)¹¹⁷, что "федеративное государство *жизнеспособно только при условии*", если в его границах наряду с общим экономическим и общим социальным пространством "существуют единое правовое и единое политическое пространства" (С. Валентей)¹¹⁸.

Полемизируя с авторами доктрины башкирского суверенитета в ходе научно-практической конференции в Уфе, спикер Государственной Думы Г. Селезнев обратил внимание своих оппонентов на то обстоятельство, что основы государственного устройства Российской Федерации четко сформулированы в Конституции Российской Федерации, что *"Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации"*¹¹⁹.

Вместе с тем, пришло осознание того, что названная конституционная норма в результате крайне непоследовательной и субъективно детерминированной региональной политики Б. Ельцина была в значительной степени выхолощена и превращена в пропагандистский лозунг, не соответствовавший этнополитическим реалиям. Наиболее компетентные российские юристы с грустью констатировали тот факт, что продлившийся в России всего несколько лет процесс перераспределения государственной власти в пользу регионов *"привел к такому уровню дезинтеграции российской конституционно-правовой системы, когда параллельное и зачастую взаимоисключающее правотворчество Федерации и ее субъектов фактически перестало поддаваться действенному контролю и систематизации со стороны федеральных властей"* (И. Умнова)¹²⁰. Добросовестные ученые и политики все более отчетливо осознавали потребность в формировании эффективных механизмов обеспечения конституционного единства России и приоритета федерального законодательства, в обеспечении *"конституционного контроля за исполнением законов"* (М. Жуков)¹²¹. Эта настоятельная политическая потребность была отчетливо осознана и многократно вербализована как в Совете Федерации, так и в стенах Государственной Думы РФ. Один из наиболее влиятельных сенаторов – А. Усс - в конце 90-х годов декларировал: *"Любое суверенное государство вправе осуществлять контроль и использовать меры правового принуждения в отношении органов власти на местах в случае нарушения ими федеральных законов"*¹²². В российском Парламенте все настойчивее звучала мысль о том, что *"отсутствие в Конституции институтов федерального вмешательства и принуждения... обрекает на невыполнение все конституционные нормы о верховенстве федерального законодательства над региональным, о единстве системы государственной власти и в конечном счете – о распространении суверенитета РФ на всей ее территории"* (С. Митрохин)¹²³.

Помимо формирования института федерального вмешательства федеральный Центр во второй половине 90-х годов все более настойчиво требует от региональных законодателей согласования республиканских и областных нормативных актов с Москвой. Спикер российского парламента выражал тревогу по поводу "правового нигилизма" республик, выразившегося в фактическом отказе "целого ряда субъектов Федерации *направлять свои основополагающие нормативные акты на экспертизу* в Министерство юстиции России" (Г. Селезнев)¹²⁴.

Таким образом, к концу периода распада российской государственности, связанного с правлением Б. Ельцина, был сформулирован минимальный список политических и правовых задач, от успешности решения которых могла зависеть целостность Российской Федерации. Такая оценка важности проблемы приведения конституций и законодательства субъектов Российской Федерации в соответствие с федеральным законодательством и Конституцией России отнюдь не представляется завышенной. Не вызывает сомнения тот факт, что правовая вакханалия, ставшая следствием пресловутого "парада суверенитетов" и безответственной политики Кремля нанесла серьезный урон российскому государству. А. Аринин указывает на следующие следствия "полного отрицания федерального законодательства" и "правового нигилизма" в целом ряде "национальных" республик: это создание и действие офшорных зон и "прокручивание" капитала, узурпация всех ресурсов республик президентами и их семейными кланами, "грубое нарушение избирательных прав граждан", "резкий рост криминального бизнеса, теневой экономики и коррупции", "бюджетный сепаратизм", "экономическая дезинтеграция России"¹²⁵.

Нет ничего удивительного в том, что в числе новаций В. Путина в области федеративного строительства едва ли не основной стала процедура приведения законов субъектов в соответствие с федеральными законодательными и конституционными нормами.

Резюме

В постсоветской этнофедералистике представлена пестрая палитра взглядов на феномен "суверенитет" применительно к этнополитическим реалиям Российской Федерации.

Мобилизация ортодоксальной сталинской концепции нации, интерпретации последней как высшей стадийной формы развития онтологизированной (по аналогии с марксистским определением класса) этнической общности дает основание для примордиалистской трактовки этнической государственности в качестве особой интегрирующей формы политического самоопределения совокупного этнического коллектива. Этнос как носитель коллективной правосубъектности выступает при таком подходе в качестве субъекта самоопределения и зачастую интерпретируется в качестве субъекта государственного суверенитета. Именно такая интерпретация была актуализирована этнополитическими элитами в ходе суверенизации автономных республик в составе РСФСР и латентно представлена в идеологическом обеспечении ныне действующих в "суверенных" республиках политических режимов.

Слишком явный этнодискриминационный характер такого рода концептуализации субъекта суверенитета этногосударственных образований побуждает идеологов республиканских политических режимов (чаще всего авторитарных, со значительным числом этнократических характеристик) конструировать идеологемы, в соответствии с которыми субъектами псевдогосударственного суверенитета провозглашаются социумы-эфемериды, существующие только в официальных доктринах власти (например, концепция "татарстанизма"). В этом случае субъектом суверенизации этногосударственных образований в составе Российской Федерации признаются не этнические (этнокультурные) сообщества, а полиэтничное население субъекта федеративного государства. Такого рода подход заслуживал бы одобрения и поддержки, если бы такого рода идентичность расценивалась как региональная, а не политическая, гражданская, национальная (в значении "государственная", разумеется). Формирование подобной региональной идентичности принципиально возможно, однако непременным условием ее постепенного конструирования является отказ республиканских властей от дискриминационных практик, реализуемых в социальной, культурной и языковой политике, так же, как отказ от суверенизаторской фразеологии в официальной идеологической доктрине.

В доктринальном поле конструктивистского подхода субъектом политического самоопределения выступает не мифологизированный этнический коллектив, а индивид, гражданин вне зависимости от его этнической, языковой

или конфессиональной идентичности. Соответственно, субъектами суверенитета федеративного государства являются не народы-этноты, и не квазигосударственные образования (заявившие о своем суверенитете от имени "титовльных" этнических групп, претендующих на "неотъемлемое право на самоопределение"), а его граждане.

В зависимости от той или иной концептуализации этноса/этничности отечественные авторы рассматривают причины, побудившие российские республики заявить о своем суверенитете.

Для примордиалистской интерпретации "парада суверенитетов" характерен взгляд, согласно которому республиканские лидеры и этнополитические элиты прибегли к политической и экономической суверенизации как единственному способу защитить "свой народ" от социально-экономических катаклизмов, потрясавших Россию в начале 90-х годов минувшего века. Мифологемы такого рода представляют собой важную часть мифа о "возрождении народов России, сбросивших с себя иго национального угнетения".

В интерпретационном поле конструктивистской парадигмы главной причиной, побудившей партийно-хозяйственную номенклатуру советских автономий к процессу суверенизации, стало желание сохранить власть в условиях смены общественного строя в стране. Объявление суверенитета от имени "титовльных" наций позволило ей перейти от идеологически-классовой к этнической модели легитимизации своей власти и осуществить искомую модель приватизации в условиях паралича государственных институтов на федеральном уровне.

Политическая актуализация концепта "суверенитет" стала причиной теоретических дебатов о природе этого феномена в условиях этнофедеративного государства.

Апологеты примордиалистской идеи политического самоопределения народов/этносов либо настаивали на праве "титовльных" этнических сообществ заявить о государственном суверенитете "своих" республик (подход, характерный для крайнего крыла идеологов этнического национализма и мобилизованный этническими элитами в период "парада суверенитетов"), либо предлагали концепцию "разделенного" двухуровневого суверенитета, согласно которой суверенитет в федеративном государстве федеральный Центр и субъекты делят

между собой в пределах своих полномочий, разделение которых производится в соответствии с эксклюзивными вертикальными соглашениями (подход, типичный для властных политических элит республик в настоящее время и для значительной части московских политиков и экспертов). В этом случае признается приоритетное право субъектов федерации на конституционное и законодательное правотворчество либо целиком независимое от федеральных Конституции и законодательства, либо в пределах собственных полномочий республики. Республика в таком случае рассматривается как субъект международного права.

Для конструктивистского подхода имманентна точка зрения, согласно которой суверенитетом в федеративном государстве обладает только само это государство, а субъекты федеративных отношений обладают той или иной степенью автономии, определенной разграничением полномочий между федеральным и региональным (субъектным) уровнями государственной власти. При таком подходе Конституция федеративного государства и федеральное законодательство обладает неоспоримым приоритетом по отношению к любым конституционным или законодательным актам субъектов. Соответственно, только федеративное государство в целом обладает международной правосубъектностью, которая расценивается как один из важнейших атрибутов суверенитета.

¹ Полностью текст интервью см.: Филиппов В.Р., Грушкин Д.В. Федерализм как он есть... Интервью с региональными лидерами//Серия "Foederatio" М., ЦЦРИ РАН. 2001; или Филиппов В.Р. Интервью с Президентом Ингушетии Р.С. Аушевым//Российский региональный бюллетень. 1999. Т. 1. № 4.

² Барциц И.Н. Категория суверенитет в правовой теории и практике Российской Федерации//Автореф. Дисс. канд. юридич. наук. М., РАГС. 1995. С.1.

³ Абдрахманов Р.Ф., Пугачева Г.Э. Перспективы федерализма в России//Этнопанорама. 2001. № 1. С. 29.

⁴ Барциц И.Н. Категория суверенитет в правовой теории и практике Российской Федерации//Автореф. Дисс. канд. юридич. наук. М., РАГС. 1995. С.1.

⁵ Кузеев Р.Г. Национальные движения и федерализм в России//Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 50.

⁶ Чешко С.В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России//Этнографическое обозрение 1993. № 6. С. 33.

⁷ Хакимов Р.С. Об основах асимметричности Российской Федерации// Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., ИС РАН. 1998. С. 38.

⁸ Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Игнатов В.Г. и др. Реализация принципов федерализма (на примере Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, 1997. С. 9.

⁹ Барциц И.Н. Категория суверенитет в правовой теории и практике Российской Федерации//Автореф. Дисс. канд. юридич. наук. М., РАГС. 1995. С.1.

¹⁰ Гусейнова Н.А., Ладодо И.В., Назаров М.М. О развитии федерализма//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной

поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 81-82.

¹¹ Барциц И.Н. Категория суверенитет в правовой теории и практике Российской Федерации//Автореф. Дисс. канд. юрид. наук. М., РАГС. 1995. С. 20.

¹² Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 9.

¹³ Аринин А.Н. На пути к новой федерации//Единая конституционная система Российской Федерации. М., Республика. 1994. С. 7.

¹⁴ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 25.

¹⁵ Гусейнова Н.А., Ладодо И.В., Назаров М.М. О развитии федерализма//Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 года. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН. 1997. С. 78.

¹⁶ Иванченко Л.А. Управление региональной экономикой федеративного государства. Организационные и правовые приоритеты. М., 1998. С. 30.

¹⁷ Губогло М.Н. Федерализм власти и власть федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 121.

¹⁸ Печенев В. Россия многонациональная: опять на распутье. М., Республика. 1999. С. 42.

¹⁹ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 60.

²⁰ Золотарева М.В. Республики в составе Российской Федерации: некоторые аспекты правового положения. М., МГУ. 1999. Депонировано в ИНИОН РАН. № 54231. С. 2.

²¹ Барциц И.Н. Категория суверенитет в правовой теории и практике Российской Федерации//Автореф. Дисс. канд. юрид. наук. М., РАГС. 1995. С. 17.

²² Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 37.

²³ Лысенко В.Н. Договорные отношения как фактор обострения противоречий краев и областей с республиками//Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., ИС РАН. 1998. С. 31.

²⁴ Золотарева М.В. Республики в составе Российской Федерации: некоторые аспекты правового положения. М., МГУ. 1999. Депонировано в ИНИОН РАН. № 54231. С. 2.

²⁵ Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., Пробел. 1999. С. 18.

²⁶ Кузеев Р.Г. Национальные движения и федерализм в России//Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 54.

²⁷ Кузеев Р.Г. Национальные движения и федерализм в России//Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 55.

²⁸ Кузеев Р.Г. Национальные движения и федерализм в России//Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 57.

²⁹ Габдрафиков И.М. Этнические и общегражданские аспекты национальной политики в республиках современной России//Этнопанорама. 2001. № 3. С. 28.

³⁰ Валеев Д.Ж. Место национального суверенитета в механизме функционирования федеративных отношений в многонациональном государстве//Ресурсы мобилизованной этничности. Москва-Уфа, 1997. С. 145.

³¹ Валеев Д.Ж. Место национального суверенитета в механизме функционирования федеративных отношений в многонациональном государстве//Ресурсы мобилизованной этничности. Москва-Уфа, 1997. С. 123.

³² Валеев Д.Ж. Место национального суверенитета в механизме функционирования федеративных отношений в многонациональном государстве//Ресурсы мобилизованной этничности. Москва-Уфа, 1997. С. 123.

³³ Губогло М.Н. Федерализм власти и власть федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 123.

³⁴ Шаймиев М. Речь на открытии II сессии Верховного Совета ТАССР//Республика Татарстан: новейшая история. События. Комментарии. Оценки. Казань, 2000. С. 131.

- ³⁵ Сагитова Л.Г. Место этничности в складывающейся государственности Республики Татарстан//История государственности Республики Татарстан и современность. Казань, 2000. С. 175.
- ³⁶ Амирханов Р. Татарская национальная идеология: история и современность//Панорама-Форум. 1996. № 1.
- ³⁷ Цит. по: Овруцкий Л. Разговоры с Хакимовым. Казань, 2000. С. 17.
- ³⁸ Бобровский Д. Призыв не по адресу//Казанское время. 2000. 22-28 июня.
- ³⁹ См. об этом подробно: Хабенская Е.О. Татары о татарском. М., 2002.
- ⁴⁰ Шахрай С.М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 152.
- ⁴¹ Барциц И.Н. Категория суверенитет в правовой теории и практике Российской Федерации//Автореф. Дисс. канд. юрид. наук. М., РАГС. 1995. С. 21.
- ⁴² Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 11.
- ⁴³ Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., Славянский диалог. 1996. С. 29.
- ⁴⁴ Митрохин С. Дефективный федерализм: симптомы, диагноз, рецепты выздоровления//Федерализм. 1999. № 2. С. 63.
- ⁴⁵ Горбачев М.С. О новом федерализме//Федерализм: поиски ответов на новые вызовы. М., Горбачев -Фонд. 1993. С. 7.
- ⁴⁶ Галкин А.А. Гиперэтнизм как глобальная проблема//Федерализм: поиски ответов на новые вызовы. М., Горбачев-Фонд. 1993. С. 10.
- ⁴⁷ Галкин А.А. Гиперэтнизм как глобальная проблема//Федерализм: поиски ответов на новые вызовы. М., Горбачев-Фонд. 1993. С. 25.
- ⁴⁸ Карапетян Л.М. Грани суверенитета и самоопределения народов//Государство и право. 1993. № 1. С. 18.
- ⁴⁹ Золотарева М.В. Республики в составе Российской Федерации: некоторые аспекты правового положения. М., МГУ. 1999. Депонировано в ИНИОН РАН. № 54231. С. 20.
- ⁵⁰ Золотарева М.В. Республики в составе Российской Федерации: некоторые аспекты правового положения. М., МГУ. 1999. Депонировано в ИНИОН РАН. № 54231. С. 22.
- ⁵¹ Золотарева М.В. Республики в составе Российской Федерации: некоторые аспекты правового положения. М., МГУ. 1999. Депонировано в ИНИОН РАН. № 54231. С. 23.
- ⁵² Печенев В. Россия многонациональная: опять на распутье. М., Республика. 1999. С. 43.
- ⁵³ Лысенко В.Н. Договорные отношения как фактор обострения противоречий краев и областей с республиками//Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., ИС РАН. 1998. С. 31.
- ⁵⁴ См.: Михалева Н.А. Эволюция и перспективы нового российского федерализма//Право и жизнь. 1994. № 6. С. 11.
- ⁵⁵ Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России. М., 1994. С. 82.
- ⁵⁶ Лейкофф С. Оппозиция "суверенитет – автономия" в условиях федерализма//Полис. 1995. № 1. С. 178.
- ⁵⁷ Хакимов Р. Об основах асимметричности Российской Федерации// Федерализм в России. Казань, 2001. С. 270.
- ⁵⁸ Овруцкий Л. Шиймиев – реальный и виртуальный. Казань - Йошкар-Ола, 2000. С. 328.
- ⁵⁹ Атаманчук Г.В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., Славянский диалог. 1996. С. 151.
- ⁶⁰ Мухаметшин Ф. Федерализм в России: состояние и перспективы развития//Казанский федералист, 2002. № 1. С. 10.
- ⁶¹ Карапетян Л.М. Грани суверенитета и самоопределения народов//Государство и право. 1993. № 1. С. 14.
- ⁶² Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Саха//Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 270.
- ⁶³ См.: Тадевосян Э.В. Российский федерализм и современный национально-государственный «нигилизм»//Государство и право. 1996. № 9. С. 11-14.
- ⁶⁴ Карапетян Л.М. Грани суверенитета и самоопределения народов//Государство и право. 1993. № 1. С. 15.

- ⁶⁵ Хакимов Р. Об основах асимметричности Российской Федерации// Федерализм в России. Казань, 2001. С. 270.
- ⁶⁶ Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 13.
- ⁶⁷ Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М., Славянский диалог, 1995. С. 89.
- ⁶⁸ Карапетян Л.М. Грани суверенитета и самоопределения народов//Государство и право. 1993. № 1. С. 14.
- ⁶⁹ Овруцкий Л. Шиймиев – реальный и виртуальный. Казань - Йошкар-Ола, 2000. С. 328.
- ⁷⁰ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 29.
- ⁷¹ Лысенко В.Н. Договорные отношения как фактор обострения противоречий краев и областей с республиками//Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., ИС РАН. 1998. С. 31. См. также: Крылов Б.С., Ильинский И.П., Михалева Н.А. Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М., 1994.
- ⁷² Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., ИСП. 1995. С. 37.
- ⁷³ Печенев В. Россия многонациональная: опять на распутье. М., Республика. 1999. С. 41.
- ⁷⁴ Барциц И.Н. Категория суверенитет в правовой теории и практике Российской Федерации//Автореф. Дисс. канд. юридич. наук. М., РАГС. 1995. С. 7.
- ⁷⁵ Бобровский Д. Призыв не по адресу//Казанское время. 2000. 22-28 июня.
- ⁷⁶ Железнов Б.Л. Республика Татарстан и Российская Федерация. Конституция Республики Татарстан и Договор от 15 февраля 1994 года//Правовой статус Республики Татарстан. Казань, 1996. С. 6.
- ⁷⁷ Фельдман Д.И., Лихачев В.Н., Курдюков Г.И., Шайхутдинова Г.Р. Республика Татарстан в системе международных отношений//Правовой статус Республики Татарстан. Казань, 1996. С. 159.
- ⁷⁸ Фельдман Д.И., Лихачев В.Н., Курдюков Г.И., Шайхутдинова Г.Р. Республика Татарстан в системе международных отношений//Правовой статус Республики Татарстан. Казань, 1996. С. 153.
- ⁷⁹ Карапетян Л.М. Грани суверенитета и самоопределения народов//Государство и право. 1993. № 1. С. 16.
- ⁸⁰ Рахимов М.Г. Выступление на расширенном заседании коллегии Прокуратуры Республики Башкортостан//Известия Башкортостана. 1997. 20 февраля.
- ⁸¹ Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., ЦИМО. 2000. С. 181.
- ⁸² Шуверова В.Д. Государственный суверенитет и право народов на самоопределение. М., Издательство РАГС. 1997. С. 9.
- ⁸³ Чиркин В.Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ//Государство и право. 1994. № 8/9. С. 150-158.
- ⁸⁴ Печенев В. Россия многонациональная: опять на распутье. М., Республика. 1999. С. 41.
- ⁸⁵ Лысенко В.Н. Договорные отношения как фактор обострения противоречий краев и областей с республиками//Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., ИС РАН. 1998. С. 31.
- ⁸⁶ Агабеков Г.Б. Суверенитет в федеративном государстве. М., ИНИОН. 1993. С. 5.
- ⁸⁷ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 23.
- ⁸⁸ Фельдман Д.И., Лихачев В.Н., Курдюков Г.И., Шайхутдинова Г.Р. Республика Татарстан в системе международных отношений//Правовой статус Республики Татарстан. Казань, 1996. С. 153.
- ⁸⁹ Ягудин Ш. Особенности статуса республики в Российской Федерации//Федерализм в России. Казань, 2001. С. 87.
- ⁹⁰ Ягудин Ш. Особенности статуса республики в Российской Федерации//Федерализм в России. Казань, 2001. С. 89.
- ⁹¹ Ягудин Ш. Особенности статуса республики в Российской Федерации//Федерализм в России. Казань, 2001. С. 87.
- ⁹² Хакимов Р. Об основах асимметричности Российской Федерации// Федерализм в России. Казань, 2001. С. 271.

- ⁹³ Мюллерсон Р.А. //Советское государство и право. 1992. № 2. С. 16.
- ⁹⁴ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 13-14.
- ⁹⁵ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации. М., 1995. С. 243.
- ⁹⁶ Карапетян Л.М. Грани суверенитета и самоопределения народов//Государство и право. 1993. № 1. С. 15.
- ⁹⁷ Печенев В. Россия многонациональная: опять на распутье. М., Республика. 1999. С. 42.
- ⁹⁸ Муксинов И.Ш. Выступления участников семинара//Проблемы и особенности нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Уфа, 1997. С. 105.
- ⁹⁹ Иванченко Л.А. Выступления участников семинара//Проблемы и особенности нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Уфа, 1997. С. 78.
- ¹⁰⁰ Муксинов И.Ш. Выступления участников семинара//Проблемы и особенности нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Уфа, 1997. С. 108.
- ¹⁰¹ Муксинов И.Ш. Выступления участников семинара//Проблемы и особенности нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Уфа, 1997. С. 106.
- ¹⁰² Рахимов М. Республика Башкортостан – суверенное государство в составе Российской Федерации//Проблемы и особенности нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Уфа, 1997. С. 9-10.
- ¹⁰³ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 1995. С. 264.
- ¹⁰⁴ Мизулина Е.Б. Выступления участников семинара// Проблемы и особенности нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Уфа, 1997. С. 58.
- ¹⁰⁵ Власов В.М. Проблемы функционирования российского федерализма//Республики в составе Российской Федерации: государственность и политика. Якутск, 1993. С. 5.
- ¹⁰⁶ Власов В.М. Проблемы функционирования российского федерализма//Республики в составе Российской Федерации: государственность и политика. Якутск, 1993. С. 10.
- ¹⁰⁷ Власов В.М. Проблемы функционирования российского федерализма//Республики в составе Российской Федерации: государственность и политика. Якутск, 1993. С. 9.
- ¹⁰⁸ Федоров М.М. Государственно-правовые проблемы республик в составе Российской Федерации//Республики в составе Российской Федерации: государственность и политика. Якутск, 1993. С. 28.
- ¹⁰⁹ Валеев Д.Х. Правовые основы суверенного Татарстана//История государственности Республики Татарстан и современность. Казань, 2000. С. 178-179.
- ¹¹⁰ Аяцков Д.Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века). Автореф. дисс... докт. историч. наук. М., 1999. С. 29.
- ¹¹¹ Иванченко Л.А. Выступления участников семинара//Проблемы и особенности нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Уфа, 1997. С. 78.
- ¹¹² Шуверова В.Д. Государственный суверенитет и право народов на самоопределение. М., Издательство РАГС. 1997. С. 36.
- ¹¹³ Шуверова В.Д. Государственный суверенитет и право народов на самоопределение. М., Издательство РАГС. 1997. С. 31.
- ¹¹⁴ Тишков В.А. Выступление//Проблемы и перспективы развития российского федерализма. Материалы Первой научно-практической конференции. 19-20 января 1998 года. М., 1998. С. 186.
- ¹¹⁵ Вавилов С. Дефицит власти в России – источник социально-экономической нестабильности//Федерализм. 1999. № 2. С. 103.
- ¹¹⁶ Сергеев В.С. Выступления участников семинара//Проблемы и особенности нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Уфа, 1997. С. 112.
- ¹¹⁷ Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 19.
- ¹¹⁸ Валентей С. Российские реформы и российский федерализм//Федерализм. 1996. № 1. С. 27.

¹¹⁹ Селезнев Г.Н. Федеральный Центр и регионы//Проблемы и особенности нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Уфа, 1997. С. 18.

¹²⁰ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 7.

¹²¹ Жуков М.М. Выступления участников семинара// Проблемы и особенности нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Уфа, 1997. С. 62. См. также: Жириков А.А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) М., И-т массовых коммуникаций. 1996. С. 68.

¹²² Усс А. Укреплять федерацию - наша общая задача//Федерализм. 1999. № 2. С. 17.

¹²³ Митрохин С. Дефективный федерализм: симптомы, диагноз, рецепты выздоровления//Федерализм. 1999. № 2. С. 65.

¹²⁴ Селезнев Г.Н. Федеральный Центр и регионы//Проблемы и особенности нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Уфа, 1997. С. 17.

¹²⁵ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века//Федерализм власти и власть федерализма. М., ИнтелТех. 1997. С. 41.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этнизация государственности или деполитизация этничности? Две парадигмы российской этнофедералистики

*«Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку –
Каждый выбирает для себя».*
Ю. Левитанский

Анализ совокупности историографических фактов, репрезентирующих постсоветскую отечественную этнофедералистику, позволил выявить устойчивую зависимость той или иной политической концептуализации предпочтительной формы государственного устройства страны от приверженности (имплицитной или эксплицитной) ее адептов к одной из двух противостоящих друг другу теоретических парадигм современной этнологии. При всем многообразии формулируемых в этнофедералистике оценок и суждений, теоретическая интерпретация принципов модернизации российского федерализма не выходит за рамки примордиалистского или конструктивистского подходов к определению природы этноса/этничности.

Выяснение парадигматики этнологического знания имеет для нашего историографического исследования принципиальное значение, поскольку позволяет точно позиционировать и ученых, и формулируемые ими концепты в теоретико-методологических полях этнологического знания.

Исследователи, работающие в концептуальном поле примордиализма онтологизируют этнос, понимая его как *объективный социальный феномен, общность людей, консолидированных по ряду признаков*; аполгеты конструктивизма, напротив, полагают, что этнос *представляет собой «воображаемое сообщество», ситуативную совокупность индивидов, субъективно осознающих свою культурную близость*. В первом случае нацию трактуют как высшую стадию развития этнической общности, во втором нация интерпретируется как гражданское, политическое сообщество.

В контексте нашей темы чрезвычайно важно, что первый взгляд предполагает приоритет прав этноса по отношению к правам индивида, второй, напротив, связан с признанием доминирования прав личности по отношению к

правам любой, в том числе, этнической общности. (Субъектом или объектом права не может быть ситуативное, институционально не оформленное суммативное множество индивидов.) Нам представляется единственно правомерной точка зрения, согласно которой коллективная *правосубъектность онтологизированных этносов* – это миф, сконструированный теми, кто желает получать те или иные дивиденды, выступая в роли выразителя интересов "своего народа". Законодательное поле, выстраиваемое на этом концепте, конфликтогенно по своей сути. Подобное нормотворчество – явный признак этнической модели легитимизации власти, иными словами – этнократического режим правления.

Очевидно, что *субъектом этнического права* могут выступать как *индивид, реализующий свое право на свободу этнической самоидентификации, так и группа лиц, ассоциированная по этническому принципу*. При этом права ассоциации исчерпываются индивидуальными правами ее учредителей. Никаких дополнительных прав по отношению к правам личности группа, консолидированная по признаку этнической принадлежности, не имеет.

Итак, проблема этнических прав трактуется *либо как коллективная правосубъектность этнических групп, либо как индивидуальные права граждан на свободу этнической самоидентификации*. Соответственно, интерпретация права на самоопределение предстает в виде оппозиции: *самоопределение этносов или этническая самоидентификация индивидов*.

В зависимости от той или иной интерпретации природы этноса/этничности, и того или иного решения вопроса о правосубъектности этноса происходит выбор *предпочтительных и возможных форм этнического самоопределения*.

Выяснение сущности принципа *этнического (национального) самоопределения* также приводит концептуальных оппонентов к диаметрально противоположным выводам. Для тех, кто интерпретирует принцип этнического самоопределения в терминах примордиалистского понимания этнических феноменов и мобилизует этот принцип с целью легитимизации политических режимов, построенных на доминировании одной из ряда этнических общностей на территории определенного государственного образования, принцип самоопределения народов – общепризнанная основополагающая норма международного и государственного права, обязательная для всех без исключения

государств. Напротив, практически все специалисты, работающие в концептуальном поле конструктивистской парадигмы и признающие приоритет прав личности по отношению к правам каких бы то ни было социальных групп, солидарны во мнении о том, что *групповое этническое самоопределение – это не более чем ситуативный политический лозунг, не имеющий никакого отношения к праву как таковому.*

Принципиально различным является в рассматриваемых интеллектуальных традициях и *определение субъекта этнического самоопределения.* Примордиалисты считают, что право на самоопределение представляет собой возведенную в закон волю народа, по мнению конструктивистов право на самоидентификацию предполагает, что гражданин вправе свободно, без какого-либо воздействия, лично выбирать, считаться принадлежащим к какому либо этнокультурному сообществу (одному или нескольким) или нет. Таким образом, *субъектом права на самоопределение в первом случае выступает абстрактный «народ» (этнос), во втором – индивид, реализующий свою этнокультурную идентичность.*

То или иное решение вопроса о предпочтительных формах реализации права на этническое самоопределение зависит, прежде всего, от того, каким образом интерпретируется субъект самоопределения. Как правило, те исследователи, которые склоняются к мысли о коллективной правосубъектности онтологизированных этнических сообществ, либо настаивают на *политическом самоопределении народов-этносов*, либо, в лучшем случае, готовы рассматривать различные формы практической реализации принципа этнического самоопределения, но непременно включая в этот континуум право на образование "собственного" государства. Ученые, работающие в теоретическом поле конструктивистской парадигмы и декларирующие право индивида на свободу этнокультурного самоопределения, чаще всего называют оптимальной формой реализации принципа этнического самоопределения *институт экстерриториальной национально-культурной автономии.*

Ответ на вопрос о предпочтительных *методах реализации принципа этнического самоопределения* зависит от того, как интерпретируется в каждом конкретном случае предпочтительная форма реализации принципа самоопределения. В том случае, если в качестве конечной цели провозглашается сецессия государства и обретение "собственной" этнической государственности,

то правомерными признаются все способы достижения такой цели. При таком подходе лозунгом этнической мобилизации становится лозунг "цель оправдывает средства". В случае, если целью самоопределения выступает реализация права индивида на свободу этнокультурной самоидентификации, единственно разумным и возможным методом реализации права на самоопределение можно считать консолидацию индивидов - носителей определенной этнокультурной идентичности – в рамках экстерриториальных общественных объединений, ассоциированных по этническому принципу и действующих в рамках института национально-культурной автономии.

Вопрос об *условиях, в которых правомерна реализация права на самоопределение*, в конструктивистской парадигме не имеет особого смысла: интерпретация этнического самоопределения как права индивида на свободу выбора форм реализации своей культурной идентичности просто "снимает" вопрос о том при наступлении каких условий человек вправе самоопределяться таким образом. Ответ на этот вопрос крайне прост: при любых условиях, если формы и методы самоопределения индивида не противоречат интересам других людей и действующему законодательству. Совершенно иначе дело обстоит с определением условий, санкционирующих этническое самоопределение этноса в концептуальном поле примордиализма. Отметим, что вопрос об условиях политической реализации принципа самоопределения возникает у сторонников этой научной традиции тогда, когда речь заходит о групповом этническом самоопределении в наиболее радикальной его форме, то есть о самоопределении в виде "собственного" государственного образования. Аргументами в таком случае служат разного рода мифологемы о "порабощении", "неоколониализме", "дискриминации" и проч., конструируемые для оправдания правомерности притязаний этнократических элит на власть и ресурсы.

Перспектива *использования принципа этнического самоопределения в политической практике* концептуальным антагонистам также представляется совершенно различной. Примордиалисты полагают, что дальнейшая история будет демонстрировать все новые и новые примеры политического самоопределения этносов, апеллирующих к тенденциозно интерпретируемому международному праву. Конструктивисты, напротив, склонны думать, что в ближайшей исторической перспективе пресловутый лозунг этнического самоопределения

будет явочным порядком изъят из практики международных отношений как создающий угрозу системе международной безопасности.

Наконец, принципиально различно концептуальные оппоненты решают вопрос о *персональной этнической самоидентификации индивидов*. В рамках первой парадигмы этническая принадлежность фиксируется государством как непереносимый атрибут личности в соответствии с «национальностью родителей», в рамках второй этническая самоидентификация – ситуативный акт добровольного отнесения себя к одному или нескольким этнокультурным сообществам.

В предметной области собственно федералистики *первая парадигма проявляется как апологетика этнической государственности* и представляет собой концептуальную эволюцию ленинско-сталинской доктрины «территориально-государственного самоопределения наций», *другая - тяготеет к либеральной прудоновской традиции понимания федерализма как формы «внеэтнической» региональной демократии*.

В силу этого отчетливо проявившегося теоретико-методологического размежевания мнения ученых и политиков по частным проблемам реформирования российской государственности предстают в виде бинарных оппозиций.

Прежде всего, принципиально различно решается вопрос о предпочтительной модели государственного устройства России.

В концептуальном поле примордиализма Россия признается уникальной "многонациональной" страной, населенной народами-этнотами (или нациями), коллективное самоопределение которых предполагает наличие в структуре федеративного государства особого типа субъектов – "национальных" республик, имеющих статус суверенных государств. Федерализм интерпретируется при этом по преимуществу как оптимальный механизм "национальной" (этнической) политики. Модернизация федеративных отношений в России при таком подходе понимается как процесс нарастающей политизации этничности, экономической и политической суверенизации этногосударственных субъектов Федерации. Конечной целью модернизации признается в таком случае либо асимметричная договорная федерация с законодательным приоритетом субъектов, либо конфедерация самостоятельных "национальных" (этнических) государств.

Конструктивистский подход, напротив, предполагает постепенную деполитизацию этничности. Наличие в составе Российской Федерации этногосударственных субъектов признается при таком подходе серьезным конфликтогенным фактором, провоцирующим напряженности в межсубъектных федеративных отношениях, так и в отношениях между этническими контрагентами на территории "национальных" республик и в стране в целом. Политическое самоопределение "этносов" в этом случае трактуется при этом как форма этнической и языковой дискриминации представителей "нетитульных" этнокультурных групп. *Модернизация Российской Федерации представляется в этой парадигме эволюционным процессом унификации статусов, прав и обязанностей всех субъектов федеративного или земель ("губерний") унитарного государства.* Конечной целью модернизации признается либо демократическая форма территориальной федерации со значительно укрупненными субъектами, либо демократическое унитарное государство.

Вместе с тем, некоторые политические аргументы и выводы, сделанные в этом научном и политическом сообществе, эксплуатируются политиками и публицистами "державной" ориентации, а иногда и представителями правых великодержавных политических организаций. Важно отметить, что их интерпретации "губернизации" федеративного устройства страны, или ее реорганизации на принципах унитарного государства, концептуально строятся на тех же примордиалистских представлениях о природе "этноса", которые свойственны идеологам республиканских этнократических режимов.

При всем том, в отечественной федералистике, безусловно, доминирует точка зрения о том, что будущее российской государственности связано с федеративным устройством страны. Версию унитаризма, также как конфедеративный проект отстаивает меньшинство ученых и политиков. При этом подавляющее большинство исследователей и политических деятелей ощущают транзитивное состояние постсоветской модели российского федерализма и прогнозируют ту или иную его трансформацию в обозримом будущем.

Принципиально различно трактуется в концептуальном поле примордиалистского и конструктивистского подходов *проблема конституционной асимметрии федеративного устройства страны.*

Те, кто склонен онтологизировать этносы и, соответственно, декларируют свою приверженность к политическим формам реализации права на

свободу этнической самоидентификации, настаивают на необходимости и впредь *сохранять в составе федеративного государства два десятка субъектов имеющих особый государственный статус и сопряженные с этим статусом особые привилегии и полномочия*. При этом, рациональное объяснение причины того, почему представители именно этих двух десятков этнокультурных сообществ получили эксклюзивное право на создание "своей" этнической государственности либо отсутствует, либо сводится к тривиальной констатации "так исторически сложилось". Напротив, те, кто видит в этничности лишь акт отождествления индивида с той или иной культурной традицией и, в связи с этим отдают предпочтение экстерриториальным формам реализации права индивидов на этнокультурную самоидентификацию, настаивают на конфликтогенности принципа асимметричной федерации, не считают убедительным довод "так исторически сложилось" и заявляют о *неправомерности конституирования особых статусов и прав "национальных" республик в составе России*.

Первые уверены в том, что *"национальная специфика" населения республик служит достаточным основанием требовать перераспределения совокупного бюджета федеративного государства* (в форме особых бюджетных отношений с федеральным Центром, эксклюзивных налоговых прав, трансфертной политики, дотаций и проч.) в пользу этногосударственных субъектов Российской Федерации. Вторые, напротив, считают подобное перераспределение федеральных доходов *проявлением этнической и региональной дискриминации в отношении представителей "нетитульных" этнических групп и административно-территориальных субъектов федеративного государства*.

Первые настаивают на необходимости получения дополнительных финансовых ресурсов под предлогом "возрождения" культуры "титульного" этноса, вторые отказываются видеть различия в потребности финансирования этнокультурных "титульных" и "нетитульных" граждан России.

Полемика по поводу *договорной схемы распределения полномочий между федеральным Центром и субъектами* также приобрела характер концептуальных оппозиций.

Те, кто заинтересован в консервации этнически детерминированной асимметрии федеративных отношений, также как и те, кто обеспечивает идеологическое обоснование правомерности такой заинтересованности,

интерпретируют *договорной процесс как закономерный и ординарный механизм оптимизации взаимоотношений Центра и регионов* в демократическом федеративном государстве. Для тех, кто не склонен политизировать этничность и стремится к правовому и статусному равноправию субъектов Российской Федерации, очевидно, что сам *феномен двустороннего эксклюзивного вертикального договора есть прямое следствие этнической мобилизации, предпринятой постсоветскими этнополитическими элитами с целью обеспечения эксклюзивного правового статуса* и особых налоговых льгот и привилегий так называемых "национальных" республик, во-первых, и эксклюзивного положения представителей так называемых "титულных" этнических общностей, во-вторых.

Соответственно, первые настаивают на *учредительном характере* двусторонних договоров о распределении полномочий и считают, что Российская Федерация в ее нынешней ипостаси сформировалась усилиями территорий, преимущественно - этногосударственных образований, "снизу". В этом случае отечественная *модель федеративной государственности интерпретируется как "договорная"*. Вторые, напротив, полагают, что к моменту подписания двусторонних соглашений Российская Федерация уже существовала, как суверенное государство, и вертикальные договоры заключались между федеральным Центром и отдельными субъектами, а *потому не могут изменить конституционную природу российского федерализма*.

Двусмысленности действующей Конституции РФ вызывают неудовольствие и тех и других, однако, одними они трактуются как повод для конституирования договорной федерации, которая и провозглашается стратегией федеративного строительства в России, другими расцениваются, как основание говорить о необходимости конституционно-законодательного регулирования договорного процесса, а сами двусторонние договоры и соглашения в этом случае расцениваются как ситуативные механизмы оптимизации взаимоотношений Центра и регионов в условиях этнополитического кризиса; договорная практика при таком подходе оценивается как небезупречная политическая тактика.

Апологеты этнического федерализма убеждают в том, что договорной процесс есть *единственный способ сохранить целостность "многонациональной" России*, критики же, напротив, утверждают, что *договорная федерация*

представляет собой транзитивное состояние на пути к рыхлой конфедерации и последующему распаду Российской Федерации. В конечном счете, в основе апологетики договорной федерации лежит идея политической и юридической правосубъектности антологизированного этноса, а в основе критики таковой заложена идея демократического федерализма как формы реализации конституционного равенства территорий и граждан вне этнического контекста.

Наконец, хорошо знакомая нам дихотомия концептуальных интерпретаций отчетливо прослеживается в *трактовке феномена "суверенитет" применительно к реалиям этнофедеративного государства.*

Мобилизация ортодоксальной сталинской концепции нации, интерпретации последней как высшей стадияльной формы развития онтологизированной (по аналогии с марксистским определением класса) этнической общности дает основание для примордиалистской трактовки этнической государственности в качестве особой интегрирующей формы политического самоопределения совокупного этнического коллектива. *Этнос как носитель коллективной правосубъектности выступает при таком подходе в качестве субъекта самоопределения и зачастую интерпретируется в качестве субъекта государственного суверенитета.* Именно такая интерпретация была актуализирована этнополитическими элитами в ходе суверенизации автономных республик в составе РСФСР и латентно представлена в идеологическом обеспечении ныне действующих в "суверенных" республиках политических режимов.

Слишком явный этнодискриминационный характер такого рода концептуализации субъекта суверенитета этногосударственных образований побуждает идеологов республиканских политических режимов (чаще всего авторитарных, со значительным числом этнократических характеристик) конструировать идеологемы, в соответствии с которыми субъектами псевдогосударственного суверенитета провозглашаются социумы-эфемериды, существующие только в официальных доктринах власти (например, концепция "татарстанизма"). В этом случае субъектом суверенизации этногосударственных образований в составе Российской Федерации признаются не этнические (этнокультурные) сообщества, а полиэтничное население субъекта федеративного государства. Такого рода подход заслуживал бы одобрения и поддержки, если бы такого рода идентичность расценивалась как региональная, а не политическая,

гражданская, национальная (в значении "государственная", разумеется). Формирование подобной региональной идентичности принципиально возможно, однако непременным условием ее постепенного конструирования является отказ республиканских властей от дискриминационных практик, реализуемых в социальной, культурной и языковой политике, так же, как отказ от суверенизаторской фразеологии в официальной идеологической доктрине.

В доктринальном поле конструктивистского подхода субъектом политического самоопределения выступает не мифологизированный этнический коллектив, а индивид, гражданин вне зависимости от его этнической, языковой или конфессиональной идентичности. Соответственно, *субъектами суверенитета федеративного государства являются не народы-этноты, и не квазигосударственные образования (заявившие о своем суверенитете от имени "титულных" этнических групп, претендующих на "неотъемлемое право на самоопределение"), а его граждане.*

В зависимости от той или иной концептуализации этноса/этничности отечественные авторы рассматривают *причины, побудившие российские республики заявить о своем суверенитете.*

Для примордиалистской интерпретации "парада суверенитетов" характерен взгляд, согласно которому республиканские лидеры и этнополитические элиты прибегли к политической и экономической суверенизации как единственному способу *защитить "свой народ" от социально-экономических катаклизмов, потрясавших Россию в начале 90-х годов минувшего века.* Мифологемы такого рода представляют собой важную часть мифа о "возрождении народов России, сбросивших с себя иго национального угнетения".

В интерпретационном поле конструктивистской парадигмы главной *причиной, побудившей партийно-хозяйственную номенклатуру советских автономий к процессу суверенизации, стало желание сохранить власть в условиях смены общественного строя в стране.* Объявление суверенитета от имени "титулных" наций позволило ей перейти от идеологически-классовой к этнической модели легитимизации своей власти и осуществить искомую модель приватизации в условиях паралича государственных институтов на федеральном уровне.

Политическая актуализация концепта "суверенитет" стала причиной теоретических дебатов о природе этого феномена в условиях этнофедеративного государства.

Апологеты примордиалистской идеи политического самоопределения народов/этносов либо настаивали на праве "титულных" этнических сообществ заявить о *государственном суверенитете "своих" республик* (подход, характерный для крайнего крыла идеологов этнического национализма и мобилизованный этническими элитами в период "парада суверенитетов"), либо предлагали *концепцию "разделенного" двухуровневого суверенитета*, согласно которой суверенитет в федеративном государстве федеральный Центр и субъекты делят между собой в пределах своих полномочий, разделение которых производится в соответствии с эксклюзивными вертикальными соглашениями (подход, типичный для властных политических элит республик в настоящее время и для значительной части московских политиков и экспертов). В этом случае признается приоритетное *право субъектов федерации на конституционное и законодательное правотворчество* либо целиком независимое от федеральных Конституции и законодательства, либо в пределах собственных полномочий республики. Республика в таком случае рассматривается как субъект международного права.

Для конструктивистского подхода имманентна точка зрения, согласно которой *суверенитетом в федеративном государстве обладает только само это государство, а субъекты федеративных отношений обладают той или иной степенью автономии*, определенной разграничением полномочий между федеральным и региональным (субъектным) уровнями государственной власти. При таком подходе Конституция федеративного государства и федеральное законодательство обладает неоспоримым приоритетом по отношению к любым конституционным или законодательным актам субъектов. Соответственно, только федеративное государство в целом обладает международной правосубъектностью, которая расценивается как один из важнейших атрибутов суверенитета.

В целом же в этнофедералистике противостоят друг другу два антагонистичных по сути концепта: *первый состоит в обосновании правомерности этнизации государственности и политики, второй выражается в требовании деэтнизации этничности и деэтнизации политики.*

В контексте нашей темы, один служит теоретическим оправданием сохранения в нашей стране такой модели федерализма, при которой часть субъектов конструируются по этническому принципу, провозглашаются от имени "титულных" этнических групп и фактически является институциональной формой дискриминации представителей "нетитулных" этнокультурных сообществ и административно-территориальных единиц в составе Российской Федерации. Второй интерпретирует федерализм как внеэтнический демократический институт и позволяет обосновать проект унификации статусов, прав и полномочий всех субъектов федеративного государства, обеспечения прав и свобод граждан страны вне зависимости от их этнокультурной и языковой идентичности и региона проживания.

Впрочем, в ряде случаев между обозначенными крайними точками континуума мнений обнаруживаются концептуальные паллиативы, претендующие на плодотворный компромисс, но являющих собой лишь неубедительные теоретико-методологические флуктуации. Любой такой компромисс при ближайшем рассмотрении оказывается концептуальным мутантом, призванным закамуфлировать ту или иную позицию автора в угоду той или иной политической конъюнктуры.

Две рассмотренные парадигмы научных исследований в области этнофедералистики со всей очевидностью выходят за рамки академических штудий и служат концептуализации тех или иных политических интересов. Именно поэтому полемика так остра, а произведенная за десять-пятнадцать лет интеллектуальная продукция так обильна.

Неконцептуальные замечания

Даже далеко не полный обзор трудов, посвященных проблемам модернизации отечественной модели федеративного устройства позволяет сделать ряд неутешительных выводов.

Прискорбно, что позиции большинства авторов этнически ангажированы: чаще всего то или иное видение оптимальных путей реформирования российской государственности прямо коррелирует с этнической принадлежностью самого исследователя. Это свидетельствует об известном неблагополучии этнополитической ситуации в России, о том, что этнические контрагенты не

вполне доверяют друг другу и стремятся обеспечить защиту «своего» этноса посредством той или иной схемы государственного устройства.

Вероятно, этнофедералистика, в силу ее особой политической актуальности, еще долго будет служить средством политической саморекламы, позиции ряда известных авторов будут в значительной степени зависеть от злободневной политической конъюнктуры. Более того, есть основания думать, что многие теоретические конструкты, предлагаемые в качестве истинных, на самом деле есть не что иное, как идеологическое обоснование вполне понятных интересов небескорыстных этнополитических (если не сказать этнократических) элит.

Этнофедералистика, наверное, тогда обретет вполне научные очертания, когда межэтническая напряженность пойдет на спад, когда этносоциальная конкуренция ослабнет, когда этнические интересы граждан России перестанут быть политическими интересами.

ВВЕДЕНИЕ

Блеск и нищета отечественной этнофедералистики

"В начале было Слово..."
Евангелие от Иоанна

Такой науки быть не должно! Но она есть...

Автор далек от мысли о том, что федералистика как особое направление исследовательской деятельности не имеет права на существование в России. Так же, как далек он от мысли о неприемлемости федерализма в России. Ни в коем случае! Но российский федерализм в силу исторических обстоятельств и драматических перипетий последнего десятилетия минувшего века оказался сконструированным на зыбком основании этничности и, в силу этого прискорбного факта, вполне ординарная и полезная интердисциплина "федералистика" в наших российских условиях приобрела приставку "этно-".

Политическая конъюнктура, обусловившая формирование этнизированной договорной федерации в России, спровоцировала небывалую интеллектуальную активность многочисленных ученых и публицистов, добровольно взявших на себя труд по поиску сколько-нибудь убедительных аргументов в пользу правомерности консервации той модели федеративных отношений, которая была сконструирована в советской России на концептуальном основании ленинско-сталинской доктрины "самоопределения наций". Кризис российской государственности, бунт этничности, этнический сепаратизм, – все это беспокоило российского обывателя и побуждало идеологов этнической государственности предлагать все новые и новые версии умиротворения республиканских этнополитических элит. Власть, испытывавшая острую нужду в идеологическом камуфляже той конъюнктурной до беспринципности региональной и этнической политики, которую принято было в годы правления Б. Ельцина называть "строительством подлинной федерации", поощряла и охотно финансировала такого рода научные изыскания.

Заметным вкладом в постсоветскую этнофедералистику стали и труды республиканских исследователей – представителей так называемой "национальной" интеллигенции, мобилизованных для концептуального обоснования правомерности особого этногосударственного статуса

"национальных" республик в составе Российской Федерации, идеологического обеспечения притязаний на власть бывшей республиканской партийно-хозяйственной номенклатуры, избравшей новую – этническую – модель легитимации власти. Ученые-гуманитарии, публицисты, активисты многочисленных националистических партий-эфемеридов посвятили себя политической эссеистике с целью придать этнократическим режимам бывших российских автономий видимость демократического самоопределения "титულных" народов.

Наконец, ряды апологетов этнического федерализма пополнили грантополучатели всякого рода западных гуманитарных научных фондов, щедро финансирувавших любую деструктивную по отношению к российской государственности интеллектуальную деятельность. Слишком очевидным было стремление этих фондов поддержать идеологию этнического сепаратизма, слишком явной была этническая и концептуальная избирательность экспертов этих фондов при решении вопросов о финансовой поддержке тех или иных научных проектов в сфере федералистики.

Известную интеллектуальную оппозицию этому многочисленному и очень плодовитому сообществу составили крайне немногочисленные, преимущественно московские, профессионалы-этологи. Они предложили взглянуть на феномен этнического федерализма не только с точки зрения того, интересы каких политических и этнополитических элит удовлетворяет уникальная отечественная модель федеративного устройства, но и с точки зрения того, в какой связи пребывают власть и этничность, каким образом сопрягаются государство и этническое самоопределение. Разумеется, представители этнологического сообщества тоже не были едины в своих оценках этнополитической ситуации постсоветской России, так же, как не были они едины в отношении к этническому принципу конструирования федеративных отношений в нашей стране. Однако их концептуальные позиции (отчетливо оформившиеся в примордиалистской и конструктивистской парадигмах этнологического знания¹) были более или менее аргументированы и обоснованы в контексте тех или иных представлений о природе и сущности этнических явлений и процессов. Наиболее плодотворными при анализе взаимодействия федерализма и этничности, на наш взгляд, оказались конструктивистские представления о природе этничности, признание приоритетными

индивидуальных форм этнокультурной самоидентификации в экстерриториальных этнокультурных ассоциациях.

Справедливости ради нужно отметить, что среди представителей смежных наук – политологов, социологов, юристов, экономистов, – немало добросовестных исследователей, трактующих те или иные проблемы российского федерализма в предметной области своих научных дисциплин. В силу этнической специфики российского федерализма, они в своих трудах бывают вынуждены касаться проблем влияния этнического фактора на формирование политических институтов, на бюджетный процесс, на региональную экономическую политику, на конституционное нормотворчество и т. д. К сожалению, ученые, работающие в сопредельных с этнологией предметных полях и так или иначе трактующие проблемы присутствия этничности в государственном устройстве России, чаще всего бывают не знакомы с теми теоретическими интерпретациями этничности и этнических феноменов, которые давно стали доминирующими в западной науке и получили широкое распространение в постсоветской этнологии. Прошедшие профессиональную подготовку тогда, когда в системе образования безусловно господствовала сталинская доктрина нации, эти исследователи, к сожалению, в подавляющем большинстве случаев работают в той научной парадигме, которая строится на признании коллективной правосубъектности и политического самоопределения онтологизированных этносов/наций.

Наконец, следует упомянуть и о российских политиках, которые в силу злободневности и остроты проблемы федеративных отношений в России часто считают своим долгом декларировать свое понимание (или непонимание) проблем модернизации государственного устройства страны и в этой связи – проблемы присутствия этничности в структуре федеративных связей. Публицистическое творчество известных столичных и региональных политиков, а также интеллектуальная продукция их экспертных сообществ составляет заметную часть в общем континууме трудов, посвященных тем или иным сюжетам этнофедеративных отношений.

Участие этнологов и иных профессиональных ученых (представителей перечисленных выше дисциплин), а также добросовестных политиков в дискуссии о будущем соотношении этничности и федерализма отчасти реабилитирует этнофедералистику как специфическое направление исследовательской деятельности и придает ей вполне определенный смысл. Парадоксальность ситуации состоит в том, что их усилия в сфере

этнофедералистики направлены, в конечном счете, на дискредитацию этнического федерализма и реализацию в политической практике принципа неэтнического федерализма как формы территориальной демократии. Но реализация этого принципа и будет одновременно означать конец этнофедералистики как науки. Она будет иметь лишь исторический смысл и оправдывать свое право на существование лишь в качестве "страшилки" для начинающих политиков.

* * *

Но это лишь грезы о будущем.

Пока же этнофедералистика имеет весьма актуальное звучание, и ее политическая востребованность будет лишь возрастать, по мере того как модернизация федеративного устройства будет приобретать черты деэтнизации этничности. Перед политической элитой, и, прежде всего, перед законодателями встанет проблема научной экспертизы проектов реформирования российской государственности, проблема выработки наименее конфликтогенного алгоритма эволюционного перехода к более демократичной территориальной (неэтнической) модели федерализма.

В силу этого обстоятельства нам представляется весьма уместной историографическая рефлексия по поводу научного дискурса проблемы деэтнизации политики в сфере федеративных отношений, а также обоснованная дифференциация этнофедералистики в качестве особого направления исследовательской деятельности, выяснение специфики ее предметной области.

Нам представляется, что предметное поле этнофедералистики очерчено взаимодействием этничности и федерализма, или, иначе говоря, влиянием этнического фактора (во всех его ипостасях) на структуру федеративных связей и, напротив, влиянием федеративных отношений на этнические процессы в этнофедеративном государстве.

Научное отражение названного взаимодействия крайне затруднено особой сложностью интересующих нас феноменов. Многие исследователи начинали свои исследования с констатации того, что "трудно найти какой-либо иной институт, насыщенный таким обилием подходов, противоречивых взглядов на саму политическую и юридическую природу... федерализма" (Д. Фельдман и др.)². Еще более непонятен, противоречив и мифологизирован феномен этноса/этничности. Ученые, рискнувшие заняться теоретическим осмыслением последнего, чаще всего говорят о его иррациональности и неуловимости,

прибегают в ходе размышлений об этничности к метафорам "тайны", или "загадки" (В. Малахов)³. Соответственно, ни собственно в федералистике, ни в этнологии нет даже намека на какую бы то ни было концептуальную солидарность по поводу тех феноменов, взаимодействие которых в совокупности и создает предметную область этнофедералистики.

Ситуация усугубляется синкретичностью как федералистики, так и этнологии. Федерализм как политический институт интерпретируется, как отмечают многие специалисты, "на стыке различных научных дисциплин: истории, философии, теории права, различных отраслей права, политологии, социологии, этнологии и др." (М. Золотарева)⁴. С уверенностью можно сказать, что и этничность, будучи сложным и многозначным явлением, пронизывающим многие сферы социального бытия, все более привлекает к себе внимание смежных с этнологией областей социального знания, что приводит к возникновению новых интердисциплин – таких как этнополитология, этносоциология, этнопсихология, этноконфликтология и проч. А это, в свою очередь, неизбежно размывает предметную область собственно этнологии.

В этой ситуации оказывается очень сложно определить континуум трудов, которые в совокупности и репрезентируют такое специфическое научное явление как этнофедералистика.

Очевидно одно: этнофедералистика являет собой яркий пример постклассической научной интердисциплины с крайне размытой предметной областью. Поиски аргументов в пользу сохранения или, напротив, ликвидации этнизированной модели федеративного устройства России привели к мобилизации теоретического потенциала таких научных дисциплин, как этнология, политология, политическая антропология, социология, юриспруденция, юридическая антропология, теория государства и права, экономическая география и региональная экономика.

Из множества трудов, написанных в предметных рамках названных дисциплин, к этнофедералистике следует отнести лишь те, в которых так или иначе интерпретируется обозначенное выше в качестве ее специфического предметного поля взаимодействие этничности и федерализма.

Многолетние штудии в этой области позволили нам определить библиографический универсум, включающий в себя не менее полутора сотен индивидуальных и коллективных монографий и отдельных изданий, шестьдесят тематических сборников и примерно столько же отдельных изданий по

материалам всевозможных конференций и круглых столов, около полусотни диссертационных исследований, сотни и сотни статей в различных периодических научных изданиях⁵. Совершенно очевидно, что имеющаяся в нашем распоряжении библиография не полна: к сожалению, в минувшее десятилетие комплектование даже крупнейших библиотек производилось фрагментарно, соответственно, и информация о научных изданиях была далеко не всеобъемлющей.

Наличие целого спектра самостоятельных научных дисциплин, мобилизованных для выяснения характера воздействия этнического фактора на процесс модернизации федеративного устройства нашей страны, делает привлекательной идею организации структуры историографического анализа проблемы по формальному признаку в соответствии с «ведомственной» дисциплинарной принадлежностью авторов, так или иначе трактующих этническую составляющую отечественной модели федерализма. Однако при ближайшем рассмотрении такая архитектура историографического исследования оказывается малопродуктивной, так как система аргументации в каждом собственно дисциплинарном исследовании чаще всего включает выводы, используемые в «смежных» дисциплинах.

Кроме того, обилие историографических фактов исключало хронологический и/или персональный подход к осмыслению названного континуума трудов по этнофедералистике и делало единственно возможным тематическое (проблемное) историографическое исследование.

Достаточно детальное знакомство с работами отечественных исследователей и публицистов, так или иначе трактующих влияние этнического фактора на федеративные отношения, убедило нас в том, что при всем многообразии трудов и представленных в них теорий, концепций, аргументов, все они могут быть упорядочены в рамках достаточно простой схемы. Всю их совокупность можно разделить на изложение теоретико-методологических оснований (концепций) этнофедералистики, во-первых, и обоснование правомерности объективации этих концепций в практике федеративного строительства, во-вторых.

Выяснение различных версий теоретико-методологического обоснования способов оптимизации или минимизации воздействия этнического фактора на федеративные отношения подразумевает, прежде всего, выявление концептуальных оппозиций во взглядах исследователей на природу феномена

"этнос/этничность". Парадигматика этнологического знания, представленная в виде фундаментальной оппозиции "примордиализм" – "конструктивизм", позволяет концептуализировать проблему этнической правосубъектности группы и/или индивида, что, в свою очередь, подразумевает и различные версии в понимании предпочтительных и возможных форм (группового и/или индивидуального) этнического самоопределения.

Концептуальная дихотомия в понимании природы и характера этнических феноменов обуславливает различия в подходах к решению прикладных аспектов федеративного строительства.

Прежде всего, историографическая рефлексия в сфере этнофедералистики подразумевает выявление позиций различных авторов в отношении тех моделей федеративной государственности, которые расцениваются ими как оптимальные, а также тех форм государственного устройства, которые рассматриваются как альтернативные по отношению к федеративной модели. Разумеется, к компетенции историографии этнофедералистики должны быть отнесены при этом только те исследования, в которых система аргументации строится с учетом этнического фактора.

Принципиальное значение для полноты историографического анализа имеет освещение дискуссии о диспропорциях прав и полномочий субъектов Российской Федерации, а также полемики по поводу предпочтительной формы легитимизации федеративного устройства страны, присутствие этнического фактора в обосновании правомерности конструирования симметричной или асимметричной, договорной или конституционной модели федеративного устройства. Особый интерес представляют взгляды исследователей на природу суверенитета в этнофедеративном государстве.

В конечном счете, вся бурная полемика российских ученых по поводу этнической составляющей российского федерализма укладывается в тот или иной ответ на простой вопрос: что предпочтительно для России – дальнейшая этнизация политики или деполитизация этничности? Этатизация этничности или деэтнизация государственности? Именно в этом контексте выполнен предлагаемый вниманию читателя историографический анализ. Структура работы выстраивается в соответствии с изложенными выше важнейшими составляющими проблемного поля постсоветской этнофедералистики.

Заканчивая презентацию этнофедералистики в качестве относительно самостоятельного направления исследовательской деятельности, нужно сказать

несколько слов об эмпирической базе соответствующих научных изысканий. К сожалению, следует признать, что, несмотря на значительное количество новейших научных трудов, посвященных, прямо или отчасти, интересующей нас проблематике, серьезных научных исследований, строящихся на солидном эмпирическом материале, совсем немного.

В этнофедералистике пока доминирует жанр политического эссе, в котором автор стремится скорее выкрикнуть ряд политических лозунгов, представляющихся ему единственно верными, нежели аргументировано представить свою позицию, основываясь на данных специальных исследований.

В этом смысле наиболее благополучно обстоит дело с работами специалистов в области государства и права, которые, как правило, строят свои исследования на анализе конституционных и законодательных актов федерального и субъектного уровня, а также на сравнении отечественных нормативных актов с актами международного права. В силу этого обстоятельства их труды в области этнофедералистики выглядят наиболее фундированными.

Нужно отметить, что к этой категории источников часто обращаются и политологи, акцентирующие при этом внимание не столько на содержательной стороне законодательства, сколько на исторической интерпретации политических катаклизмов, связанных с разработкой и принятием тех или иных законодательных и правовых норм. В политологических работах, кроме того, отчасти оказались востребованными официальные документы, декларации, программные положения всевозможных политических субъектов, вовлеченных в политическое противостояние по поводу реформирования основ российского федерализма.

И политологи, и специалисты в области региональной экономики активно используют статистическую информацию, характеризующую перипетии бюджетного процесса, специфические отношения, порожденные договорной практикой регулирования финансового взаимодействия между Центром и регионами, налоговую и трансфертную политику.

Этнологи чаще всего апеллируют к данным этносоциологических опросов и материалам неформализованного интервьюирования политических лидеров, значительно реже – к статистической информации, описывающей электоральное поведение тех или иных этнокультурных сообществ, этнодемографические и миграционные процессы. Как и политологи, этнологи в своих исследованиях привлекают статистические данные, характеризующие этносоциальную

структуру населения тех или иных субъектов Федерации, вовлеченность во власть представителей "титulyных" и "нетитulyных" этнических контрагентов. Впрочем, на наш взгляд, наиболее плодотворно участие в дискуссии этнологов проявляется пока в разработке теоретических концептов этнических феноменов.

В целом же, повторим, эмпирическая база исследований в области этнофедералистики представляется нам явно недостаточной. И дело здесь не в том, что недостаточна совокупность привлекаемых источников: скорее недостаточны масштабы и количество используемых эмпирических данных. Кроме того, серьезной проблемой является недоступность информации, которая описывает межличностные взаимодействия федеральных и региональных политических и экономических элит, взаимодействия которые главным образом и детерминируют развитие федеративных отношений в постсоветской России.

* * *

Да, постсоветская этнофедералистика еще не приобрела строгих и стройных очертаний академического знания. Слишком очевидна ее политическая злободневность, слишком явной бывает политическая или этническая ангажированность авторов, подвизающихся на ее поприще.

Да, она зачастую схоластична и оторвана от эмпирического знания.

Она бывает излишне эмоциональной и даже до неприличия грубой.

Она еще мало востребована в качестве экспертного знания серьезными практическими политиками и страдает по этому поводу отроческими комплексами неполноценности.

Но научный дискурс проблем модернизации отечественной модели федерализма постепенно становится элементом политической культуры россиян.

Даже факт обильной публикации трудов, не содержащих ничего, кроме безудержной апологетики этнократии, следует приветствовать: они стали поводом для размышления, они способствовали концептуализации конструктивистской критики этнического федерализма.

В. Тишков в одном из своих интервью заметил: "Федерализм – это, прежде всего, дебаты и переговоры, а уже потом текст и воплощенные на его основе действия"⁶. Полемика стала достоянием массового сознания. А значит, процесс дискредитации этнофедеративного устройства страны стал необратимым, а реформирование основ государственного устройства России - неизбежным.

¹ Парадигматике исследований в области теоретической этнологии посвящена первая глава этой книги.

² *Фельдман Д.И., Лихачев В.Н. Курдюков Г.И., Шайхутдинова Г.Р.* Республика Татарстан в системе международных отношений // Правовой статус Республики Татарстан. Казань, 1996. С. 154.

³ *Малахов В.* Скромное обаяние расизма. М., 2001. С. 106.

⁴ *Золотарева М.В.* Федерация в России: проблемы и перспективы. М., 1999. С. 11.

⁵ Библиографический указатель, являющийся, фактически, приложением к этой книге, опубликован отдельным изданием. См.: Постсоветская этнофедералистика. Библиографический указатель. - Сост. В.Р. Филиппов. М., 2002.

⁶ Интервью с профессором В. Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4 (16). С. 25.